

ISSN 2542-0488 (Print) • ISSN 2541-7983 (Online)

Т. 11, № 3 • 2026

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия Общество. История.
Современность

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series Society. History.
Modernity

ИСТОРИЯ HISTORY

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

ЭКОНОМИКА ECONOMY

ISSN 2542-0488 (Print)

ISSN 2541-7983 (Online)

<https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3>

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
Серия «Общество. История. Современность»

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN.
Series “Society. History. Modernity”

ТОМ 11, № 3. 2026

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный технический университет»

Founder and publisher:
Omsk State Technical University

Адрес учредителя и редакции:
644050, пр. Мира, д. 11
Тел.: +7 (3812) 65-34-07, 65-32-08

Founder and editorial address:
11, Mira Ave., 644050, Omsk, Russia
Tel.: +7 (3812) 65-34-07, 65-32-08

Страница журнала на сайте учредителя:
https://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/

Journal page on the founder's Website:
https://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/

Сайт журнала: <https://ois.omgtu.ru>

Journal Website: <https://ois.omgtu.ru>

Периодичность: 4 номера в год
Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.

Periodicity: Quarterly
Certificate
PI No. TU55-00555. 29.03.2017

ois.omgtu.ru

onv@omgtu.ru

© ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет», 2026

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Право на оригинал-макет и оформление принадлежит учредителю журнала,
авторское право на статьи — авторам

Главный редактор

Нехаев Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень; Омский государственный технический университет, Омск, SPIN-код: 5844-9381, <https://orcid.org/0000-0003-1358-743X>

Заместитель главного редактора

Сушко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный технический университет, Омск; Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, SPIN-код: 6496-4278, <https://orcid.org/0000-0002-6703-8535>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авилов Роман Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Владивосток, SPIN-код: 5219-3501, <https://orcid.org/0009-0007-7219-3939>

Барышников Павел Николаевич, доктор философских наук, доцент, Пятигорский государственный университет, Пятигорск, SPIN-код: 5932-8293, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6698>

Борисов Евгений Васильевич, доктор философских наук, доцент, Томский государственный университет, Томск, SPIN-код: 6061-9186, <https://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль, <https://orcid.org/0000-0002-4766-5312>

Гаккуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Москва, SPIN-код: 3803-4060, <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

Дидикин Антон Борисович, доктор философских наук, кандидат юридических наук, «Университет КАЗГУУ имени М.С. Нарикбаева», Астана, Республика Казахстан, SPIN-код: 4897-4450, <https://orcid.org/0000-0003-0808-8900>

Калинина Ольга Владимировна, доктор экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, SPIN-код: 5725-5997, <https://orcid.org/0000-0002-4617-2823>

Ковалев Василий Александрович, доктор экономических наук, доцент, Омский государственный технический университет, Омск, SPIN-код: 4734-4950, <https://orcid.org/0000-0001-6694-2525>

Кочнев Роман Леонидович, кандидат философских наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, SPIN-код: 7887-8053, <https://orcid.org/0000-0001-9064-1175>

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 3221-2527, <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

Кулинок Святослав Валентинович, кандидат исторических наук, Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь, SPIN-код: 5602-8275

Ладов Всеволод Адольфович, доктор философских наук, доцент, Томский научный центр СО РАН, Томск, SPIN-код: 2077-1772, <https://orcid.org/0000-0002-9281-3150>

Chief Editor

Andrei V. Nekhaev, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen; Omsk State Technical University, Omsk, SPIN-code: 5844-9381, <https://orcid.org/0000-0003-1358-743X>

Deputy Chief Editor

Aleksey V. Sushko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State Technical University, Omsk; Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, SPIN-code: 6496-4278, <https://orcid.org/0000-0002-6703-8535>

EDITORIAL BOARD

Roman S. Avilov, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, SPIN-code: 5219-3501, <https://orcid.org/0009-0007-7219-3939>

Pavel N. Baryshnikov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, SPIN-code: 5932-8293, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6698>

Borisov E. Vasilievich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Tomsk State University, Tomsk, SPIN-code: 6061-9186, <https://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

Irena Vladimirska, Doctor of Historical Sciences, Professor, Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel, <https://orcid.org/0000-0002-4766-5312>

Ruslan G. Gagkuev, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History of RAS, Moscow, SPIN-code: 3803-4060, <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

Anton B. Didikin, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law, M. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Republic of Kazakhstan, SPIN-code: 4897-4450, <https://orcid.org/0000-0003-0808-8900>

Olga V. Kalinina, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, SPIN-code: 5725-5997, <https://orcid.org/0000-0002-4617-2823>

Vasiliy A. Kovalev, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Omsk State Technical University, Omsk, SPIN-code: 4734-4950, <https://orcid.org/0000-0001-6694-2525>

Roman L. Kochnev, Candidate of Philosophical Sciences, University of Tyumen, Tyumen, SPIN-code: 7887-8053, <https://orcid.org/0000-0001-9064-1175>

Mariia V. Krotova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, SPIN-code: 3221-2527, <https://orcid.org/0000-0001-7948-0251>

Svyatoslav V. Kulinok, Candidate of Historical Sciences, The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, SPIN-code: 5602-8275

Vsevolod A. Ladov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, SPIN-code: 2077-1772, <https://orcid.org/0000-0002-9281-3150>

Мячин Юрий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 3157-9570

Новиков Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, SPIN-код: 7226-1354

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, Омск, SPIN-код: 9987-3347, <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 9722-4267, <https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Растова Юлия Ивановна, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 5375-2728, <https://orcid.org/0000-0002-3101-7388>

Турсунов Турсунмурод Худоймуродович, доктор исторических наук, профессор, Таджикский национальный университет, Душанбе, Республика Таджикистан, SPIN-код: 4517-4741, <https://orcid.org/0009-0002-7335-497X>

Фоменков Артем Александрович, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, SPIN-код: 7240-4777

Харченко Лариса Павловна, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, SPIN-код: 6018-9342, <https://orcid.org/0000-0003-3872-359X>

Шевцов Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, доцент, Томский государственный университет, Томск, SPIN-код: 7670-3168, <https://orcid.org/0000-0002-6144-5578>

Яковлева Елена Владимировна, доктор экономических наук, доцент, Омский государственный технический университет, Омск, SPIN-код: 1581-2810, <https://orcid.org/0000-0001-5158-3574>

Yuriy V. Myachin, Doctor of Economic Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, SPIN-code: 3157-9570

Sergey V. Novikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, SPIN-code: 7226-1354

Dmitry I. Petin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Historical Archive of Omsk Region, Omsk, SPIN-code: 9987-3347, <https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

Aleksandr S. Puchenkov, Doctor of Historical Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, SPIN-code: 9722-4267, <https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Yuliya I. Rastova, Doctor of Economic Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, SPIN-code: 5375-2728, <https://orcid.org/0000-0002-3101-7388>

Tursunmurod Kh. Tursunov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tajik National University, Dushanbe. Republic of Tajikistan, SPIN-code: 4517-4741, <https://orcid.org/0009-0002-7335-497X>

Artem A. Fomenkov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, SPIN-code: 7240-4777

Larisa P. Kharchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, SPIN-code: 6018-9342, <https://orcid.org/0000-0003-3872-359X>

Vyacheslav V. Shevtsov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Tomsk State University, Tomsk, SPIN-code: 7670-3168, <https://orcid.org/0000-0002-6144-5578>

Elena V. Yakovleva, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Omsk State Technical University, Omsk, SPIN-code: 1581-2810, <https://orcid.org/0000-0001-5158-3574>

РЕДАКЦИЯ

Кенжалинова Наталья Валерьевна, начальник отдела
Семенова Мария Валерьевна, инженер
Юрчук Ольга Николаевна, инженер
Семина Татьяна Петровна, редактор

Контакты:
644050, г. Омск, пр. Мира, 11, корпус № 6, каб. 424
Тел./факс +7 (3812) 65-32-08
E-mail: onv@omgtu.ru

EDITORIAL STAFF

Natalia V. Kenzhalinova, Head of the Department
Maria V. Semenova, Engineer
Olga N. Yurchuk, Engineer
Tatyana P. Semina, Editor

Contacts:
11, Mira Ave., bld. 6, 424 room, 644050, Omsk, Russia
Tel.: +7 (3812) 65-32-08
E-mail: onv@omgtu.ru

Поступившие в редакцию материалы не возвращаются. Гонорары не выплачиваются. Все статьи публикуются бесплатно.

Подписано к печати 24.09.2026. Дата выхода в свет 29.09.2026. Формат бумаги 60x84 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,04. Тираж 500 экз. Заказ 95. Цена свободная

Received materials are not returned. Fees are not paid. All articles are published free of charge.

Signed to print on 24.09.2026. Date of publication 29.09.2026. Format is 60x84 1/8.
Offset printing. 16.04 printed sheets. 500 copies. Order No. 95. Free price

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Д. И. Попов.** Государственная регламентация деятельности публичных библиотек в России в конце XIX — начале XX вв. 6
- А. Н. Стеблянская, Я. Ю. Ефременко, Ж. Чэнь.** Советское влияние на высшее образование КНР на примере хэйлунцзянского университета 15
- М. С. Новиков.** Из истории развития российского федерализма: на пути к «тюменской матрешке» 24
- И. В. Орлова.** Учет и врачебно-санитарный надзор за проституцией в Восточной Сибири (конец XIX — начало XX вв.) 36
- Л. И. Келлер.** Региональные государственные архивы Омского региона и краеведческий процесс в конце XX — начале XXI вв. 43
- Р. Н.-О. Керимли, А. А. Фоменков.** Особенности выборов последнего областного Совета народных депутатов в Горьковской области 52

Имя в истории

- И. З. Нафиков.** Проблема национально-конфессиональной идентичности татар в трудах Ризаэтдина Фахреддина в контексте общественно-философской мысли (конец XIX — начало XX вв.) 58

Nota Bene

- М. А. Князев.** Малоизвестные страницы белогвардейского следствия по делу об убийстве Николая II и его семьи: заметки на полях монографии Л. А. Лыковой и А. Б. Мощанского 64

ФИЛОСОФИЯ

- И. Н. Нехаева.** Нормативность и искусство 70

Позиции и А-позиции

- С. Иглесиас, Б. Д. Йорп, К. Войнеа [и др.].** Цифровые двойники и продление жизни: что по-настоящему важно? = Iglesias S., Earp B. D., Voinea C. [et al.]. Digital Doppelgängers and Lifespan Extension: What Matters?/ пер. с англ. А. В. Антипова 80
- А. В. Антипов.** Использование цифровых двойников: этические и биоэтические перспективы 96

Критики и реплики

- А. Г. Андрушкевич.** Критика ландшафтной детерминации философских традиций 104
- О. А. Казанцев.** Всё ли учитывают критики Дж. Сёрла при выходе из 'Китайской комнаты'? 110

ЭКОНОМИКА

- А. Е. Миллер, Д. О. Дроздов.** Системообразующие элементы научно-технологического развития промышленных регионов 121
- Е. А. Степашкина, Е. И. Александрова.** Ключевые направления управленческой деятельности в университетах и научных организациях в контексте разработки профилей надпрофессиональных компетенций 131

CONTENTS

HISTORY

- D. I. Popov.** State regulation of public libraries activities in Russia in the late 19th and early 20th centuries 6
- A. N. Steblyanskaya, Ya. Yu. Efremenko, J. Chen.** Soviet influence on higher education in China: A case study of Heilongjiang University 15
- M. S. Novikov.** From the history of Russian federalism: on the path to the "Tyumen matryoshka" 24
- I. V. Orlova.** Registration and medical-sanitary supervision of prostitution in Eastern Siberia (late 19th – early 20th centuries) 36
- L. I. Keller.** Regional state archives of the Omsk region and the local history process in the late 20th – early 21st centuries 43
- R. N.-O. Kerimli, A. A. Fomenkov.** Features of the elections to the last regional council of people's deputies of the Gorky Region 52

History Name

- I. Z. Nafikov.** Problem of the national-religious identity of Tatars in the works of Rizaetdin Fakhretdin within the context of socio-philosophical thought (late 19th – early 20th centuries) 58

Nota Bene

- M. A. Knyazev.** Obscure pages of the White Guard investigation into the murder of Nikolay II and his family: Notes in the margins of the monograph by L. A. Lykova and A. B. Moshchansky 64

PHILOSOPHY

- I. N. Nekhaeva.** Normativity and art 70

Pros and Cons

- S. Iglesias, B. D. Earp, C. Voinea, S. P. Mann, A. Zahiu, N. S. Jecker, J. Savulescu.** Digital Doppelgängers and Lifespan Extension: What Matters? / trans. from Engl. A. V. Antipov 80
- A. V. Antipov.** Use of digital twins: Ethical and bioethical perspectives 96

Critical Notices and Comments

- A. G. Andrushkevich.** Critique of landscape determinism for philosophical traditions 104
- O. A. Kazantsev.** Do the critics of J. Searle take everything into account when leaving the Chinese Room? 110

ECONOMY

- A. E. Miller, D. O. Drozdov.** System-forming elements of scientific and technological development in industrial regions 121
- E. A. Stepashkina, E. I. Aleksandrova.** Key areas of management activities in universities and scientific organizations in the context of developing profiles of soft skills 131

УДК/UDC 930+027.4:021.89(47)

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-6-14>

EDN: XWJVMN

Научная статья / Original article

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК В РОССИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.

Д. И. Попов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55А

 55popov@mail.ru

В статье раскрывается эволюция государственной регламентации деятельности публичных библиотек в России в конце XIX — начале XX вв. Материалом исследования послужили законодательные акты Российской империи, подзаконные акты министерств и ведомств, регламентирующие деятельность публичных библиотек, документы делопроизводства центральных и местных органов государственной власти, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Российской Федерации, а также государственных архивах Иркутской, Томской областей и Красноярского края, уставы публичных библиотек, материалы периодической печати.

Методологическую основу работы составил проблемно-хронологический метод, позволивший выявить закономерности развития библиотечного законодательства с учётом изменений общественно-политических условий в Российской империи на различных этапах её истории. Историко-генетический метод позволил установить причинно-следственные связи и проследить эволюцию правительственной политики в отношении публичных библиотек в конце XIX—начале XX вв. В статье показано, что правовое поле, в котором функционировали публичные библиотеки, сочетало меры государственного стимулирования общественной активности в данной сфере с охранительными механизмами.

Предоставление публичным библиотекам статуса юридического лица и упрощение порядка их открытия способствовали расширению организационной самостоятельности этих учреждений и их интеграции в культурно-образовательное пространство России. В то же время отмена предварительной цензуры в годы Первой русской революции не привела к реальному ослаблению административно-полицейского надзора: правоприменительная практика на местах опиралась преимущественно на ведомственные предписания, а не на формально-правовые нормы. Стремясь контролировать механизмы формирования общественного мнения и не допускать политизации населения, власти ограничивали содержательное многообразие массового книжного чтения и, следовательно, просветительскую функцию библиотек.

Ключевые слова: общественная инициатива, публичные библиотеки, государственная регламентация, законодательство, охранительная политика, цензура

Для цитирования: Попов Д. И. Государственная регламентация деятельности публичных библиотек в России в конце XIX—начале XX вв. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 6—14. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-6-14>. EDN: XWJVMN.

© Попов Д. И., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

STATE REGULATION OF PUBLIC LIBRARIES ACTIVITIES IN RUSSIA IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

D. I. Popov

Dostoevsky Omsk State University,
Mira Ave., 55A, Omsk, 644077, Russia

 55popov@mail.ru

The article examines the evolution of state regulation of public libraries in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. The research corpus comprises legislative acts of the Russian Empire, departmental regulations governing public library operations, and office correspondence from central and regional government bodies. These documents are preserved in the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation, and the state archives of Irkutsk, Tomsk, and Krasnoyarsk regions. The source base is further supplemented by statutes of public libraries and periodicals.

Methodologically, the research relies on the problem-chronological approach, enabling the identification of consistent patterns in the evolution of library law with due regard for shifts in the sociopolitical environment across different periods of the Russian Empire's history. Additionally, the application of the historical-genetic method facilitated the establishment of causal links and traced the transformation of state policy regarding public libraries during the late 19th and early 20th centuries. The article demonstrates that the legal framework within which public libraries operated combined elements of governmental encouragement of civic activity with mechanisms of censorship and police oversight.

Granting public libraries the status of a legal entity and simplifying their opening procedures facilitated the expansion of these institutions' organizational autonomy and their integration into Russia's cultural and educational space. At the same time, the abolition of preliminary censorship during the years of the First Russian Revolution did not lead to a real weakening of administrative-police supervision: law enforcement practice on the ground relied primarily on departmental directives rather than formal-legal norms. This led to systematic restrictions on readers' access to legally published books and periodicals. The repressive and protective component of the authorities' library policy significantly limited the substantive diversity of mass reading and, consequently, the educational function of libraries.

Keywords: public initiative, public libraries, state regulation, legislation, protective policy, censorship

For citation: Popov D. I. State regulation of public libraries activities in Russia in the late 19th and early 20th centuries. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(3):6–14. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-6-14>. EDN: XWJVMN. (In Russ.).

© Popov D. I., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

В ходе модернизационных преобразований второй половины XIX — начала XX вв. в России утвердилось общество нового типа, ориентированное на образовательный и профессиональный рост личности, её культурное развитие и активное участие в общественной жизни. «Малограмотная страна с чрезвычайной энергией бросилась к обучению, образованию и самообразованию. Поэтому читающая публика растёт в числе не по дням, а по часам», — отмечал журнал «Вестник Европы» [1, с. 372]. Охватив все слои российского общества, чтение книг и газет, по словам современников, переросло в «читательскую лихорадку» [2, с. 245]. В начале XX в. Российская империя стала мировым лидером по количеству печатной продукции на душу населения [3, с. 20].

Увеличение познавательных и культурных запросов населения способствовало развитию средств получения информации, повышению его образовательного уровня, организации досуга. Существенную роль среди культурно-образовательных учреждений играли библиотеки, на рубеже XIX — XX вв.

ставшие неотъемлемым элементом социокультурной среды не только столичных городов, но и российской провинции. «Грамотность разлилась такой широкой волной, что нельзя отказать народу в средствах упорчить и расширить приобретённые знания», — писал в 1901 г. журнал «Вестник Европы», призывая общественность к совместной деятельности в культурно-образовательной сфере [4, с. 370].

Усилия государственной власти по развитию библиотечного дела в России сводились в основном к созданию и поддержке библиотек при учебных заведениях. Министерство народного просвещения (далее — МНП) констатировало ограниченность возможностей государства в удовлетворении читательских потребностей населения империи. В 1908 г. министр народного просвещения А. Н. Шварц подчеркнул особое значение инициативы «снизу» в организации библиотек, острая нехватка которых ощущалась повсеместно [5, л. 4 об. — 5].

Выразив готовность привлекать общественность к решению наиболее острых социокультурных проблем, государственная власть оказала её просветительным инициативам ограниченную поддержку.

Легализация публичных библиотек в эпоху Великих реформ способствовала их включению в культурно-образовательное пространство Российской империи. В пореформенный период учреждение и функционирование публичных библиотек стало предметом государственной регламентации и бюрократического контроля. Правительство и коронная администрация на местах в целом положительно оценивали практику открытия библиотек силами общественности и создавали для их деятельности относительно благоприятные правовые и организационные условия. Однако в условиях глубоких социально-политических трансформаций конца XIX — начала XX вв. государственная библиотечная политика в России приобрела качественно новые черты и глубоко противоречивый характер.

Цель статьи — определить задачи и раскрыть содержание государственной регламентации создания и деятельности публичных библиотек в Российской империи в конце XIX — начале XX вв.

Специфика развития институтов гражданского общества на современном этапе российской истории актуализирует наши размышления об историческом прошлом. Обращение к опыту государственной регламентации публичных библиотек в Российской империи представляется значимым в контексте современных дискуссий о балансе между государственным контролем и свободой общественной инициативы в культурно-образовательной сфере. Данное исследование позволяет выявить эффективные механизмы взаимодействия власти и общества в развитии культурных институтов, что имеет практическую значимость для совершенствования современной библиотечной политики. Сложившийся в дореволюционной России тип общественных библиотек может быть востребован в наши дни.

Обращаясь к историографическому обзору, отметим, что имеющиеся исследования дают лишь частичное представление о заявленной проблемной области. Историками накоплен солидный фактический материал, позволивший выявить механизмы и закономерности библиотечного строительства в России [6, 7], раскрыть содержание инициатив общественности в этой сфере [8–10]. Правовое регулирование деятельности отдельных типов библиотек также стало предметом научного анализа [11–14]. В центре внимания исследователей оказались преимущественно народные общедоступные библиотеки. В то же время научные знания о государственной регламентации публичных библиотек, открытие которых в конце XIX — начале XX вв. являлось важным направлением работы органов городского самоуправления и просветительных обществ, до сих пор остаются фрагментарными. Историками лишь частично раскрыты внутренние противоречия модели, сочетавшей государственную поддержку общественной инициативы и одновременно жесткий полицейско-охранительный надзор над библиотеками. Правоприменительная практика также недостаточно освещена в работах отечественных исследователей.

Основная часть

Сложившееся к концу XIX — началу XX вв. библиотечное законодательство классифицировало общественные библиотеки по критерию их общедоступности. Лежавшие в его основе охранительные задачи были сформулированы в докладной записке, направленной в 1866 г. министром на-

родного просвещения Д. А. Толстым императору Александру II. Министр указывал, что «надзор за книгами ... должен руководствоваться не сообщением только о том, в какой мере эти произведения удовлетворяют требованиям общей цензуры, но прежде всего вопросом о пригодности их именно для того класса людей, которому они посвящаются» [15, с. 41]. Решая задачи «ограждения простого народа от злонамеренно распространяемых путём печати лжеучений» [15, с. 54], государственная власть законодательным путём выделила два типа общественных библиотек — библиотеки, ограничивавшие всеобщий доступ к своим книжным фондам, и общедоступные библиотеки. Для каждого типа библиотек была создана своя система правовой и административной регламентации, направленная на дифференциацию форм общественного доступа к чтению, определявшая порядок их открытия, комплектования фондов, а также механизм надзора со стороны административных и правоохранительных органов. Эта система отразила стремление государства сочетать задачи поддержки библиотечных инициатив общественности с охранительными функциями цензурно-полицейского характера.

Особый тип общественных библиотек представляли публичные библиотеки, располагавшие универсальными книжными фондами и ориентированные на образованных и материально обеспеченных горожан. Ограничение круга читателей обеспечивалось путём взимания абонентской платы, залогов за выдаваемые на дом книги, а также наличием в книгохранилищах небольшого числа изданий, предназначенных для «простонародного чтения». С правовой точки зрения публичные библиотеки являлись общественными организациями, деятельность которых регулировалась уставными нормами [16–18]. Если до 1890-х г. публичные библиотеки учреждались преимущественно культурно-просветительными организациями, то на рубеже веков ведущая роль в их создании перешла органам городского самоуправления.

С точки зрения оборота (приобретения, хранения, распространения) печатных изданий близкий к публичным библиотекам статус имели книжные склады. Учрежденные просветительными организациями или городским самоуправлением они использовались как для комплектования фондов публичных библиотек, так и для прямой продажи книг населению.

Закон о цензуре 1865 г. закрепил разрешительный порядок открытия публичных библиотек, наделив соответствующими полномочиями губернаторов как глав коронной администрации на местах. Книжные фонды, согласно закону, могли комплектоваться всеми изданиями, прошедшими государственную цензуру [19, с. 401, 404]. В 1884 г. эти нормы были дополнены «Временными правилами», утверждёнными императором Александром III. Министру внутренних дел предписывалось «указывать местным начальствам те произведения печати, которые не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках» [20, с. 3]. Главное управление по делам печати совместно с Департаментом полиции регулярно рассылало в губернии «Алфавитный список сочинений, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» [21]; обязывая руководителей библиотек не разглашать содержание этого документа [22, с. 33]. Таким образом, власти выделили категорию книг, одобренных цензурными органами и находив-

шихся в свободной продаже, но запрещённых для публичных библиотек.

«Временные правила» ужесточили требования к учредителям и руководителям публичных библиотек, тщательная проверка политической благонадёжности которых возлагалась на губернаторов. Последние получили право «своей властью устранять из библиотек» служащих, скомпрометированных в политическом отношении. Для замены заведующих библиотеками также требовалась санкция губернского начальства. Глава полицейского ведомства «в случае признанной в том необходимости» мог закрывать публичные библиотеки в административном порядке, не обращаясь в судебные органы [20, с. 3].

Схожий с публичными библиотеками правовой статус имели корпоративные библиотеки, являвшиеся структурными подразделениями общественных организаций — культурно- и научно-просветительных, литературно-музыкальных, художественных, а также созданных по интересам или профессиональной принадлежности их членов. Такие библиотеки также попадали под действие Закона о цензуре 1865 г., однако формировали не универсальные, а специализированные книжные фонды. Самостоятельным юридическим лицом корпоративные библиотеки не являлись и действовали на основании уставов общественных организаций, их учредивших [23, с. 3; 24, с. 3; 25, с. 2]. Состав читателей определялся специальными правилами и, как правило, ограничивался членами общественной организации — учредителя библиотеки.

Таким образом, публичные и корпоративные библиотеки допускали пользование своими фондами лишь при соблюдении определённых требований (членства в общественной организации, приобретения абонемента и т. п.). Это отличало их от народных библиотек, представлявших собой тип бесплатной общедоступной библиотеки. Распространение в 1870-х—1890-х гг. народных библиотек отражало стремление учредителей — культурно-просветительных организаций и земских управ распространить библиотечное обслуживание на непривилегированные сословия, лишённые возможности пользоваться услугами публичных библиотек. Утверждённые Министерством внутренних дел в 1890 г. «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними» (далее — Правила 1890 г.) включили в сферу своего регулирования «открываемые для бесплатного пользования книгами заведения, под каким бы названием они не существовали и кем бы ни были учреждаемы» [26]. В итоге народные библиотеки, ранее находившиеся, как и другие общественные библиотеки, под действием Закона о цензуре 1865 г. и Временных правил 1884 г., были выделены в особый объект правового регулирования.

Этот охранительно-запретительный компонент библиотечной политики правительства подвергся острой критике со стороны общественности и стал одним из факторов роста протестных настроений в российском социуме. Например, журнал «Северный вестник», характеризуя библиотечное законодательство конца XIX в., отмечал, что установленные властями «различия между взрослыми людьми в зависимости от того, к какому классу общества — привилегированному или непривилегированному — к «обществу» или «народу» — они принадлежат, ... противоречат нашим основным законам, которые после реформы 19 февраля признали равно-

правность всех русских подданных перед законом, признали народ не нуждающимся ни в какой специально для него только назначенной опеке» [27, с. 258—259].

Результатом обострения социально-политических противоречий в начале XX в. стала Первая русская революция, отразившая общественный запрос на преобразования в культурно-образовательной сфере. Широкое распространение получили требования демократизации образования и культуры, ослабления государственного контроля над ними. Участники революционного движения заявляли о необходимости превращения библиотек в действительно общедоступные центры народного просвещения, открытые для всех слоёв общества вне сословных и имущественных ограничений.

Революционные выступления сопровождались взрывным ростом издательской деятельности, заметным усилением политического содержания печатной продукции, что привело к фактическому параличу органов цензурного надзора. Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил в Российской империи свободу слова [28], что предполагало отмену или пересмотр правовых актов, устанавливавших цензуру и регламентировавших деятельность цензурного ведомства. 26 апреля 1906 г. взамен утратившего силу Закона о цензуре 1865 г. император Николай II утвердил Временные правила для неповременной печати, отменявшие институт предварительной цензуры и устанавливавшие судебный порядок привлечения издателей и редакторов к ответственности за публикации, нарушающие закон [29, с. 482]. Таким образом, исчезли правовые основания для запрета комплектовать фонды публичных библиотек изданиями, перечисленными в «Алфавитном указателе». Последний перед революцией 1905—1907 гг. такой список был опубликован властями в 1903 г. [21]. Он включал 193 наименования книг и 10 наименований периодической печати. В начале 1905 г. МВД подготовило новое издание «Алфавитного указателя», существенно расширившее перечень запрещённой литературы. Однако провозглашение Манифестом 17 октября 1905 г. свободы слова обесценило его нормативное значение. Пролежав два года в типографии, набор «Алфавитного указателя» был разобран [30, с. 7].

Официально нормы «Временных правил» 1884 г., регулировавшие правовой статус «Алфавитных указателей», были отменены в 1907 г. циркуляром министра внутренних дел П. А. Столыпина. «После возведения Высочайшими манифестами новых религиозных и гражданских правовых норм не имеется оснований и государственный надобности ставить ограничения распространению сочинений», — говорилось в этом документе. Фонды публичных библиотек, согласно циркуляру, отныне могли комплектоваться всеми «произведениями печати, которые не воспрещены вообще к обращению в империи» [31, с. 576].

Законодательные реформы периода Первой русской революции, ослабив прежние ограничения на доступ населения к изданиям общественно-политического и экономического характера, способствовали демократизации библиотечной деятельности. Ещё до формальной отмены «Алфавитных указателей» публичные библиотеки на местах явочным порядком воспользовались свободой выбора книг и периодических изданий для своих фондов. В частности, в каталоге публичной библиотеки Омского общества попечения о начальном образовании, опу-

бликованном в 1906 г., были представлены произведения А. Бебеля, Э. Бернштейна, А. А. Богданова, Ж. Жореса, К. Каутского, Ф. Лассалья, П. Лафарга, А. В. Луначарского, В. И. Ленина, К. Либкнехта, К. Маркса, Ф. Энгельса и других представителей социалистической мысли [32]. В 1905–1906 гг. издания, ранее входившие в «Алфавитный указатель», также приобретались книжным складом Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии [33, с. 17]. Журнал «Сибирские вопросы» отмечал, что «эти книги присылались из Европейской России с декабря 1905 г. совершенно открыто, по почте, от разрешённых книгоиздательств, объявления о них печатались в газетах». Иркутская администрация, по сообщению журнала, самоустранилась, отказавшись оценивать эти издания на предмет их «преступности» [33, с. 17].

Растерянность властей может быть объяснена правовой неопределённостью, возникшей после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. В России, по словам современников, наступил «медовый месяц свободы печати» [34, с. 191], когда книгоиздательства свободно публиковали и распространяли книги, ранее запрещённые цензурой. Отсутствие новых изданий «Алфавитного указателя» в 1905 г., а затем и в 1906 г. лишь усугубляло сложившуюся неопределённость. В этой связи показательным является датированный 1906 г. запрос курского губернатора В. М. Борзенко в Главное управление по делам печати: «За неимением прежних и новейших списков запрещённых изданий ... прошу Главное управление выслать мне означенные списки и полные каталоги запрещённых к обращению в библиотеках и читальнях изданий и разъяснить, как поступать с появившимися изданиями, не бывшими на рассмотрении цензуры» [35, л. 39]. Ещё более показательным является ответ высшей цензурной инстанции, уведомившей главу Курской губернии об отсутствии нового запретительного каталога.

Ситуация неопределённости завершилась в 1907–1908 гг. с наступлением правительственной реакции. Несмотря на официальную отмену «Алфавитных указателей» и разрешение комплектовать публичные библиотеки «всеми не запрещёнными произведениями печати», чиновники на местах вернулись к практике административных ограничений и полицейского надзора за библиотечными фондами. В 1907 г. журнал «Для народного учителя», характеризуя правоприменительную практику, отмечал, что «учебные и полицейские власти требуют изъятия из обращения в магазине или библиотеке книг, на которых не значится “Дозволено цензурой”» [36]. В марте 1908 г. Департамент полиции МВД специальным циркуляром потребовал от губернаторов вести особое наблюдение за библиотеками в целях «воспрепятствования проникновению в таковые тенденциозной литературы» [37, л. 1]. В другом циркуляре директор Департамента полиции М. И. Трубевиц дал губернаторам прямое указание «принимать решительные меры вплоть до закрытия обществ» в случае их «обращения в сторону политической агитации и пропаганды» [38, л. 4–6].

Подобные указания «сверху» объясняют, почему охранительная политика местных властей нередко принимала откровенно репрессивный характер. В частности, в октябре 1908 г. генерал-губернатор Степного края Е. О. Шмидт закрыл в административном порядке Омское общество попечения

о начальном образовании. Основанием для этого решения стали результаты обыска, проведённого Омским жандармским управлением в Общественной городской библиотеке. Согласно докладной записке, направленной главой омских жандармов в Департамент полиции, в ходе обыска «в библиотеке общества была найдена нелегальная литература, которая, судя по истрёпанным переплётам книг, бралась и читалась публикой» [39, л. 2]. Отметим, что издания, признанные жандармским руководством крамольными, были указаны в библиотечном каталоге, изданном в 1906 г. в типографии Акмолинского областного правления, имевшем цензурный гриф «печатать разрешено» и свободно распространявшемся членами Общества попечения о начальном образовании [32].

В 1908 г. власти запретили деятельность Енисейского общества попечения о начальном образовании, обвинив его в «распространении в большом количестве преступных нелегальных изданий посредством книжного склада» [40, с. 66]. Журнал «Сибирские вопросы», характеризуя закрытие общества, отмечал, что эти издания «два года тому назад свободно выходили в Москве, Петербурге и других городах, где имеются целые цензурные комитеты, и вдруг теперь власти спохватились и ... стали преследовать за книжки, которые раньше преследованиям не подвергались. Таково одно из благ “конституционного строя”» [40, с. 66–67]. В рассматриваемый период в Сибири обыски в общественных библиотеках и книжных складах стали рядовым явлением. Так, об обнаружении запрещённой литературы сообщалось в жандармских донесениях, составленных после обысков в Канской городской публичной библиотеке, книжных складах красноярского и минусинского обществ попечения о начальном образовании, а также в книжном складе и библиотеке Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии и т. д. [41, л. 1–2; 42, л. 10; 43, л. 2; 44, л. 3, 6–7, 40]. Последнее общество после проведённого обыска было закрыто министром внутренних дел за «вредную в политическом отношении деятельность» [45, л. 6]. Обыск в Троицкосавской публичной библиотеке результатов не дал, однако крамольная литература была обнаружена на дому у одной из библиотечек [46, с. 8].

Отсутствие чётких юридически закреплённых норм, регулирующих признание тех или иных изданий запрещёнными, существенно усугубляло и без того непростые отношения властей и сотрудников библиотек. В ряде случаев среди изъятых в ходе обысков изданий действительно обнаруживалась литература революционного содержания. Однако основную часть конфискованного составляли отнюдь не крамольные произведения, а книги и периодические издания, вышедшие в свет после отмены предварительной цензуры и свободно продававшиеся в книжных магазинах как столичных, так и провинциальных городов. Например, в 1912 г. во Владивостокской городской общественной библиотеке им. Н. В. Гоголя по указанию военного губернатора Приморской области М. М. Манакина состоялся обыск, длившийся десять дней. В ходе ревизии фондов было изъято около семисот экземпляров печатных изданий, среди которых значилась не только «тенденциозно-революционная литература», но и значительное число книг по т. н. «специальным вопросам»: аграрному, социально-экономическому и правовому [47, с. 141–142].

Правоприменительная практика свидетельствует о том, в действиях коронной администрации нередко преобладал административно-полицейский, а не формально-правовой подход к регулированию деятельности публичных библиотек и общественных книжных складов. Отмена запретительных списков далеко не всегда открывала читателям реальный доступ к легально опубликованным изданиям. «Упразднённая законом цензура во многих местах провинции контрабандным путём, через полицию, вернулась на прежнее место и делает своё деморализующее дело» — отмечал в журнале «Вестник Европы» общественный деятель, депутат I Государственной думы И. В. Жилкин. «Ограждает администрация, конечно, не общественное спокойствие, а собственное, и тем самым бросает в население семена недовольства и раздражения, которые рано или поздно должны дать беспокойные всходы» — подчёркивал автор [1, с. 351, 359].

В годы нового подъёма общественного движения обыски с последующим изъятием из публичных библиотек крамольной, по мнению местных властей, литературы приобрели весьма широкие масштабы. Поэтому МВД приняло решение внести ясность в вопрос о том, какие книги должны изыматься из библиотек. В 1912 г. министр внутренних дел поручил Главному управлению по делам печати составить список «таких произведений печати, которые хотя и не поддаются инкриминированию на почве уголовных законов, тем не менее отличаются крайне тенденциозным вредным содержанием с тем, чтобы произведения такого рода не были допускаемы к обращению в публичных библиотеках во всех местностях» [48, л. 41]. В 1914 г. Главное управление по делам печати опубликовало новое издание «Алфавитного списка», ставшее самым обширным за всю его историю и включавшее 450 наименований книг [49]. Среди них было немало изданий, легально обращавшихся на книжном рынке и приобретавшихся в фонды государственных, академических и частных библиотек [8, с. 31–32].

Отпечатанный типографским способом «Алфавитный список» распространялся среди чиновников полицейского ведомства, по долгу службы призванных осуществлять надзор за публичными библиотеками. В свою очередь они знакомили с содержанием этого документа заведующих библиотек. Так, в 1916 г. в ходе ревизии книжных фондов Барнаульской и Бийской городских общественных библиотек, а также библиотеки Барнаульского общества попечения о начальном образовании инспектор по делам печати С. Л. Лаврентьев, обнаружив хранение запрещённых изданий, ознакомил библиотекарей с «Алфавитным списком» [50, с. 104].

Выводы

Модернизационные преобразования в Российской империи дали мощный импульс развитию общественной самоорганизации в библиотечной сфере, открыв новые возможности для её проявления. Атрибутами общественной жизни как столичных городов, так и российской провинции стали публичные библиотеки, выполнявшие досуговые, информационные, образовательные функции, расширявшие интеллектуальный багаж читателей. Возрастание роли публичных библиотек в общественной жизни нашло отражение в содержании культурно-образовательной политики правительства, в рамках которой государственная поддержка общественной инициативы сочеталась с установ-

лением нормативных и административных правил создания и функционирования библиотек.

В конце XIX — начале XX вв. государственная регламентация работы публичных библиотек в России носила глубоко противоречивый характер. Правовое поле, в котором функционировал этот тип библиотек, сочетало элементы государственного стимулирования общественной активности с механизмами цензурно-полицейского контроля. С одной стороны, власть признавала значимость инициатив общественности в библиотечном деле и оказывала им ограниченную поддержку. Легализация публичных библиотек, получивших статус юридических лиц и действовавших на основании утверждённых властями уставов, способствовала их включению в культурно-образовательное пространство Российской империи. Рядом законодательных и подзаконных актов был существенно упрощён механизм открытия новых библиотек, обеспечена их внутренняя организационная автономия. С другой стороны, охранительные установки правительства, стремившегося контролировать механизмы формирования общественного мнения и не допускать политизации населения страны, обусловили установление цензурного и административного надзора над книжными фондами публичных библиотек. Эти противоречия существенным образом влияли на развитие публичных библиотек и определяли специфику библиотечного строительства в переломную эпоху российской истории.

Ликвидация предварительной цензуры в годы Первой русской революции, как и отмена министерских «Алфавитных списков», создали предпосылки для демократизации библиотечной сферы, однако не привели к реальному ослаблению административно-полицейского надзора. Правоприменительная практика на местах свидетельствует о том, что чиновники опирались не столько на формально-правовые нормы, сколько на ведомственные циркуляры и собственные представления о крамольности тех или иных печатных изданий. Это приводило к систематическому ограничению доступа читателей к легально опубликованным книгам и периодическим изданиям. В 1914 г. в условиях заметного роста издательской активности и расширения читательской аудитории, фактически существовавшие при комплектовании фондов публичных библиотек ограничения были институционализированы путём возобновления «Алфавитного списка» запрещённых изданий.

Репрессивно-охранительный компонент библиотечной политики властей существенно ограничивал содержательное многообразие массового чтения, а следовательно, и просветительскую функцию библиотек.

Список источников / References

1. Жилкин И. В. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 369–380.
Zhilkin I. V. Provintsial'noye obozreniye. *Vestnik Evropy*. 1911;6:369–380. (In Russ.).
2. Бредли Дж., Гросул В. Я., Елина О. Ю. [и др.]. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. Москва: Политическая энциклопедия, 2011. С. 217–264. ISBN 978-5-8243-1528-8. EDN: RSIERF.
Bredli Dzh., Grosul V. Ya., Elina O. Yu. [et al.]. *Samoorganizatsiya rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII — nachale XX v.* Moscow, 2011. P. 217–264. ISBN 978-5-8243-1528-8. EDN: RSIERF. (In Russ.).

3. Рубакин Н. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. 1909. № 12. С. 1–25.
- Rubakin N. Knizhnyy priliv i knizhnyy otliv. *Sovremennyy Mir*. 1909;12:1–25. (In Russ.).
4. Внутреннее обозрение. Начало XIX и начало XX века // Вестник Европы. 1901. № 1. С. 367–383.
- Vnutrenneye obozreniye. Nachalo XIX i nachalo XX veka. *Vestnik Evropy*. 1901;1:367–383. (In Russ.).
5. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 582.
- Russian State Historical Archive (RSHA). File: 1278/2/582. (In Russ.).
6. Матвеев М. Ю. Российские библиотеки во второй половине XIX – начале XX века. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2014. 552 с. ISBN 978-5-8192-0479-5. EDN: WNSOLL.
- Matveyev M. Yu. Russian libraries in the second half of XIX – early XX century. Saint Petersburg, 2014. 552 p. ISBN 978-5-8192-0479-5. EDN: WNSOLL. (In Russ.).
7. Артемьева Е. Б. Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX вв.). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. 424 с. ISBN 978-5-94560-228-1. EDN: RHOSHB.
- Artemyeva E. B. The evolution of the library network of Siberia and the Far East in the context of cultural, historical and social transformations (XVII–XX centuries). Novosibirsk, 2012. 424 p. ISBN 978-5-94560-228-1. EDN: RHOSHB. (In Russ.).
8. Матвеев М. Ю. Особенности развития общественных библиотек в губернских городах России // Библиотековедение. 1995. № 4-5. С. 120–128. EDN: WLZNXF.
- Matveyev M. Yu. Features of development of public libraries in the provincial centers of Russia. *Bibliotekovedeniye*. 1995;4-5:120–128. EDN: WLZNXF. (In Russ.).
9. Ивенина Т. А. Культурно-просветительские организации и учреждения общественной и частной инициативы в дореволюционной России (1900–1916 гг.). Москва: Франтэра, 2003. 257 с. ISBN 5-94009-014-1. EDN: QSZGQD.
- Ivenina T. A. Kul'turno-prosvetitel'nyye organizatsii i uchrezhdeniya obshchestvennoy i chastnoy initsiativy v dorevolutsionnoy Rossii (1900–1916 gg.). Moscow, 2003. 257 p. ISBN 5-94009-014-1. EDN: QSZGQD. (In Russ.).
10. Камскова Т. А. Народные библиотеки российской провинции. Оренбург: Издательство ОГАУ, 2006. 176 с. ISBN 5-88838-317-1. EDN: QVFDJP.
- Kamskova T. A. Narodnyye biblioteki rossiyskoy provintsii. Orenburg, 2006. 176 p. ISBN 5-88838-317-1. EDN: QVFDJP. (In Russ.).
11. Пашин А. И. Из истории библиотечного законодательства России // Библиотековедение. 2003. № 6. С. 94–100. EDN: PWGSKD.
- Pashin A. I. Some features of the history of the Russian library legislation. *Bibliotekovedeniye*. 2003;6:94–100. EDN: PWGSKD. (In Russ.).
12. Чувильская О. А. Законодательство о библиотечном деле: эволюция и современное состояние // Научные и технические библиотеки. 2009. № 9. С. 17–27. EDN: KXOCOB.
- Chuvil'skaya O. A. Library legislation in Russia: evolution and present stage. *Nauchnyye i tekhnicheskiye Biblioteki*. 2009;9:17–27. EDN: KXOCOB. (In Russ.).
13. Землянский И. А. Государственная политика в библиотечном деле во второй половине XIX – начале XX вв. // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 5-6 (10). С. 17–20. EDN: YITMIN.
- Zemlyanskiy I. A. Public policy at librarianship during the second half of 19 and the beginning of 20 centuries. *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh*. 2015;5-6(10);17–20. EDN: YITMIN. (In Russ.).
14. Орлов В. В. К истории развития библиотечного законодательства в России: попытка обобщения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. С. 320–325. EDN: JVNDFA.
- Orlov V. V. To the history of development of library legislation in Russia: an attempt to generalize. *Trudy Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Instituta Kul'tury*. 2020;220:320–325. EDN: JVNDFA. (In Russ.).
15. Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902. 202 с.
- Georgiyevskiy A. I. K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Saint Petersburg, 1902. 202 p. (In Russ.).
16. Устав Новочеркасской публичной библиотеки: [Утв. 1 нояб. 1869 г.]. Новочеркасск: Тип. газ. «Донской вестник», 1869. 5 с.
- Ustav NovoCherkasskoy publichnoy biblioteki. November, 1, 1869. NovoCherkassk, 1869. 5 p. (In Russ.).
17. Устав Русской публичной библиотеки в г. Юрьеве (Лифляндской губернии): [Утв. 11 авг. 1896 г.]. Юрьев: Тип. А. Гренцштейна, 1896. 14 с.
- Ustav Russkoy publichnoy biblioteki v g. Yur'yevе (Liflyandskoy gubernii). August, 11, 1896. Yuryev, 1896. 14 p. (In Russ.).
18. Устав Екатеринбургской публичной общественной библиотеки имени В. Г. Белинского. Екатеринбург: Тип. Ф. К. Хомутова, 1899. 8 с.
- Ustav Ekaterinburgskoy publichnoy obshchestvennoy biblioteki imeni V. G. Belinskogo. Ekaterinburg, 1899. 8 p. (In Russ.).
19. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Санкт-Петербург, 1867. Т. 40, № 41642–42509. С. 397–406.
- O nekotorykh peremenakh i dopolneniyyakh v deystvuyushchikh ныне tsenzurnykh postanovleniyakh. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. vtoroye*. Saint Petersburg, 1867. Vol. 40, no. 41642–42509. P. 397–406. (In Russ.).
20. О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Санкт-Петербург, 1887. Т. 4, № 1934–2642. С. 3.
- O vremennykh merakh po otnosheniyu k otkrytiyu i soderzhaniyu publichnykh bibliotek i kabinetov dlya chteniya. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. tret'ye*. Saint Petersburg, 1887. Vol. 4, no. 1934–2642. P. 3. (In Russ.).
21. Алфавитный список произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Составлен в Глав. упр. по делам печати. Санкт-Петербург: Тип. М-ва внутренних дел, 1903. 27 с.
- Alfavitnyy spisok proizvedeniy pechati, zapreshchennykh k obrashcheniyu v publichnykh bibliotekakh i obshchestvennykh chital'nyakh. Saint Petersburg, 1903. 27 p. (In Russ.).
22. Строева А. А. Практика цензурного контроля над библиотечными фондами во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам губерний Черноземного центра) // Библиосфера. 2013. № 1. С. 31–38. EDN: PVSXVX.
- Stroyeva A. A. Praktika tsenzurnogo kontrolya nad bibliotечnymi fondami vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (po materialam guberniy Chernozemnogo tsentra). *Bibliosfera*. 2013;1:31–38. EDN: PVSXVX. (In Russ.).
23. Устав Императорского Русского музыкального общества: [Выс. утв. 4 (16) июля 1873 г.]. Санкт-Петербург: Типография Р. Голике, 1885. 16 с.
- Ustav Imperatorskogo Russkogo muzykal'nogo obshchestva. July, 4 (16), 1873. Saint Petersburg, 1885. 16 p. (In Russ.).
24. Устав Киевского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Киев: Тип. А. Давиденко, 1887. 13 с.
- Ustav Kiyevskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva i sel'skookhozyaystvennoy promyshlennosti. Kiev, 1887. 13 p. (In Russ.).

25. Устав Томского общества содействия физическому развитию. Томск: Паров. типо-лит. П. И. Макушина, 1896. 21 с.
- Ustav Tomskogo obshchestva sodeystviya fizicheskomu razvitiyu. Tomsk, 1896. 21 p. (In Russ.).
26. Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними. Утверждены Министром Внутренних дел 15 мая 1890 г. // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1890. № 7. С. 175–179.
- Pravila o besplatnykh narodnykh chital'nyakh i o poryadke nadzora za nimi. Utverzhdeny Ministrom Vnutrennikh del 15 maya 1890 g. *Tsirkulyar po Zapadno-Sibirskomu Uchebnomu Okrugu*. 1890;7:175–179. (In Russ.).
27. Ф. Ч. Внешкольное образование народа: народные библиотеки и музеи, народные чтения, деятельность обществ по народному образованию в России и других странах // Северный вестник. 1894. № 8. С. 239–259.
- F. Ch. Vneshkol'noye obrazovaniye naroda: narodnyye biblioteki i muzei, narodnyye chteniya, deyatel'nost' obshchestv po narodnomu obrazovaniyu v Rossii i drugikh stranakh. *Severnyy Vestnik*. 1894;8:239–259. (In Russ.).
28. Об усовершенствовании государственного порядка // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. Санкт-Петербург, 1908. Т. XXV, № 25605–27172. С. 754–755.
- Ob usovershenstvovaniy gosudarstvennogo poryadka. *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii*. Saint Petersburg, 1908. Vol. XXV, no. 25605–27172. P. 754–755. (In Russ.).
29. О временных правилах для неповременной печати // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. Санкт-Петербург, 1909. Т. XXVI, № 27173–28753. С. 481–483.
- O vremennykh pravilakh dlya nepovremennoy pechati. *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii*. Saint Petersburg, 1909. Vol. XXVI, no. 27173–28753. P. 481–483. (In Russ.).
30. Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825–1904: архивно-библиографические разыскания. Москва: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. 254 с.
- Dobrovol'skiy L. M. Zapreshchennaya kniga v Rossii, 1825–1904: arkhivno-bibliograficheskiye razyskaniya. Moscow, 1962. 254 p. (In Russ.).
31. Циркуляр Министра внутренних дел «Об отмене Алфавитного указателя произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках», № 1805, от 08 февраля 1907 г. // Сборник законов, распоряжений правительства и решений Правительствующего Сената. 1912. 651 с.
- Tsirkulyar Ministra vnutrennikh del "Ob otmene Alfavitnogo ukazatelya proizvedeniy pechati, zapreshchannykh k obrashcheniyu v publichnykh bibliotekakh". *Sbornik Zakonov, Rasporyazheniy Pravitel'stva i Resheniy Pravitel'stvuyushchego Senata*. 1912. 651 p. (In Russ.).
32. Каталог книг в библиотеке Омского Общества попечения о начальном образовании. Омск: Тип. Акмол. обл. правления, 1906. 154 с.
- Katalog knig v biblioteke Omskogo Obshchestva popечeniya o nachal'nom obrazovanii. Omsk, 1906. 154 p. (In Russ.).
33. Борьба с просвещением в Иркутске // Сибирские вопросы. 1907. № 19. С. 16–19.
- Bor'ba s prosveshcheniyem v Irkutске. *Sibirskiye Voprosy*. 1907;19:16–19. (In Russ.).
34. Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1, Вып. 3: 1855–1917 гг. Москва: Пробел-2000, 2017. 305 с. ISBN 978-5-98604-621-1. EDN: ZHVULZ.
- Reyfman P. S. Tsensura v dorevolutsionnoy, sovet'skoy i postsovet'skoy Rossii: in 2 vols. Vol. 1, Issue 3: 1855–1917 gg. Moscow, 2017. 305 p. ISBN 978-5-98604-621-1. EDN: ZHVULZ. (In Russ.).
35. РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 24. 1906. RSHA. File: 776/22/1906. (In Russ.).
36. Правила о публичных библиотеках и книжных магазинах // Для народного учителя. 1907. № 1. С. 30.
- Pravila o publichnykh bibliotekakh i knizhnykh magazinakh. *Dlya Narodnogo Uchitelya*. 1907;1:30. (In Russ.).
37. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6887.
- State Archive of the Tomsk Region. File: 3/2/6887. (In Russ.).
38. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 260. Д. 126.
- State Archive of the Russian Federation (SARF). File: 102/260/126. (In Russ.).
39. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. 1908. Д. 1. Ч. 9. SARF. File: 102/117/1908/1/9. (In Russ.).
40. Новый разгром просветительных учреждений // Сибирские вопросы. 1908. № 37-38. С. 65–68.
- Novyy razгром prosvetitel'nykh uchrezhdeniy. *Sibirskiye Voprosy*. 1908;37-38:65–68. (In Russ.).
41. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3364.
- State Archive of the Irkutsk Region. File: 25/6/3364. (In Russ.).
42. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 96.
- State Archive of Krasnoyarsk Krai (SAKK). File: 827/1/96. (In Russ.).
43. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 98. SAKK. File: 827/1/98. (In Russ.).
44. ГАКК. Ф. 856. Оп. 1. Д. 3. SAKK. File: 856/1/3. (In Russ.).
45. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. 1908. Д. 23. Ч. 9. SARF. File: 102/117/1908/23/9. (In Russ.).
46. Жарков Д. С. Демократические и революционные традиции библиотек Восточной Сибири // Труды Восточно-Сибирского библиотечного института. 1964. Т. 2. С. 3–16.
- Zharkov D. S. Demokraticheskiye i revolyutsionnyye traditsii bibliotek Vostochnoy Sibiri. *Trudy Vostochno-Sibirskogo Bibliotchnogo Instituta*. 1964;2:3–16. (In Russ.).
47. Землянский И. А. Роль администрации Приамурского края в организации и контроле деятельности библиотек // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 6-3 (11). С. 138–143. EDN: XYGJCF.
- Zemlanskii I. A. The role of administration of the Priamurye territory at organization and control of libraries. *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh*. 2015;6-3(11):138–143. EDN: XYGJCF. (In Russ.).
48. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. 1912. Д. 315. SARF. File: 102/117/1912/315. (In Russ.).
49. Алфавитный список произведений печати, запрещенных г. министром внутренних дел к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях на основании примечания 1-го к ст. 175 Устава о цензуре и печати. Санкт-Петербург: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1914. 64 с.
- Alfavitnyy spisok proizvedeniy pechati, zapreshchennykh g. ministrom vnutrennikh del k obrashcheniyu v publichnykh bibliotekakh i obshchestvennykh chital'nyakh na osnovanii primechaniya 1-go k st. 175 Ustava o tsensure i pechati. Saint Petersburg, 1914. 64 p. (In Russ.).
50. Есипова В. А., Карташова Т. П. «На страже закона и нравственности»: к вопросу о регламентации чтения в Томской губернии в конце XIX–начале XX в. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 2 (11). С. 96–109. <https://doi.org/10.17223/23062061/11/6>. EDN: WWTHTUT.
- Esipova V. A., Kartashova T. P. "On guard of law and morality": on reading regulation in Tomsk province in the late 19th–early 20th centuries. *Text. Book. Publishing*. 2016;2(11):96–109. <https://doi.org/10.17223/23062061/11/6>. EDN: WWTHTUT. (In Russ.).

Информация об авторе:

ПОПОВ Дмитрий Иванович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Международные отношения, социология и политология» Омско-

го государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

SPIN-код: 5520-3751

AuthorID (РИНЦ): 192070

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3091-3524>

ResearcherID: AEB-7591-2022

e-mail: 55popov@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 10.08.2026.

Information about the author:

POPOV Dmitry Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the International Relations, Sociology and Political Science Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

SPIN-code: 5520-3751

AuthorID (RSCI): 192070

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3091-3524>

ResearcherID: AEB-7591-2022

e-mail: 55popov@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 24.11.2025; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 10.08.2026.

СОВЕТСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КНР НА ПРИМЕРЕ ХЭЙЛУНЦЗЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. Н. Стеблянская¹✉, Я. Ю. Ефременко², Ж. Чэнь³

¹Центр изучения современного Китая Института востоковедения РАН,
Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12

²АНО ДПО «Учебный центр русского языка»
Россия, 101000, г. Москва, пер. Милютинский, 15, стр. 2-А

³Университет международного бизнеса и экономики,
Китай, 100029, г. Пекин, ул. Хуйсин Дунцзе, 10

✉ alinamv@bk.ru

В статье исследуется роль советских специалистов в становлении и развитии системы высшего образования на Северо-Востоке Китая в 1950-е гг. на примере Хэйлунцзянского университета (г. Харбин). Актуальность работы обусловлена фрагментарной изученностью данного аспекта советско-китайского сотрудничества в период с 1948 по 1959 гг. В статье использован историко-архивный метод исследования.

Научная новизна заключается во введении в академический оборот части неопубликованных архивных материалов Хэйлунцзянского университета. В результате их анализа был верифицирован и уточнен персональный состав советской академической миссии 1951 г., составлен именной список из 181 преподавателя, а также обнаружены фотодокументы, запечатлевшие часть этих специалистов. Данные находки имеют принципиальное значение, поскольку позволяют скорректировать существующие в историографии оценки: в отличие от упоминаемых в ряде российских и китайских источников сведений о работе всего 11 советских специалистов, удалось документально подтвердить масштабный характер их присутствия.

Целью исследования является историческая реконструкция деятельности советских преподавателей на основе составленного списка, анализ их профессионального вклада в развитие Харбинской специализированной школы иностранных языков — предшественницы современного Хэйлунцзянского университета. В дальнейшие задачи входит установление биографических данных специалистов и оценка их влияния на формирование учебных программ, педагогических методик и институциональной структуры вуза.

Ключевые слова: Харбин, Харбинская специализированная школа иностранных языков, Хэйлунцзянский университет, советские специалисты в Харбине, помощь СССР Китаю, советские ученые-переводчики в Китае

Для цитирования: Стеблянская А. Н., Ефременко Я. Ю., Чэнь Ж. Советское влияние на высшее образование КНР на примере Хэйлунцзянского университета. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 15–23. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-15-23>. EDN: ХРОВОВ.

© Стеблянская А. Н., Ефременко Я. Ю., Чэнь Ж., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

SOVIET INFLUENCE ON HIGHER EDUCATION IN CHINA: A CASE STUDY OF HEILONGJIANG UNIVERSITY

A. N. Steblyanskaya¹✉, Ya. Yu. Efremenko², J. Chen³

¹Center for Contemporary China Studies, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science,
Rozhdestvenka St., 12, Moscow, 107031, Russia

²Russian Language Training Center,
Milyutinskiy Ln., 15, bld. 2-A, Moscow, 101000, Russia

³University of International Business and Economics, Huixin East St., 10, Beijing, 100029, China

✉ alinamv@bk.ru

The article examines the role of Soviet specialists in the establishment and development of the higher education system in Northeast China during the 1950s, using Heilongjiang University (Harbin) as a case of study. The authors determine the relevance of the study by the fragmented nature of existing research on this aspect of Sino-Soviet cooperation from 1951 to 1960. The research employs a historical-archival research method.

The novelty lies in introducing previously unpublished archival materials from Heilongjiang University into academic discourse. Analysis of these materials enabled the verification and refinement of the personnel composition of the 1951 Soviet academic mission, resulting in a nominal list of 181 instructors and the discovery of photographic documents featuring some of these specialists. These findings are of fundamental importance as they allow for the correction of existing historiographical assessments: in contrast to information found in a number of Russian and Chinese sources mentioning the work of only 11 Soviet specialists, it has been possible to documentarily confirm the large-scale nature of their presence.

The aim of the research is the historical reconstruction of the activities of Soviet instructors based on the compiled list and an analysis of their professional contribution to the development of the Harbin Specialized School of Foreign Languages — the predecessor of the modern Heilongjiang University. The objectives include establishing the biographical data of the specialists and assessing their influence on the formation of the university's curricula, pedagogical methods and institutional structure.

Keywords: Harbin, Harbin Specialized School of Foreign Languages, Heilongjiang University, Soviet specialists in Harbin, Soviet aid to China, Soviet scientists-translators in China

For citation: Steblyanskaya A. N., Efremenko Ya. Yu., Chen J. Soviet influence on higher education in China: A case study of Heilongjiang University. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):15–23. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-15-23>. EDN: XPOBOB. (In Russ.).

© Steblyanskaya A. N., Efremenko Ya. Yu., Chen J., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Актуальность настоящего исследования высока в связи с малоизученностью темы присутствия советских специалистов в Китае в период с 1951 по 1960 гг., тем не менее помощь советских специалистов во всех отраслях промышленности имела важнейшее значение для КНР. Это десятилетие по праву вошло в историю как период активного советско-китайского сотрудничества [1]. В основном советские специалисты были направлены на северо-восток Китая — в г. Харбин, где помогали, в том числе, в написании учебных планов для Хэйлунцзянского университета, Северо-Восточного сельскохозяйственного университета, восстановления Харбинского политехнического института, создании Военно-инженерной технической академии. Также их направляли и в другие города, такие как Пекин, Тяньцзинь, Далянь, Нанкин, Шанхай, где они помогали развивать металлургическую, текстильную промышленность и т. д. [2].

В отличие от остальной страны уже в 1948 г. высшие учебные заведения освобождённых районов Северо-Востока Китая начали перенимать опыт советского образования. В силу исторических

причин провинция Хэйлунцзян первой вступила в контакт с СССР из-за особенно большого влияния Ближневосточной железной дороги и Советской Красной Армии на Хэйлунцзян. В 1948 г. провинция Хэйлунцзян начала изучать возможность учиться у Советского Союза, а в 1949 г. на Четвёртой Северо-Восточной конференции по образованию была подчеркнута важность обучения на советском опыте и создания новой системы образования [3].

С 1953 г. Министерство образования ввело единое и централизованное руководство учебной работой колледжей и университетов по всей стране. С 1953 по 1954 гг. оно обнародовало план обучения инженерному делу, сельскому хозяйству, лесному хозяйству, медицине и подготовке учителей. С начала учебного года в сентябре 1954 г. колледжи и университеты по всей стране внедрили единый национальный учебный план, выпущенный Министерством высшего образования. Поскольку учебный план был составлен с учётом советского учебного плана, возникли проблемы с большим количеством курсов, содержанием обучения, количеством общих и еженедельных аудиторных часов, то есть чрезмерная учебная нагрузка студентов, а так-

же неразумное распределение времени домашних заданий и отдыха. В 1957 г. Министерство образования обнародовало «План перестройки факультетов и специальностей, новых школ и переезда высших технических учебных заведений на 1955–1957 гг.», на основе которого была всесторонне скорректирована и вновь реформирована профессиональная среда колледжей и университетов. В эти годы в соответствии с принципами, предложенными Министерством высшего образования, и с учётом реального положения дел, колледжи и университеты Харбина неоднократно пересматривали и корректировали учебные планы профессиональных курсов, объединяли некоторые курсы и сокращали общее и еженедельное количество учебных часов, смягчая проблему чрезмерной учебной нагрузки студентов и, соответственно, повышая качество преподавания [4].

Историография

Изучение влияния вклада российских и советских специалистов на развитие высшего образования КНР имеет определённую разработку в отечественной историографии. А. А. Хисамутдинов уделил много внимания участию русских кадров в развитии образования и науки в Китае [5]. В работе З. С. Бочаровой и М. В. Кротовой рассматривается история Харбинского политехнического института, включая деятельность советских специалистов в 1945–1949 гг. [6]. Шэнь Чжихуа и А. Н. Хохлов [7] отмечают вклад советских специалистов в реформирование высшего образования в КНР после 1949 г., но зачастую приводят лишь отдельные, разрозненные примеры. А. Л. Верченко в статьях проследила вклад советских советников и специалистов в индустриальное развитие Китая [1]. А. Н. Стеблянская и М. П. Васиев анализируют вклад советских специалистов в развитие Северо-Восточного сельскохозяйственного университета, акцентируя внимание, что все методические пособия и словари были переведены с учебников и словарей, используемых в СССР, с нуля [8]. Под её же редакцией вышла коллективная монография «Советские специалисты в Харбине (1951–1960 гг.)», созданная в результате работы более 20 членов и друзей Русского клуба в Харбине и Ассоциации российских учёных в Китае. Она посвящена исследованию деятельности советских специалистов в Харбине с акцентом на Харбинский политехнический университет, Харбинский инженерный университет, Харбинский педагогический университет, Харбинский медицинский университет, Хэйлунцзянский университет и Северо-Восточный сельскохозяйственный университет [9]. Цзи Чуньпин в своём исследовании впервые предложил понятие «Советская модель преподавания русского перевода в Китае», где он на основе сочетания количественных и качественных методов анализирует историческое значение советской модели преподавания русского перевода в Китае [10].

Методология

В статье используется историко-архивный метод исследования. Архивный поиск документов проходил в Центре русского языка Хэйлунцзянского университета, где были найдены и скопированы списки советских преподавателей, работавших в Хэйлунцзянском университете в 1951 г., докладные записки советских специалистов и китайского руководства вуза, учебные планы, методические пособия, составленные при участии советских специалистов, планы развития университета 1950-х – начала 1960-х гг. Также были найдены документы, касающиеся нескольких советских специалистов, работавших в Хэйлунцзянском университете, и изучен их вклад в развитие университета: какие дисциплины внедрили, какие лаборатории создали, каких китайских коллег подготовили. Идентифицированы китайские учёные — «питомцы» советской школы в Хэйлунцзянском университете и проанализировано влияние обучения на их дальнейшую карьеру.

История создания

Хэйлунцзянский университет

За свою историю Хэйлунцзянский университет сменил несколько названий. Его предшественница — Яньаньская школа иностранных языков (позднее — Антияпонский военно-политический университет) была основана в г. Яньань в марте 1941 г. В г. Харбин учебное заведение переехало в 1946 г. С 1946 по 1948 гг. в крайне нестабильной военной обстановке школа продолжала учебный процесс. В 1949 г. институт был преобразован в Харбинскую специализированную школу иностранных языков (ХСШИЯ), находясь в подчинении штаба Северо-Восточной демократической армии¹. На начальном этапе в школе было всего восемь преподавателей, из которых семеро были советскими специалистами (так указано в китайском источнике, однако не удалось найти их данные)². Осенью 1948 г. часть преподавателей из бывшей Яньаньской школы иностранных языков постепенно была переведена на работу в ХСШИЯ, также увеличилось количество советских преподавателей, были приглашены Ли Ша (супруга известного политика Ли Лисаня), Фэй Фэй и другие³.

Елизавета Павловна Кишкина (китайское имя Ли Ша, 1914–2015) — известная просветительница русского языка, жена китайского политика и профсоюзного деятеля Ли Лисаня, видного члена Коммунистической партии Китая (рис. 1) [11]. Она родилась в Саратовской обл., в 1941 г. окончила Московский педагогический институт иностранных языков и преподавала в ХСШИЯ, Пекинском институте русского языка, Пекинском университете иностранных языков. В 1979 г. после полной реабилитации Кишкиной присвоили звание профессора русского языка. Все последующие годы она работала на факультете русского языка Пекинского университета [12]. Она была директором Китайской ассоциации по преподаванию и исследованию

¹ 龙江高校校史中的红色记忆. 黑龙江大学学生会. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5NDI1MjgxNQ==&mid=2652354200&idx=1&sn=c211cb54d3ccb0f136d04e52a5f4710&chksm=bce0af5200e63e3411c3bbdaf29bd5d0681727be4b32c2eef4acd5fb602-6d5c973dfc55abf&scene=27 (accessed: 08.02.2026). (In Chinese).

² 黑龙江大学校史 踏上新程 曲折前进. 黑龙江大学博物馆. URL: <https://bwg.hljju.edu.cn/info/1298/1021.htm> (accessed: 08.02.2026). (In Chinese).

³ Там же.

1948 г., Ли Лисань и Ли Ша с сыном
Ли Лисань и Ли Ша. Дочь в Харбине

**Рис. 1. Ли Лисань и Ли Ша с сыном
в период её преподавания в ХСШИЯ,
Харбин, 1948**

**Fig. 1. Li Lisan and Li Sha with their son
during her teaching period at the Harbin
Specialized School of Foreign Languages,
Harbin, 1948**

Источник / Source: [https://
bwg.hlju.edu.cn/info/1298/1013.htm](https://bwg.hlju.edu.cn/info/1298/1013.htm)

русского языка, Китайской ассоциации переводчиков и Ассоциации китайско-российской дружбы, а также являлась почётным директором Китайской ассоциации профессоров и членом Национального комитета Народного политического консультативного совета Китая [13]. Традиции, заложенные Е. П. Кишкиной, такие как проведение «Дней русской культуры», сохраняются до настоящего времени.

К 1949 г. численность преподавателей достигла 100 чел. а численность студентов — 1127 чел. Стоит отметить, что часть русских преподавателей, работавших в китайских вузах Дунбэя, в том числе в ХСШИЯ, были бывшими эмигрантами, получившими советское гражданство после 1945 г.

В 1953 г. в ходе реорганизации школа была передана под руководство Министерства высшего образования и получила название Харбинский специализированный институт иностранных языков. 1954 г. стал вторым годом реализации в Китае Первого пятилетнего плана. Для 156 проектов, построенных при помощи СССР, требовалось большое количество переводчиков. Объективные потребности экономического строительства, культуры и образования поставили перед ХСШИЯ новые задачи.

В том же году одновременно было зачислено 1700 выпускников средних школ. Общее число студентов в школе увеличилось до 3400 человек, что стало беспрецедентным развитием в истории Харбинской специальной школы иностранных языков.

1 июня 1956 г. по утверждению Государственного совета Харбинский специализированный институт иностранных языков был преобразован в Харбинский институт иностранных языков (ХИИЯ), который по-прежнему находился в ведении Министерства высшего образования. В 1958 г. школа была расширена, перестроена и получила статус и название — Хэйлунцзянский университет.

С 1946 по 1958 гг. в институте работало большое количество специалистов из СССР. Они выступали в качестве консультантов, директоров и руководителей факультетов, преподавателей важных учебных дисциплин. В настоящее время в музее — архиве Центра изучения русского языка Хэйлунцзянского университета — можно увидеть список советских преподавателей из 181 чел. в 1951 г. (табл. 1). Ранее источники разнились в данных, например, писали о работе только 11 специалистов. К сожалению, имеющийся пофамильный список не содержит названия институтов СССР, направивших специалистов; часть из них не имеет инициалов, а некоторые задвоены, что затрудняет поиск информации об этих специалистах. Также в списке из 181 преподавателя Хэйлунцзянского университета значительная часть — это вчерашние эмигранты, получившие советское гражданство после 1945 г., поэтому они никакого отношения к советским вузам не имели и в Китай не направлялись, а жили в Харбине уже четверть века или даже родились. Все это — предмет для будущих исследований.

Биографии некоторых советских специалистов Хэйлунцзянского университета

Григорий Петрович Уханов (1918 — 1985) родился 19 ноября в с. Неловка Псковской области в семье крестьянина (рис. 2). В 1940 г. окончил Калининский государственный педагогический институт. После окончания начал свою трудовую деятельность учителем русского языка и литературы в Холмском педучилище Псковской области, а затем работал учителем и завучем Кушалинской средней школы. С 1946 г. являлся аспирантом при кафедре русского языка Калининского пединститута, а с сентября 1949 г. — ассистентом кафедры русского языка. В 1952 г. защитил диссертацию на тему «Синтаксис "Хождения Афанасия Никитина за три моря"». С 1953 по 1985 гг. возглавлял кафедру русского языка в Тверском (Калининском) университете, впоследствии также работал деканом филологического факультета, проректором по учебной работе⁴. Основные его исследования были сосредоточены на синтаксисе современного русского сложного предложения и синтаксических единицах. В совокупности написал более 60 печатных работ, а его диссертационное исследование «О грамматической природе придаточного предложения» имело значительное влияние. Г. П. Уханов считал, что многокомпонентные (полипредикативные) сложные предложения — это особые синтаксические построения с уникальной многомерной структурой. Основные

⁴ Краткая история работы Уханова Г. П. на кафедре русского языка Тверского государственного университета. URL: <https://kafrus.tversu.ru/pages/1922> (Дата обращения: 08.02.2026).

Таблица 1. Список советских специалистов, работавших в Хэйлунцзянском университете в 1951 г.
Table 1. List of Soviet specialists of the Heilongjiang University in 1951

№	ФИО	№	ФИО	№	ФИО	№	ФИО
1	Шелепова О. А.	47	Садовщикова Н. И.	93	Лаврова	139	Чистоткина
2	Паневин	48	Садовщиков В. И.	94	Шишлянников	140	Шаповалова
3	Кузнецов В. С.	49	Иванов А. К.	95	Тарала	141	Черных Лев Лукич
4	Савинова Н. Г.	50	Макаров С. М.	96	Герасимова Л. А.	142	Хан
5	Муратова Н. Г.	51	Щербакова	97	Свистунов А. С.	143	Кудрина
6	Северюков А. Ф.	52	Литкова Н. А.	98	Морозов	144	Цытович
7	Юрина М. Е.	53	Осипов Г.В.	99	Гаисаров	145	Спирина
8	Бабайлов Н. И.	54	Иванов	100	Акимова	146	Каткова
9	Коренева А. В.	55	Шишканов А.Н.	101	Зеленский	147	Подскребаев
10	Тихонова П. И.	56	Ангинянц С.	102	Чердынцева	148	Черных Нина
11	Троицкая С. С.	57	Ким А.	103	Жеребина	149	Слюсаренко
12	Токмаков П. И.	58	Бадаева Е.	104	Бабайлова	150	Макарова София Ивановна
13	Шелепов А. И.	59	Ким	105	Степанова	151	Кнышев
14	Попов Н. Г.	60	Дьяконова Е. М.	106	Банкевич	152	Розанова
15	Косакина В. А.	61	Трофимчук	107	Бабайлов И. И.	153	Воробьева
16	Пиневина Г. И.	62	Пулудис А. П.	108	Зданийский Константин	154	Кириллова
17	Виноградова Е. Л.	63	Гордеева Н. С.	109	Бабайлова Н. М.	155	Карбовская
18	Зданийский К. Е.	64	Костырева Л. П.	110	Иванов Алексей Кузьмич	156	Гилёва
19	Гурьев О. Г.	65	Любавина	111	Дьяконова Евгения М.	157	Смирнова
20	Войнюш О. К.	66	Суздальцева Л. Е.	112	Левашко Валентина Ивановна	158	Шепелёва
21	Жаго М. Я.	67	Костенко Л. Ю.	113	Суховольский Михаил	159	Шубенко
22	Коровина Г. Н.	68	Жук И. О.	114	Ильина Валентина Керр	160	Абрамова
23	Федорова М. И.	69	Косяков С.	115	Костырева Лидия	161	Троян
24	Петропавловский А. А.	70	Чердынцева Л. И.	116	Косакина В.А.	162	Бек-Авмарова
25	Добровольская В. В.	71	Игнатьевский В. Н.	117	Глазырина Нина Александровна	163	Микрикова
26	Ляйс Т. С.	72	Игнатьевский Е. В.	118	Борзаковская Лариса Михайловна	164	Юраш
27	Усова А. П.	73	Борминакая Н. А.	119	Могильникова	165	Богдан
28	Жигалова Т. А.	74	Маргилевский Е. В.	120	Шишканова	166	Вейштейн
29	Инге Е. П.	75	Дубинин	121	Лалетин	167	Иордан
30	Ильина В. А.	76	Левашко В. И.	122	Иванова К.Б.	168	Ершова
31	Игнатьевская З. М.	77	Павлова	123	Арсеньев	169	Боносос
32	Гоффман А. Ф.	78	Березовская И.	124	Преснов	170	Ефремова
33	Эльзен В. Т.	79	Треактенберг	125	Немировский Натан	171	Левчук
34	Бабайлова Н. М.	80	Фуртат	126	Кусмарцев Игорь	172	Куз(ь)мич Алексей
35	Бабайва Н. М.	81	Гусева	127	Боголюбова	173	Жаго
36	Мазюк И. З.	82	Суховольский	128	Степанов	174	Щеременцева
37	Петропавловская К. С.	83	Велюкевич	129	Тихонов	175	Чердынцева Людмила Михайловна
38	Русанов И. С.	84	Елисафенко	130	Нона	176	Шишканова Клавдия Даниловна
39	Новицкая Н. С.	85	Синьков В. В.	131	Осипов Юрий	177	Инин
40	Преображенский А. В.	86	Иванова И. В.	132	Бабянская	178	Храмова
41	Зеленская И. А.	87	Топорков Б. О.	133	Кезин Дмитрий Григорьевич	179	Полетенкова
42	Соколов И. И.	88	Северюкова	134	Манченок	180	Галушка
43	Гордеев К. С.	89	Попова В. Я.	135	Сковородников Петр	181	Эскина
44	Гречишкин М. Ф.	90	Чегодаева	136	Радо		
45	Кирпатовская Г. Н.	91	Клепикова	137	Белова		
46	Петрова Т. Е.	92	Кузнецова	138	Семёнов		

Источник / Source: музей Хэйлунцзянского университета / Heilongjiang University Museum

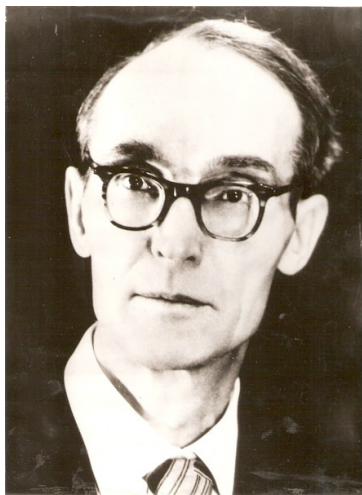

Рис. 2. Григорий Петрович Уханов
Fig. 2. Grigoriy Petrovich Ukhanov
Источник / Source: архив Центра изучения русского языка Хэйлунцзянского университета / archive of the Center for Russian Language Studies, Heilongjiang University

теоретические положения его научной работы и методика анализа полипредикативных конструкций широко используются в курсе «Современный русский язык. Синтаксис».

Г. П. Уханов представлял отечественную филологическую науку за рубежом, в Хэйлунцзянском университете в КНР, где 3 года преподавал русский язык [14]. Будучи первым советским советником в ХСШИЯ в 1950–1953 гг., Григорий Петрович и коллектив из советских специалистов помогли ХСШИЯ разработать учебные планы и программы, взяли на себя обучение современному русскому языку, грамматике, лингвистике, лексикологии, истории литературы, педагогике. Коллективом преподавателей были внедрены советские методики преподавания: лекционно-семинарская система, акцент на практические занятия, введение курсов по марксистско-ленинской философии. Советские специалисты ввели систему курсовых и дипломных работ, что стало новшеством для китайских вузов (рис. 3). В ХИИЯ впервые появились научные кружки по модели советских студенческих обществ⁵.

При поддержке Г. П. Уханова в 1952 г. была открыта кафедра сравнительной лингвистики, где начали готовить переводчиков для дипломатических миссий. Григорий Петрович активно участвовал в защите студентов кафедры. В 1954 г. Г. П. Уханов и его китайский коллега Лю Вэй опубликовали учебник «Современный русский язык для китайских студентов», который стал стандартом для вузов КНР [10].

Среди специалистов, приехавших в Харбин в разные годы преподавать русский язык, были также В. И. Чернова, Н. Н. Алексеев, А. И. Галышков,

Рис. 3. Г. П. Уханов и комиссия принимают экзамен
Fig. 3. G. P. Ukhanov and the commission accept the exam
Источник / Source: архив Центра изучения русского языка Хэйлунцзянского университета / archive of the Center for Russian Language Studies, Heilongjiang University

И. Бдолин, С. П. Соловьев, В. Е. Шапкин, С. Н. Калинина, Н. Гукова, М. М. Павлова, В. Н. Вахерина, А. М. Началова [9]. Педагогическая деятельность этих специалистов была направлена на повышение уровня преподавания русского языка, а также на подготовку высококачественных научных исследований.

Одной из первых в 1951 г. в ХСШИЯ стала преподавать О. А. Шелепова — «неутомимый преподаватель, который не устаёт задавать вопросы» — так отзывались о ней её харбинские ученики. Она придавала большое значение методам обучения, используя интуитивный метод обучения для начинающих в русском языке. На каждый праздник она также приглашала к себе домой обучающихся, чтобы поговорить и поучить. В дальнейшем в ХСШИЯ стали работать другие советские преподаватели, и О. А. Шелепова была назначена заместителем начальника Управления по учебной работе, отвечая за специфическую работу советских преподавателей в Китае. По воспоминаниям О. А. Шелеповой первые годы работы сопровождались сложностями из-за различий в менталитете, но совместные внеучебные мероприятия (литературные вечера, экскурсии) помогли наладить взаимопонимание [9].

Советское наследие Хэйлунцзянского университета и современность

Советские специалисты внесли огромный вклад в развитие Хэйлунцзянского университета. Выпускники советских преподавателей тех лет тепло вспоминают своих наставников⁶. Советские преподаватели способствовали становлению выдающихся личностей в своей профессии в Китае. Так, Ли Ган стал известным переводчиком русской литературы. Его переводы, такие как «Анна Каренина», «Воскресение», «Тихий Дон» и другие, считаются достоянием переводной литературы в Китае. Ли Сиинь стал профессором факультета русского

⁵ Пэн Ч. Советские специалисты и дело высшего образования провинции Хэйлунцзян (КНР) в 50-е годы XX в. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат. VI Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: БГПУ, 2016. С. 223–228. EDN: TSHXSL.

⁶ 龙江高校校史中的红色记忆. 黑龙江大学学生会. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/___biz=MjM5NDI1Mjg5NQ==&mid=2652354200&idx=1&sn=c211cb54d3ccbb0f136d04e52a5f4710&chksm=bce0af5200e63e3411c3bbdaf29bd5d0681727be4b32c2eef4acd5fb602-6d5c973dfc55abf&scene=27 (accessed: 08.02.2026). (In Chinese).

языка Хэйлунцзянского университета и известным лексикографом. Хуа Шао после окончания в 1951 г. остался преподавать в вузе. Являлся одним из первых русистов, подготовленных в новом Китае, а в дальнейшем — одним из первых руководителей докторантов в области русского языкознания в Китае. Ван Юйлунь, завершив свое обучение в 1953 г., остался преподавать в вузе и работал до выхода на пенсию в 1999 г. В 2004 г. ему было присвоено звание «Китайский переводчик-ветеран», а в 2016 г. он получил «Премия за достижения в переводческой деятельности провинции Хэйлунцзян» и почётное звание «Переводчик-долгожитель». Среди его переводов произведений русской литературы числятся романы «И дольше века длится день» и «Великий диктатор». Также он составил и перевёл сборники поэзии, такие как «Избранные стихи Советского Союза», «Сто новых переводов русских песен» и «Сто советских стихотворений». Ван Юйлунь участвовал в составлении справочников, включая «Большой русско-китайский словарь», а также был автором «Справочника по переводу с китайского на русский язык». В 2005 г. создал русский хор «Старый клён», которым он руководит до сих пор. Он обучил хор исполнению почти сотни русских песен⁷.

За 1951—1955 гг. более 200 выпускников Хэйлунцзянского университета, обучавшихся у советских педагогов, заняли ключевые позиции в Министерстве иностранных дел КНР и академических институтах. Среди выпускников — Ли Хуа, будущий посол КНР в СССР, который отмечал, что методы преподавания Г. П. Уханова заложили основу его профессионального успеха.

В настоящее время университет знаменит сильной образовательной и научной базой касательно изучения русского языка, уникальными преподавателями и выдающимися выпускниками. В Хэйлунцзянском университете уже традиционно ежегодно проходят семинары учёных по истории России, ежегодная научная конференция, организованная совместно Китайской ассоциацией исследований истории СССР и Восточной Европы и Хэйлунцзянским университетом. Ключевые достижения Китайской ассоциации по изучению истории СССР и Восточной Европы включают «Сборник переводов по истории СССР», «Словарь истории СССР» и множество сборников статей. Журнал Ассоциации «Исследования истории СССР и Восточной Европы в Китае» очень популярен среди исследователей.

В 2025 г. была проведена научная конференция, посвящённая 40-летию основания Китайской ассоциации исследований истории СССР и Восточной Европы, а также 80-летию победы в мировой антифашистской войне. На конференции в Хэйлунцзянском университете в 2025 г. председатель Китайской ассоциации исследований истории СССР и Восточной Европы Чжан Шэнфа подчеркнул важность сохранения вклада советских специалистов в развитие высшего образования провинции Хэйлунцзян.

В настоящее время в Хэйлунцзянском университете работает много талантливых китайских преподавателей, которые идеально знают русский язык. Например, Сунь Цюхуа — доктор русского языка

Рис. 4. Я. Ю. Ефременко со студентами Хэйлунцзянского университета

Fig. 4. Ya. Yu. Efremenko with the students of the Heilongjiang University

Источник / Source: личный архив Я. Ю. Ефременко / personal archive of Ya. Yu. Efremenko

и литературы, профессор, научный руководитель магистерской программы, заместитель директора Института русского языка Хэйлунцзянского университета. Сунь Чао — профессор, долгое время проработавший директором Института русского языка Хэйлунцзянского университета, а в настоящее время директор Института перевода Хэйлунцзянского университета, специалист по современной русской литературе, организатор и руководитель онлайн-цикла лекций для студентов китайских вузов по русской литературе XX в. (указанные лекции в 2022 г. прочитали филологи Воронежского университета). Профессор Ли Хайдун из Института (Центра) инноваций и предпринимательства Хэйлунцзянского университета, Ян Ханьян и Сан Тяньцзы — преподаватели Института русского языка, которые имеют большой опыт работы с российскими университетами.

Как и прежде, в Хэйлунцзянском университете преподают русские преподаватели — Татьяна Андреевна Севастьянова, Екатерина Евгеньевна Щербакова, София Викторовна Годенко. Галина Петровна Корчевская более 15 лет преподавала русский язык, а также изучала интернет-дискурс социальных сетей, виртуальную коммуникацию. В настоящее время она живёт и работает во Франции [9].

Есть и те, кто получил докторскую степень в Хэйлунцзянском университете. Например, Ефременко Яна Юрьевна (рис. 4) в 2008 г. с отличием окончила Институт международной культуры и образования Хэйлунцзянского университета и удостоена почётного звания «Выдающийся выпускник».

Яна Юрьевна Ефременко — победитель конкурса «Чтение китайской речи» (2008), ведущий преподаватель русского языка как иностранного бакалавриата Института русского языка Хэйлунцзянского университета (с 2018 г.), преподаватель куль-

⁷ 王育伦. 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/王育伦/7864960> (accessed: 08.02.2026). (In Chinese).

турологии России магистратуры Института филологии и литературы Хэйлунцзянского университета (с 2019 г.).

Заключение

ХСШИА, а позже ХИИЯ, в 1946–1958 гг. подготовили более 6000 специалистов по русскому языку, внеся важный вклад в научное, культурное и экономическое развитие нового Китая. Большая заслуга в этом и советских специалистов, стоявших у истоков русскоязычного образования в Китае. Советские преподаватели передали Китаю знания, опыт и технологии. Они работали вместе с китайским народом, чтобы внести свой вклад в стабильность китайского общества, экономическое восстановление и создание промышленной базы [15–17].

Благодаря успешному архивному поиску документов в Центре русского языка Хэйлунцзянского университета были найдены и скопированы списки советских преподавателей, работавших в вузе в 1951 г., учебные планы, методические пособия, планы развития университета в 1950-х–начале 1960-х гг., составленные при участии советских специалистов. Советские педагоги воспитали плеяду выдающихся профессионалов, таких как Ли Ган, Ван Юйлунь, Ли Сиинь, Хуа Шао и многих других.

В настоящее время Хэйлунцзянский университет обладает прочной репутацией одного из ведущих центров русистики в Китае, что выражается в высоком уровне подготовки преподавателей и студентов.

Подтверждением академического статуса вуза служит сложившаяся традиция проведения крупных научных мероприятий, посвящённых истории и культуре России. В частности, ключевым событием выступает ежегодная научная конференция по проблемам советской истории, организуемая совместно с Китайской ассоциацией исследований истории СССР и Восточной Европы.

Список источников / References

1. Мамаева Н. Л., Сотникова И. Н., Верченко А. Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества. Москва: «Весь Мир», 2018. 608 с. ISBN 978-5-7777-0738-3. EDN: LDAQBW.
2. Мамаева Н. Л., Сотникова И. Н., Верченко А. Л. Uchastiye SSSR v rekonstruktsii i stroitel'stve "156 proizvodstvennykh ob'yektov" v KNR v 1950-e gody. Novyye fakty i obstoitel'stva sovetsko-kitayskogo sotrudnichestva. Moscow, 2018. 608 p. ISBN 978-5-7777-0738-3. EDN: LDAQBW. (In Russ.).
3. Павлов О. Д. Советские специалисты и процесс модернизации в КНР в 1949–1960 году // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 7 (71). С. 117–126. EDN: FXPEKL.
4. Павлов О. Soviet specialists and the process of modernization in the PRC in 1949–1960. *Skif. Voprosy Stencheskoy Nauki*. 2022;7(71):117–126. EDN: FXPEKL. (In Russ.).
5. 房晨轩. 《20世纪50年代哈尔滨高校主楼建筑研究》[硕士学位论文]. 哈尔滨: 哈尔滨工业大学, 2023年. 122页.
6. Fang Ch. Architectural study of the main buildings of Harbin universities in the 1950s. Harbin: Harbin Institute of Technology, 2023. 122 p. (In Chinese).
7. 高亦超. 历史的螺旋——从现代和民族的“调和, 异化, 回归, 再调和”看中国建筑现代化进程 // 华中建筑. 2021. 1期. 页 21–25.
8. Gao Y. The spiral of history: an examination of the modernization process of Chinese architecture through “Harmonization, alienation, return and Re-harmonization” of the modern and the national. *Huazhong Architecture*. 2021;1:21–25. (In Chinese).

5. Хисамутдинов А. А. Русское высшее образование в Китае // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 274–291. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-4-274-291>. EDN: VGRCIF.

Khisamutdinov A. Russian higher education in China. *Educational Studies*. 2015;4:274–291. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-4-274-291>. EDN: VGRCIF. (In Russ.).

6. Бочарова З. С., Кротова М. В. Харбинский политехнический институт — центр русской науки и образования в Китае (1920–1950-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 4. С. 779–803. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803>. EDN: AIHXKB.

Bocharova Z. S., Krotova M. V. The Harbin polytechnic institute as a center of Russian science and education in China (1920–1950s). *RUDN Journal of Russian History*. 2019;18(4):779–803. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803>. EDN: AIHXKB. (In Russ.).

7. Хохлов А. Н. Активизация изучения русского языка в Китае после образования КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 136–144. EDN: LKNZAZ.

Khokhlov A. N. Aktivizatsiya izucheniya russkogo yazyka v Kitaye posle obrazovaniya KNR. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2009;6:136–144. EDN: LKNZAZ. (In Russ.).

8. Стебянская А. Н., Васиев М. П. Роль советских специалистов в становлении системы высшего образования в КНР: на примере Северо-Восточного сельскохозяйственного института г. Харбина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24, № 4. С. 643–660. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-643-660>. EDN: MHPQRI.

Steblyanskaya A. N., Vasiev M. P. Role of Soviet specialists in formation of higher education system of the PRC: the case of northeast agricultural university in Harbin. *RUDN Journal of Russian History*. 2025;24(4):643–660. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-643-660>. EDN: MHPQRI. (In Russ.).

9. Стебянская А. Н., Киричков И. В., Чжан Цзиньчжун [и др.]. Советские специалисты в Харбине 1951–1960 гг. Харбин: Русский научно-исследовательский центр «Харбин», 2025. 212 с.

Steblyanskaya A. N., Kirichkov I. V., Chzhan Tszin'chzhun [et al.]. Sovetskiye spetsialisty v Kharbine 1951–1960 gg. Kharbin, 2025. 212 p. (In Russ.).

10. Цзи Ч. Советская модель преподавания русского перевода в Китае // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2019. № 4. С. 69–85. EDN: QWSVLX.

Ji Ch. The soviet model of Russian translation teaching in China. *Lomonosov Translation Studies Journal*. 2019;4:69–85. EDN: QWSVLX. (In Russ.).

11. 刘亦师. 20世纪50年代中国现代建筑教育思想的“苏联化”转向: 以清华大学建筑系为中心 // 时代建筑. 2021. 3. 27–33页. <https://doi.org/10.13717/j.cnki.ta.2021.03.007>.

Liu Y. The “Sovietization” turn of Chinese modern architectural education thought in the 1950s: Centered on the department of architecture of Tsinghua university. *Time + Architecture*. 2021;3:27–33. <https://doi.org/10.13717/j.cnki.ta.2021.03.007>. (In Chinese).

12. Кишкина Е. П. Из России в Китай — путь длиною в сто лет: мемуары. Москва: Издательский проект, 2014. 509 с.

Kishkina E. P. Iz Rossii v Kitay — put' dlinoyu v sto let: memuary. Moscow, 2014. 509 p. (In Russ.).

13. 王雯. 中国大学学习苏联教育经验开展教学改革的历史回顾—以清华大学为案例 // 清华大学教育研究. 2003. № 24(06). 79–85页.

Wang W. A historical review of the teaching reform in Chinese universities. Learning from the Soviet educational experience: A case study of Tsinghua university. *Tsinghua Journal of Education*. 2003;24(6):79–85 (In Chinese).

14. 徐振岐. 民国时期黑龙江高等教育述论. 博士毕业论. 吉林大学. 2013. 170页.

Xu Zh. A historical study of higher education in Heilongjiang province during the Republic of China period. Jilin University, 2013. 170 p. (In Chinese).

15. Капица М. С. Советско-китайские отношения. Москва: Госполитиздат, 1958. 424 с.

Kapitsa M. S. Sovetsko-kitayskiye otnosheniya. Moscow, 1958. 424 p. (In Russ.).

16. Верченко А. Л. Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949–1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 71–79. EDN: MLZEXT.

Verchenko A. The role of the soviet specialists in economic, technological and humanitarian spheres of the PRC (1949–1960). *Problemy Dalnego Vostoka*. 2009;5:71–79. EDN: MLZEXT. (In Russ.).

17. Пу Ц. Вклад советских специалистов в восстановление и развитие КНР во второй половине 1940-х и в 1950-е годы: этапы и их основные характеристики // Genesis: исторические исследования. 2018. № 6. С. 66–72. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.6.25967>. EDN: XRDUWD.

Pu Ts. Vklad sovetskikh spetsialistov v vosstanovleniye i razvitiye KNR vo vtoroy polovine 1940-kh i v 1950-e gody: etapy i ikh osnovnyye kharakteristiki. *Genesis: Istoricheskiye Issledovaniya*. 2018;6:66–72. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.6.25967>. EDN: XRDUWD. (In Russ.).

Вклад авторов:

А. Н. Стеблянская. Подготовка введения, заключения, основной части научно-справочного аппарата, общая редакция.

Я. Ю. Ефременко. Работа с материалами Центра русского языка Хэйлунцзянского университета, правка и вычитка текста.

Ж. Чэнь. Работа с материалами Центра русского языка Хэйлунцзянского университета.

Authors' contribution:

Alina N. Steblyanskaya. Preparation of the introduction, conclusion, and main body of the scholarly apparatus; overall editing

Yana Y. Efremenko. Working with materials from the Russian Language Center of Heilongjiang University; editing and proofreading the text.

Zhuishi Chen. Handling materials of the Russian Language Center at Heilongjiang University

Информация об авторах:

СТЕБЛЯНСКАЯ Алина Николаевна, PhD Китайского нефтяного университета, г. Пекин, Китай; старший научный сотрудник Центра изучения современного Китая Института востоковедения РАН, г. Москва; главный научный сотрудник Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына, г. Москва. SPIN-код: 2609-2730

AuthorID (РИНЦ): 885757

AuthorID (SCOPUS): 57205563722

ResearcherID: D-2506-2018

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1995-4651>

e-mail: alinamv@bk.ru

ЕФРЕМЕНКО Яна Юрьевна, доктор филологических наук, старший преподаватель русского языка как иностранного, АНО ДПО «Учебный центр русского языка», г. Москва.

e-mail: yanaliuyuan@mail.ru

ЧЭНЬ Жуйши, магистр Университета международного бизнеса и экономики, г. Пекин, Китай.

e-mail: 506153132@qq.com

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи авторы не использовали генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 01.11.2025; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 13.08.2026.

Information about the authors:

STEBLYANSKAYA Alina Nikolayevna, PhD, China University of Petroleum, Beijing, China; Senior Researcher, Center for Contemporary China Studies, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science, Moscow; Chief Researcher at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, Moscow.

SPIN-code: 2609-2730

AuthorID (RSCI): 885757

AuthorID (SCOPUS): 57205563722

ResearcherID: D-2506-2018

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1995-4651>

e-mail: alinamv@bk.ru

EFREMENKO Yana Yuryevna, Doctor of Philological Sciences, Senior Lecturer of Russian as a Foreign Language, Russian Language Training Center, Moscow. e-mail: yanaliuyuan@mail.ru

CHEN Zhuishi, Master's Degree, University of International Business and Economics, Beijing, China. e-mail: 506153132@qq.com

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript. The authors did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 01.11.2025; approved after reviewing 14.02.2026; accepted for publication 13.08.2026.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: НА ПУТИ К «ТЮМЕНСКОЙ МАТРЕШКЕ»

М. С. Новиков

Омский государственный технический университет,
Россия, 644050, г. Омск, пр. Мира, 11

 bonid89@inbox.ru

В статье изучены особенности административно-территориального деления Тюменской области и факторы приведшие к реализации формулы «Одна область, три субъекта». Следствием её реализации стало провозглашение субъектами Российской Федерации как Тюменской области, так и Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Источником для исследования послужили делопроизводственная документация органов государственной власти, документы общественных организаций, периодическая печать, воспоминания участников событий, справочные материалы. Опираясь на указанные источники и научные исследования, автор в рамках проблемно-хронологического анализа приходит к выводам, что создание «тюменской матрешки» явилось закономерной необходимостью для налаживания взаимодействия составных субъектов Российской Федерации; взаимодействия органов власти различного уровня и субъектов экономических отношений в рамках политики природопользования и ресурсосбережения; обеспечения прав наций и народов на сохранение самоидентичности.

Необходимо отметить, что поиск конституционно закреплённой формулы «Одна область, три субъекта» стал частью решения проблем, накопившихся в регионе к середине 1980-х гг.

Ключевые слова: федерализм, национальные организации, административно-национальные преобразования, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, нефтегазовая отрасль, Ю. К. Шафраник

Для цитирования: Новиков М. С. Из истории развития российского федерализма: на пути к «тюменской матрешке». Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 3. С. 24–35. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-24-35>. EDN: USVBST.

© Новиков М. С., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN FEDERALISM: ON THE PATH TO THE “TYUMEN MATRYOSHKA”

M. S. Novikov

Omsk State Technical University, Mira Ave., 11, Omsk, 644050, Russia

 bonid89@inbox.ru

The article examines the features of the administrative-territorial division of the Tyumen region and the factors that led to the implementation of the “One region, three subjects” formula. The consequence of its implementation was the proclamation of both Tyumen region and the Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous Okrugs as constituent entities of the Russian Federation.

The research sources are office records of state authorities, documents from public organizations, periodicals, memoirs of participants in the events, and reference materials. Based on the indicated sources and scientific research, the author concludes that the creation of the “Tyumen matryoshka” was a logical necessity for establishing interaction between the constituent entities of the Russian Federation; facilitating cooperation between government bodies at various levels and subjects of economic relations within the framework of environmental management and resource conservation policies; ensuring the rights of nations and peoples to preserve their self-identity.

Therefore, the search for a constitutionally fixed formula "One region, three subjects" became one part of the solution to the problems that had accumulated in the region by the middle 1980s.

Keywords: federalism, national organizations, administrative and national transformations, Tyumen Region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, oil and gas industry, Yu. K. Shafranik

For citation: Novikov M. S. From the history of Russian federalism: On the path to the "Tyumen matryoshka". *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):24–35. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-24-35>. EDN: USVBST. (In Russ.).

© Novikov M. S., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка вопроса

Административное подчинение г. Тюмени и контур подчиненных ему территорий в XX в. не раз изменялись: город был центром нескольких регионов, входил в состав различных областей. Хронология административного статуса выглядит следующим образом: до 1918 г. — уездный город Тобольской губернии; 1918–1923 гг. — центр Тюменской губернии; 1923–1934 гг. — центр Тюменского округа в составе Уральской области (с центром в г. Свердловск); январь–декабрь 1934 г. — центр Обско-Иртышской области; 1934–1944 гг. — город областного подчинения в составе Омской области. С 14 августа 1944 г. — Тюмень административный центр Тюменской области, которая включала в себя Ханты-Мансийский (до 1940 г. Остяко-Вогульский. *Примечание М. С. Новиков*) и Ямало-Ненецкий национальные округа, образованные Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 г.

В 1970 г. Тюменская область стала западносибирской кладовой нефти и газа. К середине 1980-х гг. в её развитии наметились кризисные явления. Решение проблемы хронологически совпало с перестройкой, распадом СССР и либеральными реформами в России.

Целью исследования является анализ трансформации Тюменской области из сложноустроенного субъекта в область, где взаимодополняя друг друга развиваются три субъекта Российской Федерации.

В числе базовых публикаций по указанной теме можно назвать книгу «Очерки истории Тюменской области» и исследование В. И. Ульянова, Ю. М. Конева и А. А. Бирюкова, посвященное становлению Тюменской области в качестве субъекта Российской Федерации [1, 2]. Также целесообразно добавить анализ конституционно-правовых основ отношений Тюменской области с входящими в ее состав автономными округами, проведенный Н. М. Добрыниным и Д. В. Сердюковым [3, 4]. Формирование нефтегазовой отрасли, её развитие в 1960–1980-х гг. и влияние на социальные процессы в регионе рассмотрены в работе Г. Ю. Колевой [5]. История политической жизни области, повествующая о региональных организациях партий, избирательных кампаниях различного уровня, представлена в монографии С. А. Величко, а деятельность Областного совета Тюменской области нашла отражение в монографии тюменских ученых

[6, 7]. Практически не изучена деятельность национальных организаций народов, проживающих в Тюменской области¹. Исключение — политическая деятельность татарских национальных организаций [8].

Однако при тематическом разнообразии публикаций административно-национальные и социально-экономические преобразования, проводимые в регионе, не подвергались комплексному изучению. Как следствие, не проводился анализ процессов суверенизации Ханты-Мансийского (ХМАО) и Ямало-Ненецкого (ЯНАО) автономных округов, а также преобразования взаимоотношений в Тюменской области по формуле «одна область, три субъекта» относительно периода с середины 1980-х гг. до конца 1991 г.

Для реализации указанной цели исследования автором были использованы материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива социально-политической истории Тюменской области и Государственного архива Тюменской области, периодическая печать, справочные материалы, электоральная статистика, а также публикации историко-культурного журнала «Югра». Учредители журнала — исполнительный комитет Совета народных депутатов ХМАО и научно-производственная ассоциация «Аки-Отыл».

Основная часть

Нефть, газ и социальная сфера. Разработка программы долгосрочного развития Тюменской области с учетом функционирования на её территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, по мнению исследователей, осложнялась такими факторами, как сложность долгосрочного прогнозирования в связи с отсутствием четкого представления об этапах ввода месторождений в эксплуатацию; масштабность территории с неразвитой транспортной сетью и своеобразие природно-климатических условий; необходимость координации планов создания нефтяной и газовой отраслей с планами создания строительного комплекса и социального развития области [5, с. 96].

К 1986 г. в области добывалось 360 млн т нефти и 381 млрд кубов газа, что составляло 2/3 объема добычи СССР. В рамках развития отрасли 20 августа 1985 г. был опубликован партийно-правительственный документ № 797 «О комплексном разви-

¹ Новиков С. В. Ермак-Кучум: взгляд в настоящее и будущее через оценки прошлого // XI Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 104–109. EDN: CENLWG.

тии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири в 1986–1990 гг.». Для его реализации в 1986–1990-х гг. планировалось выделить 82 млрд руб. В начале 1986 г. Совет министров СССР принял решение об участии 13 республик СССР в застройке 12 городов, 51 поселка, 40 вахтовых поселков Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, выделив четыре города первоочередной застройки: Лангепас, Когалым, Нягань, Ноябрьск. Нефтяная отрасль вышла на плановые показатели добычи сырья и стала его наращивать, достигнув максимума в 405 млн т в 1988 г. Но в 1990 г. добыча нефти снизилась более чем на 40 млн т, составив 358 млн т [1, с. 233; 5, с. 99, 100]. По свидетельству заместителя начальника объединения «Тюменьнефтегазстрой» А. Мухаметзянова это было связано с тем, что нефтяникам не было передано ни одного нового месторождения для освоения [9].

Причинами сложившейся ситуации назывались низкие оптовые цены на нефть — 23 руб. за т. В октябре 1990 г. Совет министров СССР повысил оптовые цены на нефть до 65 руб. за т. За экспорт нефти и газа в капиталистические страны было предусмотрено отчисление 45 %, в другие страны 50 % валютной выручки в распоряжение Миннефтепрома и концерна Газпром. За дополнительные поставки сырья отчисления в их пользу должны были составлять 70 %. Однако повышение цен на нефть и газ полностью ушло на покрытие растущих цен на материалы и оборудование [1, с. 234]. В начале 1991 г. руководители производств, депутаты и председатели Советов обращаясь к Президенту СССР, заявили о грядущем невыполнении госзаказа по нефти на 17–18 млн т и кризисе в газовой отрасли. Председатель ассоциации «Тюменьнефтегаз» В. Вершинин констатировал, что «через год–два придется покупать нефть за рубежом» [10].

Экономические мероприятия последней трети 1980-х гг., в частности кооперативное движение и арендные отношения, усугубляли ситуацию. Тюменская область в 1990 г. занимала 6-е место в РСФСР по количеству кооперативов. Часть из них была образована на базе госпредприятий, предоставляющих в аренду свои здания, сооружения, оборудование. Арендованное имущество эксплуатировалось на износ. Ведущие роли в ряде кооперативов играли руководители госпредприятий. Включаясь в руководство кооперативов, они отдавали им приоритет в снабжении, закупая их продукцию по завышенным ценам, нанося ущерб госпредприятиям. Число кооператоров в регионе в 1988–1990-х гг. выросло от 1,4 до 120 тыс. чел. [1, с. 235].

Наметились проблемы и в социальной сфере. В 1990 г. лимиты капитальных вложений, выделенные на строительство объектов социальной сферы, были использованы лишь на 82 %. Следовательно, не были введены дошкольные учреждения в 21 городе и районе на 8290 мест, общеобразовательные школы в семи городах на 5772 места, а также не сданы в эксплуатацию дома культуры в четырех городах на 700 мест, больницы в пяти населенных пунктах на 575 койко-мест, поликлиники в трех городах на 1750 посещений в смену. На 24 % снизилось количество сданного жилья [11].

Действовали кооперативы в сфере торговли. Таким образом, при выполнении плана по производству мяса на 96,8 %, колбасных изделий на 98,9 % цены на мясо выросли в 2,4 раза (говядина 18 руб., свинина 16 руб. за кг). При перевыполнении плана производства молока на 105,3 % стоимость творога

выросла на 96 % (7 руб.), сметаны на 62 % (8 руб.). Резко подорожали привозные фрукты и овощи. На 58 % выросла цена мёда до 17 руб. Имело место сокращение товарных запасов с 93 дней в 1990 г. до 70 дней в 1991 г. [11]. Ситуация обострилась в связи с уменьшением досрочного планового завоза муки в третьем квартале на 8, а в четвертом на 3,5 тыс. т в соответствии с письмом Министерства торговли РСФСР № 3-340 от 27.08.1991 г. [12, с. 8].

На начало 1991 г. в области проживало 3170 тыс. чел. Максимальный прирост за весь период развития области имел место в 1986 г., когда на долю миграционного прироста приходился 71 % общей его величины. В 1990 г. доля миграционного прироста составила всего 3 %. За 1991 г. в область прибыло 170 тыс. чел. и почти столько же выбыло. По части территорий число уехавших превысило количество прибывших: по ЯНАО на 6 тыс. чел., в городах Нефтеюганске и Нижневартовске на 1 тыс. чел., в Октябрьском и Сургутском районах на 3,7 тыс. чел. [11].

Политика и нефтяники. Политическая жизнь Тюменской области в 1988–1991 гг. во многом повторяла общероссийские процессы — кризис КПСС, возникновение многопартийности, избирательные кампании и референдумы.

В качестве кризисных явлений в КПСС рассматривались:

— неуплата партвзносов, а затем выход из рядов КПСС. В 1988 г. недоплаты были обнаружены в 541 партийной организации (секретари шести организаций г. Березово, г. Радужное, г. Нефтеюганск). Тогда же начался выход из КПСС. В 1990 г. партийная организация Тюменской области сократилась на 22,8 %, а в ЯНАО на 33,4 % [6, с. 73–74, 173];

— критика партийных руководителей — в регионе её объектом стал Первый секретарь областного комитета (ОК) КПСС Г. П. Богомяков, а в 1960-е гг. заместитель директора Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института — один из создателей нефтегазового комплекса, депутат Совета Союза ВС СССР IX–XI созывов от Тюменской области, депутат ВС РСФСР VIII созыва, член ЦК КПСС (1976–1990), делегат XXIV–XXVII съездов, XIX Всесоюзной конференции КПСС [13];

— попытки изменения партийных структур проявлялись в появлении партийных клубов «Коммунисты за перестройку/ДП в КПСС» в Тюмени, Ханты-Мансийске, Сургуте и др. населенных пунктах нефтеносного севера. Они выражались в требовании их представителей на внеочередной конференции Тюменской областной организации ОК КПСС не создавать, а вести работу посредством советов секретарей. С другой стороны, уже с 1988 г. имела место тенденция создания территориальных организаций КПСС, а в конце 1990 г. бюро Тюменского ОК КПСС приступило к практике их создания. Данная тенденция не была реализована, так как было упущено время [6, с. 231; 1, с. 230].

В 1989 г. в Тюмени, Сургуте, Нижневартовске, Надыме, Новом Уренгое и других населенных пунктах создаются организации народного фронта (НФ). К лету 1990 г. проводимый ими пассивный отказ от социализма уступил место агрессивному антикоммунизму. В мае 1990 г. на учредительном съезде Демократической партии России (ДПР) Н. И. Травкина присутствовало 12 делегатов

от Тюменской области [1, с. 232]. Тогда же создается Социал-демократическая партия России (СДПР). Летом 1990 г. в организацию СДПР Тюмени входили порядка 20–30 чел. Организации СДПР действовали в городах Урай, Ханты-Мансийск, Новый Уренгой. Тюменская организация СДПР, созданная на основе клуба избирателей, по свидетельству исследователя С. А. Мордвинцевой, «[...] поддерживала реформаторов в КПСС, её представители выступали на страницах газеты “Демократ” за “регулируемую рыночную экономику при защищенности общества”. Главным методом Тюменской организации был поиск социального и политического компромисса. Об этом неоднократно заявляли члены правления организации В. Ф. Гришкевич и А. В. Верховский» [6, с. 243]. В ноябре 1990 г. в Тюмени и с. Ярково на базе «ДП в КПСС», трансформирующейся в «ДП вне КПСС», образуются отделения Республиканской партии Российской Федерации (РПРФ). Тюменское отделение партии возглавили С. Л. Ляхевич и А. Н. Крекнин. Организация начала выпуск газеты «Набат» [1, с. 232]. Естественно, нефтяники и газовики, рабочие и руководители различного уровня, являясь членами КПСС и ВЛКСМ, становились участниками вышеупомянутых процессов.

В рамках процессов политических и социально-экономических преобразований целесообразно отметить две имеющие место крайности:

1. «Очерки истории Тюменской области» констатировали, что «[...] руководители комсомольских организаций, используя денежные средства ВЛКСМ, начали заниматься коммерцией, организацией видеосалонов, в которых демонстрировались низкопробные боевики и порнофильмы» [1, с. 231].

2. «Сибирская газета» сообщала из г. Сургута, что приверженцы «Сургутской инициативы» М. Сотников и А. Бек создали на базе организации ВЛКСМ организацию «ДП в КПСС» [14]. Крайности эти во многом иллюстрируют идейный кризис не только в ВЛКСМ, но и в КПСС, где в период слома социально-политической и экономической системы «прагматики», осознанно или неосознанно сменив К. Маркса на М. Вебера, решили в одном случае просто «делать деньги», а в другом — найти новый идеологический причал.

Избирательные кампании 1988–1989 гг. и 1989–1990 гг. прошли в условиях товарного дефицита и социальной неудовлетворенности, либерализации политического режима и отказа от жестких регламентаций. По Закону СССР «О выборах народных депутатов СССР» от 1 декабря 1988 г. общественные организации получали квоту — 100 депутатских мандатов.

Кроме заместителя начальника районной инженерно-технологической службы в Сургутском управлении буровых работ № 2, Героя Социалистического Труда В. Л. Сидорейко (от КПСС) по квоте в народные депутаты СССР прошли: редактор многотиражной газеты «Строитель» объединения «Тюменьстройпуть» (от Союза журналистов СССР) В. П. Зуйков; мастер нефтегазодобывающего управления «Мамонтовнефть» (от профсоюзов СССР) В. В. Густов; бригадир маляров строитель-

Рис. 1. Г. П. Богомяков —
1-й секретарь Тюменского
обкома КПСС

Fig. 1. G. P. Bogomyakov —
1 Secretary of the Tyumen Regional
Committee of the CPSU

Источник / Source: URL: <http://time-person.ru/images/stories/bogomyakov/18.jpg>

ного управления № 29 треста «Тюменьгазстрой» (от женсоветов) В. А. Шульденова².

Что касается выборов по округам, то на 11 округах было зарегистрировано более 30 кандидатов. Активную агитацию в ходе кампании вели НФ Тюмени в поддержку аспиранта С. В. Васильева и против Г. П. Богомякова. При этом против кандидатуры первого секретаря ОК КПСС выступили и партийные клубы. Не поддержало его и региональное управление КГБ.

При средней явке избирателей Тюменской области (77,3 %) победу в восьми территориальных избирательных округах одержали: С. В. Васильев (Ленинский округ), М. Г. Евтушков (Калининский округ), С. В. Селезнев (Нижевартовский округ), В. И. Воскобойников (Новоуренгойский округ), Ю. В. Неелов (Сургутский округ), В. Н. Матюха (Тобольский округ) и другие.

Выборы по Ишимскому избирательному округу Г. П. Богомяков во втором туре проиграл председателю облигагропрома Б. В. Прокопчуку. После проигрыша на выборах народных депутатов СССР пресса обрушила на него шквал критики. Так, в опубликованном письме секретаря парткома нефтегазодобывающего управления «Суторминскнефть» В. Дзевича Г. П. Богомяков обвинялся в чрезмерном форсировании темпов добычи нефти и газа, недостаточной заинтересованности в развитии социальной сферы. Следовательно, Г. П. Богомяков был освобожден от должности первого секретаря Тюменского обкома КПСС 19 января 1990 г. Это решение было принято на пленуме ОК КПСС в преддверии выборов народных депутатов РСФСР и Тюменского областного Совета. На выборы партийная организация выходила без избранного первого секретаря [13] (рис. 1).

В двух из трех национально-территориальных избирательных округах депутатские мандаты полу-

² Петрушин А. Выборы-1989. Тюменский курьер. URL: <https://tm-courier.ru/2019/07/04/vybory-1989/> (дата обращения: 24.01.2026).

чили писатели, члены КПСС Е. Д. Айпин и Р. П. Ругин (Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком)³. Коммунистов в составе избранных народных депутатов было семь и один кандидат в члены КПСС [1, с. 232]. Но КПСС уже не была едина, фаворит избирательной кампании, поддержанный НФ Тюмени С. В. Васильев был кандидатом в члены партии.

Избирательная кампания по выборам народных депутатов РСФСР 1990 г. регулировалась Законом РСФСР «О выборах народных депутатов РСФСР», принятым 27 октября 1989 г. В Тюменской области выборы проходили в 17 территориальных и трех национально-территориальных округах. Всего было зарегистрировано 163 кандидата. В ходе выборов НФ Тюмени предложил не поддерживать кандидатов от аппарата КПСС и исполнительных органов, самостоятельно выдвинув восьмерых кандидатов. 27 февраля 1990 г. в ДК «Геолог» прошло собрание актива демократических организаций города: представителей Ленинского райкома ВЛКСМ, клуба избирателей «Демократическая трибуна», НФ Тюмени, клуба афганцев «Каскад», «ДП в КПСС». В ходе заседания было обозначено — отсталость России вызвана господством административно-командной системы. Предвыборные программы выдвигали и организации КПСС. Так, платформа Ханты-Мансийского ОК КПСС содержала требования о полновластии Советов, демократизации их деятельности, автономии округа, выживании и возрождении народов, экологической безопасности, возрождении духовной жизни и нравственности, борьбе с преступностью [6, с. 192, 197, 203]. Следует отметить, что анализ программ как организаций КПСС, так и «демократов» указывает на совпадение их основных положений.

При средней явке жителей Тюменской области (68,3 %) народными депутатами РСФСР были избраны: Ю. Э. Миллер — гендиректор объединения «Тюменьавтотранс»; Н. А. Чернухин — зампред обл. исполкома; В. В. Юдин — гендиректор Тобольского нефтехимического комбината; Н. А. Павлов — доцент кафедры физиологии Тюменского государственного университета; В. Л. Богданов — гендиректор газодобывающей компании «Сургутнефтегаз»; А. В. Сивак — гендиректор предприятия «Мегионнефтегаз»; В. А. Федорченко — начальник центральной базы производственного обслуживания нефтепромыслового и бурового оборудования в г. Нягань; В. И. Козарь — монтажник «Сургутнефтегазжилстрой»; Ф. Ш. Арсланова — специалист юридического отдела «Уренгойгазпром»; В. А. Чурилов — 1-й секретарь Ханты-Мансийского окружного КПСС; В. А. Городилов — гендиректор «Ноябрьскнефтегаз»; В. С. Сондыков — председатель Нижневартовского райисполкома и другие. Всего по результатам кампании в составе 19 избранных на 20 марта 1990 г. народных депутатов РСФСР был один рабочий, восемь хозяйственных руководителей, шесть служащих и четыре представителя партийного и советского аппарата [6, с. 211].

В ходе выдвижения кандидатов в депутаты Тюменского областного Совета на 300 мандатов заявилось 1196 претендентов: 127 рабочих, 14 колхозников (в том числе 11 председателей колхозов), 167 женщин, 895 членов и кандидатов КПСС,

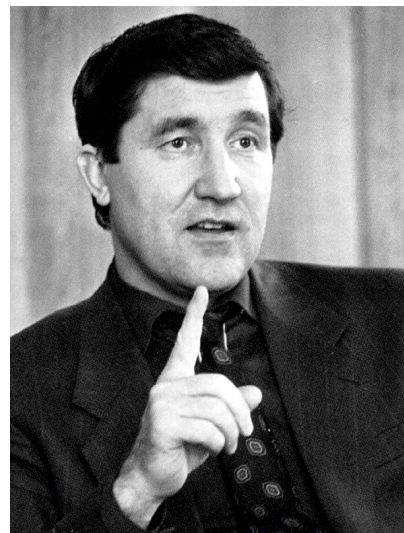

Рис. 2. Ю. К. Шафраник — генеральный директор «Лангепаснефтегаза». 1987 г.
Fig. 2. Yu. K. Shafranik is the General Director of Langepasneftegaz. 1987
Источник / Source: https://onotor.ru/uploads/posts/2022-04/1651220440_ju_k_shafranik_stranica_08_izobrazhenie_0001.jpg

18 комсомольцев. Однако 4 марта 1990 г. было избрано только 67 депутатов. Второй тур 18 марта позволил избрать еще 167 депутатов. Среди избранных во втором туре был Ю. К. Шафраник — гендиректор объединения «Лангепаснефтегаз». После этого проводились три повторных голосования, на которых были избраны еще 59 депутатов. Необходимо отметить, что в различных исследованиях количество избранных депутатов несколько разнится. Но на первой сессии Совета, состоявшейся в апреле 1990 г., было подтверждено избрание 250 депутатов. Хотя три четверти избранных были членами КПСС, партийного влияния уже не ощущалось.

Наличие кворума позволило избрать председателем Совета. На место имелось несколько претендентов, среди которых В. Д. Артеев — первый секретарь Салехардского горкома КПСС и Н. Н. Барышников — первый секретарь Ханты-Мансийского горкома КПСС и другие кандидаты⁴. Победу одержал Ю. К. Шафраник [6, с. 213; 7, с. 222].

Сам Ю. К. Шафраник в беседе с журналистом Андреем Фатеевым вспоминал: «Я нутром чувствовал надвигающуюся беду — в воздухе пахло грозой. [...] Ведь уже через десять дней после выборов в областной Совет Съезд народных депутатов принял Закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР», отменив шестую статью. Именно поэтому я решил не брать самоотвод. Хотя менять погоны нефтяного генерала на кресло политика и не было ни малейшего желания, но мои учителя слишком рано вбили мне в голову понимание ответственности за порученное дело. Так, 38 лет от роду я стал самым молодым в Советском Союзе руководителем, приняв всю ответственность за происходящее в регионе на себя. На тот момент это

³ Фатеев А. Указ, опередивший время. Тюменские известия. URL: <https://t-i.ru/articles/55162> (дата обращения: 26.01.2026).

⁴ Фатеев А. В воздухе пахло грозой... Тюменские известия. URL: <https://t-i.ru/articles/33417> (дата обращения: 26.01.2026).

была единственная легитимная власть, правда, без особых полномочий»⁵. (рис. 2).

Власть перешла к капитанам нефтегазового комплекса. Переход был связан с изменениями политической системы, а решения, принимаемые в Тюменской области, становились возможными по мере изменения союзного и российского законодательства. Сам Ю. К. Шафраник приостановил членство в КПСС в связи с отменой 6-й статьи Конституции СССР [19]. Вариант передачи власти от КПСС Советам при главенстве в них партийного руководителя реализован не был, а выборы Тюменского областного Совета вошли в историю как «Бархатная революция в Тюменской области».

Старые противоречия в системе новых отношений. 10 августа 1989 г. в г. Ханты-Мансийске состоялся учредительный съезд коренных малочисленных народов Севера, образовавший ассоциацию «Спасение Югры». В октябре того же года на аналогичном учредительном съезде, прошедшем в г. Салехарде, была создана ассоциация «Ямал — потомкам!» [20]. Это был ответ на обострившиеся отношения недропользователей с коренным населением, обеспокоенным загрязнением рек, безжалостным уничтожением оленьих пастбищ и охотничьих родовых угодий.

Положение в области экологии образно описывал уроженец с. Варьёган Х-МНО, лесной ненец (неща), выпускник Литературного института им. А. М. Горького Юрий Вэлла (Юрий Кылевич Айвасада).

Приведем одно из его произведений:

«В полдень
Олененок малый
Над ручьем склонился,
Он просил:
"Мне жарко, мама,
Я хочу напиться".
"Погоди,
Не пей, сынок,
Потерпи немножко.
Пахнет нефтью ручеек,
Отравиться можно.
Вот уйдем подальше в тундру,
Там вода живая,
Там смеются птицы
Утром,
Песни напевая.
Там пушистый белый ягель
Украшает кочки.
Там румяных спелых ягод
Сколько,
Сколько хочешь.
Там другие олениа
Весело играют,
На бору грибы-маслята
Силы набирают..."
Ну куда б они ни шли,
Всюду буровые,
На озерах черной смолью
Пятна нефтяные.
Фары целят в ночь
Двухстволкой,

Ягель пахнет едкой гарью,
А по тундре псы гуляют
Без хозяев,
Словно волки» [15, с. 11].

Характеристика положения коренного населения дана в статье доктора исторических наук, заведующего сектором (отделом) народов Севера и Сибири З. П. Соколовой, опубликованной в журнале «Югра». Исследователь, сравнивая положения эскимосов и индейцев Канады с народами обского севера, делала вывод, что: «[...] В экономическом, социальном и культурном развитии аборигенов севера Канады много проблем, характерных для наших северных народов, в том числе урбанизация культуры, утрата её национальных черт, языковая ассимиляция. Однако пути решения этих проблем в Канаде и СССР различны. Во-первых, промышленное освоение канадского севера, а также научно-технический прогресс хотя и разрушают национальную культуру эскимосов и индейцев, но в то же время способствуют в целом подъёму их материального положения, улучшению технологии традиционных отраслей хозяйства, а также возрождению национальной культуры, языков аборигенов. На советском севере этот процесс находится в самом зачаточном состоянии. Во-вторых, федеральное и территориальное правительство в последние 15–20 лет уделяет больше внимания проблемам выживания и подъёма благосостояния аборигенов Арктики, чем наше руководство в республиках, автономных округах, областях и краях» [16, с. 18–19]. Насколько объективен был в своих оценках, обозначивший себя просто «этнографом», автор? Но тема стала частью общественной дискуссии.

На юге области в рамках краеведческих и национально-культурных изысканий, связанных с историей сибирских татар, на повестку дня выходит история Сибирского ханства и его правителя хана Кучума⁶. В 1988 г. был создан Комитет по возрождению сибирских татар во главе с поэтом Б. В. Сулеймановым, а 29 сентября 1990 г. в г. Тюмень на учредительной конференции был создан оргкомитет Ассоциации татар Тюменской области (АТТО) [9, с. 38–39]. К началу 1991 г. формулируются предложения АТТО в области управления, образования, науки и культуры:

— обеспечить квотное представительство в сельских, районных, городских, окружных, областных Советах представителей различных национальностей или двухпалатных Советов;

— в структуре областного комитета по образованию и науке создать отдел национальных школ по руководству татарскими школами. В восьми районах компактного проживания татарского населения юга области в отделах народного образования создать структуры, занимающиеся национальной татарской школой с приданием им статуса самоуправления в вопросах воспитания и образования, с самостоятельной бюджетной системой финансирования;

— открыть татарский колледж по подготовке преподавателей труда;

— создать временный научный коллектив по исследованию проблем истории, языка, культу-

⁵ Фатеев А. Указ, опередивший время. Тюменские известия. URL: <https://t-i.ru/articles/55162> (дата обращения: 26.01.2026).

⁶ Новиков С. В. Ермак-Кучум: взгляд в настоящее и будущее через оценки прошлого // XI Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: АГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 104–109. EDN: CENLWG.

ры и межнациональных отношений татар, проживающих на территории Западной Сибири;

— начать строительство татарского культурного центра в Тюмени [17, с. 17, 18, 20, 61].

4 декабря 1991 г. в ДК «Строитель» г. Тюмени собралось 17 представителей Учредительного казачьего круга. В повестке работы круга значилось:

— учреждение Тюменского казачьего Союза (ТКС);

— обсуждение и принятие Устава (Уложения) ТКС;

— выборы атамана и казначея.

В результате Союз был создан. Атаманом единогласно избран Г. И. Хмелев, казначеем — В. Е. Котоломов. Принятый членами круга Устав ТКС ставил целью «объединение представителей исторически казачьих территорий и выходцев из них на основе совместной деятельности и общения. Восстановление и сохранение казачества как исторически сложившейся культурно-этнической общности людей» [18, с. 1–3, 6]. Параллельно ТКС шло создание Ноябрьского, Новоуренгойского, Надымского, Лабитнангского, Наганьского и Мегионского казачьих округов, Обдорской казачьей общины [19, с. 29].

Однако угроза распада области была вызвана не деятельностью национальных активистов. На первый взгляд рост самостоятельности нефтегазодобывающих объединений в автономных округах вызывал беспокойство управленцев из Тюменского ОК КПСС и тревожил ЦК КПСС. XII областная партийная конференция открылась в Тюмени 25 апреля 1990 г. В её работе принял участие член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, зампред Совмина СССР И. С. Силаев и бывший гендиректор «Томскнефть» и «Нижевартовскнефтегаз», министр нефтегазовой промышленности СССР Л. И. Филимонов. Но на партконференции выявилось различие подходов к вопросам использования доходов отрасли и, как следствие, к судьбе территории. Так В. П. Курамин, чья карьера состоялась в Тюменской области, будучи кандидатом на должность 1-го секретаря Тюменского ОК КПСС и действующим зампред Бюро Совмина СССР по топливно-энергетическому комплексу, отождествляя себя с жителями региона, отметил в своем выступлении: «Мы имеем право жить лучше. Такая страна, как Кувейт, добывает 75 млн т нефти. Но я своими глазами видел, какие условия там сумели людям создать. Живут, как при коммунизме. В то же время Тюменская область, которая добывает почти 400 млн т нефти и 500 млрд куб. м газа, не может обеспечить своих людей жильем, школами, больницами, детсадами. [...] В США, в штате Техас, который по своему экономическому потенциалу имеет такое же значение, как Тюмень для СССР, все компании, добывающие нефть, отчисляют в бюджет штата до 25 % стоимости полученного продукта. Кроме того, делают до 5 % благотворительных взносов в развитие высшего и среднего образования. При такой схеме экономических взаимоотношений области и центра нам в области можно перейти на хозрасчет. И тогда местные Советы получат реальную экономическую базу и станут настоящими хозяевами на своих территориях»⁷.

После выступления ЦК предложило В. П. Курамину снять кандидатуру с выборов первого секретаря Тюменского ОК КПСС. Однако сам по себе факт показывал, что сдерживать процесс экономической и административной дезинтеграции через партийное воздействие на руководство и коллективы предприятий после отмены 6-й статьи Конституции СССР было уже невозможно.

Административный и экономический статусы округов стали камнем преткновения в работе депутатов областного и окружных Советов. В октябре 1990 г. Ямало-Ненецкий окружной Совет народных депутатов принял декларацию о суверенитете Ямало-Ненецкой Республики. Тогда же на сессии Ханты-Мансийского окружного Совета прозвучало предложение заместителя председателя Совета по малочисленным народностям Севера В. М. Молоткова о преобразовании автономного округа в автономную республику.

Вопрос сохранения территориального, а также экономического и финансового единства Тюменской области в условиях угасания влияния КПСС должно было решать руководство областного Совета народных депутатов. В. И. Ульянов, командированный в Салехард, после подсчета голосов заявил руководителям самопровозглашенной республики о необходимости решения вопроса по обеспечению суверенной республики. Поскольку Тюменская область не вправе поставлять промышленные и продовольственные товары в другие республики. Вдобавок ко всему Ханты-Мансийский окружной Совет народных депутатов под влиянием руководителей нефтегазового комплекса, с которыми провёл беседу их бывший коллега Ю. К. Шафраник, отказался включать предложение В. М. Молоткова в повестку очередной сессии. Окружной Совет решение о суверенитете дезавуировал [2, с. 38; 4, с. 26].

Насколько позиция окружных Советов и представителей нефтегазового комплекса в 1990 г. соответствовала настроениям населения, свидетельствует социологический опрос, проведенный в Югре. Исследователь Д. В. Сердюков указывает, что: «Отвечая на вопрос о независимости округа, 32 % респондентов выступили за полный территориальный хозрасчет на основе самофинансирования, а 21 % опрошенных высказались за экономическую и политическую независимость округа» [4, с. 27].

При этом отметим, что 17 марта 1991 г. в ходе «Всесоюзного референдума о сохранении СССР» процент проголосовавших за формулировку о его сохранении в автономных округах оказался ниже, чем на юге Тюменской области и в РСФСР. Формулировку «Всероссийского референдума о введении поста президента РСФСР» в округах поддержало большее количество граждан, чем на юге Тюменской области и в РСФСР [20, с. 165, 167, 169].

Могли ли коренные народы быть носителями идей «полного территориального хозрасчета на основе самофинансирования» или «экономической и политической независимости округа»? Теоретически могли. Но на процессы суверенизации различного уровня они вряд ли влияли. Так, в ХМАО доля коренных народов за 30 лет с 1959 г. по 1989 г. сократилась в 10 раз. Удельный вес хантов среди населения составлял в 1989 г. — 0,9 %, манси —

0,5 % [21, с. 98]. Подобная ситуация имела место и у иных коренных народов ХМАО и ЯНАО. В данной ситуации можно констатировать, что проводниками идей как регионального, так и российского суверенитета выступали руководители и труженики нефтегазовой отрасли, персоны в большинстве случаев пришлые.

Начало реформ. Необходимо отметить, что деятельность руководства области проходила в условиях передачи власти Советам. В ноябре 1990 г. в Тюменский областной совет входило 285 депутатов. 75 % из них формально оставались членами КПСС, но фракция КПСС составляла 54 депутата. Другие партии представительство в органе не оформили. Большая часть депутатов — 52 % представляли население ХМАО и ЯНАО и входили в территориальные депутатские группы — «Югра» и «Ямал». Меньшая (48 %) поддерживала депутатскую группу «Тюмень» [7, с. 222; 2, с. 37]. Таким образом, по итогам формирования Тюменского областного Совета можно констатировать, что как партийно-представительный орган он не состоялся. При его формировании и в его работе зачастую доминировал территориальный принцип.

Однако 14 ноября 1990 г. в ответ на октябрьское решение Второй сессии окружного Совета ЯНАО о создании Ямало-Ненецкой Республики Тюменский областной Совет принял «Положение о статусе Тюменской области», закрепившее её единство [2, с. 38–39]. В обществе не прекращалась дискуссия о моделях трансформации области. Председатель комиссии по внешнеэкономическим связям Томского областного Совета в 1990 г., представитель ХМАО в Тюмени с 1991 г. Н. М. Добрынин перечислил их:

«Первая: ликвидировать автономные округа и их органы государственной власти. В этом антиконституционном варианте практически нет “за” и много доводов “против”. Такой подход требует изменения Конституции России и не находит поддержки у депутатов законодательных органов государственной власти автономных округов и расположенных на их территории представительных органов местного самоуправления. Он не поддерживается и федеральными органами власти.

Вторая: на территории области образовать Южный территориальный округ, а затем на договорной основе создать область имеющую в составе три округа [...].

Третья: ликвидация автономных округов и преобразование области в республику. По сути, этот подход не отличается от первого [...].

Четвертая: образовать Южный административно-территориальный округ и преобразовать область в республику. При этом должны быть созданы представительные и исполнительные органы республики, причем система исполнительной власти в республике должна быть единой, а окружные исполнительные органы подчинены республиканским. Все функции по взаимодействию с федеральными структурами сосредотачиваются в республиканских органах. Формируется единый бюджет. Вместе с тем окружные органы власти обладают необходимым объемом полномочий по решению социально-экономических вопросов на территории округов [...].

Пятая: автономные округа находятся в составе области на положении “специальных” субъектов Федерации; экономические, политические взаимоотношения регулируются Соглашением о разграничении полномочий, Федеральным законом о регулировании отношений, именными законами об автономных округах. Область имеет единую территорию. Окружные бюджеты самостоятельны, но общеобластной бюджет формируется на обязательных принципах [...]» [3, с. 54–55].

Третья сессия обласвета, проведенная 29 января–1 февраля 1991 г. с целью принятия проекта областного бюджета на 1991 г., констатировала не только падение производства, но и угрозу поглощения 40 % бюджета тратами на социальную защиту населения при снижении его жизненного уровня в связи с переходом к рынку. При этом депутаты Тюменского областного совета удержались от конфронтации по варианту: «отделиться хотят, забыли, что мы их кормили, надо блокировать север, пусть свою нефть едят или они за счет севера развивают Тюмень и село, которое отдачи не дает, а мы в балках живем» [7, с. 230].

Отсутствие конфронтации, на наш взгляд, имело свои причины, среди которых выделяются — восприятие основной частью населения Тюменской области как единого целого, доминирования финансовых противоречий по формуле «Тюмень — Союзный центр», ограниченное влияние национального фактора на процессы суверенизации в автономных округах.

Именно обозначенная выше ситуация позволила Ю. К. Шафранику убедить коллег из числа политиков и капитанов нефтегазового комплекса в том, что суверенитет сам по себе денег не принесёт и что только объединенные в рамках области территории представляют силу в отношениях с центром, Союзным или Российским. Принятая Тюменским областным Советом еще в ноябре 1990 г. концепция развития базировалась на платности недропользования, на получении тремя территориями — Югом Тюменской области, ХМАО и ЯНАО — доли средств от нефтегазодобычи. В Тюмени первыми в СССР заговорили о рыночном механизме формирования цен на углеводороды, создании компаний на базе госсобственности, формировании новых компаний на базе разведанных и неразведанных ресурсов⁸.

В апреле 1991 г. IV сессия обласвета обозначила экономическое положение области критическим и заявила о неудовлетворённости действиями Советов Министров СССР и РСФСР по решению проблем региона⁹.

В ходе кампании по выборам президента РСФСР подобного рода заявления трактовались в рамках требования расширения властных полномочий Б. Н. Ельцина — лидера России в противостоянии руководству СССР. На выборах Б. Н. Ельцин одержал победу в ХМАО — с 68,72 %, в Тюменской области — с 56,28 %, в ЯНАО — с 67,91 % при среднем по РФ 57,3 % [20, с. 165, 167, 169].

Пятая внеочередная сессия, прошедшая уже 21 июня 1991 г. заявила о необходимости создания на территории области особого экономического района, предприятия и органы власти которого наделались бы специальными правами в получении

⁸ Фатеев А. В воздухе пахло грозой... Тюменские известия. URL: <https://t-i.ru/articles/33417> (дата обращения: 26.01.2026).

⁹ Фатеев А. Указ, опередивший время. Тюменские известия. URL: <https://t-i.ru/articles/55162> (дата обращения: 26.01.2026)

Рис. 3. Б. Н. Ельцин и Ю. К. Шафраник
на встрече с населением Тюмени. 1991 г.
Fig. 3. B. N. Yeltsin and Y. K. Shafranik at meetings with
the population of Tyumen. 1991

Источник / Source: URL: <https://t-i.ru/media/cache/b5/18/b5183710e3b1f5a003a8b47d3b47ef55.jpg>

доходов от нефти, газа, леса и иной производимой продукции, а также по вопросам недропользования [7, с. 230].

Летом 1991 г. Ю. К. Шафранику удалось убедить Б. Н. Ельцина совершить свой первый после избрания на пост Президента РСФСР рабочий визит в Тюменскую область. Команда, включавшая председателя Совета министров РСФСР И. С. Силаева прибыла в регион 5 августа. Работа продолжалась четыре дня. Российские и региональные руководители на трёх самолётах перелетали из Надыма в Салехард, затем в Ноябрьск, Ханты-Мансийск, Нефтеюганск. В Тюмени подвели итоги. Население городов встречало Б. Н. Ельцина с ликованием¹⁰ (рис. 3).

12 августа 1991 г. газета «Коммерсант» сообщила: «8 августа Ельцин официально заявил, что до 20 августа Россия заберет в свою юрисдикцию расположенные на ее территории предприятия нефтяной и газовой промышленности. [...] после 20 августа союзному центру остается только оборона, железные дороги и электричество. Несладко "сильному центру", несладко и "сильным республикам". Участникам Союзного договора российская нефть будет предлагаться по 200 рублей за тонну (вместо 60), отказникам — по \$ 180 (т. е. в 90 раз дороже, чем раньше). Зато пока довольны тюменцы. Ельцин безо всяких условий предложил в полное распоряжение тюменцев 30 % от фактической добычи нефти (в нынешних условиях это составляет порядка 100 млн тонн). [...] Попутно Тюмень освобождается от обязанности отчислять 40 % валюты в союзный бюджет»¹¹. Так противоречия по формуле «Тюмень — Союзный центр» были ликвидированы.

По мнению аналитиков газеты «Коммерсант», ожидаемый в Тюмени Указ означал для остальной

страны «нефтяной шок», сравнимый по последствиям с «нефтяным шоком» 1973 г., когда страны ОПЕК подняли цены в несколько раз, вызвав на Западе очереди за бензином, инфляцию, промышленный спад и структурную перестройку экономики¹².

По итогам поездки президент планировал в течение 10 дней подписать соответствующий Указ. Но 19 августа 1991 г. Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) отстранил от власти М. С. Горбачёва и объявил о введении чрезвычайного положения. Ю. К. Шафраник первым в стране — не дожидаясь выступления Б. Н. Ельцина — заявил о поддержке российского руководства. ГКЧП потерпел поражение. 19 сентября 1991 г. Б. Н. Ельцин подписал Указ «О развитии Тюменской области», предусматривающий разработку соответствующей программы силами исполнительных органов областного и окружных Советов с последующим представлением и утверждением её Советом министров России, учреждение Администрации по её реализации. Указ предоставлял широкие права местным органам власти распоряжаться недрами, природными ресурсами и формировать бюджет области и округов. А 27 сентября 1991 г. Ю. К. Шафраник был назначен главой администрации Тюменской области [1, с. 234]. Одним из первых своих распоряжений он утвердил перечень мер по выполнению Указа Президента. Председателю Ханты-Мансийского окружного совета В. А. Чурилову поручил руководство разработкой нормативных документов по его реализации, а зампреду облисполкома Ю. М. Коневу и председателю Тюменского научного центра В. П. Мельникову — разработку положения о научном обеспечении программы развития Тюменской области¹³.

¹⁰ Фатеев А. Указ, опередивший время. Тюменские известия. URL: <https://t-i.ru/articles/55162> (дата обращения: 26.01.2026)

¹¹ Владимиров Б., Соколов М. Ельцин в Тюмени: в обновленный Союз на дешевом бензине не въедешь. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/762503> (дата обращения: 28.02.2026).

¹² Там же.

¹³ Фатеев А. Указ, опередивший время. Тюменские известия. URL: <https://t-i.ru/articles/55162> (дата обращения: 26.01.2026).

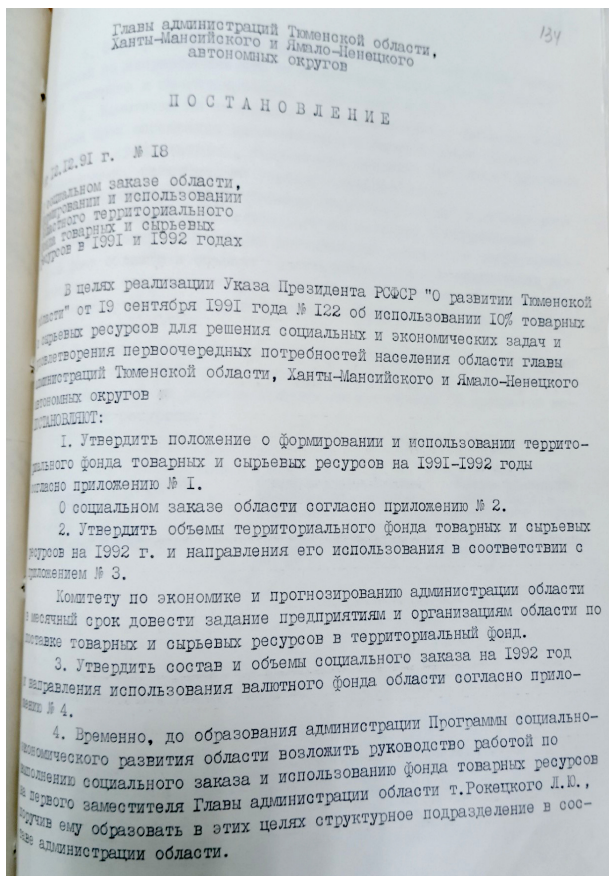

Рис. 4. Постановление о территориальном заказе области по регулированию и использованию областного территориального фонда товарных и сырьевых ресурсов от 12.12.1991 г. № 18 [12, с. 134]

Fig. 4. Resolution on the territorial order of the region, on the regulation and use of the regional territorial fund of commodity and raw materials dated 12.12.1991 No. 18 [12, p. 134]

Однако предложения Тюмени по механизму реализации Указа «О развитии Тюменской области» оставались без внимания правительства России: не ставился вопрос об источниках финансирования инвестиционных проектов, не были предприняты шаги по передаче Программе развития перечисленных в Указе полномочий по недропользованию, формированию товарного и сырьевого фонда, участию области в определении экспортной квоты по углеводородному сырью и лесу. Правительство использовало противоречия и конфликты области и автономных округов в качестве аргумента для торпедирования становления программы и её механизмов [3, с. 61]. Так противоречия по формуле «Тюмень — Союзный центр» уступили место противоречиям по формуле «Тюмень — Федеральный центр».

18 октября 1991 г. окружной Совет вновь принял декларацию о суверенитете Ямало-Ненецкого округа в статусе республики [4, с. 27]. Отметим, что статус субъектов в это время имели лишь республики. Москва и Санкт-Петербург, края и области, автономные округа добивались получения соответствующего статуса. Журналист А. Фатеев в одной из своих статей приводит воспоминания

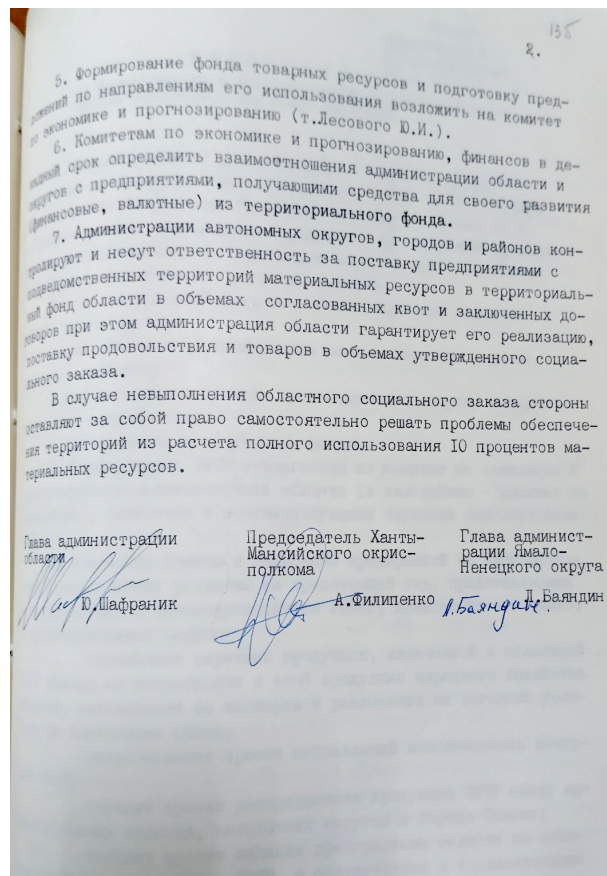

Рис. 5. Постановление о территориальном заказе области по регулированию и использованию областного территориального фонда товарных и сырьевых ресурсов от 12.12.1991 г. № 18 [12, с. 135]

Fig. 5. Resolution on the territorial order of the region, on the regulation and use of the regional territorial fund of commodity and raw materials dated 12.12.1991 No. 18 [12, p. 135]

Ю. К. Шафраника, относящиеся к осени 1991 г., — «Я, как глава единого региона, мотался между Салехардом и Ханты-Мансийском, объясняя на сессиях окружных Советов: «О чём вы говорите? О лучшей жизни в независимой республике? Но суверенитет сам по себе денег не принесёт! Необходимо сообщать добиваться исполнения уже подписанного Указа президента. Иначе в Москве нас толкнут лбами и раздавят поодиночке»¹⁴.

О дальнейших решениях Ю. К. Шафраника свидетельствуют материалы Государственного архива Тюменской области, как-то постановления Главы администрации Тюменской области. Он подписал постановление «О структуре администрации области», в целях организации эффективного управления народным хозяйством области, повышения персональной ответственности должностных лиц и укрепления государственной дисциплины, образовав в её составе административный совет и представительства автономных округов. Примером решения тех или иных вопросов является «Постановление о территориальном заказе области, по регулированию и использованию областного территориального фонда товарных и сырьевых ресурсов от 12.12.1991 г. № 18». В верхнем колон-

¹⁴ Фатеев А. Указ, опередивший время. Тюменские известия. URL: <https://t-i.ru/articles/55162> (дата обращения: 26.01.2026).

титуле документа значились главы администрации Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов, а под документом располагались подписи главы администрации Ю. Шафраника, председателя Ханты-Мансийского окрисполкома А. Филипенко, главы администрации Ямало-Ненецкого округа Л. Баяндина. [12, с. 4, 134–135] (рис. 4, 5).

Так началась реализация одной из моделей трансформации области, при которой автономные округа находятся в составе области на положении «специальных» субъектов Федерации, а экономические, политические взаимоотношения регулируются Соглашением о разграничении полномочий. Область имеет единую территорию.

Заключение

Превращение Тюменской области из сложно-устроенного субъекта в три субъекта Федерации, объединенных по формуле «Одна область, три субъекта», проходило на фоне изменения социально-политического строя и экономических отношений, парада суверенитетов и падения уровня жизни населения. Указанные факторы оказывали влияние на политический выбор тюменцев и решения, принимаемые в рамках изменения национально-государственного устройства региона.

Особенностями развития Тюменского региона являлись восприятие населением Тюменской области как единого целого; наличие финансовых противоречий по формуле «Тюмень – Центр»; ограниченное влияние национального фактора на процессы суверенизации в автономных округах.

В данных обстоятельствах между югом области и автономными округами был найден компромисс — при главе администрации области были созданы представительства автономных округов и административный совет. Это и положило начало созданию «Тюменской матрешки» — трех субъектов Федерации, объединенных по формуле «Одна область, три субъекта».

Список источников / References

1. Очерки истории Тюменской области / отв. ред. В. М. Кружинов. Тюмень: Комитет по печати и массовой информации Тюменской области, 1994. 270 с.

Ocherki istorii Tyumenskoy oblasti / Ed. by V. M. Kruzhinov. Tyumen, 1994. 270 p. (In Russ.).

2. Ульянов В. И., Конев Ю. М., Бирюков А. А. Становление Тюменской области — субъекта Российской Федерации: историко-правовое исследование. Тюмень: Власть, 2024. 311 с.

Ul'yanov V. I., Konev Yu. M., Biryukov A. A. Stanovleniye Tyumenskoy oblasti — sub'yekta Rossiyskoy Federatsii: istoriko-pravovoye issledovaniye. Tyumen, 2024. 311 p. (In Russ.).

3. Добрынин Н. М. Конституционно-правовые отношения края или области с входящими в их состав автономными округами: монография. Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1998. 238 с. ISBN 5-88081-111-5. EDN: SDETAZ.

Dobrynin N. M. Konstitutsionno-pravovyye otnosheniya kraya ili oblasti s vkhodyashchimi v ikh sostav avtonomnymi okrugami. Tyumen, 1998. 238 p. ISBN 5-88081-111-5. EDN: SDETAZ. (In Russ.).

4. Сердюков Д. В. «Сложноустроенный субъект»: попытка осмысления тюменского опыта // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2009. Т. 5, № 3. С. 26–36. EDN: KUCBIX.

Serdyukov D. V. "Complex subject": attempt of Tyumen region experience's deliberation. *Political expertise: POLITEX*. 2009;5(3):26–36. EDN: KUCBIX. (In Russ.).

5. Колева Г. Ю. Стратегия развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980-е гг.) // Вестник Томс-

кого государственного университета. 2007. № 300-1. С. 95–102. EDN: KHNLVR.

Koleva G. U. Strategy of development west-siberian oil-and-gas complex (1960–1980). *Tomsk State University Journal*. 2007;300-1:95–102. EDN: KHNLVR. (In Russ.).

6. Величко С. А. Общественно-политическая жизнь Сибири. 1985–1991 гг.: монография. Омск: ОмГТУ, 2004. 376 с. ISBN 5-8149-0194-2.

Velichko S. A. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri. 1985–1991gg. Omsk, 2004. 376 p. ISBN 5-8149-0194-2. (In Russ.).

7. Кондратьев С. В., Анкушева К. А., Кружинов В. М. [и др.]. Региональный парламент: становление и развитие представительной власти Тюменской области: монография. Тюмень: ТюмГУ, 2016. 472 с. EDN: VQQODT.

Kondrat'yev S. V., Ankusheva K. A., Kruzhinov V. M. [et al.]. Regional'nyy parlament: stanovleniye i razvitiye predstavitel'noy vlasti Tyumenskoy oblasti. Tyumen, 2016. 472 p. EDN: VQQODT. (In Russ.).

8. Новиков М. С. Деятельность органов власти и общественно-политических организаций по вопросам создания территориальной автономии сибирских татар (1989–1997 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 36–45. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-4-36-45>. EDN: BCMTRK.

Novikov M. S. Activities of government bodies and socio-political organizations on the creation of territorial autonomy of the Siberian Tatars (1989–1997). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023;8(4):36–45. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-4-36-45>. EDN: BCMTRK. (In Russ.).

9. Тюменская правда. 1991. 19 января.

Tyumenskaya Pravda. 1991. January 19. (In Russ.).

10. Тюменская правда. 1991. 13 марта.

Tyumenskaya Pravda. 1991. March 13. (In Russ.).

11. Тюменская правда. 1991. 1 февраля.

Tyumenskaya Pravda. 1991. February 1. (In Russ.).

12. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 2239. Оп. 1. Д. 33.

State Archive of the Tyumen Region (SATR). File: 2239/1/33. (In Russ.).

13. Тюменский комсомолец. 1989. 22 сентября.

Tyumenskiy Komsomolets. 1989. September 22. (In Russ.).

14. Сибирская газета. 1990. 13 августа.

Sibirskaya Gazeta. 1990. August 13. (In Russ.).

15. Вэлла Ю. Моя боль // Югра. 1993. № 11. С. 11.

Vella Yu. Moya bol'. *Yugra*. 1993;11:11. (In Russ.).

16. Соколова З. У вождя длинная коса // Югра. 1991. № 2. С. 17–20.

Sokolova Z. U vozhdya dlinnaya kosa. *Yugra*. 1991;2:17–20. (In Russ.).

17. ГАТО. Ф. 2239. Оп. 1. Д. 107.

SATR. File: 2239/1/107. (In Russ.).

18. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4137. Оп. 1. Д. 1. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region (SASPHTR). File: 4137/1/1. (In Russ.).

19. ГАСПИТО. Ф. 4137. Оп. 1. Д. 4.

SASPHTR. File: 4137/1/4. (In Russ.).

20. Российские регионы накануне выборов-95. Москва: Юрид. лит., 1995. 186 с.

Rossiyskiye regiony nakanune vyborov-95. Moscow, 1995. 186 p. (In Russ.).

21. Пивнева Е. А. Коренные малочисленные народы ХМАО–Югры в зеркале всеобщих переписей населения России XX–XXI вв. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 4 (16). С. 87–110. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-87-110>. EDN: HASMPY.

Pivneva E. A. Indigenous small peoples of Khanty-Mansiysk autonomous district—Yugra in the mirror of nation censuses of Russia (20th–21st centuries). *Tula Scientific Bulletin. History*.

Информация об авторе:

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 2836-4707

AuthorID (РИНЦ): 849223

e-mail: bonid89@inbox.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 11.03.2026; одобрена после рецензирования 19.04.2026; принята к публикации 17.08.2026.

Information about the author:

NOVIKOV Mikhail Sergeyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.

SPIN-code: 2836-4707

AuthorID (RSCI): 849223

e-mail: bonid89@inbox.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 11.03.2026; approved after reviewing 19.04.2026; accepted for publication 17.08.2026.

УЧЕТ И ВРАЧЕБНО-САНИТАРНЫЙ НАДЗОР ЗА ПРОСТИТУЦИЕЙ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX вв.)

И. В. Орлова

Иркутский государственный медицинский университет,
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1

 irina_orlova7@mail.ru

В статье на основе архивных материалов и статистических отчетов анализируется система учета и врачебно-санитарного надзора за проституцией в городах Восточной Сибири в конце XIX—начале XX вв.

Рассматриваются законодательные основы регламентации проституции, закрепленные в нормативных актах 1844—1903 гг., включая «Правила для публичных женщин», «Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи», а также практика проведения медицинских освидетельствований проституток. В работе впервые вводятся в научный оборот ранее неопубликованные архивные документы из фондов государственных архивов Иркутской области, Красноярского края, Республики Бурятия и Забайкальского края.

На основе данных однодневных переписей 1889 и 1907 гг., а также отчетов врачебных управ и полицейских ведомств уделяется особое внимание анализу эффективности врачебно-полицейского контроля в городах региона. Исследование показывает, что, несмотря на существование развитой нормативной базы, система надзора работала неэффективно. Медицинские осмотры носили формальный характер из-за хронической нехватки врачей, отсутствия унифицированных методик освидетельствования и слабой материально-технической базы лечебных учреждений. Значительная часть зарегистрированных проституток уклонялась от регулярных осмотров, а меры административного воздействия оставались безрезультатными. Масштабы скрытой (нелегальной) проституции, по признаниям современников — врачей и полицейских чинов, — во много раз превосходили официальные данные, что делало реальную эпидемиологическую ситуацию неуправляемой.

Ключевые слова: проституция, дома терпимости, врачебно-полицейский надзор, Восточная Сибирь, медицинские освидетельствования, венерические заболевания, статистический учет, региональное здравоохранение

Для цитирования: Орлова И. В. Учет и врачебно-санитарный надзор за проституцией в Восточной Сибири (конец XIX—начало XX вв.). *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 36—42. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-36-42>. EDN: RKQPEE.

© Орлова И. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

REGISTRATION AND MEDICAL-SANITARY SUPERVISION OF PROSTITUTION IN EASTERN SIBERIA (LATE 19th—EARLY 20th CENTURIES)

I. V. Orlova

Irkutsk State Medical University,
Krasnogo Vosstaniya St., 1, Irkutsk, 664003, Russia

 irina_orlova7@mail.ru

The article examines the legislative framework for the regulation of prostitution as established in the normative acts of 1844–1903. It includes the “Rules for Public Women” and the “Statute on the Organization of Supervision over Urban Prostitution in the Empire”, as well as the practice of conducting medical examinations of prostitutes. For the first time, the research introduces previously unpublished archival documents from the collections of the State Archives of the Irkutsk region, the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory into academic discourse.

Based on data from one-day censuses of 1889 and 1907, as well as on reports from medical boards and police departments, the author analyses the effectiveness of medical and police control in the cities of the region. The research shows that despite the existence of a developed regulatory framework, the supervisory system was ineffective. Medical examinations were formal due to a chronic shortage of doctors, the lack of unified examination methods and the weak material and technical base of medical institutions. Moreover, the significant portion of registered prostitutes evaded regular examinations, and administrative measures remained ineffective. The scale of hidden (illegal) prostitution according to doctors and police officials far exceeded official figures, rendering the actual epidemiological situation unmanageable.

Keywords: prostitution, brothels, medical and police supervision, Eastern Siberia, medical examinations, sexually transmitted diseases, statistics, regional healthcare

For citation: Orlova I. V. Registration and medical-sanitary supervision of prostitution in Eastern Siberia (late 19th–early 20th centuries). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):36–42. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-36-42>. EDN: RKQPEE. (In Russ.).

© Orlova I. V., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

За последние десятилетия современными исследователями достаточно детально изучены механизмы формирования и реализации регламентов по освобождению проституток от уголовной ответственности, содержание домов терпимости, подвергнут анализу социальный статус проституток и их положение как субъекта трудовых отношений, мотивы социальной девиации. В поле исторической регионалистики немало работ, отражающих особенности индивидуальной и общественной приспособляемости к реальности в виде разрешенной проституции. В меньшей степени разрабатываются вопросы обеспечения учета и врачебно-санитарного надзора за проституцией.

Начало государственному признанию проституции как социальному явлению было положено в 1844 г., когда были приняты «Правила содержательницам борделей» и «Правила для публичных женщин», отныне на открытие домов терпимости и домов свиданий городской полицией выдавалось разрешение, устанавливались требования к помещениям, содержательницам борделей, в том числе содействие контролю за деятельностью проституток, предоставление сведений в полицейский учёт о вновь поступивших, соблюдение «относящихся к здоровью женщин ... правил». В обязанности женщин вольного поведения входило соблюдение личной гигиены и т. д. [1, с. 97]. Первые регламенты касались Петербурга и Москвы, затем были распространены на регионы. В 1903 г. было утверждено «Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи», закрепившее основные формы контроля в виде врачебно-полицейских комитетов, в случае отсутствия таковых — городской полиции. В медико-социальном ключе немаловажной мерой стало закрепление ответственности городских самоуправлений и земств по освидетельствованию и лечению проституток от любовных болезней в лечебных учреждениях [2, с. 220–223]. Проституция, ранее порицаемая церковью, обществом и властью как «греховное деяние» и «непотребство», законодательно обрела

социальную и правовую нишу. Правительство, признавая несокрушимость социального порока, стремилось поставить это явление под государственный контроль через законодательство, статистический учёт, врачебно-полицейский надзор. При этом Н. К. Мартыненко выделяет и такую особенность: регламентация проституции в России носила не законодательный, а административный характер, формально проституция продолжала преследоваться, однако поднадзорных женщин освобождали от наказания [3, с. 35]. Эта двойственность порожила правовой нигилизм и неэффективность контроля, что особенно остро проявлялось в удалённых регионах, таких как Восточная Сибирь, где возможности административного воздействия были минимальны.

Обращение к историческому опыту борьбы с социально значимыми инфекциями в условиях ограниченных ресурсов и слабой санитарной культуры представляет несомненный научный интерес. Изучение региональных практик врачебно-полицейского надзора, в частности в таком специфическом макрорегионе, как Восточная Сибирь, позволяет выявить как общие закономерности имперской политики, так и локальные особенности ее реализации, что до сих пор не становилось предметом специального исследования. Актуальность работы обусловлена также необходимостью восполнить пробел в историографии по истории здравоохранения и социальной политики на окраинах Российской империи.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на основе комплекса архивных документов, ранее не вводимых в научный оборот (в частности, отчетов врачебных управ и материалов полицейского учёта), реконструирована реальная практика медицинского освидетельствования и статистического учёта проституток в городах Восточной Сибири. В данной статье показана специфика контроля в условиях сибирской провинции: низкая плотность врачебных кадров, огромные расстояния и фактическая бесконтрольность проституции на трактах и промыслах.

Цель статьи — проанализировать эффективность системы учета и врачебно-санитарного надзора за проституцией в Восточной Сибири в конце XIX — начале XX вв. и выявить факторы, препятствовавшие ее успешной реализации (кадровый дефицит, несовершенство процедуры осмотров, масштабы нелегальной проституции).

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и объективности. В работе использованы общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), а также специально-исторические методы, такие как историко-генетический, позволивший проследить эволюцию системы надзора; историко-сравнительный для сопоставления данных по разным городам и регионам; проблемно-хронологический для анализа динамики заболеваемости и эффективности контроля.

Источниковая база включает как опубликованные статистические материалы, так и неопубликованные архивные документы, извлеченные из фондов региональных архивов Иркутска, Красноярска, Улан-Удэ, Читы. Следует отметить, что в силу специфики предмета статистического учета и отчетных материалов значительная часть источников была подвергнута изъятию из фондов региональных архивов или сохранилась в виде фрагментов в документах разных ведомств, зачастую не представляющих целостную картину. Это характеризует источниковую базу как скудную, а имеющиеся статистические данные — как уникальные и впервые вводимые в научный оборот.

Основная часть

Легализация проституции обусловила практику выдачи проституткам специального документа, который заменял им паспорт, но гарантировал безопасность девицы, так как не только идентифицировал ее по фамилии, возрасту и адресу, но и имел отметку о медицинском освидетельствовании, главным образом об отсутствии венерического заболевания. Медицинский билет выступал своего рода социальной стигмой, выделяя поведенческую инаковость владелицы и принадлежность к определенной социальной группе. По мнению ряда исследователей, подобная мера в виде медицинского билета лишала женщину личной свободы [4, 5]. Однако в условиях массовой «сифилидизации социума» сложно представить альтернативные и при этом эффективные методы контроля, кроме как

специальных билетов, записей в журналы посещений клиентов, регулярных рейдов полиции. Выказывания о личной свободе тех, чьим ремеслом стала «продажная любовь», а вместе с тем реальная опасность распространения практически неизлечимых инфекций, — не более чем риторика. В первую очередь, свобода этих женщин противопоставлялась эпидемиологическому благополучию общества, иными словами, представляла прямую угрозу безопасности общественному здоровью. В пользу аргумента о необходимости учета приведем статистику по сифилису.

По весьма неполным данным за 1856 г. было зафиксировано 0,04 % больных сифилисом от всего населения страны, в лечебных учреждениях от сифилиса лечилось 7,7 % от числа всех призываемых, в 1876 г. доля зарегистрированных по стране увеличилась до 0,06 %, «пользованных» в больницах «сифилитиков» было до 11,2 % [6, с. 38]. За 1877 г. доля обратившихся за медицинской помощью с любовной болезнью в общей численности населения составила 0,18 %. Статистические данные по территориям Восточной Сибири за 1877 г. были следующими: в Енисейской губернии — 0,12 % от общей численности населения губернии; в Иркутской губернии — 0,11 %; в Забайкальской области — 0,03 %; в Якутской области — 0,04 % [6, с. 41–43]. Сложно представить количество инфицированных, обходившихся народными средствами в условиях недоступной медицинской помощи и низкой санитарной грамотности.

Узаконив социальный статус проституции, наделив эту сферу деятельности правами и ответственностью, российское правительство выпустило проблему на широкое поле. Так, официально сформировались две категории «жриц любви»: женщины, состоящие при домах терпимости, и проститутки-одиночки. Вторая категория также подлежала учету и контролю, но в силу «самостоятельности» располагалась по частным квартирам. Наличие тайной, нелегализованной проституции не подвергалось сомнению, полицейские облавы на сомнительные адреса фиксировали теневой сегмент, масштабы которого не попадали в учетные данные. Во внегородской среде, особенно на тракте, рудниках и вблизи расквартирования воинских команд «древнее женское ремесло» процветало бесконтрольно. Вопреки представлениям о проституции, нашедшей приют на городских окраинах

Таблица 1. Список домов терпимости и число проституток в них по 3-й части г. Иркутска [6, л. 2–3]
Table 1. List of brothels and the prostitutes number in them at the 3rd part of Irkutsk [6, p. 2–3]

Содержательницы притонов	Адрес	Число женщин, на 01.05.1879
Солдатская жена Дарья Томахович	ул. Преображенская	5
Мещанка Людмила Эйрагульская	ул. Преображенская	6
Мещанка Итта Сокольская	ул. 3-я Солдатская	4
Мещанка Арина Энкрагульская	ул. 3-я Солдатская	5
	ул. Соломатовская	5
Дочь рабочего Александровского завода Лукерья Петрова	ул. Соломатовская	5
Мещанка Дина Альпер	ул. Русиновская	8
Дочь рабочего Александровского завода Варвара Михайлова	ул. Русиновская	4
Крестьянская дочь Устинья Волочаева	ул. Блиновская	5
Мещанка Мария Недорезова	ул. Блиновская	6
Мещанка Вера Гамаюнова	ул. Матрешинская	6
Казачья жена Сильверстова	ул. Нижнеамурская	8

и в рабочих предместьях, следует заметить, подобное явление было ярко представлено по центральным частям всех восточносибирских городов. В табл. 1 указаны адреса центральной части Иркутска, плотность расположения домов терпимости говорит о масштабах распространения проституции. В таблице приведен статус содержательниц домов терпимости, список располагает широкой палитрой сословий и состояний. Только в центральной части Иркутска (3-й участок) было 12 домов терпимости, где содержалось 67 девиц.

О нестабильном эпидемиологическом положении в Иркутске свидетельствуют архивные документы. В августе 1879 г. в Иркутскую врачебную управу поступило письмо из губернского управления с требованием принять меры «против сифилиса у нижних воинских чинов Иркутска» [7, л. 30]. Войсковое начальство гарнизона напрямую связывало это с наличием девиц вольного поведения. В ноябре 1879 г. иркутский полицмейстер писал городскому врачу: «... в частях войск, расположенных в Иркутске, сильно распространяется сифилитическая болезнь. Все меры, принимаемые против болезни, не имеют успеха. Обстоятельство заставляет полагать, что болезнь развита в сильной степени между проститутками всех разрядов, и в особенности самого низшего, от негательного медицинского осмотра» [8, с. 106].

С 1876 г. законодательно регламентировалось проведение медицинских освидетельствований проституток дважды в неделю, позже был введен еженедельный медицинский осмотр [9, с. 47]. Но эти правила действовали слабо, не хватало врачей, даже легальные проститутки пытались избежать освидетельствования, не говоря уже о тех, кто старался остаться в тени. На основании предписания МВД от 24 ноября 1877 г. во все губернии и области Восточной Сибири были доставлены циркуляры о необходимости «по истечении каждой трети предоставлять ведомости о врачебно-полицейской деятельности относительно проституции» [10, л. 6].

О том, в каких условиях проходили освидетельствования проституток, можно судить по отчетам врачей, где упоминалось об отсутствии специальных инструментов, элементарных предметов гигиены и плохо приспособленных помещениях. Н. С. Нижник со ссылкой на источник пишет, что освидетельствования проводились «ради казенного порядка»¹. Говорить о качественной стороне медицинского осмотра проституток и их клиентов, попавших под руку полиции во время облав, также не приходится. Приведем объемы подобных обследований, выполненных врачами Иркутска в 1879 г.: в январскую треть года — 1128 осмотров (3 врача), в майскую — 1126 осмотров (1 врач), в сентябрьскую — 1669 осмотров (2 врача) [7, л. 19–23; 10, л. 12]. С учетом того, что деятельность врача не ограничивалась только осмотрами проституток, можно предположить, что освидетельствования проходили формально, рутинно. Однако к наиболее существенному недостатку осмотров следует отнести отсутствие рекомендаций по структуре и процедуре выявления патологий или симптомов заболевания. Каждый врач руководствовался собственными

представлениями о методике проведения осмотров. Кроме того, медицинские освидетельствования женщин вольного поведения не могли охватить полностью всех зарегистрированных. В 1879 г. в Иркутске по данным городского врача в списках по учету проституток числилась 81 женщина. В течение сентября–декабря было зафиксировано 67 неявок. За 3 месяца было выявлено 47 заражений у состоящих при домах терпимости и 33 — у проституток-одиночек. Из числа 47 зараженных было направлено в больницы только 14 женщин, к частнопрактикующим врачам обратились 8 [7, л. 38]. Таким образом, большинство инфицированных в лучшем случае предприняли попытки самолечения, но, с учетом того бессилия перед болезнью, они оставались реальным источником заражения.

Переломным моментом в деле государственного контроля за проституцией можно считать консолидацию усилий разных ведомств и общественности вокруг проблемы. Первым шагом стало проведение Центральным статистическим комитетом «однодневного обследования» положения проституции в Российской империи. Таким образом, спустя почти полвека существования легализованной проституции государственный контроль столкнулся с необходимостью элементарного количественного учета. Совместно с Медицинским департаментом МВД были разработаны основные опросные листы, определившие базу статистического исследования: численность борделей; сведения о проститутках в них и о проститутках-одиночках.

Все бланки опросников были разосланы в губернские и областные врачебные управления с дальнейшей передачей врачам для заполнения сведений. По Сибири, представленной территориями от Урала до Тихого океана, было 90 домов терпимости [11]. Однако, прежде чем в массиве статистических данных выделить Восточную Сибирь, подчеркнем региональную особенность развития проституции. Оставив в стороне общие мотивы: экономическую выгоду, низкий социокультурный уровень общества, трансформацию и надлом морально-нравственных устоев, обратимся к авторитетному мнению. Ю. М. Гончаров апеллирует к специфике колонизируемой окраины с преобладанием мужчин и недостатку женщин, раннему вдовству сибирских женщин и самостоятельному ведению дел, в том числе содержание притонов, а также значительному количеству отдаленных промысловых участков с концентрацией мужчин и присутствию войскового контингента [12, с. 142]. Итак, данные по учету официальной проституции в Восточной Сибири, основанные на однодневной переписи 1 августа 1889 г., были весьма внушительными (табл. 2).

Данная таблица отражает количество городских проституток Восточной Сибири. Лидером по официально зарегистрированным был Иркутск, социально-экономические возможности города обеспечивали вольным женщинам более стабильный заработок. Для сравнения приведем данные В. И. Тюнина и Н. В. Радошной, в столице в 1877 г. было зарегистрировано 5276 проституток [13, с. 65], тогда как в большинстве городов Восточной Сибири, по данным однодневной переписи 1889 г., —

¹ Нижник Н. С. Любопытные болезни как угроза существованию нации (об опыте борьбы за общественное здоровье в Российской империи) // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции. В 2-х т. Санкт-Петербург, 2024. С. 111–117.

Таблица 2. Число домов терпимости и проституток в городах Восточной Сибири, 1889 г. [11, с. 30]
Table 2. Number of brothels and prostitutes in the cities of Eastern Siberia, 1889 [11, p. 30]

Города Восточной Сибири	Число домов терпимости	Число проституток в домах терпимости	Число одиночек	Общее число проституток
Енисейская губерния				
Красноярск	5	13	4	17
Ачинск	—	—	1	1
Енисейск	5	19	10	29
Канск	2	5	—	5
Минусинск	—	—	2	2
Забайкальская область				
Чита	1	3	16	19
Верхнеудинск	1	6	—	6
Нерчинск	—	—	2	2
Иркутская губерния				
Иркутск	8	59	39	98
Нижнеудинск	—	—	8	8
Якутская область				
Якутск	1	3	6	9
Восточная Сибирь				
	23	106	88	194

лишь 194. Это наглядно демонстрирует региональную специфику и несовершенство учета на местах. Но даже при неэффективности учета можно выделить существенную динамику роста проституции на примере Верхнеудинска: согласно данным однодневной переписи 1889 г., в городе было зафиксировано 6 проституток, по результатам однодневной переписи 1907 г. на 14 530 жителей города было уже 52 проститутки, практически столько же учителей (54), а всех категорий медицинского персонала — 24 человека [14, л. 50–51]. Данные однодневных переписей отражали лишь городскую статистику и ее официальную часть. Сельские окружные врачи в своих отчетах доносили о положении дел в сибирских селениях: «... о проститутках знают в селениях все, на вопросы врача об этом не распространяются. Чайные и трактиры обязательно имеют тайную непристойность...» [15, л. 7]; «... вероятность заражения вырастает соответственно числу движущегося по тракту населения и числу ссыльных, пребывающих на место поселения, регистрация проституток ведется через местные волостные правления крайне неточно ... во всей Тулуновской волости находится лишь 4 проститутки, между тем, по частным сведениям, их в Тулуне более 33. ... Домов терпимости в округе нет, тайная проституция развита и по тракту, благодаря тому же скоплению рабочих по постройке железной дороги, растет ежемесячно, по мере увеличения числа рабочих, но трудно поддается регистрации» [16, л. 56].

Не во всех городах Восточной Сибири, и тем более селениях, были больницы, способные принять «сифилитических» больных, не вошли в широкую практику и «медицинские билеты» для пролеченных женщин, статистика легальной проституции была далека от реальной жизни, а крестьянские общества не стремились брать на себя финансовые обременения по содержанию в больницах женщин, занимающихся проституцией.

На заседании Общества врачей Восточной Сибири в 1901 г. врач Левин обратил внимание об-

щественности на необходимость организации врачебно-полицейской службы и больничной помощи. Выводы докладчика сводились к следующему: 1) нужен широкий доступ к лечению всех заболевших сифилисом, для чего необходимо добиваться организации больницы на 75–100 человек или расширить существующее отделение в гражданской больнице и обеспечить амбулаторный прием для «сифилитиков»; 2) организовать правильный надзор за явной и преследование тайной проституции; 3) регулярно осматривать проституток и т. д. [17, с. 6]. Архивные документы свидетельствуют о реакции населения на нарушение социального порядка и просьбы оградить их от соседства с притонами: Верхнеудинская городская управа в 1906 г. заслушивала вопрос по заявлению жителей об отводе участков земли под дома терпимости «подальше от центра города» [18, л. 4–6], подобные вопросы поднимались на заседаниях Иркутской городской управы в 1908, 1910 гг. [19, л. 16, 47], в Чите горожане указывали на «непотребство гостей притонов, происходящие на глазах юных девиц и детей» [20, л. 34]. Эти проблемы обсуждались властями и общественностью, но для борьбы с социальным недугом, глубоко пустившим корни, нужны были иные меры. На I Всероссийском съезде по борьбе с торгом женщинами и его причинами, состоявшемся в апреле 1910 г., были подняты вопросы, касающиеся врачебно-полицейского надзора за проститутками и распространением венерических заболеваний. Но изменений в законодательстве не предвиделось, уповать на зрелость общественных масс было бессмысленно, в арсенале властей оставались прежние методы: отлов, облавы, принуждение к осмотрам.

В начале XX в. в восточносибирских городах врачебное сообщество стало пополняться врачами со специальностью «венерические болезни». Городские самоуправления, исходя из финансовых возможностей, привлекали вольнопрактикующих специалистов для медицинских освидетельствований.

Разделение внегородского населения Восточной Сибири на врачебные участки способствовало организации контроля за движением заболеваемости населения, в том числе венерическими инфекциями. Это систематизировало статистику медицинских освидетельствований, но не искоренило источник проблемы. Регулярные сведения по количеству домов терпимости и числу женщин, состоящих в них, в период 1903–1912 гг. не имели тенденции к снижению. В 1912 г. в Енисейской губернии числилось 189 проституток, на которых приходилось 155 случаев венерических заболеваний, в Забайкальской области 254 легальным проституткам было поставлено 147 венерических диагнозов, в Иркутской губернии у 94 легальных и 132 женщин, задержанных по подозрению в тайной проституции, было выявлено 76 венерических диагнозов [21, с. 28].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, легализация проституции в Российской империи создала лишь иллюзию контроля, не решив проблему распространения венерических заболеваний. Во-вторых, система врачебно-полицейского надзора в Восточной Сибири была де-факто парализована хронической нехваткой квалифицированных кадров и низкой санитарной культурой населения. Регулярные медицинские осмотры, особенно в отдаленных от центра города районах и на трактах, проводились формально, а массовые неявки проституток на освидетельствования оставались безнаказанными. В-третьих, масштабы тайной (нелегальной) проституции, по признаниям самих врачей, в разы превышали официальную статистику, что делало любые количественные данные о заболеваемости нерепрезентативными.

Таким образом, к началу XX в. имперская система контроля над проституцией в Восточной Сибири исчерпала свой потенциал и требовала кардинальной реформы. Однако вплоть до конца имперского периода никаких существенных изменений в законодательстве не произошло. Нельзя не согласиться с выводом Н. К. Мартыненко, что политика «терпимости» к проституции была вынужденным шагом, продиктованным заботой о здоровье населения. Как показывает сибирский материал, этот шаг не привел к желаемым результатам. Административный характер контроля, отсутствие четких процедур и катастрофическая нехватка врачей сделали систему надзора фикцией, а эпидемиологическую угрозу — неуправляемой.

Список источников / References

1. Сборник правительственных распоряжений, касающихся мер предупреждения распространения любовной болезни. Санкт-Петербург: Книжная мануфактура юридической литературы, б.г. 155 с.

Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazheniy, kasayushchikhsya mer preduprezhdeniya rasprostraneniya lyubostrastnoy bolezni. Saint Petersburg, b.g. 155 p. (In Russ.).

2. Циркуляр Министерства внутренних дел 8 октября 1903 г. Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи / Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1903. Ноябрь. 230 с.

Tsirkulyar Ministerstva vnutrennikh del 8 oktyabrya 1903 g. Polozheniye ob organizatsii nadzora za gorodskoy prostitutsiye v Imperii. Vestnik Obshchestvennoy Gigiyeny, Sudebnoy i Prakticheskoy Meditsiny. 1903. November. 230 p. (In Russ.).

3. Мартыненко Н. К. Проституция в императорской России: от запрета к легализации // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19). С. 30–37. EDN: KXZCNV.

Martynenko N. K. Prostitutsiya v imperatorskoy Rossii: ot zapreta k legalizatsii. Novyy Istoricheskiy Vestnik. 2009;1(19):30–37. EDN: KXZCNV. (In Russ.).

4. Воронич Т. В. Административно-полицейское регулирование проституции в городах Беларуси: вторая половина XIX – начало XX в. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2019. №1. С. 46–56. EDN: POLLSF.

Voronich T. V. Administrative and police control of prostitution in the cities of Belarus: the second half of the XIX–early XX century. Journal of the Belarusian State University. History. 2019;1:46–56. EDN: POLLSF. (In Russ.).

5. Климов А. Ю., Токмачева А. Ю. Система регламентации проституции в России (XIX – начало XX в.) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (52). С. 129–132. EDN: XSJYGL.

Klimov A. Y., Tokmacheva A. Y. The system of regulation of prostitution in Russia (XIX–early XX century). Vestnik of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 2018;2:129–132. EDN: XSJYGL. (In Russ.).

6. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1877 год / Правление главного врачебного инспектора МВД. 1892. Санкт-Петербург, 1856–1916. 1878.

Otchet o sostoyanii narodnogo zdравиya i organizatsii vrachebnoy pomoshchi v Rossii za 1877 god. Pravleniye Glavnogo Vrachebnogo Inspektora MVD. 1892. Saint Petersburg, 1856–1916. 1878. (In Russ.).

7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 43. Оп. 2. Д. 22.

State Archive of the Irkutsk Region (SAIR). File: 43/2/22. (In Russ.).

8. Орлова И. В. Хроника провинциальной медицины: Иркутск и его окрестности в досоветский период. Иркутск: ООО «Репроцентр+», 2022. 336 с. ISBN 978-5-907596-62-7. EDN: NHXAJ5.

Orlova I. V. Khronika provintsial'noy meditsiny: Irkutsk i ego okrestnosti v dosovetskiy period. Irkutsk, 2022. 336 p. ISBN 978-5-907596-62-7. EDN: NHXAJ5. (In Russ.).

9. Свод узаконений и распоряжений правительства по врачебной и санитарной части в Империи: в 3 вып. / под ред. Л. Ф. Рогозина. Вып. 1. Санкт-Петербург: Мед. департамент, 1895.

Svod uzakoneniye i rasporyazheniy pravitel'stva po vrachebnoy i sanitarnoy chasti v Imperii: in 3 Issues / Ed. by L. F. Rogozin. Issue 1. Saint Petersburg, 1895. (In Russ.).

10. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 416.

SAIR. File: 32/1/416. (In Russ.).

11. Проституция: по обследованию 1 августа 1889 г. Санкт-Петербург: Центральный стат. ком. МВД, 1890. 39 с.

Prostitutsiya: po obsledovaniyu 1 avgusta 1889 g. Saint Petersburg, 1890. 39 p. (In Russ.).

12. Гончаров Ю. М. Одинокие женщины в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2011. № 2. С. 142–148. EDN: OFNIHH.

Goncharov Yu. M. Single women in cities of Western Siberia in the second half of the 19th–early 20th century. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities. 2011;2:142–148. EDN: OFNIHH. (In Russ.).

13. Тюнин В. И., Радошнова Н. В. Проституция в дореволюционной России и ее регламентация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 60–66. EDN: TTHSRT.

Tunin V. I., Radoshnova N. V. Prostitution in pre-revolution Russia and her regulation. Vestnik of Saint Petersburg University

of the MIA of Russia. 2015;1(65):60–66. EDN: TTHSRT. (In Russ.).

14. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 2124.

State Archive of the Republic of Buryatia (SARB). File: 10/1/2124. (In Russ.).

15. Государственный архив Красноярского края. Ф. 612. Оп. 1. Д. 25.

State Archive of Krasnoyarsk Krai. File: 612/1/25. (In Russ.).

16. ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 163.

SAIR. File: 33/1/163. (In Russ.).

17. Протоколы и труды Общества врачей Восточной Сибири // Врачебно-санитарная хроника г. Иркутска. 1902. № 1. С. 3–11.

Protokoly i trudy Obshchestva vrachey Vostochnoy Sibiri. *Vrachebno-Sanitarnaya Khronika g. Irkutsk*. 1902. No. 1. P. 3–11. (In Russ.).

18. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2085.

SARB. File: 10/1/2085. (In Russ.).

19. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Т. 2. Д. 2792.

SAIR. File: 70/3/2/2792. (In Russ.).

20. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 26. Оп. 1. Д. 419.

State Archive of Zabaykalsky Krai. File: 26/1/419. (In Russ.).

21. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1912 год / Правление главного врачебного инспектора МВД. 1892. Санкт-Петербург, 1856–1916. 1913.

Otchet o sostoyanii narodnogo zdравиya i organizatsii vrachebnoy pomoshchi v Rossii za 1912 god. *Pravleniye Glavnogo Vrachebnogo Inspektora MVD. 1892*. Saint Petersburg, 1856–1916. 1913. (In Russ.).

Информация об авторе:

ОРЛОВА Ирина Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск.

SPIN-код: 5332-5044

AuthorID (РИНЦ): 669847

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6897-7163>

e-mail: irina_orlova7@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 16.08.2026; принята к публикации 17.08.2026.

Information about the author:

ORLOVA Irina Vyacheslavovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Public Health and Healthcare Department, Irkutsk State Medical University, Irkutsk.

SPIN-code: 5332-5044

AuthorID (RSCI): 669847

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6897-7163>

e-mail: irina_orlova7@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 16.08.2026; accepted for publication 17.08.2026.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АРХИВЫ ОМСКОГО РЕГИОНА И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В КОНЦЕ XX—НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Л. И. Келлер

Омский государственный историко-краеведческий музей,
Россия, 644024, г. Омск, ул. Ленина, 23А

 l.i.keller@mail.ru

В статье рассматривается роль архивных учреждений в изучении истории края в период подъема отечественного краеведения и в контексте изменений, происходивших в отечественной истории и, в частности, архивной отрасли в конце XX—начале XXI вв. На основе компаративистского подхода анализируется изменение форм и содержания работы региональных архивов по направлению «использование документов» на примере города Омска, что отождествляется с содержанием понятия «историческое краеведение».

В основу исследования положены годовые отчеты, нормативно-правовые акты и издательские проекты государственных архивов региона. Анализируя материалы Центра документации новейшей истории Омской области и Государственного архива Омской области (с 2008 г. — Исторический архив Омской области), автор рассматривает такие формы работы, как выставочная и публикационная деятельность, взаимодействие со средствами массовой информации, проведение научных конференций, выпуск периодического издания и внедрение цифровых технологий.

Отмечается, что в исследуемый период происходит процесс переосмысления отечественной истории и расширение спектра транслируемых сюжетов. Сделан вывод о становлении данных учреждений как площадок изучения и популяризации локальной истории, имеющих развернутую сеть коммуникаций и разнообразные формы краеведческой работы. Подчеркнута роль личностного фактора в данной деятельности.

Ключевые слова: историческое краеведение, государственные архивы, использование документов, архивное дело, научная коммуникация, краеведение, Омск

Для цитирования: Келлер Л. И. Региональные государственные архивы Омского региона и краеведческий процесс в конце XX—начале XXI вв. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 43–51. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-43-51>. EDN: TJCOSW.

© Келлер Л. И., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

REGIONAL STATE ARCHIVES OF THE OMSK REGION AND THE LOCAL HISTORY PROCESS IN THE LATE 20th—EARLY 21st CENTURIES

L. I. Keller

Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Lenina St., 23A, Omsk, 644024, Russia

 l.i.keller@mail.ru

The article examines the role of archival institutions in the research of regional history during a period of growth in Russian regional studies and in the context of changes occurring in Russian history, and in particular, the archival industry, in the late 20th and early 21st centuries. Using a comparative approach, the research analyses changes in the forms and content of work by regional archives in the area of “document use” with Omsk as a case study. This process is equated with the concept of “local history”.

By analysing materials from the Center for Documentation of Contemporary History of the Omsk Region and the State Archive of the Omsk Region (renamed the Historical Archive of the Omsk Region in 2008), the author examines such forms of work as exhibition and publication activities, interaction with mass media, organization of academic conferences, periodical publication and the implementation of digital technologies.

The author concludes that the studied period involves a rethinking of national history and diversification of shared narratives. These institutions have emerged as platforms for studying and popularising local history, boasting developed communication channels and diverse local lore activities. The crucial role of key individuals in this process is highlighted.

Keywords: historical local history, state archives, document use, archival affairs, academic communication, local history, Omsk

For citation: Keller L. I. Regional state archives of the Omsk region and the local history process in the late 20th–early 21st centuries. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):43–51. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-43-51>. EDN: TJCOSW. (In Russ.).

© Keller L. I., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

В современных гуманитарных науках значительное внимание уделяется теме региональной идентичности и механизмам формирования исторической памяти, роли краеведения в этих процессах. В контексте политических, экономических и социокультурных трансформаций, происходивших в российском государстве со второй половины 1980-х гг., возрастал интерес к сюжетам локальной истории. В связи с этим приобретает актуальность исследование роли в этот период региональных архивных учреждений в трансляции знания о прошлом как одних из ключевых институтов, обеспечивающих систематизацию, сохранение историко-краеведческих материалов и их популяризацию.

Одним из первых исследований по данной теме стала статья Е. Е. Пальшиной «Историческое краеведение и архивы» (1992) [1], где проанализирован опыт краеведческой работы архивистов России на рубеже 1980–1990-х гг. В последующее время обобщающих работ по данной проблеме не появилось. Тем не менее сохраняющийся исследовательский интерес к деятельности государственных архивов подтверждается наличием публикаций, посвященных разным аспектам рассматриваемой темы.

На сегодняшний день обозначилось два направления исследования деятельности архивов по изучению и популяризации местной истории. С одной стороны, большое внимание просветительской деятельности архивов на современном этапе уделяется на страницах журналов «Отечественные архивы» и «Вестник архивиста». Чаще всего опубликованные в них материалы носят информационный характер, раскрывая работу отдельных учреждений по направлению «использование документов», под которым понимается экспонирование их на выстав-

ках, использование в средствах массовой информации, проведение информационных мероприятий и публикация архивных документов¹. В региональных государственных архивах содержание этой работы отождествляется с сущностью понятия «историческое краеведение» — «изучение истории какого-нибудь края, отдельной местности, города, села, поселка или их части...» [2, с. 235], включающее исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность. Формы использования документов затрагиваются в работах об истории архивных служб, отдельных архивных учреждений. В некоторых обобщающих статьях освещается публикаторская [3] и выставочная [4] работа, информация, представленная на сайтах архивов [5, 6]. При этом авторы ставят вопрос о деятельности региональных архивов по изучению местной истории, ее популяризации не в рамках развития краеведческого процесса, а в проблемном поле архивоведения [7–11]. Данная тенденция характерна и для исследований, посвященных государственным архивам Сибири.

С другой стороны, ряд авторов рассматривают архивы как институты, выполняющие важную роль в краеведении^{2,3} [12, 13]. В материалах «Всероссийских краеведческих чтений» деятельность архивов в этой сфере сначала была представлена в секции «Учебные заведения, музеи, библиотеки, архивы как центры краеведческой работы», а затем была выделена отдельная — «Архивы и краеведческие исследования».

Несмотря на значительный исследовательский интерес к роли архивов в изучении местной истории, в существующих работах не ставилась цель проанализировать этот процесс в контексте событий конца XX–начала XXI вв. В настоящей статье рассматриваются формы и содержание краеведческой деятельности архивов в меняющихся истори-

¹ Мультимедийное справочно-методическое пособие «Основы архивной деятельности». URL: <https://archives.gov.ru/documents/methodics/OAD/index.html> (дата обращения: 09.09.2025).

² Коровайников В. Ю. Москвоведение и архивы. Из опыта краеведческой работы Главного архивного управления города Москвы // Третьи всероссийские краеведческие чтения: сборник докладов. Москва: Москвоведение, Московские учебники, 2009. С. 108–112. ISBN 978-5-7853-1331-6.

³ Антипин Н. А. Объединенный государственный архив Челябинской области и краеведение в XXI веке: исследования, публикации, сотрудничество с образовательными учреждениями // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX–начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов. Омск: ОГИКМ, 2022. С. 147–153. EDN: PZFEYE.

ческих условиях на примере Омска — признанного центра отечественного краеведения. Обращение к локальному материалу позволяет обозначить общероссийские тенденции и показать региональную специфику.

Нижняя хронологическая граница нашего исследования определена 1985 г., началом политических, экономических и культурных изменений в стране. Изучение и популяризация местной истории архивными учреждениями в городе в конце XX — начале XXI вв. осуществлялись Центром документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО) и Государственным архивом Омской области (ГАОО), которые в 2008 г. были объединены в единую организацию — Исторический архив Омской области. В его составе 13 января 2012 г. был открыт Центр изучения истории Гражданской войны, являющийся уникальным в архивной практике общественным пространством, научной и просветительской площадкой. Одним из направлений его деятельности стало изучение истории Гражданской войны и популяризация прошлого Омского Прииртышья. Данное событие, ознаменовав новый этап развития архивной отрасли в регионе, обусловило верхнюю хронологическую границу нашего исследования.

Мы сознательно выпускаем из поля зрения муниципальные архивы Омской области. Хотя их сотрудники в рамках профессиональной деятельности также вели занятия краеведением, но архивы, действовавшие в областном центре в изучаемый отрезок времени, являются в этом смысле определяющими общий вектор развития, выполняющими консолидирующую функцию. Практика изучения и популяризации локальной истории в Омске архивистами региона представлена в отдельных работах, лишь фрагментарно описывающих поставленную проблему^{4, 5, 6}.

Основным источником для реконструкции деятельности рассматриваемых институций являются годовые отчеты ЦДНИОО (Ф. П—9663) и ГАОО (Ф. Р—715), где представлены результаты их работы. Были привлечены нормативно-правовые акты, регламентирующие работу архивов, труды, содержащие публикацию документальной информации, и номера издания «Архивный вестник» как результат краеведческой научно-исследовательской деятельности.

Основная часть

В советский период отечественной истории составляющей частью работы архивов была агитационно-пропагандистская деятельность. В нормативно-правовых актах обозначалось, что архивы, хранящие документы Государственного архивного

фонда СССР, «организуют выставки документов, используют для информации о документах Государственного архивного фонда СССР и их содержании печать, телевидение, кино, радио. <...> осуществляют в установленном порядке публикацию документов» [14, с. 58]. Эта работа должна была проводиться в «политических, народнохозяйственных, научных и социально-культурных целях» [14, с. 58] и «коммунистического строительства» [15, с. 38].

По наблюдению В. А. Савина, в начале перестройки «масса ценных документов, находящихся в архивах, оставалась невостребованной»⁷. Еще на этапе 1960—1980-х гг. интеллигенция выступала за демократизацию и расширение доступа к документам. Во второй половине 1980-х гг. эти тенденции усилились, но разворачивались достаточно медленно в связи с консервативными настроениями руководства архивной отрасли⁸.

Региональная практика того периода демонстрирует сохранение подхода к использованию документов в идеологических рамках. Публикационная деятельность архивов была сосредоточена преимущественно на советской истории. Так, ГАОО в 1985 г. выпустил первую часть хрестоматии по истории Омской области «Наш край», освещавшую период 1917—июнь 1941 гг.⁹, в 1987 г. — издание «Промышленное развитие Омской области 1917—1975 гг.». Сборник являлся составной частью общесоюзной серии «Промышленность и рабочий класс СССР 1946—1975», в его составлении принимали участие сотрудники партийного архива Омского обкома КПСС, также проводившие научно-публикаторскую и пропагандистскую работу [16, л. 9].

Активная популяризация архивных документов, отражающих локальную историю, осуществлялась через средства массовой информации: публикации в прессе, выступления на радио и телевидении, подготовка информации для программ. До 1989 г. эта работа была в основном направлена на трансляцию достижений рабочего класса, социалистического строительства, сюжетов истории Революции, Гражданской войны, о ее героях в соответствии с идеологическими установками. Например, в 1985—1987 гг. ГАОО была подготовлена информация о первых стахановцах локомотивного депо станции Омск, о зарождении и развитии стахановского движения на заводе им. В. В. Куйбышева [17, л. 18]; в периодической печати было опубликовано 43 статьи и подборки, посвященные в основном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Подготовлено и передано в эфир 11 телепередач по теме «Их именами названы улицы» (о З. И. Лобкове, В. М. Косарева, М. М. Рабиновиче, восстании 22 декабря 1918 г. и др.) для омского телевидения [18, л. 22, 28].

⁴ Огородникова Л. И. Архивист — краевед. Проблемы взаимодействия и сотрудничества // Вторые архивные чтения памяти Н. В. Горбана: тез. докл. и сообщений. Омск: Изд-во ОмГМА, 2005. С. 46—50.

⁵ Петин Д. И. Подготовка научно-справочных изданий об участниках Гражданской войны в России: краеведческий опыт Исторического архива Омской области // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX—начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов. Омск: ОГИКМ, 2022. С. 166—172. EDN: EMGZFY.

⁶ Храпова Н. С. Основные формы взаимодействия Исторического архива Омской области с краеведческим сообществом // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX—начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов. Омск: ОГИКМ, 2022. С. 160—165. EDN: QJLCIF.

⁷ Савин В. А. Архивы России: испытание Перестройкой // Перестройке 25 лет. Историческая память современной России: материалы Международной научно-практической конференции. Москва: РГГУ, 2010. С. 43. EDN: RYVAIT.

⁸ Там же. С. 44.

Согласно исследованию М. В. Новиковой, в 1986 г. историческое сообщество получило от власти социальный заказ на конструирование нового нарратива советского прошлого. В ноябре 1987 г. М. С. Горбачев заявил о необходимости его переосмысления, прежде всего, официальной концепции советской истории [19].

Источники исследования показывают, что в региональной архивной практике только в 1989 г. происходят попытки изменить ракурс трансляции исторических событий. В отчете за этот год отмечалось: «Сместился акцент выявления и отбора документов для публикаций, инициативных информаций. <...> Особый акцент в этой работе ставится на десталинизацию истории, очищение ее от дезинформации, от искажений» [20, л. 14].

Уже на излете перестройки введение в научный оборот имеющихся источников проявилось в последующем расширении проблемного поля освещаемых тем: от основания Омска до современности, это события политической и военной истории, культуры, образования, экономики, повседневности, ранее не затрагивавшиеся или рассматриваемые в соответствии с коммунистической идеологией.

Характеризуя роль архивов в Омске и социально-политическую обстановку в это время, Г. М. Ипатова, заведующая архивным отделом облисполкома (позднее — начальник архивного управления Омской области), отмечала: «Новое время, новое видение жизни, новое мироощущение, и мы все потянулись к истории. <...> Правда жизни, правда истории сейчас волнует и молодежь, и людей старшего поколения. <...> За последние годы, в период гласности, расширилась информационная база архивов. <...> Сняты ограничения на использование свыше 30 тысяч дел, которые переданы на общее хранение, и они ждут своих исследователей» [21, с. 3–4].

Начало постсоветского периода для отечественных архивов было неоднозначным. Появилось огромное количество публикаций и базирующихся на архивных документах оригинальных работ по ранее недоступным для исследователей темам [22, с. 113], что стало общей тенденцией развития российской историографии тех лет.

В это время отмечалась важность научно-информационной деятельности государственных архивов, разработки краеведческой тематики и проведения мероприятий, способствующих повышению исторической культуры населения. Первоочередная роль в этой деятельности принадлежала государственным архивам субъектов Российской Федерации, хранящих основные комплексы документов по истории отдельных регионов [1, с. 118]. Появилось новое архивное законодательство, которое отвечало потребностям формирующегося гражданского общества. Но, с другой стороны, в условиях жестких бюджетных ограничений, в отдельные моменты прекращения финансирования архивы страны оказались в тяжелом положении⁹.

Для исследователей открывались ранее недоступные фонды ведомственных архивов КПСС и КГБ, которые ранее не входили в систему управле-

ния Главархива, их документы не входили в состав Государственного архивного фонда СССР. В принятом в 1993 г. Законе «Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» провозглашалась общедоступность архивных документов и информационно-поисковых систем к ним. В последующих нормативно-правовых актах сохранялись основные формы использования документальной информации.

С принятием Указа Президента РСФСР «О партийных архивах» № 83 от 24 августа 1991 г. Партийные архивы областных комитетов КПСС передавались в ведение архивных органов РСФСР. В соответствии с данным документом Партийный архив Омского обкома КПСС был преобразован в Центр документации новейшей истории Омской области. В рамках трансляции локальной истории посредством выставочной деятельности ЦДНИ-ОО проявляются две тенденции. С одной стороны, в 1990-е гг. выставки были посвящены юбилейным датам, являвшимся знаковыми для советского строя. Например, «К 75-летию восстания омских рабочих против режима Колчака» (1993) [23, л. 5], «Человек в судьбе страны: к 80-летию Октябрьской революции» (1997) [24, л. 11], «К 80-летию освобождения Омска от Колчака» (1999) [25, л. 11]. Однако одновременно в выставочной деятельности проявляются тенденции к освещению «белых пятен» в истории. Были организованы выставки «Идеологическая кампания 40-х годов в документах центра» [26, л. 7], «60 лет Большому террору» [24, л. 11]. И в последующем происходит расширение спектра тем. Широко освещалась деятельность ЦДНИОО по рассекречиванию документов, которая проводилась с 1992 г. В 1990-е гг. архивы стали одним из символов открытости общества, что объясняет внимание к данной деятельности. В. П. Козлов, руководитель Федерального архивного агентства в 1996–2009 гг., высказал интересную мысль: «Можно, например, понять психологически то положение, в котором оказались после августа 1991 г. работники архивов КПСС: среди них не было случайных людей, все они являлись «бойцами идеологического фронта», обеспечивавшими архивной информацией политику КПСС. Вдруг после событий августа 1991 г. в течение нескольких дней они оказались в ином политическом и экономическом (что немаловажно) пространстве. <...> Тем же, кто верил в поверженные идеалы, приходилось решать: уходить из архивов, приспособиться к новым политическим и идеологическим реалиям или принять их как естественный ход событий» [27, с. 101].

Анализ тем выставок ГАОО, проводимых с 1992 г., показывает их тематическое разнообразие, что объясняется многообразием хранящихся фондов с широкими хронологическими рамками. Среди тем выставок, оформленных в помещении ГАОО в 1990–2000-х гг.¹⁰, проявляется внимание к персоналиям. Чаще всего их герои — деятели культуры и политические фигуры, исследователи края. Выставки посвящались юбилейным датам государственных и общественных организаций. Особое внимание уделялось презентации собственной де-

⁹ Доклад руководителя Федерального архивного агентства А. Н. Артизова на торжественном заседании Совета по архивному делу при Федеральном архивном агентстве (Москва, 1 июня 2018 г.). URL: <http://archives.gov.ru/reporting/report-artizov-2018-sovet.shtml> (дата обращения: 08.12.2025).

тельности архива, в том числе его издательских проектов. Среди повторяющихся тем: история дореволюционной и советской промышленности, транспорта, освоения целинных и залежных земель, памятников истории и культуры и т. д. Отдельные проекты были посвящены сибирскому казачеству, Омской епархии и храмам города, посещению Омска членами царской семьи. В 1993, 1999 и 2008 гг. были оформлены выставки об А. В. Колчаке.

Архивисты участвовали в организации мероприятий к юбилеям города Омска. В постсоветский период составляющей коммеморативных практик архивных учреждений России остается культурно-просветительская работа, направленная на трансляцию истории Великой Отечественной войны. В основном она была приурочена к юбилеям Победы. Данная тема в 1995, 2000, 2005, 2010 гг. была отражена во всех основных формах работы по использованию документов, предоставлялись материалы для экспонирования на выставках в других учреждениях, организовывались встречи с ветеранами. ЦДНПО тесно сотрудничал с редакцией «Книги Памяти», вел работу по сбору сведений для книги «Солдаты Победы». В 1994 г. к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне ГАОО и Омским областным Советом ветеранов войны и труда был выпущен сборник писем омичей-фронтовиков, хранящихся в государственных и частных коллекциях «Я пишу последнее, быть может...». Подобные публикации — характерная черта изданий архивов субъектов Российской Федерации о войне 1941—1945 гг.

Исследователи отмечают, что в России первые постсоветские десятилетия справедливо можно называть «археографическим взрывом». В региональных архивах в это время «значительно выросло количество публикаций <...>, расширилась их тематика и хронологические рамки. К подготовке документальных изданий подключились общественные, церковные, учебные организации» [3, с. 15]. В Омске на рубеже XX—XXI вв. также увеличивается количество издательских проектов, подготовленных архивами. В начале 1990-х гг. творческий энтузиазм и научно-исследовательский потенциал архивистов столкнулся с рядом трудностей: отсутствием бумаги, денежных средств и необходимостью поиска спонсоров для выпуска сборников документов [21, с. 5].

В подготовке документальных публикаций прослеживается изменение содержательной составляющей, актуализация мало изученных исторических сюжетов и документов.

В 1991 г. научные сотрудники ГАОО Г. Я. Цветкова и К. В. Канаки структурировали научное наследие сибирского историка, генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаева. Тогда же к 275-летию Омска была подготовлена к изданию его работа «Историческая справка о том, когда и как построен город Омск». Однако опубликовать ее, дополнив научно-справочным аппаратом, удалось только в 1996 г. Позднее вышли еще две книги, включающие его наследие [28, 29]. Публикация документов и исследований дореволюционной истории также была осуществлена в сборниках

к 400-летию г. Тары [30] и 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г.¹⁰

С начала 2000-х гг. сотрудники ГАОО совместно с ЦДНПО проводили археографическую обработку для публикации такого вида источников как политические информационные сводки 1920—1930 гг., которые «фиксируют любые попытки противодействия властям и проводимой ими политики», регистрировали «все происходящее в жизни населения, его настроения, прежде всего политические, но с дополнением информацией из экономической и культурной жизни» [31, с. 4—5].

Также в 2000-е гг. архивисты инициируют выпуск нескольких справочных изданий: «Улицы города Омска» (2001, 2008) (в 2004 г. ставшее дипломантом Всероссийского конкурса научных работ в области архивоведения, документоведения и археографии за 2001—2002 гг.) [32, л. 17], «Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища» (2005), «Административно-территориальное деление Омской области в 1917—2007 годах» (2008), биографический справочник «Руководители Омской области советской эпохи (1934—1991 гг.)» (2011) (в 2013 г. ставшее дипломантом Всероссийского конкурса научных работ в области архивоведения, документоведения и археографии за 2009—2011 гг.).

Кроме того, архивистами составляются путеводители по фондам и обзоры фондов, предназначенные быть важным подспорьем для ученых, краеведов и широкого круга лиц, интересующихся историей края.

Издательская деятельность архива осуществлялась при участии представителей научного сообщества и краеведов. В сборниках отмечается сотрудничество с учеными-историками региона — А. Д. Колесниковым, Т. И. Галкиной; краеведами А. М. Лосуновым, Г. Ю. Гурьевым, И. Е. Бродским, В. И. Селюком, И. П. Шихатовым. Наибольший вклад в данную деятельность на исследуемом этапе внесли архивисты К. В. Канаки, Н. Г. Линчевская, Л. И. Огородникова, Г. Я. Цветкова, Т. В. Каиндина, Н. С. Храпова, Н. С. Жукова. Здесь также важно подчеркнуть активную организаторскую позицию архивного управления Омской области и лично Г. Ю. Бородиной, возглавлявшей этот орган власти в 2003—2011 гг. и много сделавшей для омского краеведения [33].

Помимо традиционных форм использования документов, предусмотренных еще в советском законодательстве, омские архивисты внесли вклад в изучение истории региона, реализуя краеведческие исследования. Формой представления результатов данной деятельности являлись публикации в «Архивном вестнике», издававшемся с 1990 г. и изначально предполагавшемся для информирования работников архивных учреждений и общественности о развитии архивной службы в области. Инициатором выпуска данного периодического издания являлась Г. М. Ипатова. В тот период многие регионы начали выпуск своих периодических изданий, в некоторых субъектах эта практика прочно утвердилась, в том числе в Омской области.

Нами было проанализировано 18 номеров «Архивного вестника», вышедших с 1990 по 2011 гг.

¹⁰ Сибирь в Отечественной войне 1812 года: сборник / сост. Н. С. Жукова и др. Омск: ООО «Мир увлечений», 2011. 128 с. ISBN 978-5-905552-04-5.

На его страницах публиковались обзоры фондов, архивные документы, нормативно-правовые акты, методические материалы, статьи о проблемах и состоянии архивного дела на момент выпуска номера, мероприятия, краеведческие исследования, и работы, территориальные рамки которых выходили за границы Омского Прииртышья. Уже с 3-го номера в «Архивном вестнике» увеличивается количество краеведческих исследований. С 3-го по 18-й выпуск процент данных статей варьируется от 24,2 до 68,7 %. Краеведческую информацию дополнительно содержали рубрики «Архивные вести», «Календарь знаменательных дат», «Хроника событий», поздравления юбиляров.

Рассмотрение институционального и профессионального состава авторов краеведческих статей «Архивного вестника» показало, что основную группу составляют архивные специалисты, в которую входят сотрудники архивного управления, ГАОО, ЦДНИОО, Тарского филиала ГАОО, архивисты из районов области, архива Управления ФСБ России по Омской области. В данной профессиональной категории активными авторами являлись Л. И. Огородникова, Г. М. Ипатова, Е. Н. Гусева, Н. С. Храпова, Л. В. Шевелева, М. Ю. Зубакина, Н. В. Муравицкая, Г. Ю. Бородина, Т. А. Терехина, С. Г. Батишева. Журнал можно охарактеризовать и как открытую площадку, на которой краеведческие материалы публиковали школьники, учителя, студенты и преподаватели средних и высших учебных заведений, сотрудники музеев, библиотек, краеведы.

В конце XX – начале XXI вв. омские архивы реализуют краеведческие проекты совместно с другими государственными учреждениями и авторскими коллективами. Например, при их участии Омской государственной областной научной библиотекой им. А. С. Пушкина осуществлялась подготовка календарей «Знаменательные и памятные даты Омского Прииртышья». В 1990-е гг. архивные учреждения включаются в написание «Энциклопедии Омской области». В 2009 г. отмечено активное участие в работе над «Энциклопедией города Омска» [34, л. 16].

Архивисты сотрудничали с общественными организациями, включенными в краеведческий процесс, — Омскими отделениями Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Советского (Российского) фонда культуры. Большую роль в плодотворном сотрудничестве ГАОО и краеведов сыграла начальник отдела использования и публикации документов Л. И. Огородникова¹¹.

Сотрудники архивных учреждений участвовали в краеведческих конференциях в регионе, также сами выступали организаторами подобных научных мероприятий. В 1993, 1995, 1997, 2000 и 2004 гг. Омским государственным университетом совместно с Архивным управлением Администрации Омской области проводилась Региональная научно-методическая конференция «Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории». В ходе работы конференции осуществлялось общение профессиональных историков с краеведами, занимав-

шимися историей Омска, но не имевшими профессионального исторического образования, членами краеведческих общественных организаций. Такое сотрудничество имело позитивные результаты. Так, в ходе обсуждения первого опыта организации конференции, прошедшей в 1993 г., на заседании кафедры дореволюционной отечественной истории исторического факультета Омского государственного университета А. В. Ремнёв выразил свою оценку: «Понравилось, как встретили работники архива: была проведена экскурсия и т. п. Секция краеведения, в работе которой я принимал участие, была самой маленькой. Здесь есть недоработка. Вне нашей конференции оказались работники музея. Но работа была плодотворной, т. к. приняли участие люди заинтересованные — Надя Ф. К. и Селюк В. И. — омские краеведы» [35, л. 8]. И. А. Коновалов отметил: «Мне понравилась конференция. Встреча с нашими краеведами была крайне полезна, т. к. я занимаюсь историей Омска. Я проконсультировался с Надей Ф. К. и наладил связи с Селюком В. И. Но хотелось бы видеть большее представительство краеведов на конференции» [35, л. 9]. На данном научном мероприятии помимо вопросов местной истории обсуждались и проблемы преподавания исторического краеведения.

В 2002 и 2005 гг. состоялись «Архивные чтения памяти Н. В. Горбаня». Конференция была актуальна в деле первичной фиксации и восполнения уже накопленных знаний по локальной истории, популяризации документального наследия и развития краеведческого движения в регионе [36].

В конце XX в. новой формой представления исторической информации все чаще становятся проекты, реализованные с использованием цифровых технологий, а распространение сети Интернет «позволило архивам сделать значительный рывок в вопросах самопрезентации и представления архивных собраний» [37, с. 224]. Осуществление работы в данном направлении позволяло ГАОО отвечать на вызовы времени. К 2000 г. совместно с Омским государственным университетом была закончена работа по созданию сайта о Сибирском казачьем войске, который содержал статьи о нем, информацию об архиве, оцифрованную опись фонда № 67 «Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска», а также данные о других фондах, которые располагали материалами по этой теме, информацию об архиве, его истории [38]. В 2001 г. был создан сайт «Справочник-путеводитель по фондам Государственного архива Омской области «Белый Омск»» [39, л. 13]. В 2009 г. был зарегистрирован официальный сайт архива, на котором стала публиковаться информация о знаменательных датах Омской области, статьи работников архива, издания, виртуальные выставки, демонстрирующие электронные образы архивных документов [40].

Заключение

Таким образом, региональные архивы представляют собой не только институт пассивного хранения «краеведческого массива», но и активно включены в краеведческий процесс. В рамках на-

¹¹ Храпова Н. С. Основные формы взаимодействия Исторического архива Омской области с краеведческим сообществом

// Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов. Омск: ОГИКМ, 2022. С. 162. EDN: QJLCIF.

правления «использование документов» они выполняют государственно важные задачи, занимаясь изучением конкретно-исторических краеведческих сюжетов, осуществляя выпуск своего краеведческого периодического издания и сотрудничая с заинтересованными в развитии краеведения учреждениями, общественными организациями и деятелями. Трансляция местной истории сквозь призму регионального документального наследия в изучаемый период осуществлялась посредством оформления выставок, через средства массовой информации, издательские проекты и информационно-коммуникационную сеть Интернет.

На рубеже XX—XXI вв. архивы не только адаптировались к новым социокультурным условиям, но и стали активными субъектами формирования региональной идентичности, отвечали на общественный запрос в исторической информации. Появление новых форм деятельности, площадок коммуникации, расширение тематического спектра исследуемых и освещаемых сюжетов отвечало общим тенденциям в отечественном краеведении. Региональный опыт показывает сложность и неоднородность данного процесса. Проблематика транслируемых тем во многом определялась спецификой региональной истории.

Анализ источников по деятельности государственных архивов Омского региона в контексте изменений, происходивших в отечественной истории и, в частности, архивной отрасли, показывает, что на реализацию краеведческой деятельности оказывало влияние множество факторов: смена государственной политики и отмена идеологического влияния, нормативно-правовые акты, экономическая ситуация в стране и уровень развития технологии. Личные инициативы и научно-кадровый потенциал архивов способствовали развитию краеведения в архиве на качественно новом уровне, формированию вокруг учреждения круга единомышленников для успешной реализации проектов.

Примечания

* Вторая часть вышла ранее — в 1983 г., в ней приводились документы по истории области 1941—1970 гг.

** Архив принимал участие в организации выставок и на базе других учреждений.

Список источников / References

1. Пальшина Е. Е. Историческое краеведение и архивы // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 118—121.
Pal'shina E. E. Istoricheskoye krayevedeniye i arkhivy. *Otechestvennyye Arkhivy*. 1992;2:118—121. (In Russ.).
2. Пашков А. М. Краеведение историческое // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубар'ян. Москва: Аквилон, 2014. С. 235—237.
Pashkov A. M. Krayevedeniye istoricheskoye. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar'* / Ed. by A. O. Chubar'yan. Moscow, 2014. P. 235—237. (In Russ.).
3. Хими́на Н. И. Документальные публикации архивных учреждений России в 1992—2013 гг. // Отечественные архивы. 2016. № 1. С. 14—21. EDN: VRBSGL.
- Khimína N. I. Dokumental'nyye publikatsii arkhivnykh uchrezhdeniy Rossii v 1992—2013 gg. *Otechestvennyye Arkhivy*. 2016;1:14—21. EDN: VRBSGL. (In Russ.).
4. Сабенникова И. В., Дегтярева И. А., Ловцов А. С. Об опыте подготовки и проведения выставок архивных документов: результаты анкетирования архивных учреждений //

Вестник ВНИИДАД. 2022. № 4. С. 4—13. https://doi.org/10.55970/26191601_2022_4_04. EDN: UKNTZJ.

Sabennikova I. V., Degtyareva I. A., Lovtsov A. S. The results of archival institutions survey on the archival documents exposition experience. *Herald of VNIIDAD*. 2022;4:4—13. https://doi.org/10.55970/26191601_2022_4_04. EDN: UKNTZJ. (In Russ.).

5. Боброва Е. В. О мониторинге архивных сайтов Рунета // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2011. № 18 (80). С. 67—80. EDN: OPVIRT.

Bobrova E. About monitoring of archival sites in Runet. *RSUH/RGGU BULLETIN. "Information Science. Information Security. Mathematics" Series*. 2011;18(80):67—80. EDN: OPVIRT. (In Russ.).

6. Данилов Д. В. Перспективные направления развития архивных сайтов в Интернете // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2011. № 18. С. 123—132. EDN: OPVITR.

Danilov D. Perspective directions in development of archival sites in the Internet. *RSUH/RGGU BULLETIN. "Information Science. Information Security. Mathematics" Series*. 2011;18(80):123—132. EDN: OPVITR. (In Russ.).

7. Богданович Л. А. Использование архивных документов в патриотическом воспитании граждан Мордовской Республики // Вестник архивиста. 2009. № 1. С. 38—47. EDN: KBEMJN.

Bogdanovitch L. A. Using of the archive documents in the patriotic education of the Mordovians. *Herald of an Archivist*. 2009;1:38—47. EDN: KBEMJN. (In Russ.).

8. Размахнина А. В., Салеева Л. В. Публикационная деятельность Государственного архива Хабаровского края // Вестник архивиста. 2010. № 1. С. 57—65. EDN: MVFZGP.

Razmahnin A. V., Saleeva L. V. Publishing activity of the state archive of the Khabarovsk Krai. *Herald of an Archivist*. 2010;1:57—65. EDN: MVFZGP. (In Russ.).

9. Вишев И. И. Объединенный госархив Челябинской области: использование документов // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 34—37. EDN: MGULYL.

Vishev I. I. Ob'yedinennyy gosarkhiv Chelyabinskoy oblasti: ispol'zovaniye dokumentov. *Otechestvennyye Arkhivy*. 2010;3:34—37. EDN: MGULYL. (In Russ.).

10. Пантелейчук М. Н. Популяризация документов Архивного фонда Новгородской области // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 17—20. EDN: OKASBB.

Panteleychuk M. N. Populyarizatsiya dokumentov Arkhivnogo fonda Novgorodskoy oblasti. *Otechestvennyye Arkhivy*. 2011;6:17—20. EDN: OKASBB. (In Russ.).

11. Барабанщикова Е. В., Герасимова А. В. Современные формы использования архивных документов в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области // Отечественные архивы. 2022. № 6. С. 31—38. EDN: KQUZSI.

Barabanshchikova E. V., Gerasimova A. V. Modern forms of use of archival documents in the state archive of socio-political history of the Tyumen region. *Otechestvennyye Arkhivy*. 2022;6:31—38. EDN: KQUZSI. (In Russ.).

12. Моисеев С. В., Чуйкова Т. Б. Историко-краеведческая деятельность Государственного исторического архива Новгородской области в 2003—2007 гг. // Вестник архивиста. 2007. № 2. С. 222—227. EDN: KWKACF.

Moiseyev S. V., Chuykova T. B. Istoriko-krayevedcheskaya deyatel'nost' Gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Novgorodskoy oblasti v 2003—2007 gg. *Herald of an Archivist*. 2007;2:222—227. EDN: KWKACF. (In Russ.).

13. Наумова О. А. Госархивы Вологодчины — краеведению // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 14—17. EDN: PAGIJL.

Naumova O. A. Gosarkhivy Vologodchiny — krayevedeniyu. *Otechestvennyye Arkhivy*. 2012;4:14—17. EDN: PAGIJL. (In Russ.).

14. Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и Положения о Главном архивном управлении при Совете министров СССР: постановление Совета министров СССР от 4 апреля 1980 г. № 274 // Основные декреты и постановления советского правительства по архивному делу 1918–1982 гг. Москва, 1985. С. 49–66.

Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom arkhivnom fonde SSSR i Polozheniya o Glavnom arkhivnom upravlenii pri Sovete ministrov SSSR: postanovleniye Soveta ministrov SSSR ot 4 aprelya 1980 g. no. 274. *Osnovnyye Dekrety i Postanovleniya Sovetskogo Pravitel'stva po Arkhivnomu Delu 1918–1982 gg.* Moscow, 1985. P. 49–66. (In Russ.).

15. Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон СССР от 29 октября 1976 г. № 4692-IX // Основные декреты и постановления советского правительства по архивному делу 1918–1982 гг. Москва, 1985. С. 38–47.

Ob okhrane i ispol'zovanii pamyatnikov istorii i kul'tury: Zakon SSSR ot 29 oktyabrya 1976 g. no. 4692-IX. *Osnovnyye Dekrety i Postanovleniya Sovetskogo Pravitel'stva po Arkhivnomu Delu 1918–1982 gg.* Moscow, 1985. P. 38–47. (In Russ.).

16. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П–411. Оп. 10. Д. 116.

Historical Archive of the Omsk Region (HAOR). File: P–411/10/116. (In Russ.).

17. ИАОО. Ф. П–715. Оп. 1. Д. 674.

HAOR. File: P–715/1/674. (In Russ.).

18. ИАОО. Ф. П–715. Оп. 1. Д. 722.

HAOR. File: P–715/1/722. (In Russ.).

19. Новикова М. В. Особенности исторической политики советского государства в годы перестройки 1985–1991 гг. // *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 2. С. 24–39. EDN: YOWGOD.

Novikova M. V. Osobennosti istoricheskoy politiki sovetskogo gosudarstva v gody perestroiki 1985–1991 gg. *Genesis: Historical Research*. 2018;2:24–39. EDN: YOWGOD. (In Russ.).

20. ИАОО. Ф. П–715. Оп. 1. Д. 740.

HAOR. File: P–715/1/740. (In Russ.).

21. Ипатова Г. М. Архивы и правда жизни // *Архивный вестник*. Омск, 1990. №1. С. 3–7.

Ipatova G. M. Arkhivy i pravda zhidni. *Arkhivnyy Vestnik*. Omsk, 1990. No. 1. P. 3–7. (In Russ.).

22. Козлов В., Локтева О. «Архивная революция» в России (1991–1996) // *Свободная мысль*. 1997. № 1. С. 113–121.

Kozlov V., Lokteva O. "Arkhivnaya revolyutsiya" v Rossii (1991–1996). *Svobodnaya Mysl'*. 1997;1:113–121. (In Russ.).

23. ИАОО. Ф. П–9663. Оп. 1. Д. 31.

HAOR. File: P–9663/1/31. (In Russ.).

24. ИАОО. Ф. П–9663. Оп. 1. Д. 138.

HAOR. File: P–9663/1/138. (In Russ.).

25. ИАОО. Ф. П–9663. Оп. 1. Д. 235.

HAOR. File: P–9663/1/235. (In Russ.).

26. ИАОО. Ф. П–9663. Оп. 1. Д. 83.

HAOR. File: P–9663/1/83. (In Russ.).

27. Козлов В. П. Архивы России в контексте политических событий 90-х годов XX века // *Новая и новейшая история*. 2007. № 6. С. 101–122. EDN: ICCSIR.

Kozlov V. P. Arkhivy Rossii v kontekste politicheskikh sobytiy 90-kh godov XX veka. *Novaya i Noveyshaya Istoriya*. 2007;6:101–122. EDN: ICCSIR. (In Russ.).

28. Катанаев Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судья. Московский комендант и всея Сибири губернатор (Первый Сибирский автономист): Сибирь эпохи Петра Великого. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. 208 с. ISBN 5-93020-347-4.

Katanayev G. E. Knyaz' Matvey Petrovich Gagarin. General'nyy prezident Sibirskogo prikaza i sibirskikh provintsiy sudiya. Moskovskiy komendant i vseya Sibiri gubernator (Pervyy Sibirskiy avtonomist): Sibir' epokhi Petra Velikogo. Tyumen, 2005. 208 p. ISBN 5-93020-347-4. (In Russ.).

29. Катанаев Г. Е. Очерки былого. Омск: ООО «Омскбланк-издат», 2012. 416 с. ISBN 978-5-8042-0257-7.

Katanayev G. E. Ocherki bylogo. Omsk, 2012. 416 p. ISBN 978-5-8042-0257-7. (In Russ.).

30. Тарская мозаика (История края в очерках и документах 1594-1917 гг.) / Отв. за вып. Л. И. Огородникова. Омск: Кн. изд-во, 1994. 200 с. ISBN 5-85540-346-7.

Tarskaya mozaika (Istoriya kraya v ocherkakh i dokumentakh 1594-1917 gg.) / Executive ed. L. I. Ogorodnikova. Omsk, 1994. 200 p. ISBN 5-85540-346-7. (In Russ.).

31. Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920–1930 гг.: сборник документов. Омск: ООО «Мир увлечений», 2011. 592 с. ISBN 978-5-905552-02-1.

Strogo sekretno. Omskoye Priirtysh'ye v politicheskikh informatsionnykh svodkakh 1920–1930 gg. Omsk, 2011. 592 p. ISBN 978-5-905552-02-1. (In Russ.).

32. ИАОО. Ф. П–715. Оп. 1. Д. 892.

HAOR. File: P–715/1/892. (In Russ.).

33. Петин Д. И. Историк-архивист душой и сердцем: к 70-летию Г. Ю. Бородиной // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2022. Т. 9, № 4. С. 284–291. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(4\).284-291](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(4).284-291). EDN: NKUXHS.

Petin D. I. Historian-archivist with Heart and Soul: to the 70th Anniversary of G. Yu. Borodina. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2022;9(4):284–291. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(4\).284-291](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(4).284-291). EDN: NKUXHS. (In Russ.).

34. ИАОО. Ф. П–715. Оп. 1. Д. 1046.

HAOR. File: P–715/1/1046. (In Russ.).

35. ИАОО. П–2880. Оп. 1. Д. 1106.

HAOR. File: P–2880/1/1106. (In Russ.).

36. Петин Д. И. Архивные чтения памяти Н. В. Горбаня // *Энциклопедия омского краеведения*. Омск: ОГИКМ, 2023. С. 52.

Petin D. I. Arkhivnyye chteniya pamyati N. V. Gorbanya. *Entsiklopediya Omskogo Krayevedeniya*. Omsk, 2023. P. 52. (In Russ.).

37. Юмашева Ю. Ю. Информатизация архивного дела в Российской Федерации (1991–2015 гг.): научные исследования в области применения информационных технологий: монография. Москва: Директ-Медиа, 2016. 351 с. ISBN 978-5-4475-7708-7.

Yumasheva Yu. Yu. Informatizatsiya arkhivnogo dela v Rossiyskoy Federatsii (1991–2015 gg.): nauchnyye issledovaniya v oblasti primeneniya informatsionnykh tekhnologiy. Moscow, 2016. 351 p. ISBN 978-5-4475-7708-7. (In Russ.).

38. Огородникова Л. И. Архив во «всемирной паутине» // *Архивный вестник*. Омск, 2000. № 8. С. 39–42.

Ogorodnikova L. I. Arkhiv vo "vsemirnoy pautine". *Arkhivnyy Vestnik*. Omsk, 2000. No. 8. P. 39–42. (In Russ.).

39. ИАОО. Ф. П–715. Оп. 1. Д. 866.

HAOR. File: P–715/1/866. (In Russ.).

40. Баева Ю. С. Официальному сайту Казенного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» (IAOO.RU) — 5 лет: первый опыт // *Архивный вестник*. Омск, 2014. № 21. С. 84–88.

Bayeva Yu. S. Ofitsial'nomu saytu Kazennogo uchrezhdeniya Omskoy oblasti «Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti» (IAOO.RU) — 5 let: pervyy opyt. *Arkhivnyy Vestnik*. Omsk, 2014. No. 21. P. 84–88. (In Russ.).

Информация об авторе:

КЕЛЛЕР Любовь Ивановна, ученый секретарь Омского государственного историко-краеведческого музея, г. Омск.

SPIN-код: 2636-0713
AuthorID (РИНЦ): 995927
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2016-673X>
e-mail: l.i.keller@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 18.08.2026.

Information about the author:

KELLER Lyubov Ivanovna, Academic Secretary, Omsk State Museum of History and Regional Studies, Omsk.
SPIN-code: 2636-0713
AuthorID (RSCI): 995927
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2016-673X>
e-mail: l.i.keller@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 18.08.2026.

ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРОВ ПОСЛЕДНЕГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ В ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Р. Н.-О. Керимли¹, А. А. Фоменков²✉

¹Независимый исследователь, г. Нижний Новгород

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ artjom2310@inbox.ru

Статья посвящена выборам депутатов Горьковского областного Совета народных депутатов XXI созыва, проходившим весной 1990 г. Актуальность статьи заключается в необходимости осмысления переходных процессов в позднем СССР.

Важные события того периода связаны с выборами, которые стали носить конкурентный характер, а также создали условия для участия оппозиции в осуществлении властных полномочий. Цель исследования — выявление особенностей выборов народных депутатов в Горьковский областной Совет народных депутатов в 1990 г. и анализ их результатов. Методика исследования базируется на общенаучных методах, а также связана с применением сравнительного метода. Указана специфика борьбы кандидатов в депутаты за симпатии электората. Выявлены особенности активности горьковчан на выборах.

Доказано, что наблюдалось отличие между реальными и номинальными итогами волеизъявления жителей Горьковской области, так как в ряде случаев формальные данные о членстве депутата в КПСС никак не соответствовали его реальным политическим убеждениям. Упомянуто, что победа на выборах в Горьковский областной Совет народных депутатов стала «трамплином» для целого ряда политиков — в том числе и общесоюзного масштаба.

Ключевые слова: Совет народных депутатов, Горьковская область, программы кандидатов, «Кандидаты за демократию», фрагментация КПСС, С. В. Кириенко, Е. А. Паулкин, «Демократическая реформа»

Для цитирования: Керимли Р. Н.-О., Фоменков А. А. Особенности выборов последнего областного Совета народных депутатов в Горьковской области. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 52–57. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-52-57>. EDN: PQGIKT.

© Керимли Р. Н.-О., Фоменков А. А., 2026.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

FEATURES OF THE ELECTIONS TO THE LAST REGIONAL COUNCIL OF PEOPLE'S DEPUTIES OF THE GORKY REGION

R. N.-O. Kerimli¹, A. A. Fomenkov²✉

¹Independent Researcher, Nizhny Novgorod, Russia

²National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Gagarina Ave., 23, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

✉ artjom2310@inbox.ru

The article is devoted to the elections of deputies to the Gorky Regional Council of People's Deputies of the 21st convocation, which took place in the spring of 1990. The relevance of the article lies in the need to understand the transitional processes in the late USSR.

Important events of that period are associated with the elections, which began to take on a competitive character and created conditions for the opposition to participate in exercising governmental authority. The aim of the research is to identify the specific features of the election of people's deputies to the Gorky Regional Council of People's Deputies in 1990 and to analyse its results. The research methodology is based on general scientific methods and involves the application of the comparative method. The paper

outlines the specifics of the candidates' struggle for the sympathy of the electorate. The authors identify the particular features of the voter turnout among Gorky residents.

The research demonstrates that there is a discrepancy between the actual and nominal outcomes of the will expression among Gorky residents, as in a number of cases the formal data on a deputy's membership in the CPSU does not correspond to his real political beliefs at all. Moreover, the authors mention that the victory in the election to the Gorky Regional Council of People's Deputies acts as a "catalyst" for a number of politicians — including those of federal significance.

Keywords: Council of People's Deputies, Gorky Region, candidate programs, "Candidates for Democracy," fragmentation of the Communist Party of the Soviet Union, S. V. Kiriyyenko, E. A. Paulkin, "Democratic Reform".

For citation: Kerimli R. N.-O., Fomenkov A. A. Features of the elections to the last regional council of people's deputies of the Gorky Region. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):52–57. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-52-57>. EDN: PQGIKT. (In Russ.).

© Kerimli R. N.-O., Fomenkov A. A., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Актуальность статьи заключается в необходимости осмысления переходных процессов в позднем СССР. Важные события того периода связаны с выборами, которые стали носить конкурентный характер, а также создали условия для участия оппозиции в осуществлении властных полномочий.

Целью статьи является выявление особенностей выборов народных депутатов в Горьковский областной Совет народных депутатов в 1990 г. и анализ их результатов.

Отметим, что начиная с 1989 г. в СССР активно шёл процесс демократизации (одним из ее проявлений были декларации с самых высоких трибун о необходимости возрастания роли Советов). Следовательно, в полной мере новые особенности политической системы страны проявились весной 1990 г., когда прошли не только выборы народных депутатов РСФСР, но и избранных регионально-го и местного значения. Именно так обстояла ситуация в Горьковской (ныне Нижегородской) области.

У населения региона присутствовала и вера в возможности Советов, избираемых на демократической основе (эйфория после I Съезда народных депутатов СССР ещё прошла не полностью¹), и желание изменить ситуацию в стране к лучшему. Не случайно в документах Горьковского обкома КПСС фигурировала следующая формулировка: «Съездовские дискуссии не закончились. Они переносятся сегодня в трудовые коллективы, на митинги и на встречи с народными депутатами» [1, л. 36]. Можно согласиться с тем, что фраза звучит излишне пафосно, однако интерес к политике у населения был большой. Отметим, что в то время многие горьковчане были сторонниками именно конкурентных выборов [2, л. 1].

Основная часть

Важно подчеркнуть, что в годы перестройки монолитность и единство КПСС ушли в прошлое. Касалось это в том числе и Горьковской областной партийной организации. На рубеже 1980-х — 1990-х гг.

изрядные трудности для КПСС в регионе создавало то, что её обновление происходило в изменившейся политической обстановке. Сформировались новые политические силы, постепенно составлявшие ей конкуренцию в борьбе за власть². В ряде случаев партноменклатура была просто вынуждена отступить с занимаемых ранее позиций. В описываемый временной период при принятии политических решений чрезвычайно вырос эмоциональный накал, причём эмоции распределялись в зависимости от политических пристрастий. На долю КПСС приходилось ещё немало симпатий, но уже было много и антипатий [3]. Для немалой части избирателей депутаты из числа советских и партийных работников являлись нежелательными в г. Горький (52,1 % не хотели поддерживать партийных работников, а 45,2 % — советских [4, л. 85]).

Сами выборы — точнее 1-й их тур — проходили в марте 1990 г. Процедура избрания могла носить как безальтернативный, так и альтернативный характер. В 49 округах выборы были безальтернативными, в 84 — за мандат боролись два кандидата, в остальных 122 — по три и более [5]. Для победы в первом туре надо было набрать 50 % + 1 голос, то есть действовала мажоритарная система абсолютного большинства. В случае если ни один из кандидатов не набирал необходимый результат, объявлялся второй тур (если кандидатов было три и более) или же перевыборы (если кандидатов было два). В последнем случае вся процедура проводилась заново. В основном кандидаты выдвигались трудовыми коллективами (80,3 %). Для сравнения: общественными организациями было выдвинуто 15,6 %, а по месту жительства — всего 1,8 % [6, л. 5]. Отметим, что трудовой коллектив мог выдвинуть только одного кандидата, что порой составляло трудности.

Крайне важные вопросы, по мнению жителей Нижегородского района г. Горький в 1989 г., — это проблема дефицита, преступность и экология [4, л. 7]. Кандидаты в депутаты обойти указанные вопросы в своих программах, естественно, не могли. Ещё одним важным вопросом для жителей регио-

¹ Фоменков А. А., Керимли Р. Н.-О. Надежды, иллюзии и переходный характер: К вопросу о становлении советского парламентаризма в 1989 году // Задачи и перспективы развития современной науки. Сочи — Москва, 2023. С. 439. EDN: IWXMMZ.

² Пахомова Е. А., Фоменков А. А. Усиление политической активности в г. Горьком во второй половине 1980-х годов // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. Нижний Новгород, 2017. С. 368. EDN: XMKGOL.

на (в первую очередь г. Горького, но не только его одного) был вопрос об окончательной остановке строительства Горьковской атомной станции тепло-снабжения. В реалиях углубления перестроечного процесса переложить итоговое решение на центральные власти было невозможно.

Кроме того, кандидаты апеллировали к потенциальным избирателям со стремлением решить местные, локальные проблемы (например, кандидат от Канавинского района А. Корнилов заявлял, что будет бороться за завершение строительства спорт-комплекса при школе № 176, решение вопроса о по-стройке торгового центра, передаче Дома торжеств под Дом молодёжи, окончательную очистку Мещер-ского озера и создание сети детских клубов [7]).

Имела место быть и партийная программа для кандидатов от обкома КПСС. В ней наряду с общими фразами («мы за безусловное продолжение курса на демократизацию» и т. д.) содержались не только положения о необходимости многооб-разных форм собственности (о частной, кстати, не говорилось), но также и о благожелательном от-ношении к Русской православной церкви [8].

У горьковских комсомольцев была своя пред-выборная программа «Наш дом», что не отменяло и наличие личной программы кандидатов. Содержа-лись среди «личных» программ активистов ВЛКСМ и весьма необычные, мейнстримные по тем меркам лозунги. Нынешний председатель Законодательно-го собрания Нижегородской области, а тогда ещё комсомольский активист Е. Б. Люлин утверждал, что «нужно быстрее переходить к самоуправлению и самофинансированию области» [9]. Разумеется, такая позиция не может быть охарактеризована как протосепаратистская — речь следует вести о весьма распространённой тогда в политизированной части общества идее, согласно которой: чем больше будет самостоятельности от Москвы, тем лучше.

Что касается политтехнологий, то находились они в Горьковской области в зачаточном состо-янии, да и самого указанного термина не имелось. Донести свою позицию до избирателей кандидаты стремились с помощью печатных СМИ как обще-региональных, так и локальных; бесплатных эфир-ов на телевидении; листовок; встреч с избира-телями в трудовых коллективах; митингов и агитации по принципу «от двери к двери». Депутат В. Н. Ер-шов в своей книге «Вижу цель» писал о той кам-пании, в частности, следующее: «...по вечерам с двумя доверенными лицами мы “брали” очередной дом и, пройдя по подъездам, приглашали желающих собраться на улице. Иногда выходило три, пять, максимум десять человек. К нам присоединялись прохожие, некоторые, постояв немного, уходили по делам. Но дух непосредственного и раскованно-го общения делал эти встречи как бы домашними. Искренность, взаимное уважение, даже при высо-ких тонах разговора, приводили к тому, что рас-ставались мы если уж не единомышленниками, то, по крайней мере, союзниками» [10, с. 10].

Отметим, что у других кандидатов (как победив-ших в итоге своей борьбы за депутатский мандат, так и уступивших более успешным противникам) были свои мнения относительно эффективности того или иного из упомянутого выше способа борь-бы за народную поддержку. Для части кандидатов большим подспорьем стал телемарафон, прошед-ший 4 марта 1990 г. по инициативе объединения «Кандидаты за демократию» [11]. Для радикальных противников действовавшей власти немалую роль

сыграл состоявшийся 18 февраля 1990 г. предвы-борный митинг на площади Минина и Пожарского (в то время неофициально центральной в городе), организованный инициативной группой, выступа-ющей на платформе «Кандидаты за демократию» (последние во многом возникли на базе созданно-го ещё в 1984 г. при Доме учёных «Клуба моло-дых учёных», который затем перепрофилировался в депутатский клуб [12, л. 218]). Участвовали в нём по официальным данным порядка 10 тыс. чел. [13, л. 1]. В реальности пришедших на митинг могло быть и больше. Само это мероприятие продемон-стрировало, что горьковчане вовсе не отличаются политической пассивностью [10, с. 11]. В докумен-тах обкома КПСС есть такая характеристика это-го мероприятия: «...Часть [лозунгов], которые были выставлены сторонниками объединения «Канди-даты за демократию», носила характер злобных и агрессивных выпадов в адрес обкома и горкома партии...» [13, л. 1].

Для лучшего запоминания кандидата и его плат-формы активно использовались «фирменные» сло-ганы. В частности, у молодых кандидатов был даже такой, как «К стенке тех, кто торгует стенками». Имеется в виду не прямой призыв к физической расправе, а связанный с необходимостью усиления борьбы с дефицитом (шкафы-стенки были тогда то-варом дефицитным), и с теми, кто на этом самом дефиците наживается (работники торговли и со-трудники исполкомов).

По итогам первого тура голосования были по-лучены следующие результаты: из 2745012 избира-телей в голосовании приняло участие 2084086 че-ловек (чуть меньше 76 %). Этот показатель может быть признан весьма высоким, причём не только по современным меркам. Напомним, что в 1991 г. на выборах Президента РСФСР явка составила 74,66 %. Небезынтересен такой показатель, как 94 тыс. признанных недействительными бюлле-тей, то есть 4,5 % избирателей либо не захотело делать выбор (причём поставило об этом в извест-ность власть и общество), либо же не сориентиро-валось, как голосовать в новых реалиях (ещё не-давно всё было проще — избирали одного депутата из одного кандидата). Представляется, что этот по-казатель был свидетельством недостаточно разви-той политической культуры.

112 чел. сразу были избранными, а в 101-м окру-ге было необходимо проводить второй тур выборов. Ещё в 42 округах было необходимо провести по-вторные выборы с нуля. Следовательно, оконча-тельное формирование депутатского корпуса затя-нулось. Выход некоторых кандидатов во второй тур был явной сенсацией — в Ленинском и Советском районах в нем участвовали студент университета и студентка политехнического института [14].

Что касается повторных выборов, то график мероприятий был тогда предусмотрен весьма жест-кий. Он предусматривал выдвижение кандидатов с 13 по 19 марта и их регистрацию с 19 по 21 мар-та. На проведение встреч с избирателями канди-датам в депутаты отпускатся время с 30 марта по 21 апреля, а непосредственно проведение голо-сования по избирательному округу должно было состояться уже 22 апреля с 7 до 20 ч. и не поздне-е 25 апреля — обнародование результатов [15, л. 13–14].

На первом туре выборов повторного голосова-ния, прошедших 22 апреля 1990 г., явка избирателей была ниже, чем в марте. Она составила 61,46 % [16].

5 мая 1990 г. в 21 округе повторные выборы завершились без необходимости продолжения борьбы во всех округах без исключения [17]. Следует ли всерьёз утверждать, что по мере продолжения избирательного марафона снижался интерес населения к выборам или же нет, не ясно. Тем не менее в ходе голосования средняя явка 4 мая 1990 г. составила 60,23 % [17]. По сравнению с мартовскими показателями было снижение на 15 %. Впрочем, могли быть и иные причины, не имевшие отношения к политике. Например, снижение активности в дни между 1 и 9 Мая. Единственная активность населения, которая в это время возрастает, связана с отдыхом и обработкой дачных участков. Впрочем, некоторое снижение активности отмечалось наблюдателями. Так, известный нижегородский журналист В. В. Высоцкий писал следующее: «Люди устали голосовать» [18, с. 227]. Последним свой депутатский мандат получил Ю. П. Старцев, генеральный директор Арзамасского производственного приборостроительного объединения, избранный 31 мая 1990 г. в округе № 91 [19]. К этому времени 1-я сессия Горьковского областного Совета народных депутатов уже завершилась, причём с момента её окончания прошло больше месяца.

Из 212 депутатов, получивших мандаты к началу 1-й сессии областного Совета, 187 были членами КПСС (88,2 %), женщин было 10 (4,7 %), рабочих — 24 (11,3 %), колхозников — 6 (2,8 %), партработников — 23 (10,8 %), советских работников — 20 (9,4 %), руководителей предприятий — 64 (30,2 %) [2, л. 76], относящихся к категории молодёжь (младше 30 лет) — 13 (6,1 %) [20, л. 6]. Руководителей предприятий среди избранных было больше, чем иных специалистов народного хозяйства [1, л. 77]. Также отметим, что на тех выборах имела место практика избрания видных партийных деятелей регионального масштаба в отдалённых районах области (речь шла о своего рода «гнилых местечках») [12, л. 291]. В частности, экс-секретарь парткома Горьковского автомобильного завода, делегат XXVI Съезда КПСС Е. А. Паулкин безальтернативно баллотировался по округу от Воскресенского района и получил в итоге 87 % [15, л. 61]. Заслуживает упоминания и тот факт, что «...в областной Совет 85 % народных депутатов избрано впервые» [12, л. 77; 23, л. 113]. Часть видных партийных функционеров (Ю. В. Ганин, А. А. Шлыков, Ю. А. Марченков, М. С. Бабиченко, В. И. Поляков) выборы проиграли [21, л. 113]. В ряде районов области, в том числе и отдалённых, была такая же ситуация при альтернативных выборах. Например, первый секретарь Краснобаковского райкома партии Е. Н. Костюков проиграл участковому инспектору милиции А. А. Баскакову в округе № 178. Ни о каком засилии номенклатуры в областном Совете вести речь не следовало.

По итогам же выборов на 1 июня 1990 г. членов КПСС было 87 %, женщин — 5,1 %, рабочих — 11 %, колхозников — 3,5 % [19]. Довыборы привели к незначительным изменениям состава депутатского корпуса. Впрочем, эти изменения не носили принципиального характера. Единственная категория населения, недостаточно представленная в Горьковском областном Совете XXI созыва, по мнению его депутата и специалиста в области социологии С. В. Белковского, являлось крестьянство [22].

Формально успешные для власти итоги выборов на самом деле таковыми не являлись. Как члены КПСС были избраны и Е. В. Крестьянинов,

и М. В. Сеславинский, и Е. В. Загрядский [23], которые к этому времени уже выражали несогласие с линией партии. Как победа горьковского комсомола подавалось и получение мандатов С. В. Кириенко, М. В. Сеславинским, А. В. Вишнепольским, Д. В. Кануновым [24]. Упомянутые политики стали вскоре позиционировать себя как демократы, то есть оппозицией. С. В. Кириенко отпускал критические стрелы в адрес руководства области уже в ходе предвыборной кампании [13, л. 3]. Он также призывал к объединению всех демократических сил и даже считал, что общество находится в ситуации, сходной с той, что имела место в Германии в 1932 г. [25, с. 3]. В ряде случаев формальные данные о политической принадлежности депутата никак не соответствовали реальной действительности (эта ситуация была характерна для страны в целом).

Что же касается «патентованной» оппозиции, то, как отмечали в документах Горьковского обкома КПСС, «в первом туре за представителей объединения «Кандидаты за демократию» проголосовало от 17 до 26 % избирателей, около половины из них прошли во второй тур и отдельные в итоге победили» [21, л. 113]. Уже перед началом первой сессии Горьковского областного Совета народных депутатов по данным прогноза, сделанного оргинструкторским отделом облисполкома, примерно 50 депутатов принадлежали к числу демократов [1, л. 77]. Вскоре 47 депутатов из тогда ещё Горьковской области создали депутатскую группу «Демократическая реформа» [26, л. 661]. Иначе говоря, прогноз работников Горьковского облисполкома подтвердился. То есть оппозиция получила больше 20 % мандатов. Позднее, по мере приближения краха СССР, ряды тех, кто именовал себя демократами, в рамках областного Совета расширялись, в то время как их коллег-сторонников коммунистической идеи становилось меньше.

В целом, можно полностью согласиться с оценкой выборной кампании, исходившей от сотрудников Горьковского обкома КПСС: «Предвыборная борьба породила новые, незнакомые ранее формы активности избирателей, их самоорганизацию. Это выразилось в создании на различных этапах предвыборной борьбы инициативных групп, комитетов «за» и «против», групп поддержки, достаточно проявивших себя. Соревновались различные формы и методы ведения предвыборной борьбы, выявлялись смелые, нетрадиционные приёмы в действиях партийных комитетов, «команд» кандидатов в депутаты...» [27, л. 37].

Во многом именно победа на выборах в Горьковский областной Совет народных депутатов стала «трамплином» для целого ряда политиков. Это касается не только бывшего главы российского правительства С. В. Кириенко, но также бывшего губернатора Нижегородской области И. П. Скларова, члена Совета Федерации Е. В. Крестьянинова, депутата Государственной Думы Н. Н. Костерина, вице-губернатора Нижегородской области и мэра Нижнего Новгорода Ю. И. Лебедева, председателя Законодательного Собрания Нижегородской области Е. Б. Люлина. В этот перечень нами не включён депутат Государственной Думы II созыва М. В. Сеславинский, возглавлявший в разные годы Федеральную службу по телевидению и радиовещанию и Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Причина такого не включения состоит в том, что в том же самом 1990 г. М. В. Сеславинский был избран и народным

депутатом РСФСР (тогда законодательно не запрещалось быть депутатом Советов разного уровня). Как следствие, всё же статус депутата республиканского парламента сыграл в его политической карьере большую роль. Интересно также, что и на судьбу некоторых проигравших на тех выборах участие в кампании повлияло весьма сильно. Так, в округе № 33 неудачно баллотировался врач С. Е. Каптерев [28]. В 1990-е гг. он ушёл в политтехнологии, став не только успешным политконсультантом, но и даже доктором политических наук (обстоятельства, воспрепятствовавшие ему занять пост представителя Президента РФ в Нижегородской области, мы в настоящей статье описывать не будем).

Исследователями признаётся, что «Совет [про который идёт речь в настоящей статье. — **Примечание автора**] осуществлял полномочия регионального представительного органа, который был не только преемником Законодательного Собрания области, но и сыграл впоследствии значительную роль в его создании» [29, с. 12]. Во многом, как нам представляется, важная роль Горьковского областного Совета XXI созыва была связана с высоким профессионализмом представителей депутатского корпуса, который, в свою очередь, проистекал в том числе и из опыта участия в конкурентной политической среде образца Горьковской области конца 1980-х гг.

Заключение

В результате и вера в демократию, и интерес к выборным органам власти, и желание лично принять участие в выборных процедурах были сильны у жителей Горьковской области в 1990 г. Таким образом, вместо 225 коммунистов и беспартийных, готовых голосовать единогласно в областной Совет в основном на альтернативной основе, прошли люди действительно стремившиеся отстаивать интересы своих избирателей и даже готовые встать в оппозицию к КПСС в целом и к Горьковскому обкому партии в частности.

Длительная выборная кампания позволила действительно избрать людей, отвечавших запросам избирателей. Для части избранных в ходе той кампании выборы стали началом успешной политической карьеры.

Список источников / References

1. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 4658. State Archive of Social and Political History of the Nizhny Novgorod Region (SASPHNNR). File: P-3/24/4658. (In Russ.).
2. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 4614. SASPHNNR. File: P-3/24/4614. (In Russ.).
3. Открытое письмо Пленуму Центрального Комитета КПСС от партконференции завода «Красное Сормово» 20 января 1990 г. // Горьковский рабочий. 1990. № 27. 1 февраля. С. 1. Otkrytoye pis'mo Plenumu Tsentral'nogo Komiteta KPSS ot partkonferentsii zavoda «Krasnoye Sormovo» 20 yanvarya 1990 g. *Gor'kovskiy Rabochiy*. 1990. No. 27. February 1. P. 1. (In Russ.).
4. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 4855. SASPHNNR. File: P-3/24/4855. (In Russ.).
5. Орлов П. Сиротливые мандаты // Горьковская правда. 1990. 6 марта. С. 1. Orlov P. Sirotlivyye mandaty. *Gor'kovskaya Pravda*. 1990. March 6. P. 1. (In Russ.).
6. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 6585. SASPHNNR. File: P-3/24/6585. (In Russ.).

7. Кандидат в депутаты областного Совета (округ № 17) // Ленинская смена. 1990. 1 марта. С. 4. Kandidat v deputaty oblastnogo Soveta (okrug no. 17). *Leninskaya Smena*. 1990. March 1. P. 4. (In Russ.).
8. Предвыборная платформа Горьковской областной партийной организации // Горьковская правда. 1989. 30 ноября. С. 1. Predvybornaya platforma Gor'kovskoy oblastnoy partiynoy organizatsii. *Gor'kovskaya Pravda*. 1989. November 30. P. 1. (In Russ.).
9. Истина — посредине // Ленинская смена. 1990. 2 марта. С. 1. Istina — posredine. *Leninskaya Smena*. 1990. March 2. P. 1. (In Russ.).
10. Ершов В. Н. Вижу цель. Нижний Новгород: ГИПП «Нижеполиграф», 1992. 158 с. Ershov V. N. Vizhu tsel'. Nizhny Novgorod, 1992. 158 p. (In Russ.).
11. Билуба В. Второй тур теледебатов — необходим // Горьковский рабочий. 1990. 7 марта. С. 1. Bilyuba V. Vtoroy tur teledbatov — neobkhodim. *Gor'kovskiy Rabochiy*. 1990. March 7. P. 1. (In Russ.).
12. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-3074. Оп. 3. Д. 3090. Central Archive of the Nizhny Novgorod Region (CANNR). File: P-3074/3/3090. (In Russ.).
13. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 5390. SASPHNNR. File: P-3/24/5390. (In Russ.).
14. Выбор за нами — избирателями, верящими в молодёжь // Ленинская смена. 1990. 17 марта. С. 1. Vybor za nami — izbiratelyami, veryashchimi v molodezh'. *Leninskaya Smena*. 1990. March 17. P. 1. (In Russ.).
15. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 5687. SASPHNNR. File: P-3/24/5687. (In Russ.).
16. Сообщение областной избирательной комиссии об итогах повторных выборов народных депутатов Горьковского областного Совета народных депутатов 22 апреля 1990 года // Горьковская правда. 25 апреля. С. 1. Soobshcheniye oblastnoy izbiratel'noy komissii ob itogakh povtornykh vyborov narodnykh deputatov Gor'kovskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov 22 aprelya 1990 goda. *Gor'kovskaya Pravda*. April 25. P. 1. (In Russ.).
17. Сообщение областной избирательной комиссии о результатах выборов народных депутатов Горьковского областного Совета народных депутатов при повторном голосовании 4 мая 1990 года // Горьковская правда. 8 мая. С. 1. Soobshcheniye oblastnoy izbiratel'noy komissii o rezul'tatakh vyborov narodnykh deputatov Gor'kovskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov pri povtornom golosovanii 4 maya 1990 goda. *Gor'kovskaya Pravda*. May 8. P. 1. (In Russ.).
18. Высоцкий А. Г. Лет бегущая строка. Нижний Новгород: PoliPrint, 2012. 352 с. Vysotskiy A. G. Let begushchaya stroka. Nizhniy Novgorod, 2012. 352 p. (In Russ.).
19. Сообщение областной избирательной комиссии о результатах выборов народного депутата Горьковского областного Совета народных депутатов по избирательному округу № 91, состоявшихся 31 мая 1990 года // Горьковская правда. 1990. 6 июня. С. 1. Soobshcheniye oblastnoy izbiratel'noy komissii o rezul'tatakh vyborov narodnogo deputata Gor'kovskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov po izbiratel'nomu okrugу № 91, sostoyavshikhsya 31 maya 1990 goda. *Gor'kovskaya Pravda*. 1990. June 6. P. 1. (In Russ.).
20. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 5686. SASPHNNR. File: P-3/24/5686. (In Russ.).
21. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 5668. SASPHNNR. File: P-3/24/5668. (In Russ.).
22. Белковский В. Областной Совет в зеркале социологии // Нижегородская правда. 1990. 28 апреля. С. 1.

Belkovskiy V. Oblastnoy Sovet v zerkale sotsiologii. *Nizhegorodskaya Pravda*. 1990. April 28. P. 1. (In Russ.).

23. Список народных депутатов Горьковского областного Совета народных депутатов 21-го созыва, избранных в результате повторного голосования 18 марта 1990 года // Горьковская правда. 1990. 21 марта. С. 2.

Spisok narodnykh deputatov Gor'kovskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov 21-go sozyva, izbrannykh v rezul'tate povtornogo gososovaniya 18 marta 1990 goda. *Gor'kovskaya Pravda*. 1990. March 21. P. 2. (In Russ.).

24. Поздравляем // Ленинская смена. 1990. 24 марта. С. 1. Pozdravlyayem. *Leninskaya Smena*. 1990. March 24. P. 1. (In Russ.).

25. Сергей Кириенко: «Власть — это ответственность» // Ленинская смена. 1990. 1 марта. С. 1, 3.

Sergey Kiriyenko: "Vlast' — eto otvetstvennost". *Leninskaya Smena*. 1990. March 1. P. 1, 3. (In Russ.).

26. ЦАНО. Ф. Р-3074. Оп. 3. Д. 3091.

CANNR. File: P-3074/3/3091. (In Russ.).

27. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 5685.

SASPHNNR. File: P-3/24/5685. (In Russ.).

28. Сообщения окружных избирательных комиссий о результатах выборов народных депутатов Горьковского областного Совета народных депутатов двадцать первого созыва // Горьковский рабочий. 1990. 10 марта. С. 2.

Soobshcheniya okruzhnykh izbiratel'nykh komissiy o rezul'tatakh vyborov narodnykh deputatov Gor'kovskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov dvadtsat' pervogo sozyva. *Gor'kovskiy Rabochiy*. 1990. March 10. P. 2. (In Russ.).

29. Халин А. А., Акимова Е. А., Кайнова Е. В. [и др.]. Законы времени. Законодательное Собрание Нижегородской области в истории региона. Нижний Новгород: «Гущина Елена Николаевна», 2023. 324 с. ISBN 978-5-6041566-3-6. EDN: LYKVXX.

Khalin A. A., Akimova E. A., Kaynova E. V. [et al.]. *Zakony vremeni. Zakonodatel'noye Sobraniye Nizhegorodskoy oblasti v istorii regiona*. Nizhny Novgorod, 2023. 324 p. ISBN 978-5-6041566-3-6. EDN: LYKVXX. (In Russ.).

Вклад авторов:

Р. Н.-О. Керимли. Работа с материалами Государственного общественно-политического архива Нижегородской области, подготовка введения, заключения, основной части научно-справочного аппарата, общая редакция.

А. А. Фоменков. Работа с материалами Центрального архива Нижегородской области и с периодической печатью конца 1980-х гг., подготовка заключения, правка и вычитка текста.

Authors' contribution:

Rufat N.-O. Kerimli. Processing archival records of the State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod Region, preparation of the introduction, conclusion, and the main part of the scientific reference system, general editing.

Artem A. Fomenkov. Processing archival records of the Central Archive of the Nizhny Novgorod Region

and with periodicals of the late 1980s, preparing a conclusion, editing and proofreading of the text.

Информация об авторах:

КЕРИМЛИ Руфат Низами-оглы, независимый исследователь, г. Нижний Новгород.

e-mail: na_5_52@mail.ru

ФОМЕНКОВ Артем Александрович, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

SPIN-код: 7240-4777

AuthorID (РИНЦ): 462435

AuthorID (SCOPUS): 57189694743

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9277-637X>

e-mail: artjom2310@inbox.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи авторы не использовали генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; одобрена после рецензирования 07.04.2026; принята к публикации 18.08.2026.

Information about the authors:

KERIMLI Rufat Nizami-ogly, Independent Researcher, Nizhny Novgorod.

e-mail: na_5_52@mail.ru

FOMENKOV Artem Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Social and Political Communications Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod.

SPIN-code: 7240-4777

AuthorID (RSCI): 462435

AuthorID (SCOPUS): 57189694743

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9277-637X>

e-mail: artjom2310@inbox.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author have read and approved the final manuscript. The authors did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 14.11.2025; approved after reviewing 07.04.2026; accepted for publication 18.08.2026.

УДК/UDC 94

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-58-63>

EDN: MYQNXX

Научная статья/Original article

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР В ТРУДАХ РИЗАЭТДИНА ФАХРЕДДИНА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX вв.)

И. З. Нафиков

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1

 IZNafikov@kpfu.ru

В статье исследуется роль выдающегося татарского мыслителя Ризаэтдина Фахреддина (1859–1936) в формировании национально-конфессиональной идентичности татар на рубеже XIX–XX вв. Фахреддин выступил как системный архитектор проекта модернизации в период глубокой социокультурной трансформации, отмеченной кризисом традиционного общества, подъемом национализма, внутренним расколом между кадимизмом и джадидизмом, а также жесткой политикой русификации.

Исследование, основанное на анализе его публицистики, масштабного проекта реформы Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (1905) и материалов журнала «Шура», демонстрирует, что его деятельность представляла собой целостную стратегию. Она синтезировала восстановление исторической памяти через труд «Асар», разработку институциональных механизмов этноконфессиональной автономии, всеобъемлющую реформу образования и формирование публичного дискурса. Особое внимание в статье уделяется конкретным стратегиям консолидации идентичности: отстаиванию этнонима «татары» в полемике с пантюристами; защите арабской графики как культурного кода; внедрению трехуровневой образовательной системы и модели «триумвирата» в общине — махалле.

В статье подчеркивается значение повседневных практик как неотъемлемой части модернизационного проекта и формируется вывод, что интеллектуальное наследие Фахреддина заложило фундамент, позволивший татарскому народу сохранить культурные и богословско-теологические векторы модернизации в XX веке.

Ключевые слова: Ризаэтдин Фахреддин, ислам, татары, идентичность, джадидизм, Оренбургское магометанское духовное собрание, модернизация, повседневность

Для цитирования: Нафиков И. З. Проблема национально-конфессиональной идентичности татар в трудах Ризаэтдина Фахреддина в контексте общественно-философской мысли (конец XIX—начало XX вв.). Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 3. С. 58–63. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-58-63>. EDN: MYQNXX.

© Нафиков И. З., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

PROBLEM OF THE NATIONAL-RELIGIOUS IDENTITY OF TATARS IN THE WORKS OF RIZAETDIN FAKHRETDIN WITHIN THE CONTEXT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL THOUGHT (LATE 19th—EARLY 20th CENTURIES)

I. Z. Nafikov

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kremlevskaya St., 18, bld. 1, Kazan, 420008, Russia

 IZNafikov@kpfu.ru

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ «ОБЩЕСТВО, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ». ТОМ 11 № 3 2026
OMSK SCIENTIFIC BULLETIN. SERIES «SOCIETY, HISTORY, MODERNITY». VOL. 11 NO. 3 2026

The article examines the role of the eminent Tatar thinker Rizaetdin Fakhretdin (1859–1936) in shaping the national-confessional identity of the Tatars at the turn of the 19th and 20th centuries. Fakhretdin emerged as a chief systematizer of the modernization project during a period of profound sociocultural transformation marked by the crisis of traditional society, the rise of nationalism, an internal schism between Kadimism and Jadidism and rigid Russification policies.

Based on an analysis of his journalism, the large-scale reform project for the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (1905) and materials from the journal "Shura", the research demonstrates that Fakhretdin's activity constituted a coherent strategy. It synthesized the restoration of historical memory through his work "Asar", the development of institutional mechanisms for ethno-confessional autonomy, a comprehensive educational reform and the formation of public discourse. The article emphasizes the specific identity consolidation strategies: defending the ethnon "Tatars" in polemics with Pan-Turkists; protecting the Arabic script as a cultural code; implementing a three-tiered educational system and a "triumvirate" model within the mahalla community.

The article emphasizes the significance of everyday practices as an integral part of the modernization project and concludes that Fakhreddin's intellectual legacy laid the foundation that enabled the Tatar people to preserve their cultural, theological and doctrinal vectors of modernization in the 20th century.

Keywords: Rizaetdin Fakhreddin, Islam, Tatars, identity, Jadidism, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, modernization, everyday routine

For citation: Nafikov I. Z. Problem of the national-religious identity of Tatars in the works of Rizaetdin Fakhretdin within the context of socio-philosophical thought (late 19th—early 20th centuries). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):58–63. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-58-63>. EDN: MYQNXX. (In Russ.).

© Nafikov I. Z., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Конец XIX — начало XX столетия — период, который в российской и мировой историографии часто характеризуется как «эпоха империй и национализмов» [1, с. 108], стал для татарского общества Поволжья и Приуралья временем глубокой социокультурной трансформации. Эта трансформация проходила в условиях сложнейшего переплетения внутренних кризисов и внешних вызовов. Кризис традиционного сословного общества совпал со стремительным ростом национального самосознания. Внутри мусульманской уммы развернулось острое идеологическое противостояние между кадимизмом, отстаивавшим неизбежность традиционных форм, и джадидизмом, выступавшим за обновление и адаптацию к требованиям современности [2, с. 215]. Этот внутренний раскол усугублялся нарастающим системным давлением имперской власти, взявшей курс на жесткую политику русификации и христианизации нерусских народов.

Период, отмеченный влиянием Первой русской революции 1905–1907 гг., породил сложный спектр идейных течений в татарской среде, отражая общую политизацию общественной жизни им-

перии [3, с. 256]. Для татар, обладавших развитой городской культурой и высокой грамотностью, вызовы времени стимулировали интенсивный поиск путей сохранения самобытности в стремительно меняющемся мире, поиск модели развития, которая позволила бы совместить верность религиозной традиции с достижениями современной науки и гражданского общества [4, с. 72].

В данном интеллектуальном многообразии джадидизм выступал как органичная часть более широкого реформаторско-просветительского направления, стремившегося к синтезу исламских ценностей с достижениями европейской и русской культуры [3, с. 256–257]. Именно в этом напряженном и динамичном идейном пространстве сформировалась деятельность Ризаэтдина Фахреddieдина (1859–1936) — выдающегося богослова, историка, публициста и организатора. Цель исследования заключается в попытке выявить системную стратегию Ризаэтдина Фахреddieдина по конструированию национально-конфессиональной идентичности татар через синтез исламской традиции (таджид) и модернизационных практик в ключевых сферах: историографии, институционального строительства, об-

разования, публичной дискуссии и повседневной культуры.

Эволюция мыслителя: от медресе к общеисламскому реформаторству

Интеллектуальная биография Фахреддина является репрезентативной иллюстрацией пути, который прошла лучшая часть татарской мыслительной элиты его эпохи, — путь от традиционной схоластики к просвещенному реформаторству. Получив классическое религиозное образование, он рано осознал его ограниченность и обратился к интенсивному самообразованию, в совершенстве овладев арабским, персидским и турецким языками и приобщившись к современным научным идеям [5, с. 79]. Этот путь был характерен для многих джаидов, для которых разрыв между традиционным знанием и требованиями жизни становился источником творческой энергии [6, с. 89]. Важным этапом формирования его мировоззрения стали личные и творческие контакты с другими реформаторами. Как отмечает Э. Э. Абибуллаева, изучение дарственных надписей на книгах в фонде Мемориального музея Исмаила Гаспринского подтверждает тесные дружеские и профессиональные связи между двумя мыслителями, включая обмен рукописями еще до их официальной публикации [7, с. 125].

Критический перелом в его мировоззрении произошел благодаря глубокому знакомству с наследием трех ключевых фигур: Шигабутдина Марджани, Джамаледдина аль-Афгани и Исмаила Гаспринского. От Марджани он воспринял критический пересмотр традиционного наследия, от аль-Афгани — глобальное видение проблем мусульманского мира и веру в объединяющую силу ислама, от Гаспринского — конкретную программу действий через школу и печать [8, с. 16]. Таким образом, Фахреддин сформировался как мыслитель, чья позиция находилась на пересечении локальной татарской традиции, общеисламского реформаторского дискурса и прагматичных задач культурного строительства. Как подчеркивает А. Ю. Хабутдинов, биография Фахреддина является ключевой для понимания эволюции татарской общественной мысли этого периода, а его деятельность стала своеобразным «мостиком» между поколениями реформаторов [9, с. 5–6].

Фундаментальным этапом, заложившим основу его будущей роли как национального идеолога, стала пятнадцатилетняя работа в качестве кадия в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС). Доступ к его архиву предоставил возможность систематического изучения истории мусульман России. Результатом стал фундаментальный биобиблиографический труд «Асар», призванный вернуть татарам их историю, доказав непрерывную преемственность культурной традиции от Волжской Булгарии и Золотой Орды к современной нации, создавая тем самым «длинную» историческую память [10, с. 112].

Параллельно Фахреддин развивал педагогическое направление, создавая серию дидактических сочинений, направленных на формирование нового типа — просвещенного, нравственного и трудолюбивого мусульманина [8, с. 33]. Особое внимание он уделял роли образованной женщины как первой воспитательницы будущих поколений.

Наиболее полным выражением его взглядов стал масштабный «Проект реформы ОМДС» в 1905 г. Этот документ демонстрирует комплексный подход к модернизации исламских институтов в империи,

основанный на стремлении к легитимации в рамках имперского правового поля [11, с. 5–6]. В свою очередь, Г. Б. Азаматова отмечает, что история ОМДС конца XVIII–XIX вв. создала институциональные предпосылки для реформаторских проектов начала XX в., а деятельность Фахреддина стала логическим продолжением этой традиции [12, с. 45]. Фахреддин настаивал на первоочередном пересмотре устаревших книг по фикху и глубокой реформе правовой системы мусульман [11, с. 8].

Центральное место в проекте занимала детально разработанная концепция трехуровневой системы религиозного управления и национального образования, призванная создать стройную централизованную вертикаль. Указанное нововведение преследовало стратегические цели: создание автономной национальной системы образования с едиными стандартами и борьбу с системной коррупцией при назначении духовенства [11, с. 5–27].

Одной из наиболее смелых идей проекта было предложение о создании на базе реформированного ОМДС трех автономных общенациональных центров, курирующих религиозные дела, образование и право [11, с. 11]. По сути, это была модель национально-культурной автономии, органично интегрированной в административное пространство империи. И. К. Загидуллин в своем исследовании реформ ОМДС показывает, что проекты Фахреддина были наиболее системными и проработанными среди всех предложений татарских общественных деятелей того времени, а их реализация могла бы кардинально изменить положение мусульманских институтов в империи [13, с. 38–40].

Важнейшим элементом его проекта была модернизация религиозной общины — махаллы. Традиционная структура дополнялась обязательной новой школой и избираемым попечительским советом — мутаваллиатом [11, с. 18]. Модель «триумвирата» создавала сбалансированную систему, основанную на разделении функций и общественном контроле, способствуя демократизации управления. И. К. Загидуллин подчеркивает, что эта модель была призвана решить проблему системной коррупции и создать «снизу доверху» устойчивую самоуправляемую структуру, что являлось новаторским подходом для своего времени [11, с. 19].

«Шура» как лаборатория национальной идентичности

С 1908 г. Фахреддин стал бессменным руководителем журнала «Шура», который превратился в центральную интеллектуальную площадку и «парламент мнений» для тюрко-мусульманского мира России [3, с. 259–260; 14, с. 11]. Редакторская политика Фахреддина отличалась толерантностью и стремлением к объективности, что превратило «Шуру» в уникальную лабораторию по выработке современной национальной идеологии. Изучение сохранившихся экземпляров журнала в фондах музея Исмаила Гаспринского показывает, что это издание было не только площадкой для дискуссий, но и важным связующим звеном между татарскими и крымскими реформаторами, оперативно освещая ключевые события, такие как 25-летний юбилей газеты «Терджиман» в 1908 г. [7, с. 118].

Именно на страницах «Шуры» развернулись ключевые дискуссии, определившие контуры татарского самосознания. В споре об этнониме «Без кем?» Фахреддин и его единомышленники, такие как Галимджан Ибрагимов, отстаивали исторически

сложившееся самоназвание «татары» как основу для реальной консолидации, отвергая его отрицание радикальными пантюркистами [15, с. 53; 16, с. 267–268]. Эта полемика способствовала кристаллизации модели идентичности, в которой татары осознавались как самобытный народ, являющийся частью большего тюркского мира и исламской уммы.

Другим краеугольным камнем его публицистики была последовательная защита арабской графики, которую он рассматривал не просто как систему письма, а как сакральный культурный код, связывающий с исламским наследием. В 1917 г. он предупреждал, что реформа алфавита часто является инструментом ассимиляции, приводя в пример судьбу других народов Поволжья [17, с. 214–215]. Таким образом, защита графики была частью общей стратегии по сохранению неразрывной связи национального и конфессионального начал.

Повседневность как поле модернизации: дискурс о моде и внешнем виде

Параллельно с дискуссиями о языке и письменности на страницах «Шуры» и в публицистике Фахредин формируются дискурс о внешнем облике, одежде и бытовой культуре как важных составляющих модернизированной идентичности. Его наставления молодежи и размышления об одежде, проанализированные в работах по истории повседневности [18], демонстрируют, что проект консолидации нации для Фахредина включал в себя и формирование нового антропологического типа — рационального, практичного, сознательного в своих выборах. Резко критикуя слепое следование моде как расточительство и поверхностность («Не говорите о моде... Мода сродни увлечению пьянящими напитками...»), он, однако, не считал «русскую» или европейскую одежду религиозно запретной (харам), подходя к вопросу с прагматических позиций удобства, качества изготовления и климата [18, с. 159].

В своей объемной статье «Об одежде» (1915) Фахредин пришел к выводу, что «нет единой религиозной одежды» и что мусульмане разных климатических зон не могут одеваться одинаково. Такой прагматичный и рационалистический подход к повседневности, раскрытый в исследовании Л. Р. Габдрафиковой, был логическим продолжением его общей установки на адаптацию к современности без разрыва с культурным ядром, будь то в педагогике, управлении или личном выборе. Его собственный имидж, эволюционировавший от османской фески к более практичному каляпушу, но сохранивший элементы традиционного казакина, служил визуальной иллюстрацией этого сбалансированного пути [18]. Как показывает исследование Л. Р. Габдрафиковой, такой подход к одежде и внешнему виду был частью более широкого дискурса о рациональной повседневности, который Фахредин последовательно внедрял через свои публикации, формируя нового «просвещенного» мусульманина, способного адаптироваться к современности без потери своей идентичности [18, с. 157–158].

Испытание советской эпохой: муфтий в условиях социальных катаклизмов

После революций 1917 г. деятельность Фахредина вступила в крайне сложный и драматический этап. В 1922 г. в условиях уже разворачивающихся гонений на религию он был избран муфтием Центрального духовного управления мусульман. В условиях воинствующего атеизма он прилагал титаниче-

ские усилия для сохранения остатков религиозной инфраструктуры и элементов системы образования [3, с. 260–261]. Его международный авторитет был настолько велик, что советская власть использовала его фигуру, например, для руководства делегацией на Всемирном мусульманском конгрессе в Мекке в 1926 г. [3, с. 261].

Несмотря на голод, репрессии и тотальное идеологическое давление, он продолжал научную работу, хотя его труды уже не имели шансов на публикацию. Это была работа в пустоту, акт интеллектуального сопротивления [8, с. 61]. Его усилия по организации международной помощи голодающим Поволжья в начале 1920-х гг. демонстрируют еще одну грань его деятельности — стремление использовать любую легальную возможность для физического спасения своего народа [8, с. 64]. Его смерть в 1936 г. символически завершила целую эпоху в истории татарской мысли.

Заключение

Роль Ризаэтдина Фахредина в формировании и укреплении идентичности татар была системообразующей. Он предложил целостный проект, основанный на глубоко продуманном синтезе исламских ценностей (таджид) с требованиями модернизации. Главным теоретическим и практическим достижением Фахредина стало создание непротиворечивой модели, в которой религиозная общность (умма) и формирующаяся светская нация не исключали, а взаимно укрепляли друг друга. Ислам выступал этико-правовым фундаментом и источником коллективного достоинства, а национальные институты (автономное собрание, школы, пресса) — инструментами адаптации и развития в современных условиях.

Через историко-биографический проект «Асар» он конструировал «длинную» национальную историю, восстанавливая чувство достоинства. Через проект реформы ОМДС он предлагал конкретные юридические механизмы построения национально-культурной автономии. Через журнал «Шура» он создал публичную сферу для формирования дискурса о нации, языке и, как показало исследование Л. Р. Габдрафиковой, о повседневных практиках, включая одежду, формируя рациональную и осознанную бытовую культуру. Его концепции «триумвирата» в махалле и трехуровневой системы образования были направлены на создание снизу доверху устойчивой, самоуправляемой общественной структуры.

Вклад Фахредина в консолидацию татарской нации также проявлялся в его активной переписке и обмене изданиями с другими лидерами джадидизма, что способствовало созданию единого интеллектуального пространства для тюрко-мусульманских народов России [7, с. 122–124].

Даже в сложнейших условиях советского периода его фигура стала символом выживания, адаптации и сохранения традиции, а интеллектуальное и организационное наследие Ризаэтдина Фахредина заложило тот прочный фундамент идентичности, который позволил татарскому народу не только выжить, но и сохранить свое культурное и религиозное наследие, историческое достоинство и волю к развитию в XX в. Его опыт синтеза традиции и модерна, веры и разума, национального и общеисламского, высокого и повседневного остается исключительно актуальным и поучительным в современном глобализирующемся мире.

Список источников / References

1. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 512 с.
Khobsbaum E. Vek Imperii. 1875–1914. Rostov-on-Don, 1999. 512 p. (In Russ.).
2. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Казань: Российский исламский ун-т, 2008. 656 с. EDN: QUPIGT.
3. Юзеев А. Р. Фахретдин в татарской общественно-философской мысли начала XX в. // Эхо веков. 2007. № 3–4. С. 256–260.
4. Юзеев А. Р. Fakhreddin v tatarskoy obshchestvenno-filosofskoy mysli nachala XX v. *Echo of Centuries*. 2007;3–4:256–260. (In Russ.).
5. Усманова Д. М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе (1906–1917 гг.): новая политическая элита в российской империи? // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, № 3–1. С. 113–124.
6. Usmanova D. M. Musul'manskiye deputaty v Gosudarstvennoy Dume (1906–1917 gg.): novaya politicheskaya elita v rossiyskoy imperii? *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*. 2013;155(3):113–124. (In Russ.).
7. Фахретдин Р. Тәржемәи халәм. Казан: Иман, 2009. 96 б.
Fakhretdin R. My autobiography. Kazan, 2009. 96 p. (In Tatar).
8. Гимранов Р. Ф. Интеллектуальная биография татарского джадиды: к постановке проблемы // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 85–99.
9. Gimranov R. F. Intellektual'naya biografiya tatarskogo dzhadida: k postanovke problemy. *Etnograficheskoye Obozreniye*. 2012;4:85–99. (In Russ.).
10. Абибуллаева Э. Э. О чём рассказали дарственные книги Ризаэддина Фахрединна Исмаилу Гаспринскому // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1, № 1. С. 116–128.
11. Abibullaeva E. E. About what told the donative books of Rizaeddin Fakhreddin to Ismail Gaspinskiy. *Turkological Studies*. 2018;1(1):116–128. (In Russ.).
12. Гыймранова Д. Г., Гобәйдуллин Л. И., Миннуллин Р. Х. Ризаэддин Фахредин: Кәгазъ өстендә калган исем — бетмәс гомәрдер. Казан: Ихлас, 2014. 148 б.
Gymranova D. G., Gobaydullin L. I., Minnullin R. Kh. Rizaeddin Fakhreddin: The name left on paper is an immortal life. Kazan, 2014. 148 p. (In Tatar).
13. Хабутдинов А. Ю. Ризаэтдин Фахретдин как историк и общественный деятель // Научный Татарстан. 2011. № 4. С. 5–18.
14. Khabutdinov A. Yu. Rizaeddin Fakhreddin kak istorik i obshchestvennyy deyatel'. *Nauchnyy Tatarstan*. 2011;4:5–18. (In Russ.).
15. Амирханов Р. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: исторические зарисовки. Казань: Татарское книжное издательство, 2005. 174 с.
Amirkhanov R. Tatarskiy narod i Tatarstan v nachale XX veka: istoricheskiye zarisovki. Kazan', 2005. 174 p. (In Russ.).
16. Загидуллин И. К. Р. Фахретдин о роли религиозно-культурных институтов в общественном развитии татар-мусульман (проект 1905 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2018. Т. 1, № 8. С. 5–27. EDN: OXHOFL.
17. Zagidullin I. K. R. Fakhreddin on the role of religious and cultural institutions in the social development of Muslim Tatars (project of 1905). *From History and Culture of the Peoples of the Middle Volga Region*. 2018;1(8):5–27. EDN: OXHOFL. (In Russ.).
18. Азаматова Г. Б. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 2011. 196 с.
Azamatova G. B. Orenburgskoye magometanskoye dukhovnoye sobraniye v kontse XVIII–XIX vv. Ufa, 2011. 196 p. (In Russ.).
19. Загидуллин И. К. О религиозно-культурной автономии татар в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания // Ислам в современном мире. 2015.11(3). С. 61–70. <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-3-61-70>. EDN: UJEQOL.
20. Zagidullin I. K. On the religious-cultural autonomy of Tatars in the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly. *Islam in the Modern World*. 2015;11(3):61–70. <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-3-61-70>. EDN: UJEQOL. (In Russ.).
21. Мәрданов Р. Ф., Госманов М. Г. «Шура» журналының библиографик күрсәткече. Казан: Мирас, 2000. 264 б.
Mardanov R. F., Gosmanov M. G. Bibliographic index of the "Shura" journal. Kazan, 2000. 264 p. (In Tatar).
22. Фахретдин Р. Без кем? // Шура. 1911. № 2. С. 51–56.
Fakhretdin R. Who are we? *Shura*. 1911;2:51–56. (In Tatar).
23. Ибрахимов Г. «Без кем?» бәхәсе // Шура. 1912. № 9. С. 267–268.
24. Ibrahimov G. The "Who are we?" debate. *Shura*. 1912;9:267–268. (In Tatar).
25. Фахретдин Р. Русия мөселманнарының беренче съезды // Шура. 1917. № 9. С. 214–215.
26. Fakhretdin R. The First Congress of Russian Muslims. *Shura*. 1917;9:214–215. (In Tatar).
27. Габдрафикова Л. Р. «Не говорите о моде»: размышления и действия татарского интеллигента рубежа XIX–XX вв. (на примере Ризаэтдина Фахрединна) // Эхо веков. 2025. № 3. С. 152–161. EDN: ARRCAA.
28. Gabdrarifkova L. R. "Don't talk about fashion": thoughts and actions of a tatar intellectual at the turn of the XIXth–XXth centuries (based on the example of Rizayetdin Fakhreddin). *Echo of Centuries*. 2025;3:152–161. EDN: ARRCAA. (In Russ.).

Информация об авторе:

НАФИКОВ Ильсур Закирзянович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Алтаистика, тюркские и центральноазиатские исследования» Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

SPIN-код: 9454-4973

AuthorID (РИНЦ): 802141

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>

AuthorID (SCOPUS): 57192199704

ResearcherID: M-3004-2013

e-mail: IZNafikov@kpfu.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 03.12.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 23.08.2026.

Information about the author:

NAFIKOV Il'sur Zakirzyanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Altay, Turkic and Central Asian Researches Department, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

SPIN-code: 9454-4973

AuthorID (RSCI): 802141

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>
AuthorID (SCOPUS): 57192199704
ResearcherID: M-3004-2013
e-mail: IZNafikov@kpfu.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 03.12.2025; approved after reviewing 05.02.2026; accepted for publication 23.08.2026.

УДК/UDC 94(47+57) «1918»

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-64-69>

EDN: KRTCRK

Научная статья/Original article

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ НИКОЛАЯ II И ЕГО СЕМЬИ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ МОНОГРАФИИ Л. А. ЛЫКОВОЙ И А. Б. МОЩАНСКОГО

М. А. Князев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

kn.mark.nn@mail.ru

В статье представлен аналитический обзор монографии доктора исторических наук, главного специалиста Российского государственного архива социально-политической истории Л. А. Лыковой и полковника полиции в отставке, криминолога А. Б. Мощанского. Монография посвящена начальному этапу белогвардейского следствия по делу об убийстве Николая II и его семьи (1918–1919 гг.).

Актуальность исследования детерминирована поддерживающимся на протяжении последних трех десятилетий широким научным и общественным интересом к обстоятельствам гибели последнего российского императора. Цель статьи — дать оценку монографии в контексте современной историографии проблемы. Наряду с достоинствами труда (широкий охват источников, освещение историко-правовых аспектов проблемы) отмечаются и отдельные недостатки, выразившиеся в основном в недостаточной редакторской подготовке издания.

Делается вывод о том, что представленный на суд читателя труд во многом ликвидирует историографическую лакуну в изучении первого этапа белогвардейского расследования цареубийства. Данный обзор может представлять интерес как для специалистов в области историко-правовых наук, так и для исследователей истории Гражданской войны на востоке России и, в частности, обстоятельств убийства членов Дома Романовых на Урале.

Ключевые слова: Гражданская война, Романовы, гибель царской семьи, историческая антропология, историография, исторический источник, Белое движение, Екатеринбург

Для цитирования: Князев М. А. Малоизвестные страницы белогвардейского следствия по делу об убийстве Николая II и его семьи: заметки на полях монографии Л. А. Лыковой и А. Б. Мощанского. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 64–69. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-64-69>. EDN: KRTCRK.

© Князев М. А., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

OBSCURE PAGES OF THE WHITE GUARD INVESTIGATION INTO THE MURDER OF NIKOLAY II AND HIS FAMILY: NOTES IN THE MARGINS OF THE MONOGRAPH BY L. A. LYKOVA AND A. B. MOSHCHANSKY

М. А. Knyazev

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Gagarina Ave., 23, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

kn.mark.nn@mail.ru

police colonel and criminologist. The monograph is dedicated to the initial stage of the White Guard investigation into the murder of Nikolay II and his family (1918–1919).

The relevance of the study is determined by the sustained scholarly and public interest over the past three decades in the circumstances surrounding the death of the last Russian Emperor. The aim of the article is to evaluate the monograph within the context of modern historiography on the issue. Alongside the merits of the work (a broad coverage of sources, examination of the historical and legal aspects of the problem), certain shortcomings are also noted, which mainly consist of insufficient editorial preparation of the publication.

The author concludes that the monograph largely fills the historiographic gap in the study of the first stage of the White Guard investigation into the regicide. This review may be of interest both to specialists in historical and legal sciences, and to researchers of the history of the Civil War in Eastern Russia and, in particular, the circumstances surrounding the murder of members of the Romanov House in the Urals.

Keywords: Civil War, the Romanovs, death of the Russian Imperial family, historical anthropology, historiography, historical source, White movement, Ekaterinburg

For citation: Knyazev M. A. Obscure pages of the White Guard investigation into the murder of Nikolay II and his family: Notes in the margins of the monograph by L. A. Lykova and A. B. Moshchansky. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(3):64–69. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-64-69>. EDN: KRTCRK.

© Knyazev M. A., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка вопроса

Обстоятельства убийства бывшего императора Николая II и его семьи в 1918 г. давно привлекают внимание как профессиональных исследователей, так и широкой общественности [1–10]. Начиная с 2015 г. и по сей день продолжается инициированное Следственным комитетом РФ расследование преступления вековой давности [11–13], в истории которого остается ряд дискуссионных и малоизученных вопросов. Одним из таких «белых пятен» являются обстоятельства белогвардейского расследования убийства членов Дома Романовых на Урале.

Чаще всего историю первого следствия рассматривают через призму жизни и деятельности следователя по особо важным делам Омского окружного суда Н. А. Соколова, расследовавшего обстоятельства царевубийства в 1919–1922 гг. [14–19]. Тем не менее начальный этап белого следствия (конец июля 1918 г. – февраль 1919 г.) под руководством следователей А. Д. Намёткина и И. А. Сергеева так и остался на исследовательской периферии. Заполнить эту лауну и призвана новая книга доктора исторических наук, главного специалиста Российского государственного архива социально-политической истории Л. А. Лыковой и полковника полиции в отставке, криминолога А. Б. Мощанского [20], посвященная «возвращению в историю» незаслуженно забытых имен первых следователей, приоткрывших тайны «преступления века».

Основная часть

Особо стоит отметить, что издание построено в основном на неопубликованных материалах как федеральных, так и региональных архивов. Тем не менее, лаконично охарактеризовав источниковую базу монографии [20, с. 3–4], авторы, к сожалению, не представили необходимый в подобном случае историографический экскурс, ограничившись указанием на то, что «исследователи и читатели не затрагивали вопрос о том, кому на самом деле современная история обязана фактическим раскрытием этих преступлений» [20, с. 3]. Однако подобное утверждение является ошибочным, так

как начальная история первого следствия уже получила частичное освещение в трудах А. Саммерса и Т. Мангольда [21], М. Ферро [22], Л. М. Сониной [23], Ю. А. Сенина [24], А. А. Оболенского [7], Е. В. Пчелова [8], а большая часть материалов А. Д. Намёткина и И. А. Сергеева в результате их публикации [25–28] стала доступна для заинтересованного читателя. Таким образом, во вводной части книги следовало бы указать более отчетливо, рельефно, что нового вносит данное исследование в изучение уже упомянутого в историографии вопроса.

Разбор деятельности А. Д. Намёткина (1875–1919), руководившего следствием с 30 июля по 7 августа 1918 г., авторы начинают непосредственно с момента, когда он приступил к исполнению служебных обязанностей по делу [20, с. 11], но при этом краткие биографические сведения о следователе даются уже в другой части издания [20, с. 63–64]. Справедливо замечая пристрастное отношение главного историографа первого следствия и его куратора генерала М. К. Дитерихса к А. Д. Намёткину [20, с. 15–16], Л. А. Лыкова и А. Б. Мощанский представляют последнего как грамотного специалиста, действовавшего исключительно в соответствии с законом [20, с. 11–18]. Ни в коей мере не подвергая сомнению квалификацию и опыт следователя, нельзя не согласиться с мнением современного судебно-медицинского эксперта Ю. А. Григорьева, что А. Д. Намёткин «проводил следственные действия недостаточно полно», и, в частности, это выразилось в достаточно беглом, поверхностном осмотре предполагаемого места сокрытия останков царской семьи на руднике Ганина Яма [29, с. 234]. Более того, проводя 2, 5–8 августа 1918 г. уже подробный осмотр дома инженера Н. Н. Ипатьева, где содержалась и была убита семья Николая II [20, с. 25–50], следователь так и не провел осмотра подвального помещения, где и произошло убийство. К сожалению, авторы не объясняют, почему опытный специалист не стал проводить этой первостепенной важности процедуры. По-видимому, эта отстраненность, даже пас-

сивность А. Д. Намёткина, который выполнял свою работу честно, но без самоотдачи, и стала причиной его отстранения от дела в начале августа 1918 г. на общем собрании отделений Екатеринбургского окружного суда [20, с. 53–54]. Возможно, к подобному варианту развития событий — отстранению от следствия — стремился и сам А. Д. Намёткин, желавший как можно быстрее дистанцироваться от опасного с политической точки зрения расследования.

13 августа 1918 г. производство следственных действий было возложено на члена Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеева (1872–1919). В монографии подробно повествуется о происхождении и основных этапах карьеры нового руководителя следствия [20, с. 55–72], обладавшего безупречной профессиональной репутацией и известного в обществе своими демократическими взглядами [20, с. 73]. Авторы при этом вынуждены констатировать, что «судьба его рабочих материалов неизвестна», поэтому сделать полноценный вывод о содержании и характере его деятельности пока затруднительно, хотя ряд сохранившихся материалов позволяет отчасти заполнить эту лауну [20, с. 75]. Правда, следующее за этим утверждение не может не вызвать вопросов: «Ниже будут приведены только ключевые документы из следственного дела Ивана Александровича, дающие объективную картину результатов первого этапа следствия...» [20, с. 76]. К сожалению, Л. А. Лыкова и А. Б. Мощанский не уточняют, по какому принципу были отобраны «ключевые документы» и как в таком случае они могут отразить «объективную картину» результатов первого этапа расследования.

Приступив к руководству расследованием, первым делом И. А. Сергеев произвел осмотр нижнего этажа дома Н. Н. Ипатьева [20, с. 76–90] и подробно описал состояние его подвального помещения — места массового убийства. Назначая экспертизы по вещественным доказательствам преступления, член суда не позволял кому-либо постороннему вмешиваться в дело расследования: именно с этим был связан его отказ передать материалы следствия для ознакомления профессору Э. В. Диль, имевшему на то распоряжение командующего Сибирской армией генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова [20, с. 102–107].

Логически противоречивым представляется утверждение о том, что И. А. Сергеев «уберег Дом Ипатьева от посягательств чешских военных властей» [20, с. 118], т. к. приводимый далее документ [20, с. 119–120] свидетельствует как раз об обратном, и в итоге 10 октября 1918 г. в бывшем доме особого назначения был размещен штаб Сибирской армии генерала Р. Гайды [30, с. 72].

Характеризуя промежуточные итоги расследования царубийства И. А. Сергеевым к середине ноября 1918 г., авторы отмечают, что следователь «процессуально установил возможность фактического события преступления» [20, с. 161], которое «подтверждалось свидетельскими показаниями трех независимых свидетелей, результатами осмотра места происшествия, собранными вещественными доказательствами» [20, с. 162], хотя при этом трупы убитых так и не были обнаружены. Помимо этого был «установлен примерный круг лиц, могущих быть свидетелями и участниками преступления» [20, с. 162], однако по факту следствие смогло установить только одного предполагаемого участника убийства царской семьи — П. С. Медведева, ко-

торый был допрошен И. А. Сергеевым лишь 21–22 февраля 1919 г., накануне своей отставки с поста руководителя расследования [20, с. 204, 261–270]. Более того, завершить работу по делу о царубийстве И. А. Сергеев так и не смог, т. к. в октябре–декабре 1918 г. был вынужден параллельно вести дело об убийстве великих князей в Алапаевске в ночь с 17 на 18 июля того же года [20, с. 164].

В монографии подробно освещается деятельность И. А. Сергеева по расследованию алапаевского преступления [20, с. 165–190], при этом нельзя не согласиться с Л. А. Лыковой и А. Б. Мощанским в том, что роль И. А. Сергеева в установлении обстоятельств убийства великих князей недооценена, так как именно он в ограниченный срок смог провести следствие и фактически раскрыть это преступление революционных властей [20, с. 189].

Главную причину «заочного» противостояния между М. К. Дитерихсом и И. А. Сергеевым авторы видят в их разных политических воззрениях: если первый активно поддержал установление осенью 1918 г. диктатуры адмирала А. В. Колчака, то последний, наоборот, придерживался социал-демократических взглядов [20, с. 222]. Понимая, что в изменившихся условиях, когда с 17 января 1919 г. куратором следствия был назначен М. К. Дитерихс, продолжение расследования с высокой степенью вероятности будет передано иному лицу, 31 января 1919 г. И. А. Сергеев составил для генерала объемную докладную записку о том, как необходимо продолжать следствие по делу о царубийстве [20, с. 224–231]. Член суда признавал факт убийства состоявшимся, а потому делал упор на необходимость розыска трупов и затем уже выяснения «обстоятельств совершения преступления, его вдохновителей и участников», отмечая при этом государственную и историческую важность расследования гибели царской семьи [20, с. 226–227]. Представляется, что намеченная И. А. Сергеевым программа продолжения расследования опровергает повторяющиеся на страницах книги авторские тезисы о том, что оно находилось «на стадии... успешного раскрытия» [20, с. 236], и тем более, что член суда вместе с помощниками успешно «раскрыли все обстоятельства двух очень сложных и резонансных массовых убийств в Екатеринбурге и в Алапаевске» [20, с. 239]. В итоге 7 февраля 1919 г. И. А. Сергеев был официально отстранен от ведения дела, которое передавалось следователю по особо важным делам Омского окружного суда Н. А. Соколову [20, с. 231].

В финальной части монографии Л. А. Лыкова и А. Б. Мощанский сделали акцент на разборе «претензий», озвученных М. К. Дитерихсом на страницах своей книги [31, с. 125–178], к следствию И. А. Сергеева [20, с. 236–253]. Выражая в целом согласие с ошибочностью ряда утверждений генерала, не имевшего соответствующей квалификации для оценки работы следствия, все же трудно солидаризироваться с авторским утверждением о том, что «как М. К. Дитерихс, так и Н. А. Соколов получили в свои руки материалы уже раскрытых уголовных дел» [20, с. 239]. Возможно, именно поэтому деятельность Н. А. Соколова в книге почти не уделено внимания, а анализ его следственных действий ограничивается лишь периодом февраля–июля 1919 г., вплоть до того времени, когда следователь был вынужден прекратить уголовное производство в Екатеринбурге в связи с приближением Красной армии [20, с. 270–279].

Завершает монографию обсуждение вопроса о других, вероятно сохранившихся, но пока неизвестных исследователям материалах следствия И. А. Сергеева [20, с. 280–298]. Хочется надеяться, что их поиск и обнаружение поможет восполнить недостающие пазлы в общей картине белогвардейского расследования дела об убийстве Николая II и его семьи.

Ad disputationem

Безусловно, Л. А. Лыкова и А. Б. Мощанский провели большую и важную работу по реконструкции начального этапа первого следствия, и результаты этого исследования заслуживают высокой научной оценки. Тем не менее монография не свободна и от ряда недостатков, о которых следует сказать подробнее.

Так, приводимые в подстрочных комментариях биографические справки об отдельных героях повествования иногда слишком подробны и перегружены лишней информацией, в то время как о целом ряде участников событий (например, об осуществлявших надзор по делу товарищах прокурора Екатеринбургского окружного суда Н. И. Остроумове, А. Т. Кутузове, Н. Н. Магницком и др.) какие-либо сведения вообще отсутствуют. Также при упоминании лиц не унифицировано указание их имен и отчеств, а сокращенные инициалы одного и того же человека нередко снова упоминаются развернутыми. То же касается и большинства сокращений, содержащихся в цитируемых документах, которые никак не оговариваются и не раскрываются, что серьезно затрудняет знакомство с представленными следственными материалами.

На ряде страниц авторы ссылаются на последнюю публикацию дневников Николая II [32; 20, с. 42, 115], но в другом месте без какого-либо пояснения дают ссылку на его архивный первоисточник [20, с. 109]. Упоминание о переданных в Государственный архив Российской Федерации дневниках царского дантиста С. С. Кострицкого [20, с. 117] не совсем корректно, т. к. в архив были переданы его воспоминания, к слову, недавно опубликованные [33]. Вызывает удивление авторская отсылка к «списку» Я. М. Свике как достоверному источнику о количественном и национальном составе расстрельной команды дома особого назначения [20, с. 265], хотя происхождение этого документа, как и причастность его автора к обстоятельствам цареубийства, весьма сомнительны [6, с. 271–285].

Присутствуют на страницах книги и неточности в атрибуции тех или иных героев повествования. Так, при цитировании протокола допроса протоиерея И. В. Сторожева авторы соотносят пожилого слугу «высокого роста» (А. Е. Трупп) с поваром И. М. Харитоновым [20, с. 123], хотя последний, по воспоминаниям современников, наоборот, обладал маленьким ростом и был среднего возраста [25, с. 273].

Анализируя допрос помощника водителя И. Н. Мельникова о событиях, происходивших в ночь с 18 на 19 июля 1918 г. под Екатеринбургом, авторы соотносят указанных в нем участников сокрытия останков с руководителем убийства Я. М. Юровским и его соучастниками М. А. Медведевым (Кудриным) и Г. П. Никулиным [20, с. 254–255]. Однако два последних лица в это время находились в городе и не могли принимать участие в операции по сокрытию трупов [11, с. 409, 494, 495, 499, 500], поэтому в данном случае речь ско-

рее идет о военном комиссаре Уральской области Ф. И. Голощекине и чекистах И. И. Родзинском и В. М. Горине [11, с. 454, 456]. К сожалению, авторы так и не смогли точно указать, о событиях какого именно дня идет речь в документе, ошибочно указав в одном из комментариев 14 июля [20, с. 254], а в другом справедливо соотнося события с 19–20 июля [20, с. 256] 1918 г.

Декларируя тезис о том, что к февралю 1919 г. И. А. Сергеев «убедительно доказал факт убийства членов семьи императора и его слуг» [20, с. 261], Л. А. Лыкова и А. Б. Мощанский не прокомментировали важное свидетельство, опубликованное 5 сентября 1920 г. в американской газете «New-York Tribune», а именно интервью И. А. Сергеева журналисту Г. Бернштейну, данное последнему в Екатеринбурге в конце декабря 1918 г. [19, с. 480] или в январе 1919 г. [22, с. 302]. В этой беседе руководитель следствия прямо заявил о том, что «императрица, цесаревич и великие княжны не были убиты в этом доме», а «царь, профессор Боткин, семейный врач, два лакея и горничная Демидова были расстреляны в Ипатьевском доме» [19, с. 480].

Если информация из данного интервью не была лишь плодом воображения журналиста, то выходит, что накануне завершения первого этапа расследования И. А. Сергеев не исключал возможности спасения цесаревича и женской части семьи Романовых. Что в таком случае могло стать причиной изменения его позиции, если в феврале 1919 г. член суда категорически заявлял о гибели всей императорской семьи [20, с. 260–261]? Дополнительное исследование данной проблемы определенно может приблизить нас к разрешению иных дискуссионных вопросов деятельности первого белогвардейского следствия.

Заключение

Выход книги Л. А. Лыковой и А. Б. Мощанского представляется значимым явлением в современной российской историографии, посвященной гибели последнего императора. Основанная на ряде впервые вводимых в научный оборот источников, монография может представлять интерес как для профессиональных историков-архивистов и специалистов по истории Гражданской войны, так и широкого круга читателей, интересующихся обстоятельствами расследования цареубийства. Выявленные в ходе знакомства с изданием неточности, а также высказанные замечания и предложения ни в коей мере не снижают высокой оценки представленной работы. Наоборот, хочется выразить надежду, что они смогут быть использованы авторами в случае подготовки второго, исправленного издания монографии, возможно, уже приуроченного к 110-летию начала белогвардейского расследования в 2028 г.

Список источников / References

1. Быков П. М. Последние дни Романовых / под ред. А. Танеева. Свердловск: Уралкнига, 1926. 127 с.
Bykov P. M. Posledniye dni Romanovykh / Ed. by A. Tanyayev Sverdlovsk, 1926. 127 p. (In Russ.).
2. Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения: историко-критические очерки. Париж: La Renaissance, 1951. 422 с.
Mel'gunov S. P. Sud'ba imperatora Nikolaya II posle otrecheniya: istoriko-kriticheskiye ocherki. Paris, 1951. 422 p. (In Russ.).

3. Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. Москва: Мысль, 1989. 459 с.
- Kasvinov M. K. Dvadsat' tri stupeni vniz. Moscow, 1989. 459 p.
4. Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. Москва: Республика, 1992. 351 с.
- Ioffe G. Z. Revolyutsiya i sud'ba Romanovykh. Moscow, 1992. 351 p. (In Russ.).
5. Буранов Ю. А., Хрусталева В. М. Убийцы царя. Уничтожение династии. Москва: Терра, 1997. 400 с.
- Buranov Yu. A., Khrustalev V. M. Ubiyttsy tsarya. Unichtozheniye dinastii. Moscow, 1997. 400 p. (In Russ.).
6. Жук Ю. А. Вопросительные знаки в «Царском деле». Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2013. 640 с. ISBN 978-5-9775-0895-7.
- Zhuk Yu. A. Voprositel'nyye znaki v "Tsarskom dele". Saint Petersburg, 2013. 640 p. ISBN 978-5-9775-0895-7. (In Russ.).
7. Оболенский А. А., Агаджанян Э. Г. Царская ложь: итоги расследования. Санкт-Петербург: НПК «Омега», 2020. 343 с.
- Obolenskiy A. A., Agadzhanian E. G. Tsarskaya lozh': itogi rassledovaniya. Saint Petersburg, 2020. 343 p. (In Russ.).
8. Пчелов Е. В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. Москва: РГГУ, 2020. 192 с.
- Pchelov E. V. Tsareubiystvo 1918 goda: istochniki, voprosy, versii. Moscow, 2020. 192 p. (In Russ.).
9. Князев М. А. «Екатеринбургские останки»: взгляд через призму исторических источников. Санкт-Петербург: Свет, 2023. 208 с.
- Knyazev M. A. «Ekaterinburgskiy ostanki»: vzglyad cherez prizmu istoricheskikh istochnikov. Saint Petersburg, 2023. 208 p. (In Russ.).
10. Князев М. А. Сожжены или сокрыты? Судьба останков императора Николая II и его семьи. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2026. 184 с.
- Knyazev M. A. Sozhzheny ili sokryty? Sud'ba ostankov imperatora Nikolaya II i ego sem'i. Saint Petersburg, 2026. 184 p. (In Russ.).
11. Преступление века: Материалы следствия: Документально-архивная хронология событий, связанных с гибелью Российского императора Николая II, его семьи и их приближенных: в 3 т. Т. 1. Москва: Следственный комитет РФ, 2021. 547 с.
- Prestupleniye veka: Materialy sledstviya: Dokumental'no-arkhivnaya khronologiya sobytiy, svyazannykh s gibel'yu Rossiyskogo imperatora Nikolaya II, ego sem'i i ikh priblizhennykh: In 3 vols. Vol. 1. Moscow, 2021. 547 p. (In Russ.).
12. Преступление века: Материалы следствия: Документально-архивная хронология событий, связанных с гибелью Российского императора Николая II, его семьи и их приближенных: в 3 т. Т. 2. Москва: Следственный комитет РФ, 2021. 830 с.
- Prestupleniye veka: Materialy sledstviya: Dokumental'no-arkhivnaya khronologiya sobytiy, svyazannykh s gibel'yu Rossiyskogo imperatora Nikolaya II, ego sem'i i ikh priblizhennykh: In 3 vols. Vol. 2. Moscow, 2021. 830 p. (In Russ.).
13. Преступление века: Материалы следствия: Документально-архивная хронология событий, связанных с гибелью Российского императора Николая II, его семьи и их приближенных: в 3 т. Т. 3. Москва: Следственный комитет РФ, 2021. 366 с.
- Prestupleniye veka: Materialy sledstviya: Dokumental'no-arkhivnaya khronologiya sobytiy, svyazannykh s gibel'yu Rossiyskogo imperatora Nikolaya II, ego sem'i i ikh priblizhennykh: In 3 vols. Vol. 3. Moscow, 2021. 366 p. (In Russ.).
14. Соколов Н. Убийство Царской Семьи. Берлин: Слово, 1925. 297 с.
- Sokolov N. Ubiystvo Tsarskoy Sem'i. Berlin, 1925. 297 p. (In Russ.).
15. Вебер М. И. Жизнь и смерть Николая Соколова (1882—1921): документы и материалы. Екатеринбург: Державное наследие, 2019. 106 с.
- Veber M. I. Zhizn' i smert' Nikolaya Sokolova (1882—1921): dokumenty i materialy. Yekaterinburg, 2019. 106 p. (In Russ.).
16. Петин Д. И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 65—75. EDN: GCMSQR.
- Petin D. I. The explosion on 1 August 1918 in Omsk. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta — Tomsk State University Journal. 2022;476:65—75. <https://doi.org/10.17223/15617793/476/7>. EDN: GCMSQR. (In Russ.).
17. Стельмак М. М., Петин Д. И. К изданию П. Г. Ггаркуевым записок М. Жанена // Исторический вестник. 2024. Т. 50. С. 202—217. <https://doi.org/10.35549/HR.2024.2024.50.008>. EDN: NUQUIPI.
- Stelmak M. M., Petin D. I. On the Edition by Ruslan G. Gagkuev of Memoirs by Maurice Janin. The Historical Reporter. 2024;50:202—217. <https://doi.org/10.35549/HR.2024.2024.50.008>. EDN: NUQUIPI. (In Russ.).
18. Фомин С. В. «Царское дело» Н. А. Соколова и «Le prince de l'ombre». Кн. 1. Москва: Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2021. 720 с.
- Fomin S. V. "Tsarskoye delo" N. A. Sokolova i "Le prince de l'ombre". Book 1. Moscow, 2021. 720 p. (In Russ.).
19. Фомин С. В. «Царское дело» Н. А. Соколова и «Le prince de l'ombre». Кн. 2. Москва: Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2021. 528 с.
- Fomin S. V. "Tsarskoye delo" N. A. Sokolova i "Le prince de l'ombre". Book 2. Moscow, 2021. 528 p. (In Russ.).
20. Лыкова Л. А., Мощанский А. Б. Первое следствие: Дело об убийстве царской семьи. Москва: Издательство «Спасское дело», 2024. 320 с. ISBN 978-5-6047870-5-2. EDN: BVVWTL.
- Lykova L. A., Moshchanskiy A. B. Pervoye sledstviye: Delo ob ubiystve tsarskoy sem'i. Moscow, 2024. 320 p. ISBN 978-5-6047870-5-2. EDN: BVVWTL. (In Russ.).
21. Саммерс А., Мангольд Т. Дело Романовых, или Расстрел, которого не было. Москва: Эксмо, Алгоритм, 2011. 368 с.
- Sammers A., Mangol'd T. Delo Romanovykh, ili Rasstrel, kotorogo ne bylo. Moscow, 2011. 368 p. (In Russ.).
22. Ферро М. Николай II. Москва: Международные отношения, 1991. 352 с.
- Ferro M. Nikolay II. Moscow, 1991. 352 p. (In Russ.).
23. Сонин Л. М. Правда и ложь о тайне века // Урал. 1996. № 7. С. 118—161.
- Sonin L. M. Pravda i lozh' o tayne veka. Ural. 1996;7:118—161. (In Russ.).
24. Сенин Ю. И. Подлинная судьба Николая II, или Кого убили в Ипатьевском доме? Москва: Эксмо, Алгоритм, 2010. 478 с. ISBN 978-5-699-41624-0. EDN: QPPIZP.
- Senin Yu. I. Podlinnaya sud'ba Nikolaya II, ili Kogo ubili v Ipat'yevskom dome? Moscow, 2010. 478 p. ISBN 978-5-699-41624-0. EDN: QPPIZP. (In Russ.).
25. Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (август 1918—февраль 1920) / сост. Н. Г. Росс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. 644 с.
- Gibel' Tsarskoy sem'i. Materialy sledstviya po delu ob ubiystve Tsarskoy sem'i (avgust 1918—fevral' 1920) / Comp. by N. G. Ross. Frankfurt am Main, 1987. 644 p. (In Russ.).
26. Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения: в 2 т. Т. 1 / сост. Л. А. Лыкова. Москва: ООО ТД «Белый город», 2015. 448 с.
- Delo ob ubiystve imperatora Nikolaya II, ego sem'i i lits ikh okruzeniya: In 2 vols. Vol. 1 / Comp. by L. A. Lykova. Moscow, 2015. 448 p. (In Russ.).
27. Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения: в 2 т. Т. 2 / сост. Л. А. Лыкова. Москва: ООО ТД «Белый город», 2015. 432 с.
- Delo ob ubiystve imperatora Nikolaya II, ego sem'i i lits ikh okruzeniya: In 2 vols. Vol. 2 / Comp. by L. A. Lykova. Moscow, 2015. 432 p. (In Russ.).
28. Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следо-

вателя по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколова / отв. ред. и отв. сост. О. В. Лавинская, сост. В. М. Хрусталева. Москва: Кучково Поле, 2017. 542 с.

Gibel' chlenov Doma Romanovykh na Urale letom 1918 goda. Materialy predvaritel'nogo sledstviya sudebnogo sledovatelya po osobo vazhnym delam pri Omskom okružnom sude N. A. Sokolova / Executive ed. O. V. Lavinskaya, comp. by V. M. Khrustalev. Moscow, 2017. 542 p. (In Russ.).

29. Григорьев Ю. А. Последний император России. Тайна гибели. Москва, Санкт-Петербург, Владимир: АСТ, 2009. 380 с. ISBN 978-5-17-058030-9. EDN: QPLXZT.

Grigor'yev Yu. A. Posledniy imperator Rossii. Tayna gibeli. Moscow, Saint Petersburg, Vladimir, 2009. 380 p. ISBN 978-5-17-058030-9. EDN: QPLXZT. (In Russ.).

30. Шитов В. В. Дом Ипатьева: летописная хроника в документах и фотографиях (1877–1977). Екатеринбург; Челябинск: Авто Граф, 2013. 715 с.

Shitov V. V. Dom Ipat'yeva: letopisnaya khronika v dokumentakh i fotografiyakh (1877–1977). Yekaterinburg; Chelyabinsk, 2013. 715 p. (In Russ.).

31. Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. Москва: Издательский совет Русской Православной церкви, 2006. 710 с. ISBN 5-485-00070-3. EDN: QPDAIH.

Diterikhs M. K. Ubiystvo Tsarskoy Sem'i i Chlenov Doma Romanovykh na Urale. Moscow, 2006. 710 p. ISBN 5-485-00070-3. EDN: QPDAIH. (In Russ.).

32. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 2: 1905–1918. Ч. 2: 1914–1918. Москва: РОССПЭН, 2013. 783 с. Ответственный редактор С. В. Мироненко

Dnevniky imperatora Nikolaya II (1894–1918): in 2 vols. Vol. 2: 1905–1918. Part. 2: 1914–1918. Moscow, 2013. 783 p. (In Russ.).

33. Жертвенный подвиг Императора Николая II. Воспоминания царского дантиста Сергея Кострицкого. Москва: Русский издательский центр, 2022. 189 с.

Zhertvennyy podvig Imperatora Nikolaya II. Vospominaniya tsarskogo dantista Sergeya Kostritskogo. Moscow, 2022. 189 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

КНЯЗЕВ Марк Андреевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры «Политология» Нацио-

нального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

SPIN-код: 1454-3171

AuthorID (РИНЦ): 1061923

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1654-637X>

e-mail: kn.mark.nn@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 25.08.2026.

Information about the author:

KNYAZEV Mark Andreevich, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Political Science Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod.

SPIN-code: 1454-3171

AuthorID (RSCI): 1061923

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1654-637X>

e-mail: kn.mark.nn@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 25.08.2026.

УДК/UDC 124.5+7.01

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-70-79>

EDN: KMEVXP

Научная статья / Original article

НОРМАТИВНОСТЬ И ИСКУССТВО

И. Н. Нехаева

Тюменский государственный университет,
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

 i.n.nekhaeva@utmn.ru

В статье рассматривается роль нормативных оснований для искусства. Попытка искусствоведов объяснить действия художников в отношении произведений искусства путем выведения их значений и символики не дает нам нужных результатов, поскольку касается не нормативных, а лишь случайных факторов, существующих благодаря многообразию возможных языковых ассоциаций и желанию искусствоведов рассказывать истории.

Ключевой вопрос этого исследования — ‘как правильно делать искусство?’ — ставит акцент, прежде всего, на представлениях художников о том, какой тип нормативного порядка действует в мире искусства. Поскольку произведение искусства является непосредственно результатом действий художника, предпринимается поиск подходящей теории действия для анализа такого типа нормативного порядка. В противовес универсалистски ориентированным нормативным теориям (Дерек Парфит, Генри Сиджвик) предлагается партикуляристская теория в духе Джонатана Дэнси.

Ключевые слова: нормативные причины, мотивирующие причины, веские основания, теории действия, партикуляристская теория, правильное, возможные миры

Для цитирования: Нехаева И. Н. Нормативность и искусство. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 70–79. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-70-79>. EDN: KMEVXP.

© Нехаева И. Н., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

NORMATIVITY AND ART

I. N. Nekhaeva

University of Tyumen, Volodarskogo, St., 6, Tyumen, 625003, Russia

 i.n.nekhaeva@utmn.ru

The article examines an original idea about the role of normative reasons for art. Attempts by art historians to explain artists' actions in relation to works of art by deducing their meanings and symbolism fail to yield the desired results, as they have focused not on normative factors but on contingent factors that exist only due to the potential for a variety of possible linguistic associations and the desire of art historians to tell stories.

The key question of the research — ‘How to make art rightly?’ — focuses primarily on artists' understandings of the normative order operating in the art world. Since a work of art is the direct result of the artists' actions, a suitable theory of action is sought to analyze this type of normative order. In contrast to universalist-oriented normative theories (Derek Parfit, Henry Sidgwick), a particularist theory in the spirit of Jonathan Dancy is proposed.

Keywords: normative reasons, motivating reasons, good reasons, theories of action, particularist theory, rightness, possible worlds

...мы пытаемся выйти за пределы
собственного сознания, усилие,
которое некоторые сочли бы безумным,
а я считаю философски фундаментальным.
Томас Нагель

Посвящается Елене Эрнестовне Комаровой
(1963 – 2026)

Если в простом разговоре кто-то начинает говорить о нормативном¹, то это может служить предостерегающим сигналом, что на самом деле речь идет о довольно серьезных вещах, — возможно, о доверии, справедливости, нравственности, законе, моральном чувстве и т. д. Но если в подобном разговоре вы размышляете об арт-объектах, увиденных на выставке современного искусства, то обычно считается, что это не такой уж и серьезный разговор. Впрочем, я буду настаивать здесь на обратном, утверждая, что во втором случае все гораздо серьезнее.

В первой части мы поговорим о важности нормативного для мира искусства, о его нередуцируемости и неэлиминированности, а также о том, что нормативные причины способны быть маркерами для различения мира одного художника от мира другого художника. Во второй части я покажу, что важно уметь различать нормативные причины и мотивирующие причины, поскольку нормативное в искусстве не проявляется через дескрипцию произведений искусства, их формы и содержания, их исторической роли и т. д., а обнаруживается исключительно в представлениях художников о том, какой тип нормативного порядка действует в мире искусства. В третьей части я подробнее остановлюсь на нескольких теориях действия и покажу, как способ различения нормативных и мотивирующих причин связан с пониманием и объяснением самого действия агента. В четвертой части я противопоставлю партикулярную теорию универсальной теории и покажу, что для мира искусства важен первый тип теорий, а не второй.

Введение

В искусстве есть объекты, статус которых остается под вопросом еще долгое время после их возникновения. Обычно они кажутся странными, непонятными или очень сложными объектами, к которым мы могли бы отнести, к примеру, пустую комнату Ива Кляйна, выставленную в парижской галерее Iris Clert в 1958 году, или созданный и запатентованный в 1960 году этим же художником ультрамариновый цвет ИКВ (*International Klein Blue*). Необычность этих объектов в том, что они ставят под вопрос саму форму существования произведений искусства. И тем не менее подобного рода объекты нас не будут интересовать. Напротив, мы сосредоточимся на *парадигматических* арт-объектах, — таких как *Черный квадрат* Казимира Малевича или *Мона Лиза* Леонардо да Винчи, которые не вызывают ни у кого ни малейшего сомнения в своем гор-

дом статусе 'быть произведением искусства'. Хотя относительно таких арт-объектов тоже возникает вопрос: кто, за что и почему наделил эти объекты статусом *произведений искусства*?² Несмотря на устойчивый интерес к этому вопросу со стороны искусствоведов, мы также оставим в стороне попытку ответить на него, а лучше сосредоточим свое внимание на чрезвычайно интересной особенности всех произведений искусства — их принципиальной *искусственности*, поскольку совершенно очевидно, что *в нашем мире такие объекты никогда не встречаются в естественном виде*. И, действительно, можем ли мы себе представить мир, в котором были бы произведения искусства, но при этом не было бы художников, которые их создали? Понятно, что такой мир непредставим. А вот обратное вполне представимо: в мире есть художники, но таких штук, как произведения искусства, просто не существует. Это говорит о том, что люди в нашем мире (и так вышло совершенно случайно), помимо занятий наукой, политикой, медициной и прочим, интересуются еще и искусством, создают арт-объекты.

Тогда возникает следующий вопрос: какова связь между произведениями искусства и обязательным наличием в этом мире людей? Что именно в этих отношениях является необходимым? И выясняется, что это — *действие*, деятельность, или практика, в ходе которой и создаются произведения искусства. Но кто-то может заметить, что вообще вся жизнь людей связана с какой-то деятельностью, и это совсем не означает, что каждый раз в результате этой деятельности мы с необходимостью получаем произведение искусства. И это правда. Однако ключевой момент здесь в том, что, возможно, *причина* производства арт-объектов — причина, делающая их тем, чем они являются, а именно произведениями искусства, заложена в самой этой деятельности. Следовательно, дело не в художниках и даже не в произведениях искусства, потому что вполне представимо, что Мона Лиза была бы написана каким-то другим художником, а не Леонардо да Винчи³. Это, в свою очередь, позволяет нам утверждать, что связь между художником и созданным им произведением искусства контингентна, хотя *форма связи* между ними, то есть форма самого художественного действия, как раз не контингентна.

Однако что же такого есть в деятельности художника, что могло бы нас обеспечить знанием о том, почему это произведение было создано именно так, как оно было создано? Попробуем ответить на этот вопрос с помощью мысленного эксперимента⁴. Представим себе мир *W*, где есть пекарь *A* с некоторым набором представлений ϕ о том, что такое хороший хлеб. Разумно предположить, что в этом мире между хлебом *B*, который выпекает пекарь *A*, и его представлениями ϕ о 'хорошем хлебе' (о том, как правильно печь хлеб) есть отношение *супервентности*, когда изменения пекаря *A* относительно содержания представлений ϕ с необходимостью влекут за собой изменения *B*. Иными словами, если

бы случилось так, что у пекаря однажды поменялись бы представления о том, какой хлеб является 'хорошим', то он неизбежно пришел бы к выводу, что следует поменять прежнюю технологию выпекания хлеба на другую, а именно *правильную*, что, в свою очередь, привело бы к другому виду хлеба, и тогда, с точки зрения пекаря, именно этот новый вариант хлеба был бы хорошим. Конечно, мы могли бы рассмотреть действия пекаря А как ошибочные, утверждая, что его вариант выпекания хлеба не вполне 'хорош', но сами представления пекаря о том, что именно *такой* хлеб является 'хорошим' и правильно будет выпекать именно его — этот факт никак не удалось бы оспорить, ведь именно он и стал бы *основанием* (reason) для его действий. Разумеется, чтобы испечь *хотя бы какой-то* хлеб, пекарю необходим был бы *мотив*: к примеру, печь хлеб и продавать его, чтобы разбогатеть (и это стало бы для него в целом мотивом печь хлеб) или, например, если бы пекарь решил посвятить свою жизнь благотворительной деятельности и стал бы печь хлеб, чтобы раздавать его бедным и т. д. Соответственно, результаты деятельности пекаря А напрямую связаны с его представлениями Φ^5 .

Теперь давайте представим себе мир W^* , в котором есть пекарь A^* с представлениями Φ^* о том, как правильно печь хлеб, и результатом его деятельности — хлебом B^* . При условии, что $\Phi \neq \Phi^*$ результаты действий пекаря А и пекаря A^* в мире W и W^* , а именно выпеченный ими хлеб B и B^* , *не будут идентичны друг другу*. Важным фактом здесь является то, что это работает даже при условии, что оба мира W и W^* идентичны по всем возможным вопросам (в них действуют одинаковые законы природы и т. д.), — кроме вот этого единственного различия между Φ и Φ^* . Возникает вопрос: что становится основанием для разных результатов деятельности агентов А и A^* в мирах W и W^* ? Какова причина того, что хлеб в двух идентичных мирах разный? Объяснением такого различия была бы *разница в нормативных представлениях Φ и Φ^* пекарей А и A^* о том, как правильно выпекать хлеб*. В итоге, приведенный нами мысленный эксперимент делает, очевидно, неустрашимым из анализа какой-либо практики агентов присутствие нормативного измерения — и не важно, идет ли речь о выпечке хлеба, врачевании или художественной деятельности. Для ясности еще раз уточним: нас не интересует вопрос — какой из двух технологий выпечки хлеба пекаря А или A^* является наилучшим? Наш интерес располагается в иной плоскости и касается нормативных представлений агентов, каузально влияющих на результаты их действий. Почему нас это интересует? В приведенном выше мысленном эксперименте знание о том, что думает о *правильном* хлебе пекарь, в итоге дает нам информацию о хлебе постольку, поскольку хлеб возникает как результат *действий* пекаря, считающего именно *такой* хлеб правильным, или 'хорошим', хлебом.

1. Причины действий и способы их различения

Мысленный эксперимент с пекарем показал, что даже небольшая разница между представлениями агентов из разных модельных миров дает разрыв в их действиях. Наилучшим инструментом анализа таких действий являются некоторые теории из философии действия. Основное внимание этих теорий направлено на структуру действия, учитывающую как физическое, или телесное, движение, так

и ментальную, или интенциональную, составляющую действия. В нашем случае наиболее востребованными будут такие элементы структуры действия, как *мотив*⁶ и *причины*⁷ (reasons), с которыми нам следует разобраться. В ходе решения этой задачи мы намерены достигнуть еще одной цели, а именно выяснить, какая теория из имеющихся является наиболее подходящей для анализа действий художников. В итоге, в отдаленной перспективе, это поможет нам выявить предсказательную силу нормативных причин, поскольку только наличие такого рода причин и дает нам право утверждать нашу способность с уверенностью предсказывать что-то в искусстве, — к примеру, появление такой штуки, как реди-мейд Марселя Дюшана⁸, ознаменовавшей поворотный этап в истории искусства.

Причины для действий различаются между собой, и каждая из теорий действия демонстрирует собственный взгляд на способ их различения. Но, прежде чем говорить о самих теориях действия, сделаем небольшое отступление и обратимся к теориям, раскрывающим специфику интересующих нас причин; возьмем четыре совершенно разные точки зрения. Во-первых, провести *различие между мотивирующими и нормативными причинами* нас вынуждает своего рода неловкость⁹, которая в этом вопросе часто возникает, с одной стороны, из-за путаницы в терминологии, а с другой стороны — из-за того, что мы думаем по-разному, даже если задаемся одним и тем же вопросом. Это дает целый спектр позиций относительно того, каков критерий различения между собой этих видов причин; обратимся к нескольким из них. Так, по мнению Джонатана Дэнси, обычно (и лишь в редких случаях это не так) при совершении агентом действий существуют определенные соображения, в свете которых он действовал, — это причины, которые убедили его поступить так, как он поступил. Можно сказать, что причиной действия здесь явилось соображение, которое его мотивировало. В этом случае, хотя нам и известна причина, по которой он действовал (мотивирующая причина), нам не известно, была ли эта причина обоснована, то есть имела ли она статус *веских оснований*. И здесь уже появляется потребность в наличии признаков, которые говорили бы в пользу действия, — именно это указывает на присутствие нормативной причины, которая, по своей природе благоприятствуя действию, в результате делает его правильным или неправильным, разумным или неразумным. Таким образом, в контексте использования одного и того же понятия 'причина для действия' мы можем задавать *два разных вопроса* (i): первый — это вопрос мотивации, поскольку он касается причины для совершения действия как такового согласно соображениям, в свете которых агент совершил или не совершил это действие; второй же вопрос прямо относится к тому, стоило ли вообще совершать это действие, какие веские основания для этого были (возможно, это было разумно, морально, или даже эстетически изящно). Этот второй вопрос является нормативным. Соответственно, по мнению Дэнси, у нас есть два вопроса (а не два типа причин), но сложность в том, чтобы, используя одно понятие 'причины' (reason), ответить на два разных вопроса [6, р. 1–3]. Если мы вновь обратимся к нашему мысленному эксперименту именно в том месте, где речь идет о пекаре А, которому нужно испечь 'хотя бы какой-то хлеб', то, поскольку здесь говорится о совершении действия как такового, это указывает на мотив: в одном

случае, чтобы разбогатеть, а во втором — чтобы заняться благотворительностью. К нормативному же мы здесь вообще не обращаемся, поскольку говорим о действии, которое просто нужно совершить без того, чтобы ответить на вопрос — стоит или не стоит пекарю А делать то, что он делает?

Во-вторых, когда мы задаем вопрос непосредственно о самом действии (как в приведенном выше случае), то мы, естественно, обращаемся к тому, *кто* совершает это действие, и нам кажется, что *психологические состояния* агента¹⁰ (его желания, верования и убеждения) — это как раз то, что нам нужно для объяснения совершенного им действия. Конечно, мы можем к ним обратиться, в частности, чтобы добыть *проксимальное* объяснение действий агента. Однако этого будет недостаточно уже потому, что ни одно психологическое состояние агента не является веским основанием для совершения действия. И тем не менее это происходит в том случае, если мы допускаем высокую степень различимости (дистанцированности) друг от друга мотивированных и нормативных причин. Некоторые авторы, например, Майкл Смит, размышляя о так называемых '*нормативных доводах агентов*', указывают на *гибридный* характер этих причин (ii). Так, Смит, в пятой главе своей известной работы *The Moral Problem* прямо говорит о неизбежности объяснения преднамеренного действия (*intentional action*) с двух разных точек зрения: преднамеренной и обоснованной [7, р. 131]. И, хотя такой взгляд является вполне обычным, по мнению Смита, при глубоком рассмотрении скрывает в себе загадку. Когда мы думаем в схеме телеологического, или даже причинно-следственного объяснения, мы ссылаемся на комплекс психологических состояний, порождающих данное действие. Например, мое желание написать эту статью, а также моя вера в то, что я справлюсь с этой задачей, набирая слова и составляя их в предложения, указывает на мои мотивирующие причины. Кажется вполне очевидным, что эти причины принадлежат мне самой (моим психологическим состояниям), но они могут восприниматься мною и как веские причины, поскольку *я их считаю* таковыми, если задаюсь вопросом оснований, которые у меня есть для написания этой статьи. Напротив, модель рационального обдумывания, по словам Смита, дает агенту основания, которые *не* являются его собственными, так как они только *рекомендуют* действовать определенным образом, выступая в качестве веских оснований для совершения данного действия; это и есть нормативные причины. Такой тип обдумывания вызван естественным желанием максимизации ясно различить причины, поскольку у нас есть тенденция почти к зрительному отстранению от того, что мы пытаемся увидеть или объяснить, — это заставляет нас обращаться к так называемому *дистальному* объяснению происходящего. В результате мы различаем оба вида причин, используя позицию проксимального и дистального взгляда на них.

В-третьих, обычно, когда мы говорим о причинах действия, то мы имеем в виду их *объяснение* (iii). Именно запрос на объяснение видится, как еще один способ резко увеличить дистанцию между тем, что мы называем мотивирующими и нормативными причинами. Чуть выше мы акцентировали два вопроса — первый о соображениях, в свете которых агент совершает действие, и второй — о наличии у него веского основания для совершения этого действия. Объяснение действия можно считать

успешным, если оно позволяет увидеть, как именно агент принимает определенные особенности действия в качестве веских оснований для его совершения. Такая попытка объяснить действие была бы первым шагом к его обоснованию. Как замечает Дэнси, действие, конечно, можно обосновать и без доказательства его правильности, однако нельзя игнорировать тот факт, что между обоснованием и доказательством правильности действия существует *внутренняя связь*. Суть этой связи в том, что мотивы агента способны были бы оправдать его действия только в том случае, *если бы все происходило ровно так, как предполагал сам агент*, и тогда уже в силу этого одного факта совершаемое им действие было бы 'правильным' [6, р. 95]. Но в действительности это не так, поскольку для объяснения действия наличия только мотива (в силу которого агент совершает действие, а не обосновывает его) всегда недостаточно, требуются еще веские основания для этого действия. В самом слабом смысле, нормативное нащупывается, когда мы пытаемся ввести в рассуждение *рациональный* компонент, то есть когда мы обращаем внимание на *условия*, при которых агент стремится достичь сбалансированной согласованности между своими убеждениями, желаниями и действиями. Уже здесь можно заметить, что это не совсем внутренний процесс, так как фактор соответствия между этими тремя компонентами включает в себя вопрос *об истинности* убеждений действующего субъекта, без чего эти убеждения не могут обрести статус нормативных доводов или веских оснований для совершения агентом действия. Соответственно, задаваясь вопросом, являются ли убеждения агента разумными (моральными, эстетическими и т. д.), мы выходим за рамки простой суммы компонентов и идем еще дальше, если спрашиваем, все ли было именно так, как представлял себе агент, и стоило ли ему действовать и желать того, к чему он стремился.

В-четвертых, еще одним признаком различия (iv) 'мотивирующего' и 'нормативного' являются, с одной стороны, все те соображения, в свете которых мы действуем и которые мотивируют нас к действию, — все они подталкивают нас *навстречу* этому действию, и ни одно из них не содействует обратному направлению, от действия; так ведет себя мотивирующая причина. С другой стороны, некоторые из этих соображений (несмотря на их потенциал к совершению действия) допускают возможность направления нашего внимания в обратную сторону, *прочь от* действия. Я могу решить купить сумочку, даже если она очень дорогая, что противодействует моему решению, но я все равно покупаю; при этом я вполне осознаю причину такого противодействия и ее влияние на мое решение, которое, однако, является недостаточно сильным, чтобы остановить меня. Так проявляет себя нормативная причина. Заслуга такого хода мысли в том, что он позволяет лишь косвенно различать типы причин путем обращения к двум разным вопросам: (1) 'правильно или неправильно это сделать?' и (2) 'стоило или не стоило это сделать?'.

2. Теории действия

На этом этапе мы получили своего рода карту разных точек зрения и позиций на то, как можно различать оба вида причин. Это позволяет нам двигаться дальше и обратиться непосредственно к теориям действия. Так, согласно Элизабет Энском, поскольку одно и то же действие можно

описать по-разному, то причины этих действий будут неоднозначными. В терминах Энском, задавая вопрос о причине какого-то действия ('почему ты это сделал?', 'зачем ты так поступил?'), мы должны учитывать, что, с одной стороны, человек обычно *знает*, что он делает, так как вполне может описать совершаемое им действие. С другой стороны, спрашивается, — что именно он знает? Он знает то, что он делает («под одним описанием, но не под другим» [2, р. 11]), следовательно, он всегда может на наш вопрос 'зачем ты это делаешь?' ответить, что он не знает, что он делает. Таким образом, описывая по-разному одно и то же действие, можно выявить совершенно разные причины его совершения. Очевидно, что эта теория по своим принципам родственна размышлениям Дэнси о природе причин (о чем мы говорили во втором разделе (i)).

Мария Альварез, кажется, против такой постановки вопроса. Она настаивает на том, что утверждение о существовании разных видов причин равнозначно утверждению о наличии разных ролей, которые выполняют эти причины (чуть ниже мы приведем пример с Идой, который наглядно покажет, как это работает). Сами по себе причины не существуют как принадлежащие к какому-либо конкретному виду в силу того, что причины — это роли, которые возникают только в определенном контексте, где они и могут квалифицироваться как относящиеся к тому или иному виду [8, р. 3296]. В этой связи, как подчеркивает Альварез, причины сравниваются между собой и одни из них становятся более фундаментальными, а другие — менее. Данная точка зрения также очень похожа на то, что говорит Дэнси, и на нашей карте способов различения причин это — позиция (iv).

Дональд Дэвидсон, напротив, выражает свое полное согласие с позицией Энском, но особым образом: он говорит о причинах как о средстве для *рационализации* действия так, что сама рационализация в конечном счете становится разновидностью причинного объяснения. По его мнению, такая рационализация «позволяет нам увидеть то, что субъект увидел или, как ему казалось, увидел в своем действии» [9, р. 3]. Дэвидсон вводит понятие *первопричины* (primary reason), которая включает в себя: (а) позитивное отношение агента (желание, долг, устремление) и (б) убеждение агента в том, что его действие приведет к желаемому результату. Такой взгляд соответствует сразу двум версиям причинного различения — (ii) и (iii).

Следующие две теории, отличаясь своей фундаментальностью и универсальностью, скорее отсылают нас уже к следующему, четвертому, разделу нашего исследования. Если Дэвидсон и Энском, как мы можем заметить, стремятся максимально приблизить, а в некоторых случаях и уравнивать практические причины с самим действием, то Генри Сиджвик рассматривает природу причин в их непосредственном отношении к моральным законам, предлагая фундаментальное понимание причин как *объективных предписаний разума* (хотя его мысль о том, что причины действий неразрывно связаны с практической рациональностью — с тем, что разумно делать, безусловно, создает параллель точки зрения Сиджвика с позицией Дэвидсона¹¹). И, наконец, еще более интуитивно близкими идеям Сиджвика оказываются размышления Дерек Парфита, который убедительно склоняет нас к тому, что относительно причин «нам следует отвергнуть все субъективные теории и принять какую-либо об-

ективную теорию. Все наши практические доводы основаны на конкретных объектах и ценностях» [11, р. 65].

Таким образом, в нашем коротком экскурсе, касающемся теоретических предпосылок и модусов различения причин, четко прорисовывается единая линия, ставшая уже традиционной в современных дискуссиях о причинах, в которых обычно проводится различие между двумя видами причин: *нормативных* и *мотивирующих*. Еще легче увидеть разницу между этими двумя разновидностями причин на конкретном примере.

— Нормативные: у Иды есть причина пойти в колледж в эту субботу, а именно, там будет *важная лекция*;

и

— Мотивирующие: причина, по которой Ида *идет в колледж* в эту субботу, — там будет *важная лекция*¹².

На примере отчетливо видно, что два вида причин — первая, *склоняющая* Иду пойти в колледж, и вторая, *объясняющая* действие Иды, — совпадают. И тем не менее мы будем настаивать на том, что это две разные причины, которые отвечают на разные вопросы: есть ли что-то, способствующее тому, чтобы Ида пошла в колледж, и какая есть причина, мотивирующая ее пойти в колледж. Следовательно, нормативные причины — это причины, которые 'способствуют', или говорят в пользу, совершения действия; мотивирующие причины — это причины, по которым субъект действует, то есть он считает (возможно, вполне справедливо) эти причины наиболее благоприятными для совершения определенных действий.

Добавим еще один нюанс, на этот раз касающийся различения внутри самой мотивирующей причины. Как утверждает Альварез (и здесь мы склонны с ней согласиться), многие исследователи уравнивают мотивирующие причины с другим видом причин, а именно с *объяснительными*. Это происходит из-за того, что мотивирующие причины обладают способностью давать объяснения: и действительно, мы легко можем объяснить, почему Ида в эту субботу отправится в колледж, — ведь там будет важная лекция. Но, согласно Альварез, *одна и та же причина может выполнять две разные роли*: с одной стороны, раскрываясь как мотивирующая, а с другой — как объяснительная. Разница коренится в самих понятиях 'мотивации' и 'объяснения' — когда нам требуется обосновать свои действия, мы обращаемся к мотивирующей причине, а когда нам нужно *понять* действие, мы пользуемся объяснительной причиной. И хотя объяснение для понимания нам достаточно знать причину, по которой кто-то действует, согласитесь, разница между этими двумя разворотами внутри наших представлений весьма существенна (кстати, допущение такого рода объяснительных причин, надеюсь, сослужит нам неоценимую услугу в плане критики самых разных, по большей части искусствоведческих, точек зрения в области искусства, неизменно притягивающих на объяснение того, что в действительности имел в виду художник в том или ином случае).

Итак, в дальнейшем нас будут интересовать исключительно нормативные причины, поскольку обсуждать, почему художники (как просто люди) действуют так, как они действуют (по мотивационным и объяснительным причинам), не входит в наши планы (хотя, конечно, отсутствие мотивов для действий ведет к отсутствию самого действия,

но, повторяю, на этом мы не будем останавливаться). Что действительно важно в нашем случае, так это защитить саму необходимость различать мотивы и причины (как нормативные утверждения) в вопросах, касающихся действий художников, ведь, как мы выяснили, именно *действия делают видимым все то, что происходит в представлениях художников*. И если мы снова вернемся к нашему примеру с пекарем, чтобы еще раз наглядно продемонстрировать полезность такого различения, то, спросив пекаря, зачем он печет хлеб, мы будем ждать от него объяснение мотива данного действия — и он, *вероятно*, скажет, что он делает это, чтобы разбогатеть (или он может выбрать какой-то другой мотив, например, остаться в истории или приносить пользу, радовать людей и т. д.). Если же мы спросим у него, почему хлеб, который он печет, выглядит так, как он выглядит (или является тем, чем он является), — его ответ будет касаться нормативной причины, а именно, он *наверняка* скажет, что этот хлеб является тем, чем он является, потому что это — хороший хлеб. А если мы спросим его: зачем ты печешь хороший хлеб? Он ответит, что продажа *именно* хорошего хлеба даст ему возможность разбогатеть. И здесь мы можем наблюдать саму связь между мотивом и причиной, которая сталкивает их между собой, запутывая и склоняя некоторых исследователей к их полной неразличимости.

Но если дальше в нашем примере мы попробуем усилить моральную составляющую, то может показаться, что различие мотивов и причин вообще не работает. Например, мы будем утверждать, что в одном мире пекарь печет хлеб, чтобы разбогатеть, а в другом — чтобы накормить бедняков. Кажется, это снова сбивает нас с толку, поскольку во втором случае важность моральной составляющей что-то меняет в нашем примере, а именно, нам кажется, что ответ на вопрос 'почему?', объясняющий мотив действия, оправдывает само это действие. На самом деле действительно значимым является совсем иное — возможность найти теорию, которая даст аргумент о неустранимости нормативного и невозможности свести такого рода нормативные причины *всего лишь* к мотивам. К примеру, известно, что Сальвадор Дали¹³ страстно любил деньги (в 1939 году Андре Бретон¹⁴ даже придумал ему смешное прозвище 'Avida Dollars', что значит 'алчный до долларов'), в то время как Павел Филонов¹⁵ в начале 1930-х годов голодал, потому что проводил уроки для своих учеников бесплатно и не продавал свои картины. Кажется, такое сравнение дает нам некое знание об искусстве, поскольку, обладая множеством исторических фактов, деталей и подробностей из жизни художников, у нас как будто бы есть надежда, что мы можем в той или иной степени 'объяснить' что-то очень важное. Почему Дали, например, в 1965 году пишет картину *Апофеоз доллара*? Наверное, думаем мы, это происходит потому, что внимание Дали приковано к деньгам, а следуя этому же подходу, *Герника*, написанная Пабло Пикассо в 1937 году, является зарисовкой одного события гражданской войны в Испании, а именно бомбардировки города Герники.

Наивность данного подхода, по-видимому, приемлема только для рассказывания захватывающих историй. К сожалению, многие искусствоведы и критики искусства обычно, излагая подобного рода истории, предлагают нарратив, как им кажется, вполне успешно *объясняющий* происходящее в искусстве. Как иронично заметил Бруно Латур

в своей известной работе *Пересборка социального*, «в переводе — и с латыни, и с греческого — 'социология', значит 'наука о социальном'. И это было бы отличное выражение, если бы не два слабых места — слово 'социальное' и слово 'наука'» [12, с. 12]. Аналогично мы можем заметить, что искусствоведение — это сложный термин, состоящий из двух слов: искусство (с латинского, *ars*, что значит ремесло, мастерство, а с греческого, *τέχνη*, означает ремесло, способ действия) и ведать (знать). Это, действительно, было бы отличным выражением, если бы искусствоведение — именно как научная дисциплина, а не просто зонтичный термин, объединяющий комплекс захватывающих историй о жизни художников (и других представителей мира искусства) и их творчестве, — способно было бы, наконец, объяснить нам, почему и как работает это соединение между действием (искусство) и знанием (ведать), а также какова природа этого соединения. По мнению многих критиков искусства, любое произведение искусства может и должно быть объяснимо согласно мотивам его возникновения, — а это означает, что мы, следуя их предписаниям, будем вынуждены всегда обращаться к материальным причинам (понимаемым исключительно как *causa*, а не как *reason*¹⁶). Например, чтобы дать объяснение *Гернике*, мы, кажется, по их мнению, должны соединить между собой как минимум исторические мотивы (известно, что данное произведение было заказано Пикассо правительством Испании в знак памяти погибшим, поскольку маленькое поселение в Испании под названием Герника было буквально стерто с лица земли немецкой авиацией); семиотический концепт (объяснение знаков и символических структур данной картины); семантические свойства (объяснение внутренних смыслов и контекстов) и т. д. Это ведет к такому колоссальному смешению интуиций, деталей и концептов, что не остается никакой возможности прояснить, к какой именно теоретической базе будет принадлежать вывод, к которому стремится автор, приводя подобного рода объяснения¹⁷.

В следующем разделе мы выясним, какая теория действий для наших целей является наиболее подходящей для ответа на вопрос: что же такого есть в деятельности художника, что могло бы нас обеспечить знанием о том, почему это произведение было создано именно этим художником, и именно так, как оно было создано?

3. Мотивирующие и нормативные причины в свете партикуляристской теории действия

Мы выяснили, что из вышеперечисленных теорий действия нам, в целом, по-видимому, не подойдет ни одна, поскольку заданный нами чуть выше вопрос (хотя и теоретический), кажется, содержит весьма нехарактерную для теории в целом отсылку к конкретным действиям художника. Поэтому для ответа на него мы будем руководствоваться *партикуляристской теорией* (ПТ) в противовес имеющей огромную популярность в данной исследовательской области *универсалистской теории* (УТ). Различие этих двух теорий легко можно увидеть на примере вопросов, касающихся действий агента: универсалистская точка зрения задает вопрос следующей формы — 'стоило или не стоило агенту А совершить действие D?'; партикуляристская же точка зрения ставит вопрос по-другому — 'стоило или не стоило агенту А совершить действие D так, как он его совершил?'. Оба вопроса являются нор-

мативными. (Пусть в УТ все объяснения действий имеют форму нормативного 1 (N1), а в ПТ — нормативного 2 (N2).)

Поскольку УТ имеет сильную внутреннюю настроенность на моральные и этические вопросы, для большей наглядности в различении обеих теорий заменим мысленный эксперимент с пекарем А на мысленный эксперимент со спасением тонущего ребенка. В этом случае у нас также есть два мира W и W^* , в которых, соответственно, есть агент А и A^* , спасающий тонущего ребенка P и P^* . В обоих мирах агенты А и A^* имеют причины нормативного порядка для спасения ребенка — любая УТ в качестве предельной установки имеет положение о том, что спасение ребенка во всех возможных мирах является правильной (нормативной) причиной для совершения действия. Но, несмотря на огромную важность этого положения, оно, к сожалению, не дает ответа на наш вопрос — как именно было бы правильно спасать тонущего ребенка, а лишь предлагает универалистскую точку зрения. Поэтому для нас наиболее существенным является уточнение самого *способа*, каким агент спасает ребенка¹⁸, — это важно в силу особенности партикуляризма, согласно которой вполне возможно знать, что *правильно* делать в том или ином случае и без того, чтобы следовать какому-то определенному универсальному правилу или принципу, устанавливающему, почему *правильно* действовать именно так, а не как-то иначе. Поэтому мы делаем акцент на том, что, к примеру, в мире W агент А спасает ребенка P , *непосредственно бросившись за ним в воду*, тогда как в мире W^* агент A^* спасает ребенка P^* *с помощью огромного сачка*.

Далее мы утверждаем, что ни одна УТ не является достаточно чувствительной к тому, чтобы проследить разницу не столько на уровне причин спасения ребенка (как именно его спасает агент А в мире W и агент A^* в мире W^*), сколько на уровне *правильности*, по которой агент А выбирает одну из них, а агент A^* — другую. Иными словами, мы не спрашиваем, правильно или неправильно было спасать тонущего ребенка, поскольку ответ здесь очевиден — да, правильно; но это, как мы могли бы сказать, чисто 'универалистский ответ'. Нам же следует спросить: если то, что сделали агенты А и A^* в мире W и W^* , является правильным, — то есть в этом месте мы понимаем, что у нас уже есть 'универалистская правильность', поэтому мы не должны на ней останавливаться, а должны как бы по этой 'линии правильности' двигаться дальше, — действовал правильно тот, кто бросился в воду, или тот, кто выловил ребенка сачком? УТ здесь видит только максимум, что спасение тонущего ребенка является правильным действием, но не видит тончайшего различия, и даже не задается этим вопросом — как именно его правильно было бы спасти? (В этом самом месте, вероятно, Дерек Парфит бы воскликнул «It's not matter!».) Однако в поле искусства, как мы увидим далее, это имеет очень даже большое значение! Важность представляет именно разница в том, как рисуют художники — они буквально *показывают*¹⁹ это. А поскольку каждый из них рисует по-своему, не важно, что нарисовано, а важно, как это нарисовано (хотя часто нам кажется, что нарисовано что-то совершенно определенное, а именно то, что художник якобы хотел нам сказать, но если бы он хотел что-то сказать, то он бы сказал, а он, очевидно, хотел совершенно иного — он хотел нам что-то показать, а, как извест-

но, между этими двумя действиями огромная разница²⁰). То, как это нарисовано, важно не потому, что нам нужно оценить качество или технические возможности художника, а потому, что *показать* по-другому не получится, показать — это значит собрать в одном месте (на полотне) все относящиеся к данному положению дел элементы, чтобы нам стали видны связи и отношения, в которых эти элементы между собой находятся, поскольку показывание этих связей и отношений дает нам некоторое представление о том, как правильно нужно увидеть мир, изображенный художником на полотне, чтобы понять, как именно он функционирует.

Подведем итог: у агента А в мире W есть нормативная причина броситься в воду, чтобы спасти ребенка P , ибо во всех мирах (при наличии такой возможности) правильно было бы спасти тонущего ребенка. Именно так мы рассуждаем, если находимся в позиции УТ и следуем N1. Здесь чувствуется влияние моральной составляющей, которая сообщает тому, что мы называем 'правильным', большой вес за счет того, что в УТ мы всегда ощущаем колоссальное влияние на нас морального чувства. Однако если вопрос звучит: 'какая нормативная причина по спасению тонущего ребенка P была именно у агента A^* ?', то здесь следовало бы обратиться к так называемым обязательствам, которые в мире W у агента А, безусловно, могли бы быть *любыми* (и здесь уже заметно присутствие некоторой формы партикуляризма). То, что агент А бросился в воду, выбрав именно такой способ спасения тонущего ребенка, говорит нам, что он следует своей собственной нормативной причине, которая могла бы звучать, к примеру, так: всегда оказывай помощь людям, если это не несет для тебя значительных издержек. Когда агент А бросается в воду, то его одежда намокает, однако для него это, по-видимому, не представляет особой проблемы. Напротив, агент A^* считает такой способ неприемлемым, так как, по его мнению, действуя таким образом, он наносит вред себе, поскольку его одежда портится. Поэтому он выбирает для себя иной способ, а именно выловить тонущего ребенка большим сачком, ибо он следует собственной веской причине — никогда и никому не вреди своим действием или бездействием (в том числе и самому себе). И здесь уже видно, что вопрос — как правильно спасти тонущего ребенка? — на самом деле не исходит из каких-то технических моментов, например, что правильно его было бы спасти, бросившись в воду, потому что, следуя этой установке, мы были бы вынуждены утверждать, что агент А все сделал правильно, а агент A^* — неправильно. Не в этом суть, так как нет никакого правильного способа спасать тонущих детей. Следовательно, *одинаково правильно* действовал как агент А, так и агент A^* . Повторяю, мы не можем сказать, что, к примеру, агент A^* совершил плохое действие (использовал сачок), но по хорошей причине (спас ребенка) — так рассуждал бы представитель УТ, поскольку у него есть (или хотя бы предположительно в принципе должно быть) *правило* того, как *правильно* спасать тонущих детей, и это правило является универсальным. Применительно к действиям художников мы можем сказать, что у каждого из них есть своя собственная веская причина действовать так, как он действует. И важно в этом его действии отделить N2 от N1, то есть понять, как для данного конкретного художника правильно рисовать в свете его собственной хорошей, или веской, при-

чины (N2), а не то, что для него было бы правильно, в целом, рисовать и стать художником (N1).

В результате, чтобы *объяснить* действие нам нужно понять, *как* его совершает каждый из агентов в свете знания их веских (нормативных) причин. Как мы выяснили, это становится возможным только в рамках предложенной нами партикуляристской теории.

Примечания

¹ В нашем случае достаточно будет понимать нормативное как то, что указывает на наличие в исполнении некоторого действия веских оснований, или доводов, для его совершения.

² Данный вопрос автоматически отсылает нас к вопросу о дефиниции искусства. Если этот вопрос интересует читателя, то рекомендуем обратиться к сборнику статей, посвященных этому вопросу [1]. В нашем исследовании мы не будем пытаться ответить на этот вопрос, а лишь ограничимся данной рекомендацией.

³ Эта идея может стать предметом отдельного исследования.

⁴ Я благодарю Андрея Викторовича Нехаева за содержательную часть данного мысленного эксперимента, которую он подскзал мне в личной беседе.

⁵ Наглядным примером того, как может работать это утверждение, является *теорема Томаса*, широко известная в социологии: «если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям». Это говорит о том, что восприятия и интерпретации людей прямо влияют на их действия и поведение, поскольку помимо обстоятельств влияние идет еще и от того, какое значение люди придают данной ситуации.

⁶ Приведем здесь точку зрения Элизабет Энском о существовании трех типов мотивов. Заметим, что Энском отвергала концепцию мотивов, согласно которой они являются двигателями человеческих поступков — доказательством этому служит ряд выявленных ошибок, которые, по ее мнению, допускает данная концепция [2, р. 19–20]. Первый тип — это *ретроспективные мотивы*, то есть в качестве мотива упоминается что-то из прошлого. Например, на вопрос: «Почему ты помогаешь ему?», дается ответ: «Потому что несколько лет назад он помог мне». Второй тип — это *интерпретационные мотивы*, или «мотивы-в-общем» (motives-in-general), когда дается некая интерпретация действий, если бы человек, совершивший данное действие, указал бы, в свете чего он это сделал, то есть предложил бы посмотреть на свое действие с определенной точки зрения. Например, на вопрос: «Почему ты вообще решил так поступить?», ответ: «По дружбе». Третий тип — это *проспективные мотивы* (forward-looking motives), когда в качестве мотива указывается что-то в будущем. Такого рода мотив одновременно указывает намерение, с которым действует человек (intention-with-which). Например, на вопрос: «Зачем ты режешь тыкву?», ответ: «Чтобы приготовить ужин». Мы не будем здесь вдаваться в детали, но, согласно Энском, к каждому типу мотивов требуются некоторые уточнения, которые подробно рассматривает в своей очень полезной работе Александр Мишура [3, р. 100–101]. Легко заметить, что Энском выделяет три типа мотивов, соответствующих трем направлениям времени — прошлому, настоящему и будущему, а это значит, что все эти типы мотивов хорошо укладываются в *структуру языка* и в некотором смысле зависят от нее. Также вполне правдоподобным кажется допущение о том, что многие искусствоведы и критики искусства обычно пытаются дать именно мотивированное обоснование произведений искусства, а не нормативное (при этом они часто склонны их смешивать, выдавая мотивированные причины за нормативные), поскольку, как отмечает Энском, «в обиходе 'мотив действия' имеет гораздо более широкое и разнообразное применение, чем 'намерение, с которым было совершено дей-

ствие'» (*курсив мой.* — И. Н.) [2, р. 19]. Кстати, это вполне соответствует тому, что отмечал еще Иммануил Кант, объясняя, как эстетическая идея способна расширить любое понятие разума, приводя в движение способность интеллектуальных идей, давая «воображению повод распространиться на множество родственных понятий, которые позволяют мыслить большее, чем может быть выражено в понятии, определенном словами; они дают *эстетическую* идею, которая служит идее разума вместо логического изображения, в сущности же для того, чтобы оживить душу, открывая ей необозримую область родственных представлений» [4, с. 156–157].

⁷ В отличие от Дэвида Юма, который трактовал понятие причины исключительно в психологическом ключе как *привычку* ожидать определенную последовательность событий на основе прошлого опыта [подробнее см.: 5, с. 80–84]), мы здесь берем иной взгляд на понятие причины, понимаемый в духе Дональда Дэвидсона, а именно как *рациональной способности* ума оперировать связями внутри событий.

⁸ Марсель Дюшан (1887–1968) — французский и американский художник, теоретик искусства, стоявший у истоков дадаизма и сюрреализма.

⁹ Неловкость, о которой идет речь, например, прослеживается в следующем фрагменте текста Дэнси, при прочтении которого складывается такое впечатление, что слова будто запутываются в собственной «одежде», заставляя автора всякий раз «переодеваться»: «...Мы утверждаем, что субъект может действовать по причине (мотивирующей причине), которая не является причиной (то есть не является веской причиной), или что не было причин для совершения им того, что он сделал, даже если он сделал это по какой-то причине» [6, р. 3].

¹⁰ Действительно, у нас часто возникает необоснованное желание объяснять действия и их причины с точки зрения *психологизма*. В этом случае все мотивирующие причины приравниваются к убеждениям агента, а убеждения рассматриваются как *психологические состояния*. Нормативные же причины объявляются *содержанием* такого рода убеждений, а содержание, в свою очередь, сводится исключительно к тому, во что верит агент. Поскольку мотивирующие и нормативные причины как бы соединены друг с другом (с учетом того, что ни одна мотивирующая причина не может быть нормативной причиной, однако здесь соединение данных причин следует рассматривать так, как это делает Джонатан Дэнси, а именно как *принадлежащих одному и тому же роду*), то у нас складывается ложное представление о том, что содержание наших убеждений может быть объяснено просто как «то, во что верят», а не как то, что *должно* представлять собой содержание. Нам следует отказаться от стандартного понимания содержания убеждений как некоторых утверждений, в которые мы верим. Это обусловлено тем, что содержание должно быть способным выполнять две роли: во-первых, оно должно быть веским основанием для действия, а во-вторых, в него должно быть возможно верить или не верить, а также верить, что оно истинно или ложно. В своем стандартном виде ни одному из этих условий содержание убеждений не отвечает [подробнее см.: 6, р. 113].

¹¹ К примеру, Сиджвик пишет: «значительная часть настоящего правильных действий совершается не ради какой-либо цели вне самого действия, а просто потому, что это правильно или хорошо...» [10, р. 60].

¹² Пример немного модифицирован, но в целом совпадает с тем, который Альварез в своей статье использует для различения нормативных и мотивационных причин [8, р. 3297].

¹³ Сальвадор Дали (1904–1989) — испанский живописец, график, скульптор, режиссер и писатель, яркий представитель сюрреализма.

¹⁴ Андре Бретон (1896–1966) — французский писатель и поэт, основоположник и теоретик сюрреализма, автор Первого Манифеста сюрреализма 1924 года.

¹⁵ Павел Филонов (1883–1941) — русский художник-авангардист (называл себя «художником-исследователем»), педагог,

поэт, создатель оригинальной концепции 'аналитического искусства'.

¹⁶ Обычно первое, что отличает эти два вида причин, — это эмпирическая возможность наблюдать *causa*, в отличие от *reason*, как причину некоего состояния или события, способную регулярно и законосообразно производить другое событие, или действие. Например, один бильярдный шар ударяет другой, заставляя его катиться, или если я хочу есть, это заставляет меня (мое тело) встать и направиться к холодильнику. Очевидно, здесь ключевым вопросом является: 'что вызвало это движение тела?'. Но есть еще и другой вид причин — это *reason*, или иногда ее называют 'основанием', то есть это такая причина, которая рационализирует действие. Поэтому основание всегда строится на субъективной рациональности агента и отвечает на вопрос: 'почему агент считал это действие оправданным?'. Например, я направляюсь к холодильнику и открываю его. Согласно Дэвидсону, основанием для этого является то, что у меня есть желание (1), я хочу пить, и у меня есть убеждение (2), что сок стоит в холодильнике. Любое основание является причиной, но не всякая причина является основанием. Например, если кто-то приложил к моей руке провод и меня ударило током, а моя рука в этот момент отскочила и ударила вас — это не основание для действия, а причина движения моей руки. Второе, что важно понять в различении этих двух видов причин, как пишет Энском, что «нельзя сказать, что раз в тексте упоминается нечто предшествующее действию, то это будет скорее причиной (*causa*), чем основанием (*reason*); ведь, если спросить: 'Почему ты его убил?', ответ: 'Он убил моего отца', безусловно, будет основанием, а не причиной, но то, как это упоминается в тексте, предшествует действию» [2, р. 10].

¹⁷ Тем не менее кто-то может заметить, что в свете обозначенного различия между двумя видами причин (как *reason* и как *causa*) не ясно, куда следует отнести, например, семантические и семантические аспекты, которые сами являются внутренними конструкциями и не имеют прямого отношения к внешним материальным вещам. Ответом, по-видимому, может служить отсылка к так называемой 'ментальной причинности', которую очень подробно разбирает Энском [2, р. 16–18]. Как известно, вопросы смешения и дихотомии психического и физического на онтологическом уровне затрагивали многие исследователи от Декарта до Парфита, и здесь мы, конечно, не будем на этом останавливаться. Скажем только, что для наших целей особенно важно, следуя Энском, тонко различать мотивы и причины (как *causa* и как *reason*), а также все, что относится к психологической, или ментальной, причинности, поскольку, если это сознательно не разделять между собой, разум склонен, мгновенно смешивая эти позиции, давать одинаковые ответы на совершенно, казалось бы, разные ситуации, что в дальнейшем ведет к нелогичным и неправдоподобным выводам, таким, например, как естественно возникающее представление о 'мотиве' (то, что касается наивной концепции) — это то, что движет, то есть буквально 'то, что вызывает действие' человека. Как мы уже отмечали, это не так, или очень часто не так, поскольку мотивы, прежде всего, склоняют нас к такому объяснению, которое касается исключительно материальных причин.

¹⁸ Здесь мы будем придерживаться точки зрения, что наши беским причинами являются не утверждения (*propositions*) и не убеждения (*believes*), а положение дел (*states of affairs*). Это делается для того, чтобы подчеркнуть важность учитывания обстоятельств и нашей роли в их переосмыслении, когда речь идет о нормативных основаниях. Допустим, что моя способность к языкам дает мне повод заняться переводческой деятельностью, — но это положение дел, которое является частью мира, а не моим собственным убеждением. В этом же смысле спасение тонущего ребенка — это не утверждение и не убеждение, а именно положение дел в мире. Томас Скэнлон, например, так не считает. Он, в частности, отмечает, что «основаниями являются те же самые вещи, которые могут со-

ставлять содержание убеждений — можно сказать, утверждения» [13, р. 57]. Он предлагает взглянуть на факт обоснованности некоторого убеждения как на 'указание в пользу'; и с этим, безусловно, можно согласиться. Предполагается, что в суждении 'X является основанием для совершения действия A' в этом качестве, или лучше сказать, в этом отношении, выступает связь 'в пользу' между X и совершением действия A. Однако в этом случае, как утверждает Скэнлон, такая связь будет 'неестественным фактором', поскольку факт этой связи не является ни фактом нашей психики, ни эмпирическим фактом о мире вне нас: «принятие X в качестве основания для совершения действия A означает наличие особого, чувствительного к суждениям отношения (отличного от убеждения) к X и A, а именно отношения 'принятия X в пользу совершения действия A'» [13, р. 58]. Соответственно, Скэнлон признает наличие нормативного основания только как 'неестественного', сохраняя, таким образом, субъективную, агент-ориентированную точку зрения 'из убеждения'.

¹⁹ В духе Витгенштейна: §4.1212 «То, что может быть показано, не может быть сказано» [14, с. 25].

²⁰ Очень часто (особенно в повседневной жизни) мы сталкиваемся с тем, что в некоторых ситуациях нам требуется не просто что-то сказать, а выразить определенное *положение дел*, — однако другой человек это может услышать всего лишь как некое *утверждение* (*proposition*). Для того, чтобы лучше ощутить разницу между этими форматами выражения, остановимся на нескольких примерах. У нас есть множество самых разных определений пропозиции, но мы остановимся на двух: первое, что пропозиция может быть выражена либо в утвердительной, либо в изъявительной, форме предложения и, соответственно, то, что выражает такое предложение, служит различием наборов *двух возможных миров*, в каждом из которых оно является либо истинным, либо ложным. Например, фраза 'В январе в Сибири лежит снег' определяет пропозицию, характерную для класса миров, в которых это предложение истинно. Второе, такое понимание пропозиции, в котором она рассматривается как *абстрактный объект*, обладающий структурой утвердительного предложения. Фраза 'В январе в Сибири лежит снег' показывает нам структуру, собранную из таких элементов, как время года 'январь', 'Сибирь' и 'лежащий снег', а также связи между ними, благодаря которой делается утверждение, что в январе в Сибири лежит снег, представляющее собой конструкцию соответствующей формы (утвердительной) предложения. Возникает вопрос: являются ли обе точки зрения подходящими основаниями для действия? Очевидно, что нет, поскольку в первом случае, класс возможных миров вряд ли способен сделать рассматриваемое нами действие разумным или правильным, равно как и во втором случае, абстрактный объект, передающий структуру утвердительного предложения, никак не помогает нам в этом деле. Скорее, это — неправильный тип объектов [подробнее об этом см.: 6, р. 149]. Чтобы было понятно (для сравнения), причинами действия являются: мое сострадание; его самодовольство; то, что на улице идет дождь; текущее положение дел на рынке недвижимости и т. д. Конечно, можно сказать, что «То, что на улице идет дождь, заставило меня надеть сапоги, но то, что 'на улице идет дождь' — это, безусловно, пропозиция». Однако мы не можем утверждать при этом, что пропозиция — это то, что заставило меня надеть сапоги. Также я могла бы сказать, что «отлично сыгранный мною ноктюрн Шопена является следствием ежедневного труда и вдохновения и то, что 'ноктюрн отлично сыгран', — это является пропозицией», но мы бы снова получили что-то вроде лингвистического каламбура, если бы из этого сделали вывод, что пропозиция была следствием моего ежедневного труда и вдохновения. Естественной реакцией сопротивления сказанному, наверное, было бы замечание, что беским основаниями являются не сами утверждения, а только истинные утверждения. Однако мы не пытаемся здесь размышлять с точки зрения истины или лжи, поскольку это, на наш взгляд,

самый неподходящий и поверхностный способ говорить о правильных действиях; мы следуем здесь метафизическим соображениям, в свете которых истина нисколько не лучше лжи. Согласно Алвину Плантинге, есть огромная разница между тем, что *случается* в мире (положение дел), и тем, что *является истинным или ложным* [подробнее см.: 15, р. 45–46]. Между двумя этими состояниями лежит огромная онтологическая пропасть. Чтобы быть истинными, вещи должны быть в некотором смысле репрезентированными, то есть они должны быть представлены теми, кто их репрезентирует, как истинные. Но ни одна репрезентация сама по себе не может быть веским основанием для действия. Мы можем говорить о существующей репрезентации только с учетом множества других признаков, с необходимостью ей принадлежащих — таких, например, как непристойность, справедливость, отставание от графика дел и т. д.

Список источников / References

1. Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. 320 с.
2. Amerikanskaya filosofiya iskusstva: osnovnyye kontseptsii vtoroy poloviny XX veka — antiessentsializm, pertseptualizm, institutsionalizm. Antologiya. Yekaterinburg; Bishkek, 1997. 320 p. (In Russ.).
3. Anscombe G. E. M. Intention. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2000. 94 p. («Гарвардское университетское издательство (Harvard University Press) внесено в реестр нежелательных организаций на территории Российской Федерации).
4. Mishura A. The concept of intention in anscombe's philosophy of action. *Russian Sociological Review*. 2018;17(2):87–114. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-87-114>. EDN: UZCSCM.
5. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya / пер. с нем. М. И. Левиной. Москва: Чоро, 1994. 414 с.
6. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya / trans. from Germ. M. I. Levina. Moscow, 1994. 414 p. (In Russ.).
7. Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С. Церетели, В. Васильева, В. Швырева // сочинения в 2-х т. Москва: Мысль, 1996. Т. 1. 733 с.
8. Yum D. Traktat o chelovecheskoy prirode / trans. from Engl. S. Tsereteli, V. Vasil'yev, V. Shvyrev // Essays in 2 vols. Moscow, 1996. Vol. 1. 733 p. (In Russ.).
9. Dancy J. Practical Reality. Oxford: Oxford University Press, 2000. 187 p.
10. Smith M. The Moral Problem. Oxford: Blackwell, 1994. 227 p.
11. Alvarez M. Reasons for Action, Acting for Reasons, and Rationality. *Synthese*. 2018;195(8):3293–3310. <https://doi.org/10.1007/s11229-015-1005-9>.
12. Davidson D. Actions, Reasons, and Causes // Essays on Actions and Events. Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 3–19.
13. Sidgwick H. The Methods of Ethics. London: Macmillan and Co, 1874. 508 p.
14. Parfit D. On What Matters. Part 1. Oxford: Oxford University Press, 2011. 540 p.
15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва: ВШЭ, 2014. 384 с. ISBN 978-5-7598-0819-0. EDN: SYZVMJ.

Latur B. Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu. Moscow, 2014. 384 p. ISBN 978-5-7598-0819-0. EDN: SYZVMJ. (In Russ.).

13. Scanlon T. What We Owe to Each Other. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. 420 p. («Гарвардское университетское издательство (Harvard University Press) внесено в реестр нежелательных организаций на территории Российской Федерации).

14. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. М. Козловой, Ю. Асеева // Философские работы. Часть 1. Москва: Гнозис, 1994. С. 1–73.

Vitgenshteyn L. Logiko-filosofskiy traktat / trans. from Germ. M. Kozlova, Yu. Aseev // Philosophical Works. Part 1. Moscow, 1994. P. 1–73. (In Russ.).

15. Plantinga A. The Nature of Necessity. Oxford: Clarendon Press, 1974. 266 p.

Информация об авторе:

НЕХАЕВА Ираида Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

SPIN-код: 4725-8042

AuthorID (РИНЦ): 499225

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6828-106X>

ResearcherID: N-5790-2019

e-mail: i.n.nekhaeva@utmn.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 01.07.2026; одобрена после рецензирования 24.07.2026; принята к публикации 07.09.2026.

Information about the author:

NEKHAIEVA Iraida Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Philosophy, Media, and Journalism Department, University of Tyumen, Tyumen.

SPIN-code: 4725-8042

AuthorID (RSCI): 499225

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6828-106X>

ResearcherID: N-5790-2019

e-mail: i.n.nekhaeva@utmn.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 01.07.2026; approved after reviewing 24.07.2026; accepted for publication 07.09.2026.

УДК/UDC 179

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-80-95>

EDN: LEIKZQ

Научная статья / Original article

ЦИФРОВЫЕ ДВОЙНИКИ И ПРОДЛЕНИЕ ЖИЗНИ: ЧТО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВАЖНО?

С. Иглесиас¹, Б. Д. Йорп¹, К. Войнеа¹, С. П. Манн¹,
А. Захиу², Н. С. Джекер³, Дж. Савулеску¹

¹Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания

²Бухарестский университет, Бухарест, Румыния

³Вашингтонский университет, Вашингтон, США

Перевод с английского

А. В. Антипов

Институт философии Российской академии наук,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

 nelson02@yandex.ru

Продолжаются непрекращающиеся дискуссии об этике исследований в области продления жизни: в общих чертах, речь идет о применении медицинских технологий для увеличения биологической продолжительности человеческой жизни, за пределы существующего 'естественного' предела примерно в 120 лет. Одновременно наблюдается стремительный рост интереса к использованию искусственного интеллекта для создания 'цифровых двойников' людей, например, с помощью тонкой настройки больших языковых моделей на данных, относящихся к конкретным индивидам.

В работе мы исследуем вопрос о том, могут ли цифровые двойники (или, как мы их называем, цифровые доппельгангеры) стать путем к своего рода продлению жизни, или, точнее, продлению личности, которое не опирается на биологическую непрерывность. Мы рассматриваем соответствующие концепции сознания и тождества личности и доказываем, что цифровые доппельгангеры могут помочь нам достичь, по крайней мере, некоторых целей или предполагаемых благ, связанных с продлением существования личности, даже если они, согласно доминирующим философским подходам, не могут считаться буквальным продолжением нашей самости. Мы также принимаем во внимание *реляционные* концепции тождества личности и обсуждаем, каким образом цифровые доппельгангеры могут продлевать личность в реляционном смысле или сохранять некоторые блага, связанные с важными отношениями.

В заключение мы утверждаем, что исследовательская программа по изучению подобных вопросов актуальна для продолжающихся обсуждений об этике увеличения продолжительности человеческой жизни.

Ключевые слова: старение, цифровые двойники, цифровые близнецы, продление жизни, исследования долголетия, искусственный интеллект

Для цитирования: Иглесиас С., Йорп Б. Д., Войнеа К., Манн С. П., Захиу А., Джекер Н. С., Савулеску Дж. Цифровые двойники и продление жизни: что по-настоящему важно? = Iglesias S., Earp B. D., Voinea C., Mann S. P., Zahiu A., Jecker N. S., Savulescu J. Digital Doppelgängers and Lifespan Extension: What Matters? / пер. с англ. А. В. Антипова. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 3. С. 80–95. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-80-95>. EDN: LEIKZQ.

© Иглесиас С., Йорп Б. Д., Войнеа К., Манн С. П.,
Захиу А., Джекер Н. С., Савулеску Дж., Антипов А. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

DIGITAL DOPPELGÄNGERS AND LIFESPAN EXTENSION: WHAT MATTERS?

S. Iglesias¹, B. D. Earp¹, C. Voinea¹, S. P. Mann¹,
A. Zahiu², N. S. Jecker³, J. Savulescu¹

¹University of Oxford, Oxford, UK

²University of Bucharest, Bucharest, Romania

³University of Washington, Washington, USA

Translated from English

A. V. Antipov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Goncharenko St., 12, bld. 1, Moscow, 109240, Russia

 nelson02@yandex.ru

There is an ongoing debate about the ethics of research on lifespan extension: roughly, using medical technologies to extend biological human lives beyond the current 'natural' limit of about 120 years. At the same time, there is an exploding interest in the use of artificial intelligence to create 'digital twins' of persons, for example by fine-tuning large language models on data specific to particular individuals.

In this paper, we consider whether digital twins (or digital doppelgängers, as we refer to them) could be a path toward a kind of life extension — or more precisely, a kind of *person* extension — that does not rely on biological continuity. We discuss relevant accounts of consciousness and personal identity and argue that digital doppelgängers may at least help us achieve some of the *aims* or ostensible goods of person-span extension, even if they may not count as literal extensions of our personhood on dominant philosophical accounts. We also consider *relational* accounts of personhood and discuss how digital doppelgängers may be able to extend personhood in a relational sense, or at least secure some of the goods associated with relevant relationships.

We conclude by suggesting that a research program to investigate such issues is relevant to ongoing debates about the ethics of extending the human lifespan.

Keywords: aging, digital duplicates, digital twins, life extension, longevity research, Artificial Intelligence

For citation: Iglesias S., Earp B. D., Voinea C., Mann S. P., Zahiu A., Jecker N. S., Savulescu J. Digital Doppelgängers and Lifespan Extension: What Matters? / trans. from Engl. A. V. Antipov. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(3):80–95. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-80-95>. EDN: LEIKZQ. (In Russ.).

© Iglesias S., Earp B. D., Voinea C., Mann S. P.,
Zahiu A., Jecker N. S., Savulescu J., Antipov A. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Этика и регулирование исследований в области продления человеческой жизни представляют собой тему, связанную с растущим к ней интересом и сопутствующими дискуссиями [1–3]. В условиях ограниченных доступных ресурсов возникают важные вопросы о том, как оптимальным образом составлять приоритеты и распределять финансирование. Ключевое противоречие заключается в выборе между инвестициями в технологии продления жизни и преодоления существующего естественного предела, составляющего приблизительно 120 лет, и сосредоточением усилий на повышении качества жизни в рамках типичной человеческой продолжительности жизни [4].

Для обсуждения подобных компромиссов необходимо, однако, прежде всего понимать, что именно сторонники продления жизни стремятся продлевать. В статье мы утверждаем, что термин

'продление жизни' может быть ошибочным: в конечном счете сторонники продления жизни интересуют не столько пролонгирование жизни (то есть продолжение биологического функционирования), а скорее, как мы предполагаем, их истинной целью является продление собственного Я как переживающей опыт самости с определенной идентичностью, жизненными проектами, социальными связями и т. д. Более того, возможно, что человеческое Я лишь *контингентным* образом воплощено в биологической форме.

Например, хотя это и крайне умозрительно, в будущем может стать возможным загрузить все релевантные функциональные элементы центральной нервной системы на компьютерный чип и таким образом продолжить свое сознательное восприятие и ощущение самости в цифровой форме. В этом случае, согласно некоторым точкам зрения, индивид сможет продлить существование сво-

ей личности, или, грубо говоря, свою ментальную жизнь, при этом не обязательно продлевая физическую или биологическую жизнь.

Тем не менее данная возможность также является крайне спорной и, вероятно, она не станет осуществимой в обозримом будущем, если вообще станет когда-либо реализуемой. Поэтому, возможно, имеет смысл пойти еще глубже и спросить, почему кто-либо может желать продлить то, что мы называем *существованием личности* (*person-span*)? Существуют различные потенциальные причины, по которым индивиды могут стремиться к этому, и мы не претендуем на исчерпывающую типологию. Чтобы сохранить фокус нашего анализа, мы рассмотрим три основные причины:

Цель 1: **Опыт:** продолжать испытывать субъективный сознательный опыт, особенно когда он является позитивным или важным.

Цель 2: **Наследие/Влияние:** оставить прочный вклад, добиться признания ценности своей жизни и ее влияния на жизни других людей, а также участвовать в формировании будущего. Данная мотивация связана не с субъективным опытом самого человека, а с его посмертным влиянием на общество, отдельные сообщества в нем или мир в целом.

Цель 3: **Отношения:** обеспечить устойчивое благополучие конкретных близких людей и развивать особые отношения с ними: в первую очередь с теми, о ком человек заботился, например, о его любимых людях. В данном случае мотивация направлена не на общество, отдельные сообщества в нем или мир в целом, а на благо конкретных индивидов, с которыми человека связывала та или иная форма близости.

При современном уровне технологий обеспечение всех трех потенциальных целей продления существования личности (сохранение субъективного опыта, создание прочного наследия или воздействия на мир, а также поддержание важных отношений) требует достижений в области биологического продления жизни, которые, как мы предположили, маловероятны в ближайшей перспективе. Поэтому в данной статье мы сосредоточимся на ином способе реализации если не самого продления нашей подлинной личности в строгом философском смысле, то, по крайней мере, некоторых из глубинных целей, которые, как мы предполагаем, и составляют значительную часть смысла подобных устремлений. В частности, мы исследуем, как вторая и третья цели, касающиеся наследия и отношений, могут быть реализованы посредством создания *цифрового допсельгангера*.

Хотя для создания подобного допсельгангера как в настоящее время, так и в будущем могут применяться различные методы, мы сосредоточимся на актуальном и весьма показательном примере: использовании так называемой персонализированной большой языковой модели (LLM).

Речь идет о виде искусственного интеллекта, обычно представленного в форме чат-бота, который был тонко настроен на обширном массиве данных, специфичных для конкретного человека, что позволяет ему «вести беседу» в стиле и с содержанием, поразительно схожими с самим этим человеком [5; см. также: 6; 7].

В случае успешной реализации такой чат-бот смог бы пройти так называемый 'Персонализированный тест Тьюринга' [8, 9]: иными словами, располагая лишь лингвистическими данными, было бы невозможно отличить выше вероятности случай-

ного угадывания, ведется ли разговор с индивидом или с его цифровым 'двойником'.

Для ясности уточним, мы не станем отстаивать точку зрения, согласно которой цифровой допсельгангер, будь то на основе большой языковой модели или иной технологии, с необходимостью представляет собой форму продления существования личности. Вопрос о том, является ли он таковым или может им быть, отчасти зависит от принятой философской теории личности, и мы воздержимся от суждений о том, какая теория является верной или наиболее обоснованной. Вместо этого мы предполагаем, что цифровой допсельгангер потенциально способен способствовать достижению, по крайней мере, некоторых из главных *целей* или обеспечению предполагаемых *благ*, связанных с продлением собственного 'Я' во времени (например, за пределы нынешних биологических ограничений), даже если сам по себе он не может квалифицироваться как продление существования личности.

Если говорить конкретнее, то, хотя цифровые допсельгангеры, скорее всего, не достигают Цели 1 — а именно, сохранения ценного *субъективного опыта*, — они могут, как мы предполагаем, по крайней мере, частично обеспечить блага, связанные с Целями 2 и 3: теми, что относятся к жизненным проектам, наследию или влиянию человека, а также к определенным аспектам его межличностных отношений. Например, цифровой допсельгангер мог бы продолжить писать роман, который человек не успел завершить из-за прогрессирующих симптомов болезни Альцгеймера перед смертью; или же человек, посредством своего цифрового допсельгангера, мог бы, в некотором смысле, продолжать беседы с друзьями и близкими, тем самым способствуя поддержанию (определенных аспектов) важных отношений [10, 11].

Как показывают уже приведенные примеры и как будет подробнее рассмотрено далее, точный смысл, в котором цифровой допсельгангер может быть признан реализующим определенные цели, например завершение романа или продолжение беседы, не является однозначным. Человеческой личности присущи агентность, интенциональность, воображение и (с различными досадными исключениями) стремление к истине и смыслу. У больших языковых моделей, напротив, ничего из этого нет, или, по крайней мере, именно так считается [12]. Соответственно, говоря, что *роман написан* человеком-автором (продолжая этот пример), мы обычно не имеем в виду, что он, подобно зомби, напечатал очень длинную последовательность слов, которая случайным образом сложилась в повествование. Скорее, мы подразумеваем, что он *намеревался* создать при помощи слов историю; что эта история передает определенные смыслы, и так далее. Истории, написанные большими языковыми моделями, этого не делают [13].

Но теперь предположим, что наш автор тщательно обучает или дообучает модель на всех своих предыдущих произведениях, включая, допустим, первые 80 % своего большого заключительного романа — романа, который он, как ему известно из-за недавнего диагностирования болезни Альцгеймера, скорее всего, не сможет завершить. Предположим далее, что до того, как его переведут в дом престарелых, где он проведет остаток своих дней и больше не будет писать, он подготавливает подробный план последних 20 % романа: того, как он *намере-*

вался его закончить. Допустим, он вводит этот план в модель в качестве финального 'промпта', ожидающего исполнения, с примечанием, в котором выражает желание, чтобы его супруга запустила модель в случае его кончины.

А теперь предположим, что автор умирает; его супруга запускает модель; персонализированная большая языковая модель выполняет свою задачу. Допустим, она генерирует заключительные 20 % романа в собственном стиле автора и в соответствии с его заранее определенным планом, так что конечный результат представляет собой нечто, что сам автор, будь он живой и без симптомов болезни, *признал бы* удовлетворительным завершением книги.

Что можно сказать об этих 20 %? Хотя было бы правильно заключить, что сама большая языковая модель (в данном примере цифровой допфельгангер автора) не имела *намерения*, чтобы история получилась именно такой; и она также не использовала *собственную* агентность или воображение для передачи какой-либо истины или смысла, все же возможно, что намерения, смыслы и общие цели *автора* в отношении книги были в значительной степени реализованы. Это объясняется тем, что автор использовал персонализированную модель, обученную на его собственных прошлых текстах, то есть материале, который с высокой долей вероятности содержит его предыдущие коммуникативные усилия, интенции, идеи, мастерство, творчество, воображение и так далее [14], а также ряд инструкций, явным образом закодировавших его желания и планы на будущее. Поскольку эти характеристики дообученной модели, отражающие авторскую личность, сыграли значительную роль в формировании последних 20 % романа так, что автор гипотетически одобрил бы их, кажется правомерным утверждать, что посредством своего цифрового допфельгангера он посмертно 'завершил' свой роман.

Именно такого рода идею мы имеем в виду, говоря о том, что цифровой допфельгангер способен реализовывать определенные виды целей.

Разумеется, в нашем примере было бы предпочтительнее, если бы автор мог завершить свой роман, так сказать, полностью самостоятельно. Это был бы *наилучший* способ достижения блага, связанного с написанием этой последней книги. Однако, учитывая разрушительное воздействие болезни Альцгеймера и преждевременную кончину автора, наилучший путь оказался недоступен. Таким образом, мы полагаем, что *даже если* кто-то настаивает на том, что цифровой допфельгангер автора никоим образом не является буквальным продолжением его личности, все же может показаться справедливым утверждение, что он способствовал достижению, пусть и второстепенным образом, конечного блага, а именно — завершения книги.

Мы полагаем, что подобная логика должна применяться и к проектам по продлению жизни. Перед лицом ограниченных ресурсов нам следует рассмотреть, каким образом цифровые допфельгангеры могут выступать в качестве альтернативного, возможно, менее совершенного, но все же ценного, средства достижения, по крайней мере, некоторых из тех целей, которые, как мы предполагаем, вероятнее всего, и мотивируют стремление к увеличению продолжительности жизни (или, как мы это называем, существования личности). Например, возможно, что инвестиции в технологические и этические исследования в области цифровых допфельгангеров

должны получать со стороны правительств более высокий приоритет, чем это имеет место в настоящее время, по крайней мере, среди тех, кто уже финансирует проекты по продлению жизни (при условии, что такие расходы оправданны, что может как соответствовать, так и не соответствовать действительности, но мы не будем рассматривать эту более широкую проблему здесь).

Для обоснования данного тезиса мы начнем с представления концепции цифровых допфельгангеров и последних достижений в области генеративного искусственного интеллекта, в частности, больших языковых моделей, а также разрастающейся подобласти персонализированных больших языковых моделей. Затем обратимся к философской литературе о сознании и тождестве личности, чтобы оценить, может ли, и в каком смысле, цифровой допфельгангер рассматриваться как продолжение личности или, если это не так, по крайней мере, как средство достижения некоторых из *целей*, которые обычно связаны со стремлением к такому продлению. Далее, прежде чем завершить данное эссе, мы рассмотрим ряд недостатков и потенциальных сложностей.

Что такое цифровые допфельгангеры?

Термин 'допфельгангер' (от нем. *doppelgänger* — букв. 'двойник') обычно используется для обозначения биологически не связанного человека, который выглядит и/или ведет себя очень похоже на другого человека. Цифровой допфельгангер, как мы используем этот термин, — это программа искусственного интеллекта, созданная для максимально точного воспроизведения личности, идиосинкразических характеристик (включая стиль речи или письма), решений, моральных суждений, воспоминаний и другого поведения данного индивида, которое может быть выражено в лингвистической форме. Мы говорим о 'лингвистическом' поведении, потому что, хотя в скором времени может стать возможным воплощать цифровых допфельгангеров в убедительно реалистичных роботах с синтетическими физическими чертами и движениями, напоминающими имитируемого человека, соответствующие технологии для этого остаются на ранней стадии разработки. Напротив, создать чисто программный допфельгангер в стиле чат-бота уже возможно как в формате только текста, так и в аудиоформатах, включающих имитацию голоса [15]. Также возможно создать убедительный 'дипфейк' лица человека, который можно отображать на экране компьютера и синхронизировать с его речевыми паттернами, создавая впечатление, будто вы разговариваете с человеком по видеосвязи [15]; однако полностью воплощенные роботизированные допфельгангеры пока недоступны [подробнее см.: 16].

Идея цифрового допфельгангера все больше захватывает общественное воображение через художественные образы в романах, таких как *Клара и Солнце* Исигуро, и популярные нарративы, вроде *Мира дикого Запада* (HBO) и *Черного зеркала* (Netflix). Появляются и реальные прототипы. Например, приложение HereAfterAI проводит длительные интервью с пользователями и побуждает их вспоминать истории, чтобы создать цифровой аналог, способный отражать их убеждения, желания и воспоминания [17]. Другое приложение, Replika, специализируется на создании виртуальных репрезентаций людей [18]. Возможно, наиболее актуальным для настоящих целей является сервис YOV

(*You, Only Virtual*), который предлагает услугу, помогающую «продолжать делиться драгоценными моментами с любимым человеком даже после физической смерти» [19].

По словам Эндрю Каплана, из числа первых пользователей HereAfterAI, который в возрасте 78 лет хотел стать одним из первых 'цифровых людей': «Для меня это вопрос истории, своего рода ограниченного бессмертия, которое создает интимный личный опыт для моих будущих родственников, которые захотят узнать, откуда они произошли» [цит. по: 20]. Основательница Replika Евгения Куйда изначально создала компанию после того, как ее друга Романа Мазуренко сбила машина, а водитель скрылся. Куйда отметила, что ответы цифрового допфельгангера Мазуренко, созданного технологией ее компании, были «точными», а «возможность вернуться к нему, продолжать общение, которое у нас было раньше, была своего рода терапией» [цит. по: 21]. Джеймс Влахос утверждает, что он регулярно взаимодействует с цифровым допфельгангером своего покойного отца, названным 'Папаботом': «Мне очень нравится, что он может чувствовать себя более вовлеченным в мою жизнь, проявлять те черты своей личности, которые я так люблю» [цит. по: 21].

Хотя сама концепция не ограничивается каким-либо одним способом реализации, в данной работе мы сосредоточимся конкретно на цифровых допфельгангерах, основанных на персонализированных больших языковых моделях. Большие языковые модели представляют собой тип генеративного искусственного интеллекта, который использует комбинацию глубинного обучения, трансформерной архитектуры и предварительного обучения на больших объемах данных естественного человеческого языка для прогнозирования следующего токена (короткого слова или фрагмента более длинного слова) в последовательности токенов (предложений, абзацев и т. д.).

Поскольку они обучаются на значительной части всего написанного человеком текста, передовые большие языковые модели, такие как Anthropic's Claude 3, OpenAI's GPT-4, а также открытые модели, наподобие LLaMA 2, демонстрируют высокий уровень общей производительности в решении разнообразных задач [22].

Несмотря на высокую эффективность, эти общие модели часто уступают моделям, адаптированным к конкретным задачам посредством процесса, известного как 'тонкая настройка' (fine-tuning) [23]. Этот процесс предполагает использование более специфического набора данных для обучения общей модели, в результате чего она сохраняет свою общую статистическую модель языковых паттернов человека (усвоенную в ходе первоначального обучения на общих наборах данных), но при этом генерирует выводы, на которые также влияют паттерны из этого более специфичного набора данных. Например, тонко настроенные модели могут использоваться для более точного, чем общие модели, анализа клинических записей врачами [24]. Другой подход к адаптации общих моделей, известный как 'генерация, дополненная извлечением' (retrieval-augmented generation, RAG) [25], заключается в предоставлении им доступа к специализированной базе знаний, например, набору файлов PDF, чтобы они могли напрямую использовать информацию, содержащуюся в этих внешних базах знаний, при составлении ответов на запросы.

В последнее время все больше обсуждается особый тип таких кастомизированных больших языковых моделей, как *персонализированные* большие языковые модели [26]. Это тонко настроенные большие языковые модели, обеспеченные базами знаний, относящимися к текстам, написанным конкретным индивидом или о нем (включая транскрипты устной речи). Было показано, что такие модели способны давать ответы на вопросы [27] и создавать академические тексты [5] в стиле авторов, на чьих статьях и книгах они обучались. Персонализированные большие языковые модели могут использоваться для самых разных целей, включая предсказание предпочтений в медицинском лечении в случаях, когда недееспособный человек не оставил заранее выраженных указаний [28].

В данной работе мы утверждаем, что способность персонализированных больших языковых моделей убедительно имитировать ответы индивидов, пусть даже в настоящее время и с разной степенью надежности, открывает интригующие возможности для создания на их основе цифровых допфельгангеров. Путем тонкой настройки большой языковой модели, дополненной методом извлечения, обученной на основе надлежащим образом авторизованного текста, произведенного конкретным индивидом и/или его описывающего, может быть создана модель, способная реагировать способами, сходными с этим индивидом [6, 7]. В зависимости от качества и полноты обучающих данных, а также базовой модели, такая большая языковая модель-допфельгангер могла бы генерировать новые выводы, отражающие знания, личность и уникальные паттерны мышления и самовыражения этого индивида.

Прежде чем продолжить, следует признать наличие существенного возражения. Может быть выдвинуто предположение, что большие языковые модели плохо подходят для наших целей, поскольку они склонны продуцировать грамматически правильные, но фактически или логически сомнительные выводы: феномен, известный как 'конфабуляция' (иногда также называемый *галлюцинациями*). Например, недавно было обнаружено, что судебные документы содержат «фальшивые судебные решения с вымышленными цитатами и внутренними ссылками», поскольку юристы небрежно полагались для их составления на такие инструменты, как ChatGPT [29]. В другом примере несколько ведущих больших языковых моделей некорректно сообщали, что слово 'strawberry' содержит только две буквы 'r' [30]. Так что может возникнуть вопрос: если на большие языковые модели нельзя положиться в точном представлении судебных решений или даже правописании простых слов, то почему кто-либо должен думать, что они смогут точно представить, или даже убедительно имитировать, нечто столь сложное и многогранное, как личность?

У нас есть три кратких ответа на это возражение. Во-первых, несмотря на то что это является серьезной проблемой, она может быть лишь временной. Вероятно, что большие языковые модели продолжают свой быстрый прогресс за счет сочетания увеличения размеров моделей и методов снижения конфабуляции: хорошо финансируемые компании, стоящие за большими языковыми моделями, имеют серьезный стимул решать самые известные проблемы, преследующие их основной продукт. Так, например, уровень галлюцинаций между GPT-3.5 (2022) и GPT-4 (2023), по различным оценкам, снизился на 11 % [31]; и, хотя возможно существо-

вание внутреннего предела этому прогрессу, которого можно разумно или экономически оправданно достичь в этих вопросах, в настоящее время есть тренд на продолжающееся улучшение.

Наш второй ответ заключается в том, что, по крайней мере, некоторая степень конфабуляции может быть не столь уж нежелательной при рассмотрении всех обстоятельств. В конце концов мы, люди, тоже иногда конфабулируем, и это может отражать определенные аспекты нашей когнитивной архитектуры, которые, возможно, стоит сохранить. Как отмечают Пейджи Суи и его соавторы [32], конфабуляция больших языковых моделей может рассматриваться как отражение «человеческой склонности использовать повышенную нарративность в качестве когнитивного ресурса для осмысления и коммуникации», предполагая, возможно, контринтуитивно, «что склонность больших языковых моделей к конфабуляции может быть тесно связана с их позитивной способностью к генерации связанного нарративного текста» [32, р. 1]¹. Таким образом, хотя мы признаем, что конфабуляция может быть проблемой для задач, связанных с извлечением фактических знаний, мы оставляем возможность того, что причины конфабуляции могут оказаться сильной стороной, когда речь идет о создании убедительных и оригинальных человекоподобных ответов.

Наконец, наш третий ответ заключается в том, что обоснованность наших основных аргументов не зависит от текущих конкретных возможностей больших языковых моделей. Скорее, мы используем технологию больших языковых моделей в качестве доказательства концепции, демонстрируя, что уже сегодня возможно создавать достаточно точных цифровых допсельгангеров с помощью определенного типа искусственного интеллекта (ИИ) современного уровня развития. Что будет возможно с ИИ завтрашнего дня, будь то на основе больших языковых моделей или иных технологий, вопрос умозрительный; поэтому мы постарались сформулировать наши аргументы на таком уровне, который может учитывать целый спектр правдоподобных технологических достижений в этой области.

Итак, с учетом всего вышесказанного, мы перейдем к следующему разделу. В нем мы обратимся к философской литературе о тождестве личности и сознании, чтобы оценить, в какой степени можно утверждать, что основанный на основе ИИ цифровой допсельгангер представляет собой продолжение 'Я' или личности индивида. В конечном счете мы воздержимся от определенных суждений по этому философскому вопросу, но выдвинем тезис о том, что некоторые цели или предполагаемые блага от подобного рода расширения существования личности могут быть отчасти реализованы путем создания цифрового допсельгангера. При обосновании этого тезиса мы рассматриваем возможность того, что *эгоистическая забота* о 'судьбе' своего цифрового допсельгангера может быть рациональной; а также исследуем, может ли существовать *неэгоистическая*, ориентированная на отношения, забота о нем же. Чтобы понять в более общем смысле, могут ли цифровые допсельгангеры быть релевантными для уже существующих дискуссий о долголети и продлении человеческой жизни, необходимо разобраться в том, что такое цифровой допсельгангер и как он соотносится с личностью, на основе которой создан.

Сознание и тождество личности

В данном разделе мы затрагиваем два основных вопроса:

1. Каковы морально значимые различия между цифровым 'сознанием', созданным в результате работы компьютера, и сознанием, порожденным биологическими процессами мозга?

2. Как эти различия влияют на наше отношение к нашему цифровому допсельгангеру и, если таковое имеется, на надлежащую моральную заботу о нем?

Как мы утверждали ранее, цифровые допсельгангеры все больше способны имитировать индивидуальные человеческие личности. В последующих разделах мы докажем, что эта способность имеет важные последствия для этики продления жизни или, как мы считаем, истинной цели такого продления, а именно продления существования личности. Это связано с тем, что такие модели смогут частично реализовать некоторые из главных целей, которые, вероятно, и предполагается достичь таким продлением. Во введении мы предположили, что эти цели, вероятно, включают: (1) цели, связанные с опытом, (2) цели, связанные с наследием/влиянием, и (3) цели, связанные с социальными отношениями.

Мы докажем, что цифровые допсельгангеры при современном уровне технологий (с учетом оговорок из предыдущего раздела), способны частично реализовать вторую и третью цели, связанные с влиянием и отношениями. Однако они *вряд ли* будут способствовать в обозримом будущем, если вообще когда-либо, достижению первой цели, связанной с продолжением субъективного опыта.

Это объясняется тем, что большие языковые модели, по своей природе, являются ли они персонализированными или нет, в целом признаются не способными к субъективному сознанию в качественном или феноменальном смысле. Чалмерс [34] приводит несколько технических причин для такого вывода, включая, что кажется наиболее важным, отсутствие у больших языковых моделей элементов, которые, согласно ведущим теориям, считаются необходимыми для сознания, таких как унифицированная агентность [35] или глобальное рабочее пространство [36]. Тем не менее и это более фундаментальный момент, хотя большие языковые модели генерируют текст, который, будь он произведен человеком, несомненно, заставил бы нас заключить, что его автор сознателен [подробнее см.: 37], они делают это посредством чисто статистического моделирования человеческого языка: метода, который не требует и не подразумевает наличия сознания [см. например: 38]. В любом случае, для целей данной статьи мы просто исходим из предположения, что большие языковые модели, по крайней мере современные или ближайшего будущего, не могут помочь нам в достижении цели продления субъективного опыта².

Одним из следствий этого предположения является то, что основанные на больших языковых моделях цифровые допсельгангеры, как мы их понимаем, в лучшем случае являются, и, возможно, только таковыми и останутся, лишь *философскими зомби*: то есть они могут в совершенстве или почти в совершенстве внешне демонстрировать человеческое поведение или признаки личности, но при этом не будет ничего, на что было бы 'похоже' *быть* цифровым допсельгангером 'изнутри' [41]. Чтобы внести ясность, отметим, что вопрос

о том, обладают ли большие языковые модели или, собственно, философские зомби, *другими* типами сознания, такими как так называемое 'сознание доступа' [42, 43], здесь нас не интересует. Для наших целей критически важным является предположение, что современные и будущие в ближайшей перспективе большие языковые модели: (а) будут полностью лишены *субъективного опыта* и при этом (б) смогут, вероятно, пройти Персонализированный тест Тьюринга [8, 9] на основе исключительно лингвистических данных.

Какое отношение все это имеет к тождеству личности? На наш взгляд, открытым остается вопрос о том, является ли субъективный опыт необходимым условием для того, чтобы быть *личностью*. Например, некоторые исследователи готовы применять термин 'личность' для описания определенного вида существ, которые, вероятно, лишены субъективного опыта, вроде человека с диагнозом 'постоянное бессознательное состояние' [44]. Другие, напротив, полагают, что возможность, по крайней мере, субъективного опыта является минимальным условием для того, чтобы быть личностью [45]. Предположим, что мы принимаем последнее, более строгое понятие личности, в рамках которого цифровые допелъгангеры *не* будут личностями в силу своих внутренних свойств (вопрос о том, могут ли они быть личностями в *реляционном* смысле, мы обсудим позже). Тогда возникает вопрос: какой вид моральной заботы, если таковой вообще возможен, мы все еще можем оправданно испытывать по отношению к нашему цифровому допелъгангеру, — то есть к сущности, которая репрезентирует нас и ведет себя в соответствии с нашими конкретными убеждениями, желаниями, воспоминаниями и чертами личности и т. д., несмотря на то, что, *ex hypothesi*, она полностью лишена субъективного сознания и, следовательно, не является *личностью* согласно релевантным теориям³?

Тождество личности и пруденциальная забота

Мы хотим оценить, могут ли цифровые допелъгангеры способствовать обеспечению, хотя бы отчасти, одной из нескольких из тех целей или благ, которые, как мы предположили, лежат в основе стремления продлить свою жизнь, а в конечном счете — собственное 'Я', во времени. Для этого необходимо обратиться к теориям тождества личности. Они представляют собой попытки ответить на вопрос о том, что делает индивида одной и той же личностью с течением времени и, тем самым, проясняют критерии, необходимые для продолжения его существования.

Одна из влиятельных попыток ответить на этот вопрос принадлежит Дереку Парфиту [49]. Отвергая некоторые устоявшиеся представления, Парфит утверждал, что метафизическое *тождество* не является тем, что в конечном счете имеет значение для продолжения существования индивида. Скорее для этого, согласно Парфиту, по-настоящему важно *R-отношение*: набор диахронических связей или паттернов, которые соединяют определенные важные аспекты индивида во Времени 1, его личностных черт в виде воспоминаний, убеждений и желаний, с подобными же аспектами индивида во Времени 2 так, что для индивида во Времени 1 рационально иметь *личную* заинтересованность в том, как сложится судьба индивида во Времени 2. Иными словами, в той степени, в которой R-отношение существует, например, между вашим нынешним 'Я'

и будущим индивидом, у вас есть основание 'отождествлять себя' с этим индивидом: то есть заботиться о его благополучии и считать его продолжением себя в аспектах, важных для вас, *даже если* этот будущий человек не является, строго говоря, метафизически тождественным вам.

Парфит характеризует этот особый тип заботы о будущем (варианте) 'вас' как 'то, что имеет значение' для тождества личности. Наш коллега Джефф Макмахан называет это *эгоистической заботой* [50], и мы также будем использовать эту терминологию. Как утверждает Макмахан: «В принципе, может быть рациональным и уместным эгоистически заботиться о человеке в будущем, даже если этот человек не будет собой» [50, р. 42].

Важно для наших целей то, что Парфит утверждал, что R-отношение может сохраняться, даже если будущий человек возникает в результате причин, отличных от нормального старения или биологического выживания. Например, вслед за Парфитом мы можем представить случай, в котором будущая технология телепортации позволяет человеку переместиться на Марс. Телепорт сканирует его тело, уничтожает его, а затем мгновенно воссоздает из местных материалов на Красной планете.

Последнее воспоминание человека, когда он прибывает на Марс, — это шаг в телепорт. Согласно строго физической трактовке, это воспоминание вызвано телепортационной машиной на Марсе (использующей данные сканирования тела индивида на Земле), которая воссоздала тело и мозг индивида на Марсе таким образом, что это воспоминание теперь присутствует. Это необычная причина сохранения воспоминаний, не говоря уже о личностях, во времени, но для Парфита этого достаточно. Поскольку R-отношение сохраняется, индивид выживает в смысле, который действительно имеет значение. И это отношение, согласно аргументации, может быть тем, что требуется для того, чтобы наша эгоистическая или благоразумная забота о будущем человеке, с которым мы его разделяем, была рациональной.

То, *какие* именно аспекты личности должны быть охвачены R-отношением, чтобы существа, объединенные этим отношением, были оправданны в эгоистической заботе друг о друге⁴, является предметом дискуссии. Например, некоторые могут считать, что связанные R-отношениями существа должны иметь не просто воспоминания, а скорее *сознательно извлекаемые* или *субъективно переживаемые* воспоминания, чтобы для одного из этих существ было бы рациональным испытывать эгоистическую заботу о другом. Если эта точка зрения верна, то, учитывая предполагаемую неспособность цифровых допелъгангеров иметь какой-либо субъективный опыт, индивид не мог бы быть по-настоящему R-связан со своим цифровым допелъгангером. В лучшем случае он мог бы разделять с ним то, что мы здесь будем называть 'D-отношением', — а именно паттерн связей между различными важными аспектами личности (такими как ее воспоминания, личность, убеждения, желания и т. д., как и в случае с R-отношением), но где ни один из этих атрибутов не обладает соответствующим субъективным качеством 'каково это' [52], по крайней мере, этого мы не найдем у одного из связанных D-отношением существ (т. е. у цифрового допелъгангера). Более того, мы можем предположить, что цифровой допелъгангер, в отличие от связанного с ним человека, лишен некоторых других менталь-

ных свойств или способностей, таких как (собственная) агентность, интенциональность и т. д., как уже обсуждалось во введении.

Другими словами, мы предполагаем, что личность могла бы быть связана D-отношением со своим цифровым допеллгангером (что, в *пределе*, было бы схоже с отношениями, которые она имела бы с философской зомби-версией себя), даже если она не могла бы быть связанной R-отношением с ним. И тогда возник бы дальнейший вопрос о том, достаточно ли D-отношения для оправдания эгоистической заботы, несмотря на отсутствие того, что мы, *arguendo*, предполагаем субъективный опыт необходимым компонентом R-отношения.

Разумеется, некоторые могут полагать, что R-отношение на самом деле не требует, чтобы различные связанные аспекты двух (или более) индивидов были сознательно извлекаемы или субъективно переживаемы обоими (или ими всеми) для того, чтобы это отношение имело место. В таком случае D-отношение могло бы попросту сводиться к R-отношению в зависимости от того, какие еще аспекты индивидов, по их мнению, должны присутствовать и быть связанными, чтобы R-отношение возникло. Но, прежде чем мы сможем рассмотреть такую возможность, нам сначала необходимо привлечь во внимание тот факт, что, согласно некоторым критикам или комментаторам Парфита, даже R-отношения недостаточно для обоснования (полноценной) эгоистической заботы между индивидами, существующими в разное время.

Это возвращает нас к Джеффу Макмахану [50], который указывает, что в гипотетических сценариях, включающих в себя полностью человеческие, биологические реплики (с которыми мы определенно разделяли бы R-отношение), интуиции многих людей, по-видимому, расходятся с точкой зрения, согласно которой у нас есть основание 'отождествлять себя' с такими связанными R-отношениями существами даже *при том условии*, что они обладают, среди прочего, психологической непрерывностью психической жизни, включающей субъективный опыт, подобный нашему. Рассмотрим гипотетический сценарий под названием *Самоубийственная Миссия*:

Во время войны человека выбрали для выполнения военной миссии, которая неминуемо приведет к гибели. Хотя использование Репликатора является очень дорогим и поэтому строго нормировано, командование предоставило ему привилегию создать свою реплику перед миссией. Ему также позволят выбрать до процесса репликации, пойдет ли он на миссию сам или же будет отправлена реплика. (Поскольку он дисциплинированный солдат, его реплика также будет дисциплинированной. Он знает, что, если будет отдан приказ, она пойдет на миссию.) [50, р. 57].

Макмахан предполагает, что большинство людей выбрали бы отправить реплику, пожертвовав ею, чтобы спасти себя. Предположим, что это верно, и далее предположим, что этот выбор отражает некое нормативно значимое соображение. Из этого может следовать, что R-отношения на самом деле недостаточно для рационального обоснования эгоистической заботы о собственной реплике, даже полностью биологической, которая разделяет наши самые важные психологические свойства, включая субъективный опыт. По крайней мере, это может

указывать на то, что люди *не уверены*, оправдана ли эгоистическая забота в таких случаях; или, возможно, следует сказать, что оснований для заботы о выживании такой реплики *меньше*, даже если *какие-то* из них и существуют, что мы вскоре обсудим. Но теперь рассмотрим другой гипотетический сценарий — *Ядерную атаку*:

Некто является сотрудником Пентагона, в котором есть Репликатор, способный передать клеточный план его тела в репликационную кабину на Аляске. Он получает подтверждение, что ядерная ракета, нацеленная на Пентагон, прорвала оборону страны и уничтожит весь район в течение минуты. Этого времени как раз достаточно, чтобы отсканировать и передать данные его тела на Аляску [50, р. 58].

«Большинство из нас считает, — пишет Макмахан, — что было бы лучше создать реплику на Аляске, чем быть уничтоженным, не оставив реплики» [50, р. 58]. Снова предположим, что это верно и отражает некое нормативно значимое соображение.

На первый взгляд может показаться, что между сценариями *Самоубийственной Миссии* и *Ядерной атаки* существует некое противоречие. В *Самоубийственной Миссии* у нас, казалось бы, есть причина предпочесть, чтобы вред постиг связанную с нами R-отношениями реплику, а не нас самих, что указывает на недостаточность R-отношения Парфита для обоснования эгоистической заботы, или, по крайней мере, как мы уже намекали, для обоснования *уверенной* или *полноценной* эгоистической заботы, эквивалентной той, которую мы испытываем к нашему будущему, физически и ментально непрерывному 'Я'. Однако в сценарии *Ядерной атаки*, из соображений явной эгоистической заботы мы, тем не менее, выбираем продолжение существования нашего психологического состояния, воплощенного в физической реплике, предпочитая такой исход полному уничтожению.

Для разрешения этого противоречия Макмахан предлагает пересмотреть исходную концепцию Парфита о 'том, что имеет значение' для сохранения индивида во времени [50, р. 48]. В пересмотренной версии Макмахана акцент вновь делается на *физическую* непрерывность биологически воплощенных психических состояний: то есть тех психических состояний, которые кодируют все убеждения, желания и воспоминания (и т. д.) индивида и которые, как утверждается, составляют основу для эгоистической заботы. Назовем это более сильное отношение психофизической непрерывности *В-отношением*, поскольку оно фокусируется на биологической непрерывности как необходимом субстрате соответствующих психологических состояний. Макмахан предполагает, что интуиция, согласно которой человек предпочел бы боль или страдания связанной с ним R-отношением реплики своим собственным, основана на том факте, что реплики, несмотря на разделение с нами различных важных психологических черт, являются (грубо говоря) все же другими телами и другими субъектами опыта⁵.

Однако не следует слишком поспешно отвергать исходную концепцию Парфита, где именно R-отношение, которое, в отличие от В-отношения, *не* требует физической непрерывности мозга для того, чтобы эгоистическая забота была рациональной, фиксирует 'то, что имеет значение' в сохранении индивида. Напомним, что в сценарии *Ядерной атаки*, хотя, возможно, и не кажется рациональным

Таблица 1. Предлагаемый спектр обоснований для эгоистической заботы
Table 1. Proposed range of justifications for egoistic concern

№ п/п	Спектр обоснований для эгоистической заботы
1.	<i>Связанные В-отношением существа.</i> У нас, пожалуй, есть самые веские основания для эгоистической заботы о будущих сущностях, находящихся с нами в В-отношениях, а именно поддерживающих функциональную непрерывность мозга в производстве сознания. Эта эгоистическая забота может ослабевать, но не может исчезнуть полностью, по мере того как сущность теряет психологическую непрерывность с нами.
2.	<i>Связанные R-отношением существа.</i> У нас могут быть вторые по силе основания для эгоистической заботы о сознательных сущностях, находящихся с нами в R-отношениях, пропорционально силе их психологической непрерывности с нами. Это основание может быть связано, например, с их способностью продвигать наше наследие, которое может иметь некоторые субъективные и объективные условия удовлетворения (см. дальнейшее обсуждение).
3.	<i>Связанные D-отношением существа.</i> У нас могут быть третьи по силе основания для эгоистической заботы о сущностях, связанных с нами D-отношениями, — то есть сущностях, лишенных какого-либо субъективного опыта, но симулирующих R-отношение с нами, — пропорционально силе их преемственности с нами в плане внешнего лингвистического поведения. Поскольку они лишены субъективного сознания, эгоистическая забота, основанная на этом отношении, была бы рациональна только в силу их способности способствовать достижению целей, имеющих объективные условия удовлетворения (см. дальнейшее обсуждение).

Источник / Source: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11804783/>

испытывать *полную* или *полноценную* эгоистическую заботу о связанной с нами R-отношением реплике на Аляске, все же может казаться интуитивно верным испытывать *хотя бы некоторую* эгоистическую заботу о ней: достаточную для того, чтобы мы, *по крайней мере, в какой-то степени* 'отождествляли' себя со связанной с нами R-отношением репликой. Достаточную, скажем, для того, чтобы эгоистически оправданным было просканировать себя и создать реплику до прибытия ядерной ракеты.

Некоторые читатели, возможно, сойдут с дистанции на этом месте, предпочтя более строгое В-отношение Макмахана в качестве единственного рационального основания для эгоистической или благоразумной заботы. Однако для тех, кто все еще с нами, представьте теперь, что Репликатор в сценарии *Ядерной атаки* не работает. К сожалению, создать связанное с вами R-отношения существо невозможно. Однако в качестве запасного варианта существует другая машина — назовем ее Дубликатор — которая может быстро создать продвинутый цифровой допсельгангер вас самих: 'как' именно это происходит — не столь важно, но давайте просто представим, что она работает путем тонкой настройки специально разработанной высокотехнологичной большой языковой модели на базе всего, что вы когда-либо написали или сказали в текстовых сообщениях, электронных письмах, записанных разговорах, видеороликах на YouTube и т. д., при условии вашего согласия и валидации данных. Предполагая, что такой допсельгангер будет находиться в идеальном D-отношении с вами, будет ли у вас причина его создать?

Прежде чем ответить, позвольте добавить одну деталь. Для целей этого мысленного эксперимента предположите, что Дубликатор технологически и этически достаточно совершенен, чтобы организовывать все эти данные так, чтобы приватные вещи оставались приватными: он не позволит, например, вашему цифровому допсельгангеру делиться интимными текстовыми сообщениями, ранее отправленными вашему супругу(е), с вашими студентами, начальником или детьми [11]. Однако он все же сможет использовать эти сообщения для генерации схожих интимных текстов при соответствующих условиях: скажем, только если сможет верифицировать, что с ним общается именно ваш партнер, помимо прочих этических (и социально-реляционных/контекстуальных) ограничений.

Возвращаясь к вопросу о том, эквивалентно ли выживание с помощью Дубликатора другим обсуждаемым формам выживания, предположим, что в последние секунды перед взрывом ядерной ракеты у вас есть выбор: нажать или не нажать кнопку с датчиком отпечатка пальца, которая автоматически настраивает Дубликатор на создание связанной с вами D-отношением реплики — вашего идеального цифрового допсельгангера. В следующем разделе мы рассмотрим потенциальные *неэгоистические* основания для нажатия этой кнопки, но сейчас мы спрашиваем, может ли у вас быть какое-либо основание желать создания такой реплики, так сказать, ради вас самих, и если да, то могли бы вы рационально *в какой-то степени* 'отождествлять' себя с ней. Другими словами, мы просим вас подумать, было бы для вас осмысленным, *по крайней мере отчасти*, эгоистически заботиться о том, что произойдет с ней или благодаря ей.

Мы предполагаем, что у разных читателей здесь будут разные интуиции и некоторые твердо ответят «Нет». Другие, возможно, сильно хотели бы, чтобы в этом мысленном эксперименте работал Репликатор, но все же были бы благодарны за Дубликатор как запасной вариант. А третьи могут не использовать ни один из типов машин, возможно полагая, что если бы они ими воспользовались, то итоговая версия просто не была бы подходящим объектом для эгоистической заботы, и точка.

У нас нет уверенного ответа на этот вопрос. Но мы считаем, что на данном этапе может быть разумно предложить спектр потенциальных эгоистических интересов, сгруппированных, как показано в табл. 1.

Может возникнуть возражение, что эта концепция неверно упорядочена и что психологическая непрерывность является более сильным критерием для эгоистической заботы, чем функциональная непрерывность мозга. Или же можно возразить, что не существует случаев, когда приходится выбирать между будущим связанным В-отношением индивидом и другим будущим связанным R-отношением индивидом, поскольку реплики любого типа являются вымыслом. Но то, что мы хотим здесь подчеркнуть, так это то, что все три отношения — R, В и D — *допускают степени*. Соответственно, независимо от предпочитаемой теории тождества личности может существовать точка, в которой достаточно ослабленная непрерывность в В-отношениях

(функциональной непрерывности мозга) или в R-отношениях (субъективно переживаемой психологической непрерывности) может быть превзойдена в качестве основания для эгоистической заботы силой связи с будущей связанной D-отношением сущностью, *даже если* эта сущность ни в каком смысле не является личностью.

Рассмотрим, например, нашего писателя из начала статьи, чьи авторские амбиции разрушены диагностированием болезни Альцгеймера. Мог бы он рационально предпочесть потратить свои быстрые месяцы ясного сознания на обучение цифрового допсельгангера взамен того, чтобы в спешке дописывать свой давно отложенный роман? Распределение финансовых ресурсов могло бы быть рассмотрено аналогичным образом, поскольку как паллиативная помощь, так и разработка и поддержание ее допсельгангера, связаны с затратами. Он мог бы посчитать, что его допсельгангер с очень высокой вероятностью завершит его работу приемлемым для него образом (сильное D-отношение), в то время как его ближайшее будущее 'Я' имеет очень низкую вероятность это сделать (слабое R-отношение или B-отношение). В этом случае мы могли бы сказать, что его выбор развивать свой цифровой допсельгангер является эгоистически рациональным.

В качестве альтернативы, скажем, он мог бы оценить завершение своего романа как относительно менее важное дело по сравнению с путешествиями по миру с семьей и по этой причине отказаться от создания допсельгангера. Можно представить и другие компромиссы. Но суть в том, что несколько факторов, включая степень, в которой мы соотносим себя с нашими будущими биологическими или психологически непрерывными 'Я', степень, в которой мы соотносим себя с нашим цифровым допсельгангером, а также относительная важность определенных видов незавершенных планов, будут критически влиять на то, как мы выбираем тратить свое время и ресурсы и приходиться к соответствующим компромиссам. И, по нашему мнению, основываясь на траектории текущих технологических разработок, включая качество и количество данных, которые мы собираем о себе, потенциальный уровень подобия цифрового допсельгангера по отношению к самому человеку, а следовательно, и сила D-отношения между этими двумя сущностями со временем значительно возрастут.

В следующих разделах мы подробнее рассмотрим, как цифровые допсельгангеры могут способствовать завершению наших жизненных планов и сохранению аспектов наших близких отношений такими способами, которые мы готовы ценить, *независимо от того*, готовы ли мы рассматривать наших цифровых допсельгангеров как буквальное продолжение нашего 'Я'.

Частичное достижение благ продления существования личности

Некоторые исследователи утверждают, что интересы индивидов могут нарушаться после их смерти, например, посредством ущерба репутации⁶ [55, 56]. Но, если интересы индивидов могут быть нарушены после смерти, это означает, что они также могут получать пользу от событий, происходящих после их смерти [57]. Согласно объективной, негедонистической концепции благополучия, определенные посмертные события могут, таким образом, вносить позитивный вклад в общую ценность

жизни индивида. Подобно тому, как сохранение и признание художественных или литературных произведений человека может считаться улучшающим его благополучие, обеспечивая долговечность его наследия, мы предполагаем, что существование и влияние цифрового допсельгангера также может продолжать воздействовать на мир способами, считающимися позитивными после смерти человека. (Разумеется, он также может влиять на мир способами, считающимися весьма негативными [6].)

В дальнейшем мы покажем, каким образом цифровые допсельгангеры могут, в некотором релевантном смысле, продолжать наследие индивида, удовлетворяя соответствующие желания или реализуя соответствующие планы, которые он имел при жизни. Однако, как мы также укажем, некоторые потенциальные блага продления существования личности могут иметь не строго индивидуалистическую, а *реляционную* природу: то есть их ценность проистекает из признания, оценки или текущего опыта других лиц, например, от опыта, который могут иметь или осуществлять значимые для них близкие.

Наследие — это зонтичное понятие, охватывающее как материальные, так и нематериальные блага, вроде значимых связей, созданные в течение жизни, более широкого влияния жизненных проектов и обязательств человека, а также сети ценностей, которые он отстаивал, и тому подобного. Наследие выполняет функцию сохранения интересов: оно является основным средством, с помощью которого индивиды продолжают оставлять след в мире после своей биологической смерти. Желание оставить после себя наследие давно исследуется в терминах «надежды на то, что мы обладаем потенциалом бессмертия» [58, р. 154], будь то чисто символического [59] или более содержательного, наподобие того, что мы рассмотрим далее.

Наследие/Влияние

Обсуждая гипотетические случаи разделения личности, вроде сценария, в котором каждое полушарие мозга человека пересаживается в новое тело, Парфит [49] вводит идею существования интересов, которые мы назовем *не основанными на опыте* (non-experiential). Он предполагает, что каждый из отпочковавшихся индивидов, назовем их B и C, от исходного индивида A мог бы затем продолжать различные важные жизненные проекты, которые были у A. Например, B мог бы наконец закончить лоскутное одеяло, которое A всегда собирался завершить, в то время как C мог бы посвятить себя научной карьере, об отпуске которой A всегда сожалел. Другими примерами могут служить постройка спроектированного человеком собора, принятие законодательного акта, благополучная жизнь ребенка или даже победа в войне. Мы можем говорить, например, о том, что определенные цели *стоят того, чтобы умереть за них*, где вопрос о том, 'стоило ли это на самом деле того', можно рассматривать как зависящий от фактов, которые возникают лишь *после* смерти человека. Подобные желания (например, желание, чтобы в войне победила сторона, которую человек поддерживает) не обязательно должны быть пережиты непосредственно в собственном опыте, чтобы быть удовлетворенными (следовательно, они 'не основаны на опыте'), и поэтому можно сказать, что для их удовлетворения существуют *объективные* условия.

Они противопоставляются желаниям, имеющим субъективные условия удовлетворения, которые должны быть пережиты на собственном опыте, чтобы быть удовлетворенными. Например, если человек ставит цель дожить до преклонного возраста и увидеть комету Галлея, мы можем почувствовать утрату чего-то, если он будет находиться в коме во время ее возвращения. Удовлетворение желаний, имеющих субъективные условия удовлетворения, представляется сомнительным, если рассматриваемое существо полностью лишено субъективного опыта; в отличие от желаний, имеющих объективные условия удовлетворения.

Развивая эту мысль, мы предполагаем, что для многих людей наличие цифрового допелъгангера, продолжающего их общественное влияние или их уникальные проекты и обязательства, может обладать подлинной эгоистической ценностью, даже если эта реплика не является субъективно сознательной и не станет вместилищем для продолжения их собственной феноменологии. У людей есть пруденциальные основания заботиться о том, что произойдет после их смерти. Имеет смысл предпочесть, чтобы усилия людей и их жизненные планы, или формирование их репутации в свете осуществления данных планов, не были полностью нивелированы после их смерти.

В конце концов конечные результаты жизненных проектов человека после его смерти могут бросать ретроспективную тень на его прижизненные достижения. Например, если индивид посвящает многие годы жизненному проекту, который в конечном итоге терпит посмертный провал, его усилия могут быть оценены как ошибочные или бессмысленные, независимо от их первоначального потенциала. Посмертные события, таким образом, могут влиять на то, как мы ретроспективно оцениваем чью-то жизнь: был ли человек счастлив, успешен, реализован или нет [60]. Соответственно, может быть рациональным заботиться о том, что произойдет после нашей смерти, а также желать продолжать оказывать позитивное влияние через свое наследие [61].

Однако наш потенциал для оказания продолжающегося влияния не ограничивается жизненными проектами. Определенные жизненные переживания, которые являются определяющими для того, как индивиды воспринимают себя, также могут иметь большое значение. Когда людей спрашивают о том, что они в конечном счете хотели бы передать после смерти, они часто упоминают наследие в виде ценностей, тесно связанное с аспектами их ощущения собственной идентичности, или с ролями и чертами, которые они воспринимают как конституирующие их сущность [62, 63]. Наследие в виде ценностей часто особенно важно для людей, переживших трудности или маргинализацию: наследие передается как набор руководящих принципов, призванных помочь другим справиться с аналогичными проблемами. Например, женщины, инфицированные ВИЧ, создавали видеонаследие для своих семей, давая советы и руководство, чтобы помочь своим близким вести успешную жизнь, преодолевая возможные трудности [64]. Это видеонаследие было важно для самих создававших их женщин, поскольку воспринимались как способ контролировать повествование, которое они оставляют своим потомкам посмертно. Это показывает, что человек может желать, чтобы его жизненный опыт, рассматриваемый как уникальное проявление его лично-

сти, продолжал формировать и вдохновлять других. Такое наследие может иметь как моральные, так и рациональные измерения.

Многие люди предпочитают оставить прочный вклад, добиться, чтобы ценность их жизни и ее влияние продолжали признаваться другими после их ухода, а также участвовали в формировании будущего. Такие цели не обязательно предполагают продолжение субъективного опыта создателя, хотя они могут включать в себя предшествующие субъективные предпочтения или чувства, связанные с посмертным влиянием. Следовательно, цифровой допелъгангер мог бы, в некотором смысле, продолжить и продлить историю жизни исходного человека: достигая или реализуя его цели и желания, или, по крайней мере, те цели и желания, для удовлетворения которых не требуется субъективный опыт. Эти не основанные на опыте интересы в посмертном влиянии и продолжающемся социальном воздействии могут давать нам некоторые эгоистические основания заботиться о том, что произойдет с нашим цифровым допелъгангером после нашей смерти.

Реляционное тождество

Возможное возражение против всего, что мы предложили до сих пор, заключается в том, что это все кажется довольно *эгоистичным*. Тем не менее, анализируя этику исследований в области продления жизни или, собственно, продления существования личности, как мы предлагаем здесь, необходимо учитывать права и интересы, не сводящиеся исключительно к эгоистическим. Например, могут возникнуть опасения на общественном уровне по поводу продолжающегося, хотя бы частично, временного существования репрезентаций индивидов, потенциально безграничных. Одно дело, когда общество хранит память о своих (биологически) умерших близких или об оставшихся артефактах, таких как фотографии или видеозаписи; другое дело, когда 'умершие' *продолжают* — потенциально *массово* — порождать новые идеи, вести новые беседы и так далее. Возможно, в конечном итоге для живых благом является научиться скорбеть и отпускать.

Не претендуя на всесторонний анализ этических последствий цифровых допелъгангеров для общества в целом (в этом отношении мы рекомендуем цитированные ранее недавние эссе Джона Данахера и Свена Нихолма [6, 7]), мы завершим данный раздел несколькими соображениями об *отношениях*.

Вспомните истории Джеймса Влахоса, Евгении Куйды или Эндрю Каплана, которые мы приводили ранее в статье. В этих историях главное значение имела не продолжающаяся субъективная сознательность цифрового симулякра, а определенный тип *отношений* между этими людьми и их близкими, которые воспринимались как значимые. Как мы можем начать осмысливать такие свидетельства? Придерживаются ли эти люди правдоподобного или разумного отношения, или же они просто находят в отрицании, неспособные принять внезапное прекращение существования человека, который был им так дорог? Могут ли продолжающиеся 'отношения' между живым человеком и цифровым допелъгангером недавно умершего близкого иметь какую-либо подлинную ценность сами по себе?

Мы коснемся этого вопроса далее в этом разделе. Однако сначала мы хотели бы высказать бо-

лее общий тезис о концепции *реляционного тождества*. По существу этот подход постулирует, что наша личность не может быть изолирована от внешнего мира, сообществ, частью которых мы являемся, норм, направляющих наше поведение, и, что важнее, от отношений, которые мы выстраиваем с другими на протяжении жизни [65]. Порой эти значимые отношения становятся центральными чертами нашей так называемой социальной или практической идентичности настолько, что определенные роли, такие как мать, отец, учитель, врач, художник и т. д., частично конституируют то, кем мы являемся. Таким образом, мы склонны говорить: «Я — мать, отец, учитель, врач или художник», а не просто «Я воспитываю детей, учу, занимаюсь медициной или создаю искусство».

Случай пациентов в устойчивом вегетативном состоянии, которые могут рассматриваться ни как живые, ни как мертвые, ни как субъекты, ни как объекты, демонстрирует потенциал социальных отношений формировать наш статус (то есть нашу способность быть осмысленно признаваемыми) как личностей [44]. Эти пациенты бросают вызов традиционному пониманию личности как «индивида, переживающего свое тело-в-мире, самосознающего индивида, конституирующего агентность» [44, р. 55]. Посредством повседневного взаимодействия с пациентами в устойчивом вегетативном состоянии ухаживающие за ними люди поддерживают либо порождают «различные смыслы их личности» [44, р. 62]. Реляционная перспектива личности проливает свет на то, как даже индивиды, которые больше не имеют и, возможно, никогда не будут иметь субъективного опыта, все же могут считаться личностями в некотором смысле, а именно в силу своих отношений с другими людьми.

Разумеется, может быть выдвинуто возражение, что это односторонние, невзаимные отношения, или, как некоторые могли бы считать, это вовсе не *отношения*. Подобно 'отношениям' человека, влюбленного в знаменитость, с которой он никогда не встречался и которая не знает о его существовании, они являются односторонними и иногда могут быть даже нездоровыми или бредовыми. Однако есть условия, при которых они могут быть здоровыми и значимыми. Тот, кто читает книгу своему родственнику, находящемуся без сознания, возможно, участвует в отношениях, которые 'поддерживают человека в живых', связывая прошлые воспоминания с текущими, что потенциально может способствовать их собственному развитию или переживанию горя. То есть взаимность может и не быть необходимым компонентом всех значимых отношений. Наше взаимодействие с другими постоянно формирует нас и становится частью того, кем мы являемся (или кем мы себя считаем); точно так же, как и сами мы оказываем влияние на тех индивидов, для которых мы имели значение⁷ [69–72].

Мы предлагаем расширить наш предыдущий набор оснований для заботы о собственном будущем 'Я', включив в него реляционные интересы, согласно которым продолжение определенной динамики отношений может быть рационально оценено, даже если один из участников диады этих отношений лишен субъективного опыта. Разумеется, как мы уже упоминали, некоторые могут полагать, что для того, чтобы отношения были ценными или вообще считались отношениями, необходимо, чтобы обе стороны субъективно переживали взаимодействие между

ними [73]. Если это так, то тогда те, кто заявляет о ценности своих продолжающихся отношений, например, с цифровым допсельгангером умершего близкого человека, просто ошибаются, трагически полагая, что вовлечены в ценные отношения, в то время как в реальности ничего подобного не переживают.

В качестве альтернативы, если мы примем градуированный или иерархический взгляд на статус или ценность отношений, можно признать, что *наиболее* ценные или настоящие отношения — это отношения между двумя личностями, обе из которых способны субъективно переживать мир и друг друга. Но если мы представим супруга, который продолжает любить и поддерживать связь со своим партнером, находящимся в живых, но в коме, возможно, без какого-либо субъективного опыта, то отрицание какой-либо ценности этих отношений или настаивание на том, что живой супруг ошибается, переживая их как таковые, может показаться не просто жестоким или бесчувственным, но и ошибочным. Подобный анализ может быть применим и к отношениям между человеком и цифровым допсельгангером кого-то, кого он любит. Цифровые допсельгангеры, несмотря на нынешнее отсутствие у них субъективного опыта, могут быть как минимум средством воспоминания, но также и потенциальным сохранением ценных аспектов наших отношений с другими [10, 11, 51].

Что важно в продлении существования личности

Если приведенные выше аргументы убедительны или, по крайней мере, в целом правдоподобны, какие последствия могут из этого вытекать для исследований в области долголетия и продления жизни человека? Как отмечалось в начале статьи, существуют прагматические основания для того, чтобы прояснить, что именно является самым важным в продлении жизни в свете ограниченности ресурсов. Мы аргументировали, что правдоподобно предположить, что нас заботит продление не биологической 'жизни' как таковой, а, в некотором смысле, нашего собственного 'Я'. На вопрос 'почему мы заботимся о продлении нашего 'Я'?' мы предположили, что для этого есть различные основания, связанные с разными типами целей — опытом, наследием и отношениями, — некоторые из которых могут быть частично реализованы посредством создания и использования цифрового допсельгангера. Следовательно, при взвешивании 'за' и 'против' в вопросах расходования ресурсов на исследование долголетия может быть разумным рассмотреть более широкий спектр проектов, которые можно было бы отнести к данной категории.

Размышляя о том, что важно в продлении человеческой жизни, мы также предлагали задуматься о разных типах значимых вещей как с эгоистической, так и с неэгоистической точек зрения. Как мы аргументировали, существуют некоторые *объективные* события (например, завершение романа после нашей смерти), которые человек может рационально желать, чтобы они произошли, и которые разумно считать вкладом в его общие интересы или благополучие. Мы предположили, что некоторые из этих событий могут быть осуществлены цифровым допсельгангером. Другими словами, требующие *субъективного* опыта цели, отнюдь не исчерпывают круг того, о чем мы глубоко заботимся; скорее, они представляют лишь один аспект того, что имеет зна-

чение. Другие виды ценностей и достижений могут продолжать существовать после смерти.

Наш анализ также установил, что у нас есть неэгоистические причины желать продлить свое 'Я', связанные с отношениями с близкими: цифровые допсельгангеры, разумно используемые, потенциально могут удовлетворять некоторые из таких причин, хотя бы частично. В более общем смысле, если мы последуем за Парфитом в рассмотрении того, что важно в сохранении индивида, как вопроса степени — а не вопроса 'все или ничего', — то даже *частичное* продолжение себя может иметь ценность. Если и не в терминах В-отношения Макмахана, то, возможно, в терминах R-отношения-R Парфита. А если все же и не в них, то тогда в терминах нашего D-отношения. Наконец, даже если кто-то отвергает точку зрения, что последнее из этих отношений, могло бы когда-либо рассматриваться как достаточное условие для продления существования личности — то есть в принципе в любом смысле или в какой-либо степени, — мы предположили, что связанное с нами D-отношениями существо все-таки способно правдоподобным образом помочь нам достичь некоторых целей или осуществить некоторые блага, связанные с таким продлением жизни личности.

Выводы

В данной статье мы сосредоточились на вопросе о том, каким образом цифровой допсельгангер может способствовать реализации некоторых интересов, которые человек может стремиться продвигать посредством традиционных форм биологического продления своей жизни не только с точки зрения эгоистической заботы, но и с точки зрения отношений.

Это предполагает, что продвижение этих интересов было бы в целом *благом*, примерно так, как утверждают сторонники продления жизни. Тем не менее необходимо признать, что некоторые люди весьма критически относятся к продлению жизни [см. например: 74]: они считают, что мы должны быть удовлетворены здоровой и конечной жизнью, ненамного превышающей нынешнюю среднюю продолжительность жизни.

В статье мы не занимаем позиции по таким обсуждениям; наше внимание было сознательно узконаправленным. Следовательно, нас следует понимать как выдвигающих ряд условных утверждений: а именно, что *в той мере*, в какой на индивидуальном уровне разумно заботиться о продлении своей биологической жизни — это может иногда иметь больше общего с желанием продлить свое собственное 'Я' во времени, а не свою 'жизнь' как таковую. И если *это* желательная цель, пусть и такая, которую нельзя легко достичь с помощью существующих технологий или которая может не осуществиться у большинства людей в обозримом будущем, все же возможно, что цифровой допсельгангер мог бы послужить 'второстепенным' вариантом в том смысле, что он мог бы удовлетворить *некоторые* из оснований, по которым нас в принципе может заботить продление собственной жизни.

Однако независимо от того, согласны ли вы с нашим конкретным предложением относительно цифровых допсельгангеров или нет, наша мысль о необходимости выявления глубинных причин стремления продлить свою жизнь и/или свое собственное 'Я' важна для научных исследований и политических действий. Например, те, кто рас-

сматривает плюсы и минусы инвестирования ресурсов в продление человеческой жизни, включая любые альтернативные решения, должны сначала прояснить, что именно люди в основе своей ценят в более долгой жизни. Мы предложили здесь некоторые возможные ответы; могут быть и другие. В любом случае, размышление над подобными основаниями хотя бы отчасти должно открыть пространство для более творческого осмысления различных других способов потенциального удовлетворения запросов людей.

В заключение мы хотим подчеркнуть, что мы оставили в стороне многие важные аспекты этой темы. В частности, есть многочисленные этические (а также юридические и политические) проблемы, которые можно и нужно поднимать в отношении цифровых допсельгангеров, часть из которых мы надеемся рассмотреть в будущих работах и которые уже начали исследовать другие авторы [см. например: 6; 7].

Также можно было бы сказать гораздо больше о том, как на практике правительства или другие финансовые организации, в настоящее время инвестирующие в исследования долголетия, должны распределять ресурсы с учетом аргументов и утверждений, представленных в этой статье: к примеру, утверждений об относительной легкости создания цифровых допсельгангеров по сравнению с очевидными трудностями продления биологической жизни.

Но, разумеется, прежде всего нам необходимо продолжать оттачивать наши аргументы и утверждения в ответ на критику и диалог с коллегами. И мы надеемся, что данная статья послужит первым шагом к продолжающемуся плодотворному обсуждению, и с нетерпением ждем последующей критики и комментариев.

Благодарности от переводчика / Acknowledgements of the translator

Выражаю свою благодарность Софье Лаврентьевой и Анастасии Турковой за содержательную критику перевода и обсуждение сложных мест.

I would like to express my gratitude to Sofya Lavrentyeva and Anastasia Turkova for their insightful criticism of the translation and discussion of difficult passages.

Примечания

¹ Другие исследователи считают, что галлюцинации в больших языковых моделях можно понимать как форму 'креативности' и, следовательно, они могут быть полезны в некоторых случаях [33].

² Безусловно, этот вопрос не является окончательно решенным, и некоторые могут быть более открыты к возможности сознания у больших языковых моделей в обозримом будущем [39]. Тем не менее, чтобы ограничить рамки нашего теоретизирования и ради ясности в обсуждении тождества личности в последующих разделах, мы просто будем держать рамки биологического натурализма, предполагающего, что феноменальное сознание и субъективный опыт представляют собой эмерджентные свойства определенных физических процессов в мозге [40]. Согласно этой точке зрения, компьютерная программа, сколь бы точно она ни моделировала человеческое поведение, сама по себе не порождает подлинного субъективного опыта, подобно тому, как компьютерная симуляция биолуминесценции не производит реального видимого света.

³ Данный вопрос согласуется с недавними аргументами Адженифер Блюменталь-Барби [46], которая утверждает, что нет необходимости определять, является ли сущность личностью, чтобы понять, как к ней рационально или морально следует относиться. Иногда мы можем продвинуться в решении этих вопросов, апеллируя напрямую к определенным свойствам сущности, независимо от того, достаточны ли они для признания личности [см. также: 47; альтернативный взгляд см.: 48].

⁴ Или, по крайней мере, эгоистическая забота индивида 'Времени 1' об индивиде 'Времени 2'. Вопрос в том, можем ли мы рационально испытывать эгоистическую заботу о наших прошлых 'Я' — или о прошлых индивидах, с которыми мы находимся в R-отношении, — является интересным, но мы не будем в него углубляться. Вместо этого мы сосредоточены исключительно на проспективном случае: на том, как нам, ныне живущим, рационально относиться к цифровому допеллгангеру, который сохраняется после нашей биологической смерти. О возможности и этике создания множественных цифровых допеллгангеров (т. е. самого себя) при жизни см. [7, 51].

⁵ Если Макмахан прав, нам следует сузить набор критериев, составляющих основу эгоистической заботы до таких, которые более тесно соотносятся с тождеством личности в ее традиционном понимании (т. е. в рамках теорий биологической непрерывности). Это называется *Концепцией воплощенного сознания*, согласно которой «критерием тождества личности является физическая и минимальная функциональная непрерывность мозга» и «физическая (но не организационная) непрерывность мозга необходима для того, чтобы эгоистическая забота была рациональной» [50, р. 69]. Однако мы не столь уверены, что Макмахан прав, как мы поясняем далее в тексте.

⁶ Хотя эта интуиция является распространенной, она остается крайне спорной, поскольку ее нормативный статус неясен [53, 54].

⁷ Эти соображения не являются чисто теоретическими; они глубоко укоренены в том, как мы взаимодействуем с другими людьми. Страх смерти, представляющий собой многомерный комплекс эмоций, часто включает в себя страх того, как наша кончина повлияет на тех, кого мы любим [66, 67]. В одном исследовании причин танатофобии было установлено, что «разлука с другими посредством смерти (собственной смерти или чужой смерти) является одним из самых пугающих аспектов смерти, страхом, который разделяет большинство респондентов» [68]. Это может быть связано с тем, что мы знаем, что наш уход может лишить тех, о ком мы заботимся и кто заботится о нас, значимых отношений, важных для жизни. Следовательно, в той мере, в которой взаимодействие наших близких с нашими цифровыми допеллгангерами после нашей смерти может быть здоровой частью процесса горевания, существуют причины, помимо эгоистических, желать их создания.

Список источников / References

1. Schloendorn J. Making the Case for Human Life Extension: Personal Arguments. *Bioethics*. 2006;20(4):191–202. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8519.2006.00494.x>.
2. Davis J. New Methuselahs: The Ethics of Life Extension. Cambridge, MA: The MIT Press, 2018. 368 p.
3. Porter A. Arguments Over Life Extension in Contemporary Bioethics. *Handbook of Bioethical Decisions*. Vol. I / Eds. E. Valdivia, J. A. Lecaros. Cham: Springer, 2023. P. 247–276.
4. Lucke J. C., Hall W. Strong and Weak Lifespan Extension: What Is Most Feasible and Likely? *Australasian Journal on Ageing*. 2006;25(2):58–62. <https://doi.org/10.1111/j.1741-6612.2006.00150.x>.
5. Porsdam Mann S., Earp B. D., Möller N. [et al.]. AUTOGEN: A Personalized Large Language Model for Academic

Enhancement — Ethics and Proof of Principle. *The American Journal of Bioethics*. 2023;23(10):28–41. <https://doi.org/10.1080/15265161.2023.2233356>.

6. Danaher J., Nyholm S. The Ethics of Personalised Digital Duplicates: A Minimally Viable Permissibility Principle. *AI and Ethics*. 2025;5(2):1703–1718. <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00513-7>.

7. Danaher J., Nyholm S. Digital Duplicates and the Scarcity Problem: Might AI Make Us Less Scarce and Therefore Less Valuable? *Philosophy & Technology*. 2024;37:106. <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00795-z>.

8. Steinhart E. Survival as a Digital Ghost. *Minds and Machines*. 2007;17:261–271. <https://doi.org/10.1007/s11023-007-9068-0>.

9. Caon M. Designing Systems for the Digital Immortality of Intangible Cultural Heritage. Human Interaction and Emerging Technologies: Proceedings of the 1st International Conference on *Human Interaction and Emerging Technologies (IHET 2019)*. Nice: Springer International Publishing, 2020. P. 783–789.

10. Voinea C. On Grief and Griefbots. *Think*. 2024;23(67):47–51. <https://doi.org/10.1017/S1477175623000490>.

11. Voinea C., Porsdam Mann S., Savulescu J., Earp B. D. Digital Doppelgängers, Human Relationships, and Practical Identity. *Bioethics*. 2026;40(5):435–444. <https://doi.org/10.1111/bioe.70026>.

12. Hicks M. T., Humphries J., Slater J. ChatGPT Is Bullshit. *Ethics and Information Technology*. 2024;26:38. <https://doi.org/10.1007/s10676-024-09775-5>.

13. Porsdam Mann S., Earp B. D., Müller N. [et al.]. AUTOGEN and the Ethics of Co-Creation with Personalized LLMs — Reply to the Commentaries. *The American Journal of Bioethics*. 2024;24(3):W6–W14. <https://doi.org/10.1080/15265161.2024.2308175>.

14. Earp B. D., Porsdam Mann S., Liu P. [et al.]. Credit and Blame for AI-Generated Content: Effects of Personalization in Four Countries. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2024;1542(1):51–57. <https://doi.org/10.1111/nyas.15258>.

15. Masood M., Nawaz M., Malik K. M. [et al.]. Deepfakes Generation and Detection: State-of-the-Art, Open Challenges, Countermeasures, and Way Forward. *Applied Intelligence*. 2023;53:3974–4026. <https://doi.org/10.1007/s10489-022-03766-z>.

16. Sterri A., Earp B. D. The Ethics of Sex Robots. *Oxford Handbook of Digital Ethics* / Ed. C. Véliz. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 241–257.

17. Morris M. R., Brubaker J. R. Generative Ghosts: Anticipating Benefits and Risks of AI Afterlives. *arXiv preprint*. 2024. arXiv:2402.01662. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2402.01662>. (accessed: 04.09.2025).

18. Replika. 2024. URL: <https://replika.com/> (accessed: 04.09.2025).

19. YOV Home | You, Only Virtual. 2024. URL: <https://www.myyov.com/> (accessed: 04.09.2025).

20. Holley P. Hey, Google! Let Me Talk to My Departed Father. *Washington Post*. 2019. August 29. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2019/08/29/hey-google-let-me-talk-my-departed-father/> (accessed: 04.09.2025).

21. Chesler C. AI's New Frontier: Connecting Grieving Loved Ones with the Deceased. *Washington Post*. 2022. November 12. URL: <https://www.washingtonpost.com/health/2022/11/12/artificial-intelligence-grief/> (accessed: 04.09.2025).

22. Bubeck S., Chandrasekaran V., Eldan R. [et al.]. Sparks of Artificial General Intelligence: Early Experiments with GPT-4. *arXiv preprint*. 2023. arXiv: 2303.12712. URL: <https://arxiv.org/abs/2303.12712>. (accessed: 04.09.2025).

23. Bucher M. J. J., Martini M. Fine-Tuned 'Small' LLMs (Still) Significantly Outperform Zero-Shot Generative AI Models in Text Classification. *arXiv preprint*. 2024. arXiv: 2406.08660. URL: <https://arxiv.org/abs/2406.08660> (accessed: 04.09.2025).

24. Vaid A., Landi I., Nadkarni G., Nabeel I. Using Fine-Tuned Large Language Models to Parse Clinical Notes in Musculoskeletal Pain Disorders. *The Lancet Digital Health*. 2023;5(12):e855 – e858. [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00202-9](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00202-9).
25. Lewis P., Perez E., Piktus A. [et al.]. Retrieval-Augmented Generation for Knowledge-Intensive NLP Tasks. *Advances in Neural Information Processing Systems 33: Annual Conference on Neural Information Processing Systems 2020* / Eds. H. Larochelle, M. Ranzato, R. Hadsell, M.-F. Balcan, H.-T. Lin. P. 9459 – 9474. <https://doi.org/10.5555/3495724.3496517>.
26. Zohny H., Porsdam Mann S., Earp B. D., McMillan J. Generative AI and Medical Ethics: The State of Play. *Journal of Medical Ethics*. 2024;50:75 – 76. <https://doi.org/10.1136/jme-2023-109834>.
27. Schwitzgebel E., Schwitzgebel D., Strasser A. Creating a Large Language Model of a Philosopher. *Mind & Language*. 2024;39(2):237 – 259. <https://doi.org/10.1111/mila.12466>.
28. Earp B. D., Porsdam Mann S., Allen J. [et al.]. A Personalized Patient Preference Predictor for Substituted Judgments in Healthcare: Technically Feasible and Ethically Desirable. *The American Journal of Bioethics*. 2024;24(7):13 – 26. <https://doi.org/10.1080/15265161.2023.2296402>.
29. Armstrong K. ChatGPT: US Lawyer Admits Using AI for Case Research. *BBC News*. 2023. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-65735769> (accessed: 04.09.2024).
30. Eaton K. How Many R's in 'Strawberry'? This AI Doesn't Know. *Inc.* 2024. URL: <https://www.inc.com/kit-eaton/how-many-rs-in-strawberry-this-ai-cant-tell-you.html> (accessed: 04.09.2025).
31. Chelli M., Descamps J., Lavoué V. [et al.]. Hallucination Rates and Reference Accuracy of ChatGPT and Bard for Systematic Reviews: Comparative Analysis. *Journal of Medical Internet Research*. 2024;26:e53164. <https://doi.org/10.2196/53164>.
32. Sui P., Duede E., Wu S., So R. Confabulation: The Surprising Value of Large Language Model Hallucinations. *Proceedings of the 62nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Vol. 1: Long Papers / Eds. L. Ku, A. Martins, V. Srikumar. Bangkok: Association for Computational Linguistics, 2024. P. 14274 – 14284.
33. Jiang X., Tian Y., Hua Y. F. [et al.]. A Survey on Large Language Model Hallucination via a Creativity Perspective. *arXiv preprint*. 2024. arXiv:2402.06647. URL: <https://arxiv.org/abs/2402.06647> (accessed: 04.09.2025).
34. Chalmers D. J. Could a Large Language Model Be Conscious? *arXiv preprint*. 2023. arXiv:2303.07103. URL: <https://arxiv.org/abs/2303.07103> (accessed: 04.09.2025).
35. Schechter E. Intentions and Unified Agency: Insights from the Split-Brain Phenomenon. *Mind & Language*. 2012;27(5):570 – 594. <https://doi.org/10.1111/mila.12003>.
36. Baars B. J. Global Workspace Theory of Consciousness: Toward a Cognitive Neuroscience of Human Experience. *The Boundaries of Consciousness: Neurobiology and Neuropathology* / Ed. S. Laureys. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 45 – 53. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(05\)50004-9](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(05)50004-9).
37. Dodig-Crnkovic G. How GPT Realizes Leibniz's Dream and Passes the Turing Test without Being Conscious. *Computer Sciences & Mathematics Forum*. 2023;8(1):66. <https://doi.org/10.3390/cmsf2023008066>.
38. Bender E. M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? *FAccT'21: Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. New York: Association for Computing Machinery, 2021. P. 610 – 623. <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>.
39. Long R., Sebo J., Butlin P. [et al.]. Taking AI Welfare Seriously. *arXiv preprint*. 2024. arXiv:2411.00986. URL: <https://arxiv.org/abs/2411.00986> (accessed: 04.09.2025).
40. Searle J. Biological Naturalism. *The Blackwell Companion to Consciousness* / Eds. M. Velmans, S. Schneider. Oxford: Blackwell Publishing, 2007. P. 325 – 334.
41. Lloyd D. What Is It Like to Be a Bot? The World According to GPT-4. *Frontiers in Psychology*. 2024;15:1292675. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1292675>.
42. Block N. Consciousness, Accessibility, and the Mesh Between Psychology and Neuroscience. *The Behavioral and Brain Sciences*. 2007;30(5-6):481 – 499. <https://doi.org/10.1017/S0140525X07002786>.
43. Naccache L. Why and How Access Consciousness Can Account for Phenomenal Consciousness. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2018;373(1755):20170357. <https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0357>.
44. Bird-David N., Israeli T. A Moment Dead, a Moment Alive: How a Situational Personhood Emerges in the Vegetative State in an Israeli Hospital Unit. *American Anthropologist*. 2010;112:54 – 65. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1433.2009.01196.x>.
45. McInerney P. K. Person-Stages and Unity of Consciousness. *American Philosophical Quarterly*. 1985; 22(3):197 – 209.
46. Blumenthal-Barby J. The End of Personhood. *The American Journal of Bioethics*. 2024;24(1):3 – 12. <https://doi.org/10.1080/15265161.2022.2160515>.
47. Dranseika V., Neiders I., Earp B. D. Time for Bioethics to End Talk of Personhood (But Only in the Philosophers' Sense). *The American Journal of Bioethics*. 2024;24(1):32 – 35. <https://doi.org/10.1080/15265161.2023.2278567>.
48. Koplin J., Holzman T., Bhatia N., Savulescu J. Bioethics Should Not Be Constrained by Linguistic Oddness or Social Offense. *The American Journal of Bioethics*. 2024;24(1):15 – 18. <https://doi.org/10.1080/15265161.2024.2279435>.
49. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1984. 560 p.
50. McMahan J. *The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 560 p.
51. Voinea C., Porsdam Mann S., Register C. [et al.]. Digital Duplicates, Scarcity, and Value: Commentary on Danaher and Nyholm (2024). *Philosophy & Technology*. 2024;37:121. <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00813-0>.
52. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? *The Philosophical Review*. 1974;83(4):435 – 450. <https://doi.org/10.2307/2183914>.
53. Partridge E. Posthumous Interests and Posthumous Respect. *Ethics*. 1981;91(2):243 – 264. <https://doi.org/10.1086/292226>.
54. Harris J. Doing Posthumous Harm. *The Metaphysics and Ethics of Death: New Essays* / Ed. J. S. Taylor. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 213 – 221.
55. Pitcher G. The Misfortunes of the Dead. *American Philosophical Quarterly*. 1984;21(2):183 – 188.
56. Feinberg J. The Rights of Animals and Unborn Generations. *Environmental Rights* / Ed. S. Vanderheiden. New York: Routledge, 2017. P. 241 – 265.
57. Boonin D. *Dead Wrong: The Ethics of Posthumous Harm*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 222 p.
58. Birren J. E. A Contribution to the Theory of the Psychology of Aging: As a Counterpart of Development. *Emergent Theories of Aging* / Eds. J. E. Birren, V. L. Bengtson. New York: Springer, 1988. P. 153 – 176.
59. Kotre J. N. *Outliving the Self: How We Live on in Future Generations*. New York: W W. Norton & Co., 1984. 282 p.
60. Rozin P., Stellar J. Posthumous Events Affect Rated Quality and Happiness of Lives. *Judgment and Decision Making*. 2009;4(4):273 – 279. <https://doi.org/10.1017/S1930297500003843>.
61. Scarre G. On Caring about One's Posthumous Reputation. *American Philosophical Quarterly*. 2001;38(2):209 – 219.
62. Hunter E. G. Beyond Death: Inheriting the Past and Giving to the Future, Transmitting the Legacy of One's Self. *OMEGA — Journal of Death and Dying*. 2008;56(4):313 – 329. <https://doi.org/10.2190/OM.56.4.a>.
63. Zacher H., Rosing K., Frese M. Age and Leadership: The Moderating Role of Legacy Beliefs. *The Leadership Quarterly*. 2011;22(1):43 – 50. <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2010.12.006>.
64. Barnes D. B., Taylor-Brown S., Wiener L. "I Didn't Leave Y'all on Purpose": HIV-Infected Mothers' Videotaped Legacies for

Their Children. *Qualitative Sociology*. 1997;20:7–32. <https://doi.org/10.1023/A:1024760113945>.

65. Andersen S. M., Chen S. The Relational Self: An Interpersonal Social-Cognitive Theory. *Psychological Review*. 2002;109(4):619–645. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.109.4.619>.

66. Abdel-Khalek A. M. Why Do We Fear Death? The Construction and Validation of the Reasons for Death Fear Scale. *Death Studies*. 2002;26(8):669–680. <https://doi.org/10.1080/07481180290088365>.

67. Cicirelli V. G. Personal Meanings of Death in Relation to Fear of Death. *Death Studies*. 1998;22(8):713–733. <https://doi.org/10.1080/074811898201236>.

68. Bath D. M. Separation from Loved Ones in the Fear of Death. *Death Studies*. 2010;34(5):404–425. <https://doi.org/10.1080/07481181003697639>.

69. Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press*, 1989. 601 p. (*Гарвардское университетское издательство (Harvard University Press) внесено в реестр нежелательных организаций на территории Российской Федерации).

70. Lindemann H. Holding and Letting Go: The Social Practice of Personal Identities. Oxford: Oxford University Press, 2016. 220 p.

71. Iftode C., Zorilă A., Vică C., Mihailov E. Experimental and Relational Authenticity: How Neurotechnologies Impact Narrative Identities. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2024;23:743–760. <https://doi.org/10.1007/s11097-022-09825-7>.

72. Velleman J. D. Self to Self: Selected Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 385 p.

73. Turkle S. Authenticity in the Age of Digital Companions. *Interaction Studies. Social Behaviour and Communication in Biological and Artificial Systems*. 2007;8(3):501–517. <https://doi.org/10.1075/is.8.3.11tur>.

74. Callahan D. Setting Limits: Medical Goals in an Aging Society with "A Response to My Critics". Washington: Georgetown University Press, 1995. 256 p.

Информация о переводчике:

АНТИПОВ Алексей Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук, г. Москва. SPIN-код: 7782-1854

AuthorID (РИНЦ): 828022

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7048-3373>

AuthorID (SCOPUS): 58117217900

ResearcherID: U-8814-2018

e-mail: nelson02@yandex.ru

Источник перевода: Iglesias S., Earp B. D., Voinea C., Mann S. P., Zhiu A., Jecker N. S., Savulescu J. Digital Doppelgängers and Lifespan Extension: What Matters? *The American Journal of Bioethics*. 2025;25(2):95–110. <https://doi.org/10.1080/15265161.2024.2416133>.

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 08.09.2026.

Information about the translator:

АНТИПОВ Алексей Владимирович, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Humanitarian Expertise and Bioethics Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

SPIN-code: 7782-1854

AuthorID (RSCI): 828022

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7048-3373>

AuthorID (SCOPUS): 58117217900

ResearcherID: U-8814-2018

e-mail: nelson02@yandex.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 08.09.2026.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ: ЭТИЧЕСКИЕ И БИОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. Антипов

Институт философии Российской академии наук,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

 nelson02@yandex.ru

Продление жизни человека является одной из краеугольных проблем цивилизации в целом. История знает большое количество проектов достижения бессмертия, многие из которых носят утопический или откровенно эзотерический характер. Однако в связи с развитием технологий на основе искусственного интеллекта появляются возможности реляционно и функционально продлить существование личности посредством создания цифровых двойников путем тонкой настройки и персонализации больших языковых моделей. Данная технология отходит от продления жизни как биологического феномена, но выстраивается на воспроизведении идиосинкразических характеристик личности и ее функциональных составляющих.

В рамках данной статьи-комментария предпринимается попытка анализа концепции цифровых двойников как инструмента продления личности, проблематизируется классификация их типов и функций, а также выявляются ключевые этические и социальные вызовы (корпоративный контроль, право на забвение, управление жизненным циклом). Несмотря на возможные проблемы, создание цифровых двойников имеет также большой потенциал для биоэтических исследований, поскольку может способствовать как улучшению реализации принципа уважения автономии (например, использование их в качестве дополнения к распоряжениям на случай недееспособности), так и для моделирования вмешательств до их непосредственного осуществления, что помогает снизить причиняемый вред.

В качестве вывода указывается необходимость разработки правовых и этических рамок, регулирующих создание, использование и уничтожение цифровых двойников.

Ключевые слова: цифровые двойники, искусственный интеллект, биоэтика, социогуманитарная экспертиза, большие языковые модели, право на забвение

Для цитирования: Антипов А. В. Использование цифровых двойников: этические и биоэтические перспективы. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 96–103. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-96-103>. EDN: KNIPLZ.

© Антипов А. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

USE OF DIGITAL TWINS: ETHICAL AND BIOETHICAL PERSPECTIVES

A. V. Antipov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Goncharnaya St., 12, bld. 1, Moscow, 109240, Russia

 nelson02@yandex.ru

The extension of human life constitutes one of the cornerstone challenges of civilization as a whole. History has recorded numerous projects aimed at achieving immortality, many of which have been utopian or overtly esoteric in nature. However, in the contemporary era, the development of Artificial Intelligence-based technologies has given rise to possibilities for the relational and functional extension of personal existence through the creation of digital twins via the fine-tuning and personalization of large language models. This technology departs from the concept of life extension as a biological phenomenon, instead focusing on replicating the idiosyncratic characteristics of an individual and their functional components.

This commentary article attempts to analyse the concept of digital twins as a tool for personal extension, problematises the classification of their types and functions, and identifies key ethical and social challenges (corporate control, the right to be forgotten, lifecycle management). Despite potential issues, the creation of digital twins also holds significant potential for bioethical research, as it could enhance the implementation of the principle of respect for autonomy (for example, by using them as supplements to advance directives) and allow for the modelling of interventions prior to their actual implementation, thereby helping to minimize harm.

The conclusion emphasizes the necessity of developing legal and ethical frameworks to regulate the creation, use and deletion of digital twins.

Keywords: digital twins, Artificial Intelligence, bioethics, sociohumanitarian expertise, large language models, right to be forgotten

For citation: Antipov A. V. Use of digital twins: Ethical and bioethical perspectives. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):96–103. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-96-103>. EDN: KNIPLZ. (In Russ.).

© Antipov A. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Феномен двойничества имеет довольно долгую историю. В классической русской литературе он не раз поднимался и служил отправной точкой, например, в произведениях Н. В. Гоголя и Ф. И. Достоевского. В современности он находит свое выражение не только в объектах массовой культуры (романы, сериалы и фильмы), но и в конкретном материальном воплощении, каковым, на наш взгляд, может считаться процедура клонирования. Несмотря на запрет клонирования человека, клонирование животных набирает свою популярность среди тех, кто потерял своего любимого питомца и желает его 'воскресить'¹.

Стремление к преодолению конечности человеческой жизни в современности приводит не только к созданию продуктов по пролонгированию биологического существования, но и к развитию персонализированных больших языковых моделей и проектов по 'цифровому воскрешению'. В некоторых случаях следует отметить сдвиг дискуссии о продлении жизни с биологического на цифровое или информационное. Однако в данном случае возникает проблема, связанная с отсутствием консенсуса в понимании онтологического статуса цифрового двойника и нормативных рамок его существования. Возникают противоречия между желанием сохранить наследие и рисками эксплуатации личности. В данной статье на основе обзора современных исследований (ключевыми из которых являются [1–4]) производится попытка проанализировать функциональный подход к цифровым двойникам, выявить спектр этических дилемм, связанных с их жизненным циклом, такие как вопросы корпоративного контроля и права на забвение, а также обозначить биоэтическую перспективу и эвристический потенциал их использования.

В 2025 году в *The American Journal of Bioethics* была опубликована статья под названием *Цифровые двойники и продление жизни: что по-настоящему важно?* [1], в которой поднимается вопрос о возможности использования цифровых двойников для функционального продления личности, которое не зависело бы от биологической преемственности. Однако необходимо задать вопрос, почему авторы используют именно понятие *doppelgänger* (*doppelgänger*)?

Изначально (в рамках анимизма) допдельгангер, или двойник, был наполнен позитивными конно-

тациями, связанными с душой и ее бессмертием [5]. Однако к эпохе Просвещения он превратился в предвестника смерти [6]. В более позднее время появление технологий фотографирования и кино стали средством 'спасения от второй, духовной смерти' [7], поскольку они позволяют запечатлеть образ и сохранить его для других даже после ухода человека. Но ранний кинематограф вызывал у актеров травму отчуждения от собственного искаженного, ускоренного механически образа [8]. Вальтер Беньямин описал это как потерю ауры и 'изгнание' актера от своего экранного образа, компенсируемое индустрией глянца и звездным имиджем [9]. В современности высказываются предположения, связанные с новым изменением содержания этого понятия: «Что касается самого термина 'цифровой допдельгангер', возможно, с его повсеместностью и чрезмерным употреблением его более старые и зловещие коннотации будут постепенно забыты» [10]. Поэтому, как мы можем предположить, использование термина 'цифровой допдельгангер' связано как с признанием его возможной позитивной роли, так и как с попыткой вызвать дополнительный интерес. В рамках как своего перевода, так и этой статьи, мы будем использовать термины 'цифровой допдельгангер' и 'цифровой двойник' как синонимы, не вдаваясь в подробности их семантического разделения.

Авторы статьи *Цифровые двойники и продление жизни: что по-настоящему важно?* предполагают, что обсуждение продления жизни не всегда ведется вокруг пролонгирования биологической жизни, которое, по их мнению, в ближайшей технологической перспективе маловероятно. Однако продолжение существования личности уже возможно, в том числе с помощью технологий на основе искусственного интеллекта. В данном случае речь не идет о продолжении переживания субъективного опыта, но о поддержании наследия и отношений с другими. Авторы предлагают использовать функциональный подход к цифровым двойникам, роль которых выполняют персонализированные большие языковые модели. И это, как указывается, уже не фантастика, а реальность, с которой нам приходится иметь дело: «В июне 2024 года NPR News рассказали об истории Сунь Кая, который создал управляемый искусственным интеллектом аватар своей умершей матери (голос, образ и подобие), с которым он об-

щается ежедневно. Похожая компания Super Brain предлагает аналогичную услугу, которую она называет 'воскрешением'» [11]. Также стали известны и обрели определенную популярность и другие компании — HereAfterAI, Replika и т. д.

Таким образом, технология создания цифровых двойников является перспективной областью исследования не только с точки зрения их непосредственного технического воплощения, но и в контексте гуманитарного анализа.

От биологического бессмертия к функциональному продлению личности: смена парадигмы

Фундаментальным предположением авторов статьи о цифровых двойниках является критика узкой трактовки 'продления жизни' как исключительно биологического процесса. Они предполагают, что цифровое продление существования личности является реалистичной альтернативой в среднесрочной перспективе. При этом они отходят от того, что важно для биологического продолжения жизни, а именно от продолжения проживания субъективного опыта: сознательное дистанцирование от этих дискуссий позволяет не впадать в долгие обсуждения и споры относительно наличия или отсутствия субъективного опыта у цифровых двойников.

Человек как вид является уникальным с той точки зрения, что, несмотря на конечность своей жизни и ее осознание, он способен преодолевать ограниченность своего существования во времени с помощью символических средств [12]. Это утверждение находит свое отражение в концепции символического бессмертия психологов Р. Лифтона и Е. Олсона. Они отмечают необходимость ощущения человеком связи и преемственности с тем, что было и будет после него: «Мы можем увидеть смысл символического бессмертия как отражение родства человека со всем, что было до него, и со всем, что будет после него» [13, р. 34]. Они выделяют пять категорий символического бессмертия: биологическую, творческую, теологическую, природную (natural) и опытную. Биологическая категория символического бессмертия состоит в продолжении себя в своих потомках и своих частях; творческая — продолжение существования в своих трудах; теологическая — победа над смертью через религию; природная — связь и круговорот веществ в природе, за счет чего вещества, из которых состоит человек, после его смерти становятся частью новых живых существ; опытная (экспериментальная) состоит в опыте трансценденции, которая может достигаться различными способами [13, р. 34–38].

В свете концепции символического бессмертия использование цифровых двойников способно, как нам кажется, реализовывать в первую очередь творческую его категорию, что может быть рассмотрено и в терминах функционального продления существования личности. Реализация и окончание начатых человеком проектов позволяет реализовать творческий потенциал, который человек не успел полноценно актуализировать. Авторы статьи о цифровых двойниках [1] используют пример с завершением романа автором, чьи когнитивные функции становятся подорванными в результате воздействия болезни Альцгеймера: цифровой двойник в виде персонализированной большой языковой модели, тонко настроенный на текстах автора и получивший подробные инструкции по выполнению этого

задания, будет способен завершить не дописанный по объективным причинам роман.

Определение и таксономия цифровых двойников: цели и функции

Концепция цифрового двойника прошла значительную эволюцию, начиная с ее практического зарождения в космической отрасли. Первоначально, в 1960-е годы, американское агентство NASA использовало принципы, лежащие в основе цифровых двойников для создания симуляторов космических аппаратов. Это позволило в критической ситуации миссии Аполлон-13 провести анализ и отладку в виртуальной среде для обеспечения безопасного возвращения экипажа [14]. Формальное терминологическое оформление концепции произошло позднее, в 2005 году, благодаря работам Майкла Гривса, который определил ключевые элементы цифрового двойника: физический объект, его виртуальное отображение и связывающий их информационный поток [15].

В научной литературе отмечается поступательное развитие типологии цифровых двойников от простых форм к более сложным. Исторически первой формой был статический двойник — пассивная цифровая копия, не обновляемая в реальном времени. Следующим этапом стало появление функционального (или зеркального) двойника, который, помимо геометрии, способен имитировать динамическое поведение системы. Более продвинутой версией является самоадаптивный (или теневой) двойник, характеризующийся односторонней интеграцией с физическим объектом: он автоматически обновляется данными в реальном времени, отражая текущее состояние оригинала [16]. Последним этапом этой трансформации считается интеллектуальный цифровой двойник [17].

Этот тип объединяет свойства самоадаптивной модели с возможностями искусственного интеллекта, включая машинное обучение, автономное рассуждение и принятие решений. Такой двойник поддерживает уже полноценный двусторонний диалог с физическим миром: он не только получает данные, но и способен отправлять управляющие воздействия. Эта динамическая взаимосвязь позволяет применять продвинутые методы симуляции и аналитики для оптимизации системы, предсказания ее будущих состояний и поддержки сложных решений, что находит перспективное применение, в частности, в различных областях современного здравоохранения.

Существует множество определений цифровых двойников. Одним из наиболее исчерпывающих, на наш взгляд, является следующее: «Цифровой двойник — это набор виртуальных информационных моделей, которые воспроизводят структуру, контекст и поведение естественной, инженерной или социальной системы (или системы систем), динамически обновляются данными от своего физического двойника, обладают прогностическими возможностями и служат основой для принятия решений, направленных на получение ценности. Двустороннее взаимодействие между виртуальным и физическим мирами является центральным аспектом концепции цифрового двойника» [18]. Это определение позволяет сделать акцент на обратном взаимодействии, тем самым актуализируя возможность поддержки динамических контекстов, в которых важны не только управляющие сигналы, но и реакция на них системы.

В исследовательской литературе существует также представление о цифровой модели, которая отличается большей простотой, чем цифровой двойник. В отличие от цифрового двойника, который подразумевает динамический двусторонний обмен данными, цифровая модель — это цифровое представление физической системы без автоматического обмена данными. В то же время цифровая тень описывает систему с односторонним потоком данных в реальном времени от физической среды к виртуальной [19].

Для описания цифрового двойника такого сложного существа как человек используются определенные группы параметров [20], с помощью которых можно воспроизвести многомерную модель индивида, применимую для создания цифрового двойника в контексте человеко-системного взаимодействия. Такие ключевые группы параметров включают в себя: физические и биомеханические характеристики (антропометрия, моторика, травмы; физиологические характеристики (витальные показатели и сигналы центральной нервной системы, отражающие состояние усталости, вовлеченности и циркадные ритмы); перцептивные и когнитивные (сенсорные пороги, навыки, знания, рабочая нагрузка и способность к принятию решений); психологические и личностные черты (черты личности, текущее эмоциональное состояние и склонности); морально-ценностные (система убеждений, норм и ценностей); поведенческие паттерны (конечные наблюдаемые действия, формирующиеся под комплексным влиянием всех вышеуказанных внутренних атрибутов).

Для наполнения указанных групп параметров непосредственным содержанием необходимо использование большого количества средств, способных собирать, анализировать и хранить данные. Это может быть реализовано посредством формирования этоса носимых устройств и практик селф-трекинга, которые наиболее полно выразились в движении Quantified Self, представляющего собой сообщество последователей лозунга 'Познай себя через цифры'. Концепт цифрового двойника позволяет описать процесс сбора и обработки данных не как простое создание статичной модели, о которой говорилось выше, а как непрерывное, амбивалентное и напряженное взаимодействие человека с его собственной оцифрованной проекцией, в ходе которого производится и постоянно пересматривается само понятие 'Я'. Конечной целью этого процесса должно быть не количественное измерение как таковое, а движение в сторону более качественного самоощущения и обогащенной социальности [21].

Сами по себе цифровые двойники предлагается разделить на несколько категорий: семейные реликвии, публичное наследие, исследовательский архив, суррогатный представитель (проекта) [3]. Семейные реликвии предназначены для передачи информации об умершем его родственникам, друзьям и знакомым; создание цифрового двойника, представляющего собой публичное наследие, позволит взаимодействовать со значимой исторической личностью тем, кто живет в другое время; цифровой двойник, предназначенный для создания исследовательского архива, позволит историкам и исследователям узнавать информацию из первых рук; цифровой двойник, исполняющий функцию суррогатного представителя проекта, позволит продолжить личный вклад человека в его начинание, даже если сам человек уже мертв (что выражает-

ся, например, в доработке романа после смерти автора).

Другая классификация касается ролевого взаимодействия. Двойник человеческой роли выступает в виде обобщенной модели, имитирующей поведение или характеристики класса людей (например, оператора, пешехода) в определенном контексте. Эти цифровые модели не привязаны к конкретному лицу в реальном времени и часто служат для симуляции, проектирования или анализа (например, когнитивная модель оператора, 3D-модель для оценки радиосвязи). Двойник системы, содержащей людей в качестве акторов, представляет собой цифрового двойника человека и интерпретируется как двойник всей сложной системы (фабрика, больница, транспорт), где люди являются одними из компонентов. В таких моделях человек интегрирован в общую систему, а также могут различаться субъекты моделирования (работники) и пользователи цифрового двойника (управленцы) [22].

Указанные категории показывают, что концепция цифровых двойников является достаточно разветвленной и применяется не только для посмертного воспроизведения личности человека.

Этические вызовы создания и существования цифровых двойников

Использование цифровых двойников не лишено определенного рода затруднений. Некоторые из них состоят как в вопросе контроля над цифровыми образами ушедших, что влечет за собой риски неправомерной эксплуатации, так и в отношении реализации принципа уважения автономии, в том числе права на забвение.

Вопрос о контроле над цифровыми двойниками является одним из наиболее, на наш взгляд, важных. Опасение состоит в следующем: создание цифровых двойников при сохранении контроля корпораций над базовой инфраструктурой чревато эксплуатацией мертвых, что определенным образом противоречит принципу уважения автономии и возможности реализации права на забвение [4]. Это чревато риском эксплуатации цифрового образа умершего в коммерческих или идеологических целях.

В данном случае происходит конфликт с принципом уважения автономии, что поднимает вопрос: кто и на каких условиях принимает решения от имени двойника? Данный вопрос приводит к необходимости пересмотреть и прояснить классические правовые категории прав и обязанностей с учетом трансформаций современности, вносимых большими данными [23], что выражается, например, в выделении трех категорий владения данными: владение данными, владение платформой данных, владение продуктом данных [24].

Внедрение цифрового двойника человека, основанного на соединении разнородных персональных данных для оценки состояния индивида, сопряжено с существенными вызовами в области приватности и безопасности. Ключевые аспекты в рамках исследовательской литературы сводятся к трем уровням [25]: (1) контекст и метод сбора данных: приемлемость для пользователя напрямую зависит от степени вмешательства используемых технологий (камеры, носимые устройства, сенсоры среды); (2) управление и тип данных: уровень конфиденциальности и пользовательские риски варьируются в зависимости от категории собираемых данных, что приводит к необходимости прозрачных меха-

низмов информированного согласия и строгого контроля доступа к информации для конкретных задач; (3) архитектура обработки данных: централизованная обработка данных третьими сторонами создает риски утечек и атак. В качестве перспективных решений рассматриваются децентрализованные подходы, такие как периферийные вычисления (edge computing) и федеративное обучение (federated learning), которые минимизируют передачу исходных чувствительных данных. Однако для их широкого внедрения требуется дальнейшее изучение адаптации криптографических методов и протоколов аутентификации в рамках данной архитектуры.

Проблема права на забвение состоит в возможности удаления цифрового двойника, и в то же время задается вопрос о том, кто обладает этим правом (создатель, родственники, сам двойник как юридическое лицо)? Право на забвение рассматривается как элемент права на защиту личности, тесно связанный с достоинством, репутацией, частной жизнью и моральной целостностью человека. Его цель заключается в предоставлении индивиду возможности контролировать свою цифровую идентичность, добиваясь удаления или отказа в индексации устаревших, нерелевантных или наносящих вред 'цифровых следов' в Интернете. Это право является ответом на постоянство цифровой памяти, нарушающую естественную человеческую способность к забвению [26].

Другой вопрос состоит в том, каким образом 'избавляться' от тех цифровых двойников, которые выполнили свои задачи. Предлагается несколько стратегий: архивирование, перепрофилирование (переход к новым функциям; отказ от того, ради чего создавался цифровой двойник изначально), полное уничтожение (то, что описывается в терминах 'второй смерти') [2]. Такое полное уничтожение после того, как цифровым двойником была выполнена функция, означает полное удаление без возможности 'воскрешения'. В условиях мира континуальности и расширенных сознаний полное уничтожение выглядит как наиболее радикальный и консервативный вариант, наиболее полно отсылающий к природе и экзистенции человека. Противоположность этому выражается в цифровом бессмертии.

Полное уничтожение цифрового двойника ('вторая смерть') — радикальный акт, утверждающий конечность существования двойника. В данном случае можно утверждать, что полное уничтожение выглядит 'наиболее человеческим' вариантом, поскольку таким образом двойник сближается со своим оригиналом (по крайней мере, в вопросах конечности существования). Необходимость такого рода удаления продиктована возможными негативными психологическими эффектами, которые заключаются в невозможности полноценно завершить процесс горевания, поскольку человек продолжает взаимодействовать с цифровой копией того, кого больше нет. С психологической точки зрения возможно, что в итоге для живых благом является научиться скорбеть и отпускать (например, пройти стадии горевания, описанные Э. Кюблер-Росс [27]). В данном случае возникает практический вопрос: кто и как принимает решение о 'смерти' двойника? Нужен ли юридический статус и 'завещание' для цифрового двойника?

Вопрос о цифровом завещании не является праздным не только для юриспруденции,

но и для философии. В статье о цифровых двойниках и проблеме продления жизни [1] указывается на основания для эгоистической заботы о цифровых двойниках, что может быть распространено и на цифровой след вообще, для чего авторы обращаются в концепции Д. Парфита, в которой предполагается, что основным критерием 'благоразумной заботы' о своих будущих состояниях является R-отношение: «Иными словами, в той степени, в которой R-отношение существует, например, между вашим нынешним 'Я' и будущим индивидом, у вас есть основание 'отождествлять себя' с этим индивидом: то есть заботиться о его благополучии и считать его продолжением себя в аспектах, важных для вас, *даже если* этот будущий человек не является, строго говоря, метафизически тождественным вам» [1, р. 100–101]. Авторы обсуждают также В-отношение, вводимое Дж. Макмаханом, которое выстраивается «на физическом непрерывности биологически воплощенных психических состояний» [1, р. 102]. Однако основным их нововведением является D-отношение, в рамках которого предполагается, что имеющийся «паттерн связей между различными важными аспектами личности (такими как её воспоминания, личность, убеждения, желания и т.д. — как и в случае с R-отношением), но где ни один из этих атрибутов не обладает соответствующей субъективной качественной стороной 'каково это', по крайней мере у одного из D-родственных существ (т. е. у цифрового допсельгангера)» [1, р. 101]. Таким образом снимается напряжение между необходимостью признания субъективного опыта у объекта заботы: воспроизводимый цифровым двойником аспект личности, который также может быть сохранен в рамках цифрового следа, нуждается в определенных действиях, направленных на их сохранение.

Однако возникают разногласия по поводу решения вопроса о субъекте принятия такого решения. В первом приближении возможно выделение трех акторов, которые способны его принять: человек, чьи идиосинкразические характеристики воспроизводит цифровой двойник (например, посредством указания конкретных условий и временных промежутков в завещании); родственники; государство. Оставим в стороне вопрос о возможности принятия такого решения самим цифровым двойником, поскольку в рамках развиваемого дискуссионного поля признание способности принятия решений цифровыми двойниками (что в широком смысле означает наделение их агентностью) не стоит. Каждый из указанных субъектов принятия решения действует в рамках эпистемологической неопределенности и недостатка информации, которые не позволяют ему принять полностью рациональное решение. В ответ на это вполне справедливым выглядит утверждение, что любое решение человека принимается в подобных условиях. И все же специфика контекста цифровых двойников привносит новый уровень сложности. В отличие от рутинных решений, принимаемых в условиях неопределенности, выбор уничтожить цифрового двойника или нет включает в себя собственные эволюционирующие прогнозы и вероятностные выходные данные двойника. Это трансформирует среду принятия решений в то, что можно назвать 'алгоритмической неопределенностью': информация, способная уменьшить неопределенность, сама порождается тем сущностным объектом, по поводу использования которого принимается решение. Следова-

тельно, ни один из трех акторов не обладает действительно привилегированной эпистемической позицией. Личность, будучи источником исходных данных, не может предвидеть, как алгоритмические умозаключения двойника будут взаимодействовать с непредвиденными жизненными сценариями. Родственникам может не хватать как технической экспертизы, так и субъективного опыта пациента. Государство, действуя через правовые инстанции, оперирует статистическими нормами, которые могут переопределять индивидуальные особенности. Таким образом, вопрос о полномочиях принятия решений относительно использования цифрового двойника не может быть решен простым перечислением потенциальных агентов, но требует новой нормативной рамки.

Биоэтическая перспектива

Потенциал использования цифровых двойников для биоэтики [28, 29] состоит в использовании цифрового двойника человека для моделирования вмешательств. Цифровой двойник человека может быть понят и как цифровой аватар физического индивида, который способен всесторонне описать и воспроизвести физическое человеческое тело в цифровом мире [30].

Использование для моделирования взаимодействий и вмешательств в сфере медицины распространяется особенно в областях высокоточной медицины, онкологии, персонализированного обучения и индивидуального контроля благополучия. Применение цифровых двойников в здравоохранении включает в себя управление больницами, проектирование медицинских учреждений, разработку рабочих процессов, поддержку принятия решений, а также индивидуализированную терапию и персональный уход за пациентами. Цифровые двойники могут быть адаптированы как для моделирования состояния здоровья и благополучия, так и для работы с состоянием болезни, обеспечивая персонализированную диагностику, планирование лечения, медицинское сопровождение и наблюдение после выздоровления [31].

Персонализированные большие языковые модели могут использоваться для самых разных целей, включая предсказание предпочтений в медицинском лечении в случаях, когда недееспособный человек не оставил заранее выраженных указаний. Завещания на случай недееспособности (living will) являются одним из способов включения пациента в процесс принятия решений относительно своего дальнейшего благополучия. Будучи частью мер по расширенному планированию медицинского ухода (advance care planning), завещания на случай недееспособности позволяют пациентам делиться своими целями, ценностями и предпочтениями, которые будут учитываться в процедуре будущего медицинского ухода [32]. Но подобное использование выходит за пределы обозначенного функционального подхода, поскольку предполагает принятие жизненно важных решений, от которых будет зависеть благополучие конкретного человека, создавшего такого цифрового двойника. Передача этих решений в сферу применения цифровых двойников, что может быть рассмотрено как дополнение института завещаний на случай недееспособности, будет означать глубокий юридический и ценностный сдвиг. На современном этапе развития возникают сомнения, что такое вообще возможно, тем не менее развитие и распространение технологий на основе

искусственного интеллекта способно привести к неожиданным событиям.

Однако даже если технологически персонализированная большая языковая модель достигнет уровня, при котором ее прогнозы относительно предпочтений пациента будут статистически сопоставимы или даже превосходить точность предсказаний, сделанных родственниками или медицинскими работниками, остаются неустрашимые философско-этические возражения. Во-первых, сама логика 'предсказания предпочтений' основана на ретроспективной экстраполяции прошлого поведения, высказываний и ценностных суждений человека. Но идентичность личности не сводится к совокупности данных, даже если эти данные обработаны самой совершенной нейросетью. Предпочтения человека формируются, изменяются и переосмысливаются в процессе жизни, включая моменты болезни и уязвимости. То, что пациент ценил в относительно здоровом состоянии, может утратить для него значение при столкновении с тяжелым диагнозом или необратимой утратой автономии. Модель, обученная на 'здоровых' данных, неспособна уловить этот экзистенциальный сдвиг.

Во-вторых, передача права предсказывать волю недееспособного цифровому двойнику порождает проблему так называемой 'подмененной агентности'. Даже если модель формально воспроизводит языковые и поведенческие паттерны пациента, решение, сгенерированное ею, не является ни автономным (поскольку модель не обладает самосознанием и способностью к рефлексии), ни подлинно суррогатным (поскольку традиционный суррогатный агент, будь то родственник или доверенное лицо, несет моральную ответственность и руководствуется принципом наилучшей интерпретации воли пациента). Цифровой двойник не может 'интерпретировать' в человеческом смысле; он лишь вычисляет наиболее вероятный ответ на основе статистических корреляций. Это возвращает нас к давней проблеме философии искусственного интеллекта: можно ли приписывать моральный авторитет симуляции личности, если сама симуляция не обладает ни сознанием, ни способностью к страданию, ни, тем более, правом на самоопределение?

В-третьих, внедрение таких моделей в практику расширенного планирования медицинского ухода чревато институциональной подменой ответственности. Если больница или страховая компания получают возможность легитимно использовать персонализированного цифрового двойника для принятия решений вместо недееспособного пациента, возникает риск того, что завещания на случай недееспособности (living will) будут вытеснены более дешевыми и масштабируемыми алгоритмическими прогнозами. Близкие пациента могут быть отстранены от процесса, а их моральные интуиции признаны субъективными и менее точными по сравнению с машинной статистикой. В пределах это ведет к эрозии самого принципа уважения к автономии пациента, поскольку последний замещается его вычислимой моделью, а врач и система здравоохранения получают удобный, бесконфликтный, но этически сомнительный инструмент объективного определения чужой воли.

Таким образом, хотя технологический прогресс делает гипотетически возможным использование больших языковых моделей для предсказания медицинских предпочтений, нормативные границы такого применения должны устанавливаться с учетом

не только эффективности, но и фундаментальных ценностей: неприкосновенности человеческого достоинства, приоритета подлинной автономии над ее статистической имитацией и недопустимости превращения пациента в источник обучающих данных для алгоритмов, которые затем будут принимать решения за него. Прежде чем дополнять институт завещаний на случай недееспособности цифровыми двойниками-распорядителями, требуется широкое общественное и профессиональное обсуждение, а также, вероятно, разработка новых правовых механизмов, исключающих автоматическое делегирование морально значимых решений вычислительным системам.

Функциональный подход к цифровым двойникам продуктивен для анализа их социальной роли, но недостаточен для решения этических проблем. Ключевые конфликты разворачиваются вокруг вопросов контроля, автономии и управления жизненным циклом. Технология создания цифровых двойников обладает значительным потенциалом, но несет в себе серьезные риски для приватности, идентичности, автономии человека и социальной стабильности. Чтобы эти технологии служили человеческим интересам, необходимо опережающее развитие этических стандартов и правовых рамок, основанное на междисциплинарных исследованиях и сотрудничестве между законодателями, технологическими компаниями и научным сообществом. Будущее создания цифровых двойников — это вопрос не только технологий, но и фундаментальных ценностей, определяющих взаимодействие человека и искусственного интеллекта [33]. Такое опережающее реагирование должно происходить в духе гуманитарной экспертизы, которая исходит из двух предпосылок: «Любое социальное или научно-техническое новшество можно считать источником негативных последствий, рисков, угроз для человеческого потенциала, пока в отношении него не показано обратное; ... эти угрозы, риски и негативные последствия оказываются непредвиденными не в силу принципиальной невозможности их спрогнозировать, а просто в силу того, что на предвещающих или на начальных стадиях их внедрения просто не было предпринято требуемых для этого специальных усилий» [34, с. 11].

Примечание

¹Например, компания ViaGen [URL: <https://viagenpets.com>].

Список источников / References

1. Iglesias S., Earp B. D., Voinea C. [et al.]. Digital Doppelgangers and Lifespan Extension: What Matters? *The American Journal of Bioethics*. 2025;25(2):95–110. <https://doi.org/10.1080/15265161.2024.2416133>.
2. Barnhart A. J., Comerchi G., Braun M. Bytes the Dust: Normative Notions in Decommissioning Digital Doppelgangers. *The American Journal of Bioethics*. 2025;25(2):126–129. <https://doi.org/10.1080/15265161.2024.2441708>.
3. D'Alessandro W., Ford T. W., Yankoski M. I Contain Multitudes: A Typology of Digital Doppelgangers. *The American Journal of Bioethics*. 2025;25(2):132–134. <https://doi.org/10.1080/15265161.2024.2441762>.
4. Zohny H. The Specter of Corporate Necromancy: Who Controls the Dead in the Age of Digital Doppelgangers? *The American Journal of Bioethics*. 2025;25(2):113–115. <https://doi.org/10.1080/15265161.2024.2441755>.
5. Rank O. The Double: A Psychoanalytical Study / trans. from Germ. H. Tucker. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1971. 123 p.
6. Freud S. The 'Uncanny'. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. Vol. XVII (1917–1919) / trans. from Germ. J. Strachey. London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis, 1955. P. 219–252.
7. Bazin A. The Ontology of the Photographic Image / trans. from Fr. H. Gray. *What Is Cinema?* Berkeley: University of California Press, 1967. P. 9–16.
8. Pirandello L. Shoot! (Si Gira). The Notebooks of Serafino Gubbio, Cinematographer Operator / trans. from Ital. C. K. Scott Moncrieff. New York: E. P. Dutton and Co., 1926. 329 p.
9. Benjamin W. The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction / trans. from Germ. H. Zohn. *Illuminations* / Ed. H. Arendt. London: Fontana, 1992. P. 211–244.
10. Bode L. Digital Doppelgangers. *M/C Journal*. 2005;8(3). <https://doi.org/10.5204/mcj.2369>.
11. Kelley A. E., Blumenthal-Barby J. Digital Doppelgängers, Grief Bots, and Transformational Challenges. *The American Journal of Bioethics*. 2025;25(2):1–2. <https://doi.org/10.1080/15265161.2025.2450978>.
12. Huberman J. Immortality transformed: mind cloning, transhumanism and the quest for digital immortality. *Mortality*. 2017;23(1):50–64. <https://doi.org/10.1080/13576275.2017.1304366>.
13. Lifton R. J., Olson E. Symbolic Immortality. *Death, Mourning, and Burial: A Cross-Cultural Reader* / Ed. A. C. G. M. Robben. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 32–39.
14. Douthwaite J. A., Lesage B., Gleirscher M. [et al.]. A Modular digital twinning framework for safety assurance of collaborative robotics. *Frontiers in Robotics and AI*. 2021;8:758099. <https://doi.org/10.3389/frobt.2021.758099>.
15. Grieves M. W. Product lifecycle management: The new paradigm for enterprises. *International Journal of Product Development*. 2005;2(1-2):71–84. <https://doi.org/10.1504/IJPD.2005.006669>.
16. Negri E., Fumagalli L., Macchi M. A Review of the Roles of Digital Twin in CPS-Based Production Systems. *Procedia Manufacturing*. 2017;11:939–948. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.07.198>.
17. Sahal R., Alsamhi S. H., Brown K. N. Personal Digital Twin: A Close Look into the Present and a Step Towards the Future of Personalised Healthcare Industry. *Sensors*. 2022;22(15):5918. <https://doi.org/10.3390/s22155918>.
18. Foundational Research Gaps and Future Directions for Digital Twins. *National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine*. Washington, DC: The National Academies Press, 2024. <https://doi.org/10.17226/26894>.
19. Kritzing W., Karner M., Traar G. [et al.]. Digital Twin in manufacturing: A categorical literature review and classification. *IFAC-PapersOnLine*. 2018;51(11):1016–1022. <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.08.474>.
20. Miller M. E., Spatz E. A unified view of a human digital twin. *Human-Intelligent Systems Integration*. 2022;4:23–33. <https://doi.org/10.1007/s42454-022-00041-x>.
21. Bode M., Kristensen D. B. The Digital Doppelgänger within: A study on self-tracking and the quantified self movement. *Assembling Consumption: Researching Actors, Networks and Markets* / Eds. R. Canniford, D. Bajde. Abingdon: Routledge, 2015. P. 119–134.
22. Gaffinet B., Ali J. A. H., Naudet Ya. [et al.]. Human Digital Twins: A systematic literature review and concept disambiguation for industry 5.0. *Computers in Industry*. 2025;166:104230. <https://doi.org/10.1016/j.compind.2024.104230>.
23. Шталь Б. К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта. Кейсы и варианты решения этических проблем. Москва: НИУ ВШЭ, 2024. 200 с.
24. Shtal' B. K., Shreder D., Rodrigues R. Etika iskusstvennogo intellekta. Keysy i varianty resheniya eticheskikh problem. Moscow, 2024. 200 p. (In Russ.).

24. Fadler M., Legner C. Data ownership revisited: Clarifying data accountabilities in times of big data and analytics. *Journal of Business Analytics*. 2022;5(1):123–139. <https://doi.org/10.1080/2573234X.2021.1945961>.

25. He Q., Li L., Dai L. [et al.]. From digital human modeling to human digital twin: Framework and perspectives in human factors. *Chinese Journal of Mechanical Engineering*. 2024;37:9. <https://doi.org/10.1186/s10033-024-00998-7>.

26. Allegri M. R. The Right to Be Forgotten in the Digital Age. *What People Leave Behind: Marks, Traces, Footprints and their Relevance to Knowledge Society* / Eds. F. Comunello, F. Martire, L. Sabetta. Cham: Springer, 2022. P. 237–251.

27. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании / пер. с англ. В. Тулаева. Москва: АСТ, 2024. 414 с.

Kyubler-Ross E. O smerti i umiranii / trans. from Engl. V. Tulayev. Moscow, 2024. 414 p. (In Russ.).

28. Chaparro-Cárdenas S. L., Ramirez-Bautista J.-A., Terven J. [et al.]. A technological review of digital twins and artificial intelligence for personalized and predictive healthcare. *Healthcare*. 2025;13(14):1763. <https://doi.org/10.3390/healthcare13141763>.

29. Ferdousi R., Laamarti F., Hossain M. A. [et al.]. Digital Twins for Well-Being: An Overview. *Digital Twin*. 2025;2(3). <https://doi.org/10.12688/digitaltwin.17475.2>.

30. Lin Y., Chen L., Ali A. [et al.]. Human digital twin: A survey. *Journal of Cloud Computing*. 2024;13:131. <https://doi.org/10.1186/s13677-024-00691-z>.

31. Katsoulakis E., Wang Q., Wu H. [et al.]. Digital twins for health: A scoping review. *npj Digital Medicine*. 2024;7:77. <https://doi.org/10.1038/s41746-024-01073-0>.

32. David D., McMahan R. D., Sudore R. L. Living wills: One part of the advance care planning puzzle. *Journal of the American Geriatrics Society*. 2019;67(1):9–10. <https://doi.org/10.1111/jgs.15688>.

33. Methuku V., Myakala P. K. Digital Doppelgangers: Ethical and Societal Implications of Pre-Mortem AI Clones. *arXiv preprint*. 2025. arXiv:2502.21248. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.21248>.

34. Ашмарин И. И., Юдин Б. Г. Человеческий потенциал: основы гуманитарной экспертизы // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. Москва: Эдиториал УРСС, 1999. С. 39–54.

Ashmarin I. I., Yudin B. G. Chelovecheskiy potentsial: osnovy gumanitarnoy ekspertizy. *Chelovecheskiy Potentsial: Opyt Kompleksnogo Podkhoda*. Moscow, 1999. P. 39–54. (In Russ.).

Информация об авторе:

АНТИПОВ Алексей Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник секто-

ра гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук, г. Москва.

SPIN-код: 7782-1854

AuthorID (РИНЦ): 828022

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7048-3373>

AuthorID (SCOPUS): 58117217900

ResearcherID: U-8814-2018

e-mail: nelson02@yandex.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 01.04.2026; принята к публикации 03.09.2026.

Information about the author:

ANTIPOV Aleksei Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Humanitarian Expertise and Bioethics Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

SPIN-code: 7782-1854

AuthorID (RSCI): 828022

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7048-3373>

AuthorID (SCOPUS): 58117217900

ResearcherID: U-8814-2018

e-mail: nelson02@yandex.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 01.04.2026; accepted for publication 03.09.2026.

УДК/UDC 101.1

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-104-109>

EDN: MDPXDL

Научная статья/Original article

КРИТИКА ЛАНДШАФТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ

А. Г. Андрушкевич

Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Россия, 634055, г. Томск, пр. Академический, 10/4

andryusha.fsf@gmail.com

Настоящая статья представляет собой критический анализ концепции ландшафтной детерминации философских традиций, предложенной в работе Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева *Ландшафтные миры философии: поморский ландшафт и континентальная философия*.

Рассматриваются наиболее фундаментальные характеристики аналитической философии, к которым относится приоритет логики и значимость аргументации, выделение языка в качестве центрального элемента, анализ которого представляется в качестве основного инструмента для решения философских проблем, а также исследовательская последовательность и ясность, характерные для естественных и точных наук. На основании рассмотрения выделенных выше отличительных особенностей, определяющих специфический аналитический стиль философствования, демонстрируется методологическая несостоятельность концепции ландшафтных миров. Утверждается, что редукция своеобразия философских традиций к географическим и этнографическим факторам безосновательна. Отдельно рассматривается тезис о 'континентализме' философии Л. Витгенштейна.

Демонстрируется, что сущностное, содержательное и стилистическое различие между аналитической и континентальной традициями в современной философии лежит в плоскости отношения к науке, стилю мышления и эпистемологическим установкам, а не ландшафтного происхождения. В качестве альтернативы предлагается понимание аналитической философии как интернациональной традиции, объединенной общими нормами рациональности и аргументативной практики.

Ключевые слова: аналитическая философия, континентальная философия, ландшафтные миры, метафилософия, лингвистический поворот, Витгенштейн

Для цитирования: Андрушкевич А. Г. Критика ландшафтной детерминации философских традиций. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 104–109. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-104-109>. EDN: MDPXDL.

© Андрушкевич А. Г., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

CRITIQUE OF LANDSCAPE DETERMINISM FOR PHILOSOPHICAL TRADITIONS

A. G. Andrushkevich

Tomsk Scientific Center Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Akademicheskii Ave., 10/4, Tomsk, 634055, Russia

andryusha.fsf@gmail.com

The article presents a critical analysis of the concept of landscape determination for philosophical traditions, proposed in *Landscape Worlds of Philosophy: The Pomor Landscape and Continental Philosophy* by Yu. V. Popkov and E. A. Tyugashev.

The author considers the most fundamental characteristics of analytic philosophy, including the priority of logic and the significance of argumentation, the emphasis on language as a central element, the analysis of

which is presented as the main tool for solving philosophical problems, as well as the research consistency and clarity characteristic of the natural and exact sciences. Based on an examination of the distinctive features identified above, which determine the specific analytical style of philosophizing, the methodological inconsistency of the landscape worlds' concept is demonstrated. It is argued that the reduction of the uniqueness of philosophical traditions to geographical and ethnographic factors is unfounded. The thesis on the 'continentalism' of Ludwig Wittgenstein's philosophy is separately considered.

It is demonstrated that the essential, substantive, and stylistic differences between the analytic and continental traditions in contemporary philosophy lie in their attitudes toward science, their style of thought, and their epistemological precepts, rather than in their geographical origins. As an alternative, it proposes an understanding of analytic philosophy as an international tradition united by shared norms of rationality and argumentative practice.

Keywords: analytic philosophy, continental philosophy, landscape worlds, metaphilosophy, linguistic turn, Wittgenstein

For citation: Andrushkevich A. G. Critique of landscape determinism for philosophical traditions. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(3):104–109. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-104-109>. EDN: MDPXDL. (In Russ.).

© Andrushkevich A. G., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Вопрос о влиянии природных и географических условий, вне всяких сомнений, особенно актуален тогда, когда дело касается национальной или этнической философской интеллектуальной традиции. Особенности мировосприятия во все времена находили свое отражение в творчестве не только художников, но и мыслителей. Однако вызывает сомнение тезис Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева о том, что характер и содержание аналитической философии можно выразить посредством концепта 'ландшафтных миров' [1].

Концепция ландшафтных миров философии (ЛМФ) предлагает оригинальное, но методологически сомнительное объяснение различий между аналитической и континентальной философией (АФ и КФ) через призму географического детерминизма. Так, авторы утверждают, что в основе АФ лежит «водный, или морской комплекс представлений» [1, с. 67], который детерминирует ценности и ориентиры традиции, к каким относят четкость, ясность, однозначность границ, либерализм и интерес к языку. Географически, соответственно, АФ локализована в Великобритании, Скандинавии, Северной Америке и Австралии. В свою очередь КФ детерминирована 'поморской культурой', которая определяется как континентальная. Отдельно отметим, что политически КФ доктринально определяется как 'темное' почвенничество.

Основной тезис данной статьи заключается в следующем: ЛМФ представляет собой методологически несостоятельный редукционизм, упускающий из виду сущностные характеристики АФ как интернационального философского явления, для которого характерны приверженность логике, ясности и строгости аргументации. АФ ориентирована на идеалы научной рациональности, которая, соответственно, не вписывается в рамки национального или этнического мировосприятия. Тезис же Попкова и Тюгашева о 'континентализме' Л. Витгенштейна основан на поверхностном прочтении его биографии и игнорировании как его фундаментального вклада в формирование АФ, так и непосредственно его философских идей.

1. Критика методологических оснований ландшафтной концепции

Подход ЛМФ, как форма культурно-географического редукционизма, указывает на вне-философские детерминанты как на определяющие основания метафилософской оппозиции АФ/КФ. Представляется, что выявление внешних, природно-географических условий способно внести ясность в вопрос о том, что же представляет собой основная и привычная многим классификация философских направлений последних десятилетий. Собственно, именно это и оказывается наиболее сомнительным: на место сложных тенденций развития интеллектуальных традиций, которые формировались в философии XIX века, подставляется *спекулятивно-метафизический* тезис ЛМФ. То есть в основании ЛМФ лежит стратегия, которая непосредственно и была целью критики довоенных аналитиков. Не меньшее замешательство вызывает внутреннее противоречие: с одной стороны, утверждается, что АФ сформировалась в годы Второй мировой войны [1, с. 69], но, с другой — к классическим представителям относят (вполне правомерно) Г. Фреге, который умер в 1925 г., и Б. Рассела, *Principia Mathematica* которого публиковалась в период с 1910 по 1913 гг. То есть уже при поверхностном рассмотрении работы Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева мы видим внутреннюю несостыковку предлагаемой программы, которая, в лучшем случае, воспринимается как *спекулятивный миф*.

Вместе с этим следует с известным недоверием отнестись к поспешному обобщению, которое предпринимают авторы. Не до конца понятно, на каком основании осуществляется переход от рассмотрения пространства Моря, которое изначально закрепляется за скандинавской культурой, к рассмотрению Австралийской и Североамериканской культуры. Если в случае с Великобританией еще уместно говорить о некотором влиянии ландшафта на мировосприятие (в герменевтическом смысле), то каким образом море оказало влияние на У. Куайна, уроженца штата Огайо? Мы могли бы привести больше примеров, но не видим в этом необходимости. К примеру, Фреге родился в портовом городе,

тогда как Витгенштейн учился в Великобритании (однако не на побережье). Географический критерий работает релевантным образом лишь в ряде избранных случаев и не в состоянии внести ясности в вопрос о границах АФ/КФ. Скорее, напротив, ЛМФ лишь подпитывает миф о территориальном делении современной философии. По логике авторов рассматриваемой работы, Венский кружок невозможен, поскольку, исходя из ЛМФ, должен базироваться на 'пространстве Земли'.

2. Критика редукционизма АФ к 'морскому комплексу'

Попков и Тюгашев пишут: «Возникший на палубе пиратского корабля приоритет 'Слова' над 'Делом' стал социально-практической основой того, [как] язык оказался в центре внимания античной философии. С учетом этого интерес аналитических философов к языку выглядит неслучайным» [1, с. 69]. Данный чисто спекулятивный пассаж кажется нам крайне сомнительным. Во-первых, спорным выглядит уже само по себе сопоставление деятельности представителей АФ с пиратами. Во-вторых, А. Данто проводит параллель между АФ и Сократом, для которого философия являлась жизненной практикой [2, р. 612], то есть буквально 'Делом'. И, наконец, в-третьих, интерес к языку действительно нельзя назвать случайным, но очевидно неправомерность его обоснования через 'Море' или 'атлантизм'. Феномен АФ, который, как отмечает А. Стролл, очень тесно связан со своей историей [3, с. 9], при историческом рассмотрении следует вписывать в контекст лингвистического поворота, который характеризуют всю философию XX века. Понятие 'поворота к языку' (*linguistic turn*) впервые мы встречаем у Г. Бергмана [4], но широкое распространение он получил благодаря Р. Рорти [5]. Историко-философский анализ явления лингвистического поворота (в том числе в контексте оппозиции АФ/КФ) представляется крайне перспективной и востребованной среди исследователей темой. Дело в том, что стремление к прояснению понятия вызвало неожиданный эффект. Дж. Серкис пишет по этому поводу: «Выражение 'лингвистический поворот' имеет сложную историю, сложность которой в некоторой степени опровергается коротким движением, которое 'поворот' должен описывать» [6, р. 705]. В сущности, поворот к языку не представляет собой единичного явления, в действительности наблюдается двойственность оказанного им эффекта.

Во-первых, классические проблемы метафизики и эпистемологии обрели языковую форму. Вопросы о структуре реальности, природе знания и даже морали начали рассматриваться через призму семантики, синтаксиса и прагматики. Например, проблема универсалий перешла в плоскость логико-семантического анализа (Г. Фреге, Б. Рассел), а дискуссии о скептицизме трансформировались в дебаты о критериях смысла (логический позитивизм). В рамках неокантианства язык рассматривается на стыке философии культуры и философской антропологии (Э. Кассирер).

Во-вторых, возникли совершенно новые тематические зоны. В рамках аналитической философии появились теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрл), философия обыденного языка (поздний Витгенштейн, П. Ф. Стросон), аналитическая герменевтика (Д. Дэвидсон) и прагматическая семантика (Д. Льюис). В рамках КФ формируются фундамен-

тальная онтология М. Хайдеггера, структурализм и постструктурализм, структурный психоанализ Ж. Лакана.

Эти дисциплины не существовали бы без признания самостоятельности языка как исследовательского поля.

Непосредственно лингвистическому повороту в европейской философии предшествует инструменталистское понимание языка [7, с. 64–106], апогеем которой является концепция А. Марти. Полемизируя с современной ему лингвистической философией, Марти отстаивает функционально-целевую природу языка, развивая и защищая представление о языке как инструменте познания в духе античного *ὄργανον*. «Язык — это *органон*, который, как любой инструмент, может быть постигнут из целей или задач, которые он должен выполнять», пишет Марти [8, с. 53]. Рассматривая философию языка в качестве составляющей части общей науки о языке, Марти делит все имеющиеся языковые знаки на естественные и искусственные [8, с. 3–4]. При этом язык как феномен представляет собой именно искусственный знак, который был образован намеренно в целях передачи информации. Сама сущность языка, по мысли Марти, определяется именно той задачей, ради которой он был организован. И этой задачей, безусловно, является коммуникация между субъектами [9, с. 126]. Он утверждает, что язык следует анализировать не с точки зрения его онтологии или структуры, а через призму коммуникативной функции. Язык — это инструмент коммуникации в самом широком смысле слова, его формы, механизмы, правила и преобразования подчинены исключительно этой цели.

Однако представление о языке терпит существенные изменения в последней трети XIX в. На фоне роста дисциплинарности научного знания язык становится непосредственным предметом исследования для лингвистов, логиков, психологов. Будучи вовлеченным в научный дискурс не в качестве инструментального придатка к познанию, а в роли непосредственного предмета интереса, язык обретает новый статус. Как отмечает В. А. Ладов, за языком закрепляется «трансцендентальный статус, было признано, что он фундирует все сферы познавательной активности человека» [10, с. 6]. Философия перестаёт рассматривать язык как 'внешний атрибут' логики или психологии и признаёт за ним конститутивную функцию. В языке оформляется не только результат познания, в нем буквально создаются категории, на основании которых познание осуществляется.

Отсюда происходит центральное положение феномена лингвистического поворота: язык обладает трансцендентальной функцией, то есть задает предпосылки как таковой возможности опыта, коммуникации и социальной практики. Философский анализ трансформируется в языковой, а классические метафизические вопросы находят свои новые формулировки в плоскости семантики, прагматики и синтаксиса. И представители АФ, и феноменологи, и герменевты, и структуралисты, и постструктуралисты приходят к одному и тому же: сначала следует уточнить, *каким образом* мы говорим о вещах, лишь затем спрашивать, *что* они собой представляют. Язык в рамках лингвистической философии XX в. наделяется не вспомогательной, а учредительной силой, определяющей и границы познания, и конфигурацию культуры.

Таким образом, если феномен АФ вписывается в более широкий историко-философский контекст лингвистического поворота, то тезис о корреляции специфики аналитической традиции с 'психологией человека Моря' оказывается не выдерживающим никакой критики. Представители КФ столь же часто обращаются к феномену языка, но иначе, чем это делают аналитические философы, с иными целями. Тем не менее, с точки зрения ЛМФ, интерес к языку закрепляется как характерная черта именно АФ.

Акцентирование на вторичных, порою даже избыточных ассоциациях, какое предполагает концепция ландшафтных миров, исключает из поля зрения более глубокие, сущностные стилистические и методологические различия. К ним можно отнести отношение к науке, характер использования языка для решения проблем, стиль философствования¹. Специфика АФ определяется особым отношением к науке, но никак не близостью аналитиков к морю.

3. 'Континентальна' ли КФ?

Далее следует обратить внимание на следующую мысль, касающуюся КФ: «Неустранимое состояние сомнения ... неприемлемое для «почвенной» континентальной философии» [1, с. 70]. Не до конца понятно, каким образом авторы экстраполируют образ КФ XX в. на весь вектор развития западноевропейской мысли. Однако почему для КФ неприемлемым является неустранимое состояние сомнения? Мы склонны полагать, что все как раз-таки наоборот. Именно в рамках континентальной традиции формируется феномен постмодернизма как выражения общего экзистенциального и культурного состояния современности, утрату доверия к науке. Распространяются скептические релятивистские настроения, которые охватывают не только универсальность науки, но и ее нормативность, саму идею прогресса и рациональности. Постмодернизм — это свидетельство утраты доверия к модернистскому проекту Просвещения [12]. Этот проект становится для представителей КФ основной мишенью для критики, когда классические эпистемологические основания знания вытесняются, а на их место приходит эпоха пост-истины (*post-truth*) [13, с. 335].

Аналогичные выводы делает и Н. Леви: «Континентальные мыслители часто возражали против гегемонии науки в современной культуре, настаивая на том, что она не представляет собой ни единственный вид знания, ни даже самый базовый его вид» [14, р. 288]. Это возражение укоренено в более широкой критике модернистской рациональности и объективизма, характерной для континентальной традиции, начиная с Ницше и Хайдеггера, вплоть до постструктуралистов и представителей постмодерна. В рамках КФ наука мыслится не как нейтральный и универсальный инструмент познания, а как форма власти, дискурсивная практика, подверженная историческим и культурным трансформациям. КФ стремится исследовать границы научного знания, выявляя его предпосылки, идеологические компоненты и экзистенциальные следствия. Каким образом это сочетается с тем образом земного-слитного, который эксплицируется в ЛМФ, не до конца понятно.

Если феномен лингвистического поворота затрагивает не только АФ, но и КФ, то означает ли это, что континентальные мыслители тоже испытали влияние близости моря? А. Камю, к примеру, родился на побережье Средиземного моря, что, тем

не менее, не помешало ему избежать участи быть философом-аналитиком.

4. Критика тезиса

о 'континентализме' Витгенштейна

В работе Попкова и Тюгашева также дополнительно выделяется пять положений, призванных проиллюстрировать ориентацию Витгенштейна на континентальные ценности: (1) политический консерватизм²; (2) мистицизм и симпатии к философам-иррационалистам; (3) использование метафоры 'почвы'; (4) ценность для Витгенштейна семейных отношений, симптоматически проявившуюся в его теории 'семейных сходств'; (5) его мятущийся характер [1, с. 70]. Крайне сомнительным и уязвимым выглядит тезис, что эти пять положений определяют «его [Витгенштейна] сложное отношение к аналитической философии» [1, с. 67]. Витгенштейн внес решительный вклад в ее развитие, при том не единожды. И *Трактат*, и *Философские исследования* являются фундаментальными текстами для всей аналитической традиции, каждый из них определил вектор развития АФ своей эпохи: *Трактат* оказал колоссальное влияние на логический позитивизм и деятельность Венского кружка, *Философские исследования* — на оксфордскую философию обыденного языка.

Стиль, в котором написан *Логико-философский трактат*, предельно аналитический: четкая структура и стремление к логической прозрачности однозначны. Объяснять 'происхождение' данного текста простым влиянием 'морского комплекса', игнорируя нетривиальную одаренность автора, несколько абсурдно. Пункты же (1), (2) и (5) в принципе не касаются Витгенштейна как мыслителя. Напротив, обращение к его биографии выдает в нем последовательную и принципиальную личность, склонную к практической деятельности. Политические взгляды и личные интересы не находят своего отражения ни в структуре, ни в содержании его работ, ни в разрабатываемой им методологии. Если же (5) предполагает решительную смену его философских взглядов, то тогда ситуация становится еще более запутанной. Собственно, отвержению идей *Трактама* поздним Витгенштейном предшествуют десятилетия развития философских взглядов.

Относительно (3) хочется сделать акцент на контексте рассматриваемой метафоры: «Чем более пристально мы приглядываемся к реальному языку, тем резче проявляется конфликт между ним и нашим требованием (ведь кристальная чистота логики оказывается для нас недостижимой, она остается всего лишь требованием.) Это противостояние делается невыносимым; требование чистоты грозит превращением в нечто пустое. — Оно заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно трение. Назад, на грубую почву!» [15, с. 126]. Как можно заметить, случайное совпадение с 'континентальными ценностями' никак не отдаляет Витгенштейна от АФ. Напротив, это максимально приземленное сравнение, переводящее фокус внимания АФ от позитивистских стремлений к созданию идеального языка к анализу обыденного словоупотребления.

Аналогичные замечания можно сделать и относительно (4). Не вызывает доверия интерпретация концепции 'семейных сходств' как проявления 'континентализма' Витгенштейна. Акцент авторов

на используемом ярлыке 'семейные' никак не отражает само содержание концепции, которое за ней скрывается. Разработанная Витгенштейном концепция призвана разрешить проблему определения понятий. Ее суть в демонстрации того, как функционирует язык. Ее появление — это следствие изначальной принадлежности Витгенштейна к дискуссиям представителей АФ, а не выражение некоторой этнокультурной или 'ландшафтной' установки.

Стремление вписать, возможно, самого значительного представителя традиции в ЛМФ можно понять. Но важно понимать, что оно основано не на анализе его философских идей, а на смешении очень частных биографических деталей и периферийных интересов. Сложности же, которые имели место в его отношениях с коллегами, по всей видимости, объясняются оригинальностью и радикальностью его идей, но никак не 'ландшафтным конфликтом'.

5. Отношение к науке как альтернатива ЛМФ

В противовес географическому редукционизму ЛМФ мы предлагаем понимание АФ и, соответственно, прояснение оппозиции АФ/КФ через отношение их представителей к науке. Собственно, само различие между двумя философскими традициями можно рассматривать как отражение имеющихся в XX—XXI вв. двух разных отношений к науке, истине, культуре и самому философствованию. АФ нацелена на ясность, научность, дедукцию в духе естествознания и математики, а КФ — на рефлексию над условиями возможности знания, на критику языка, власти, субъектности. Эти направления не только по-разному понимают философию, но и опираются на различные образы самой науки.

Разграничение между философскими традициями можно рассматривать как отражение этой противоположности. Следуя своим истокам в логическом позитивизме, логицизме и языковом анализе, АФ унаследовала веру в науку как модель рациональности и стандарт знания. Ее методологическая установка предполагает четкую аргументацию, логическую структуру, проверяемость и формализацию. Не случайно, что Х. Патнем указывает, что «самоимидж аналитической философии скорее научный, чем гуманитарный» [16, с. 133]. Неаналитический, или континентальный философ, таким образом, занимает позицию гуманитария, критически настроенного по отношению к научной рациональности. Аналитики стремятся сближать философию с естественными науками, ориентирясь на общие стандарты доказательства, возможности верификации и кумулятивного роста знания. Подчеркивая значимость науки для АФ и ее ориентацию на идеалы научной рациональности, Н. Решер в качестве одной из характеристик АФ выделяет 'приоритет науки' [17, с. 457—458]. Схожие мысли высказывает и Рорти: «Большинство аналитических философов не склонны понимать свою дисциплину как гуманитарную. Они считают ее точным исследованием объективного знания и по этой причине скорее схожей с естественными науками. Гуманитарные же науки они рассматривают как арену столкновения неоспариваемых мнений. Философы такого типа предпочитают располагаться — для целей исключительно административных — как можно дальше от профессоров литературы и как можно ближе к профессорам физики» [18, с. 263]. Такая пози-

ция делает АФ ближе к научному идеалу, в позитивном, контровском его понимании, в то время как континентальная традиция, напротив, сближается с критической теорией, герменевтикой, эстетикой и иными формами гуманитарного знания. Близость АФ к естествознанию отмечает также и Р. Хамфрис [11, р. 259].

Аналитическая традиция, таким образом, представляется как форма мышления, которая культивируется, а не 'произрастает' из почвы. АФ основывается на логике, которая, как известно, формальна, то есть логическая структура высказывания не зависит от происхождения субъекта. Язык в рамках АФ рассматривается как конститутивный феномен, а не как национальное или тем более географическое явление. В равной степени и научная рациональность естествознания и математика, которая выступает эталоном для АФ, несводима к 'ландшафтным мирам'. Подобный редукционизм может оказаться оправданным тогда, когда в фокусе внимания оказывается гуманитарная, критическая позиция по отношению к науке, рассмотрение ее в качестве одной из дискурсивных практик, что, на наш взгляд, идет вразрез с общим настроением представителей АФ, отмечающих близость аналитической традиции и естествознания³.

Соответственно, аналитическая философия представляет собой особый способ или стиль постановки и решения философских проблем [19, с. 237—239], который основан на приоритете науки и объединяет сегодня авторов ориентацией на эталоны физики и математики вне зависимости от географической или этнонациональной принадлежности.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 26-78-1013 (<https://rscf.ru/project/26-78-10133/>).

The research was funded by the Russian Science Foundation within the project No. 26-78-1013 (<https://rscf.ru/project/26-78-10133/>).

Примечания

¹ Мы употребляем понятие *стиль* как непосредственное выражение философского мышления, а не поверхностную характеристику представления результатов исследования. Стиль, как утверждается, всегда связан с содержанием [11, р. 257—258].

² Здесь можно отметить, что, например, Фреге и Куайн, известные своими консервативными политическими взглядами, должны быть по логике Попкова и Тюгашева отнесены к КФ, что выглядит более чем странным.

³ В частности, к ним относятся Патнем, Рорти, Решер, Хамфрис и множество других авторов, которые не были процитированы в данной работе.

Список источников / References

- Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Ландшафтные миры философии: поморский ландшафт и континентальная философия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4. С. 65—72.
- Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. Landscape worlds of philosophy: pomor landscape and continental philosophy. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian And Social Sciences"*. 2012;4:65—72. (In Russ.).

2. Danto A. Analytical Philosophy. *Social Research*. 1980;47(4):612–634.
3. Стролл А. Аналитическая философия: двадцатый век / пер. с англ. В. В. Целищева. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 384 с.
- Stroll A. Analiticheskaya filosofiya: dvadtsatyy vek / trans. from Engl. V. V. Tselishchev. Moscow, 2020. 384 p. (In Russ.).
4. Bergmann G. Logic and Reality. Madison: The University of Wisconsin Press, 1964. 355 p.
5. Rorty R. Introduction: Metaphysical Difficulties of Linguistic Philosophy. *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method* / Ed. R. Rorty. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. P. 1–39.
6. Surkis J. When Was the Linguistic Turn? A Genealogy. *American Historical Review*. 2012;117(3):700–722. <https://doi.org/10.1086/ahr.117.3.700>.
7. Медведев В. И. Философия языка. Очерки истории. Санкт-Петербург: РХГА, 2012. 336 с.
- Medvedev V. I. Filosofiya yazyka. Ocherki istorii. Saint Petersburg, 2012. 336 p. (In Russ.).
8. Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle: Max Niemeyers Pub., 1908. 764 s.
- Marty A. Studies on the foundations of general grammar and philosophy of language. Halle: Max Niemeyers Pub., 1908. 764 p. (In Germ.).
9. Громов Р. А. Антон Марти — философия языка брентановской школы // Логос. 2004. № 41. С. 106–137.
- Gromov R. A. Anton Marti — filosofiya yazyka brentanovskoy shkoly. *Logos*. 2004;41:106–137. (In Russ.).
10. Ладов В. А. Формальный реализм. Томск: Издательство Томского университета, 2011. 132 с.
- Ladov V. A. Formal'nyy realizm. Tomsk, 2011. 132 p. (In Russ.).
11. Humphries R. Analytic and Continental: The Division in Philosophy. *The Monist*. 1999;82(2):253–277. <https://doi.org/10.5840/monist199982212>.
12. Levy N. Analytic and Continental Philosophy: Explaining the Differences. *Metaphilosophy*. 2003;34(3):284–304. <https://doi.org/10.1111/1467-9973.00274>.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 160 с.
- Liotar Zh.-F. Sostoyaniye postmoderna / trans. from Fr. N. A. Shmatko. Moscow; Saint Petersburg, 1998. 160p. (In Russ.).
14. Уэст, Д. Континентальная философия. Введение / пер. с англ. Д. Ю. Краlechкина. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 448 с.
- Uest. D. Kontinental'naya filosofiya. Vvedeniye / trans. from Engl. D. Yu. Kralechkin. Moscow, 2015. 448 p. (In Russ.).
15. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. Москва: Гнозис, 1994. С. 75–320.
- Vitgenshteyn L. Filosofskiye issledovaniya / trans. from Germ. M. S. Kozlova, Yu. A. Aseyev. *Filosofskiye Raboty*. P. I. Moscow, 1994. P. 75–320. (In Russ.).
16. Патнем Х. Полвека философии, рассмотренные изнутри / пер. с англ. В. В. Целищева. Москва, 2021. С. 101–135.
- Patnem Kh. Polveka filosofii, rassmotrennyye iznutri / trans. from Engl. V. V. Tselishchev. Moscow, 2021. P. 101–135. (In Russ.).
17. Решер Н. Взлет и падение аналитической философии / пер. с англ. А. В. Пономаревой // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). Москва: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 454–465.
- Resher N. Vzlet i padeniye analiticheskoy filosofii / trans. from Engl. A. V. Ponomareva. *Analiticheskaya Filosofiya: Stanovleniye i Razvitiye (Antologiya)*. Moscow, 1998. P. 454–465. (In Russ.).
18. Рорти Р. Аналитическая и трансформативная философия / пер. с англ. А. А. Юрганова // Философский журнал. 2018. №3. С. 5–19. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-3-5-19>. EDN: VAEFKY.
- Rorti R. Analiticheskaya i transformativnaya filosofiya / trans. from Engl. A. A. Yurganov. *Filosofskiy Zhurnal*. 2018;3:5–19. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-3-5-19>. EDN: VAEFKY. (In Russ.).
19. Фоллесдал Д. Аналитическая философия: что это такое и почему этим стоит заниматься? / пер. с англ. В. А. Ладова // Аналитическая философия права: юридический язык и речевые акты. Москва: Канон+, 2023. С. 219–239.
- Follesdal D. Analiticheskaya filosofiya: chto eto takoye i pochemu etim stoit zanimat'sya? / trans. from Engl. V. A. Ladov. *Analiticheskaya Filosofiya Prava: Yuridicheskiy Yazyk i Rechevyye Akty*. Moscow, 2023. P. 219–239. (In Russ.).
-
- Информация об авторе:**
АНДРУШКЕВИЧ Александр Геннадьевич, младший научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, г. Томск; старший преподаватель Отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.
SPIN-код: 5983-4682
AuthorID (РИНЦ): 1116402
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1004-3481>
AuthorID (SCOPUS): 58864151600
e-mail: andryusha.fsf@gmail.com
- Прозрачность финансовой деятельности:** автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.
- Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2026; принята к публикации 09.09.2026.
- Information about the author:**
ANDRUSHKEVICH Aleksandr Gennad'yevich, Junior Researcher of the Logical and Philosophical Studies Laboratory, Tomsk Scientific Center Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Tomsk; Senior Lecturer of the Social Sciences and Humanities Department, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk.
SPIN-code: 5983-4682
AuthorID (RSCI): 1116402
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1004-3481>
AuthorID (SCOPUS): 58864151600
e-mail: andryusha.fsf@gmail.com
- Financial transparency:** the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.
The author has read and approved the final manuscript.
The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.
- The article was submitted 24.09.2025; approved after reviewing 28.04.2026; accepted for publication 09.09.2026.

ВСЁ ЛИ УЧИТЫВАЮТ КРИТИКИ ДЖ. СЁРЛА ПРИ ВЫХОДЕ ИЗ 'КИТАЙСКОЙ КОМНАТЫ'?

О. А. Казанцев

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

 okazancev@sfedu.ru

Статья представляет критическую реплику на работу С. Б. Куликова *Всё ли учёл Дж. Сёрл при входе в 'Китайскую комнату'*? В исследовании предпринимается попытка проверить основательность не столько выдвинутого автором возражения против сёрловской критики сильного искусственного интеллекта, сколько предложенной С. Б. Куликовым стратегии защиты от возражений подобного рода.

В начале статьи даётся обоснование того, почему ответ от прогресса и появления качественно иных архитектур интеллектуальных систем (например, нейросетей) не получится отвергнуть посредством обращения к биологическому натурализму Дж. Сёрла и его же ответу от моделирования работы мозга. Затем предпринимается попытка соотнести выдвинутое С. Б. Куликовым возражение мысленному эксперименту американского философа с другими критическими ответами. В результате получается разработать собственный способ классификации множества опровержений сёрловской аргументации, а также разместить среди полученных типов и критику с помощью новых архитектур интеллектуальных систем.

На последнем исследовательском этапе предлагаются другие, отличные от используемых С. Б. Куликовым, способы защиты интуиции Дж. Сёрла против сильного искусственного интеллекта. Делается вывод, что без обновления концептуальных оснований аргумента 'Китайской комнаты' изначальная сёрловская гипотеза оказывается в уязвимом положении.

Ключевые слова: 'Китайская комната', мысленные эксперименты, сильный искусственный интеллект, нейросети, большие языковые модели, картотека, 'Китайская картотека'

Для цитирования: Казанцев О. А. Всё ли учитывают критики Дж. Сёрла при выходе из 'Китайской комнаты'? *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 110–120. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-110-120>. EDN: WIWCII.

© Казанцев О. А., 2026.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

DO THE CRITICS OF J. SEARLE TAKE EVERYTHING INTO ACCOUNT WHEN LEAVING THE CHINESE ROOM?

О. А. Kazantsev

Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russia

 okazancev@sfedu.ru

This article is a critical response to Sergey B. Kulikov's *Did John Searle Take Everything into Account When Entering the Chinese Room?* It seeks to examine not so much the soundness of the objection to Searle's critique of strong artificial intelligence put forward by Kulikov as the adequacy of Sergey B. Kulikov's proposed strategy of defending against objections of this kind.

First, it is shown why an appeal to progress and the emergence of qualitatively different architectures of intelligent systems, such as neural networks, cannot be rejected by invoking John Searle's biological naturalism and his brain simulation reply. Then an attempt is made to relate Kulikov's objection to the American philosopher's thought experiment to other critical responses. On this basis, a distinctive way

of classifying the variety of refutations of Searle's argument is developed, and critiques that rely on new architectures of intelligent systems are located within the resulting types.

At the final stage, alternative ways are proposed — different from those employed by Kulikov — of defending John Searle's intuitions against strong artificial intelligence. It is concluded that, without a renewal of the conceptual foundations of the Chinese Room argument, Searle's original hypothesis remains in a vulnerable position.

Keywords: Chinese Room argument, thought experiments, strong Artificial Intelligence, neural networks, large language models, filing cabinet, Chinese Filing Cabinet

For citation: Kazantsev O. A. Do the critics of J. Searle take everything into account when leaving the Chinese Room? *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3): 110–120. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-110-120>. EDN: WIWCII. (In Russ.).

© Kazantsev O. A., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Применительно к возникшей вокруг известного мысленного эксперимента Ф. Фут литературе используется термин 'вагонеткология' ('trolleyology') [1, с. 26]. Само наличие подобной '-логии' подчеркивает, что экспериментирование британского философа с вагонеткой привнесло значимую инновацию в этическую теорию. Появился новый способ проверки старых моральных интуиций [2, р. 89], который вышел за дисциплинарные пределы философской этики и породил множество как академических, так и пародийных вариаций [3]. И, по аналогии с вагонеткологией, допустимо указать на существование 'комнатоведения'¹ — области внутри философии сознания и сопредельных тематических регионов, сформированной вокруг обсуждения, критики и переложения на иные проблемы аргумента Дж. Сёрла 'Китайская комната'².

Законы жанра в 'комнатоведческой' литературе по большей части сводятся к своеобразному 'критическому императиву': *разработай такой ответ на аргументацию Сёрла, который покажет слабость, несерьёзность, ошибочность, порочность, непродуманность и т. д. его идей*. Во многом американский философ-аналитик собственноручно канонизировал именно такой способ рассуждений о 'Китайской комнате'³, сформулировав на материалах обсуждений с анонимными корреспондентами шесть классических ответов против своей гипотезы ('сильный' искусственный интеллект⁴, *понятый прежде всего как особенная компьютерная программа со способностью иметь собственные когнитивные состояния, невозможен*) — ответ от систем, ответ от робота, ответ от моделирования работы мозга, комбинированный ответ, ответ от других сознаний, ответ от нескольких обиталищ [4, с. 381]. Позднее к этой цепочке критики добавятся ответ от виртуального разума (*The Virtual Mind Reply*) [5], рассмотрение рассуждений Дж. Сёрла через призму модальной логики [6], сомнения относительно универсальности некоторых из интуиций мыслителя [7] и др. Что уж говорить о том экспериментальном разнообразии, которое возникает при переносе инсценировки из 'Китайской комнаты' в другие предметные рубрики или модификации в рамках всё тех же дебатов: 'моральная комната' [8], 'кабинет математики' [9], 'комната суммирования' [10], 'пазлы Лема' [11], 'комната случайных операций' [12], 'английская комната' [13], 'демон Сёрла' [14], 'шахматная комната' [15] 'пример Хелен Келлер' [16] и не только.

Приведённые выше возражения и вариации по мотивам аргументации Дж. Сёрла — малая доля от 'комнатоведческого' массива из критики, контр-критики и экстраполяций мысленного эксперимента. В недавней статье С. Б. Куликова была предложена ещё одна возможность для проверки надёжности сёрловского экспериментирования. А именно автор выдвинул предположение о том, что аргументация 'Китайской комнаты' применима лишь к одному, но не ко всем имеющимся проектам по созданию сильного ИИ: «Сёрл доказывает невозможность лишь того варианта [сильного] ИИ, который соответствует его собственным допущениям. Если же пересмотреть онтологические основания и учесть альтернативные архитектуры, в особенности нейроморфные, то могут открыться пути к созданию сильного ИИ, выходящие за границы его критики» [17, с. 79]. Но после рассуждений от противного (от того, что экспертные системы и нейросети, возможно, имеют потенциал для преодоления сёрловской критики) [17, с. 80] С. Б. Куликов возвращается к скепсису американского философа: «неизбежен вывод, что, несмотря на отсутствие развитых форм искусственного интеллекта во времена 'входа' Сёрла в его 'Китайскую комнату', весьма затруднительным было бы говорить о том, что он при построении мысленного эксперимента недоучёл какие-либо скрытые факторы. Очевидный прогресс компьютерных технологий скорее подтверждает критику возможности сильного ИИ» [17, с. 81–82].

Солидаризируясь с автором в том, что подобная апелляция к прогрессу в лице нейросетей не опровергает позиции Сёрла, согласиться с представленным рассуждением затруднительно. Ведь после введения предположения об ограниченности сёрловской дефиниции сильного ИИ, исследователь переходит через небольшое источниковедческое отступление [17, с. 81] к 'двойному обнулению' претензий генеративных моделей на интенциональность. А именно С. Б. Куликов опровергает потенциал нейросетей на возникновение сознания с помощью обращения к критике Сёрлом ответа от моделирования работы мозга, а затем довершает собственные рассуждения отсылкой к биологическому натурализму создателя 'Китайской комнаты' [17, с. 81]. Но в таком виде предложенная аргументация проблематична.

Во-первых, ответ от моделирования работы мозга и его сёрловская критика, к которым обращается С. Б. Куликов, не имеют непосредственного отношения к генеративным нейросетям в частности

и к коннекционизму как подходу в целом⁵. Косвенно это подтверждается самим Сёрлом при полемике с четой Чёрчендов, авторов коннекционистского ответа (*The Connectionism Reply*) [18, р. 227]: «мои оппоненты Чёрченды используют одну из разновидностей *ответа [от] систем*» [19]. Напрямую указанную неприменимость можно увидеть при сопоставлении ответа от моделирования работы мозга с основополагающими принципами в функционировании нейросетей: если сёрловские оппоненты из Беркли и MIT предлагали смоделировать в программе мозговую активность «носителя китайского языка, когда он понимает рассказы на китайском языке и даёт ответы на них» [4, с. 387], то проектировщики современного поколения ИИ используют некоторые принципы из работы естественных нейронных сетей для отладки функционирования нейросетей искусственного происхождения [20, с. 414]. Иными словами, программа, созданная для имитации деятельности мозга, и программа, вычислительная архитектура которой *создана на основе реальной деятельности мозга*, не одно и то же.

Во-вторых, С. Б. Куликов для разоблачения претензий генеративных моделей предлагает перейти с эпистемологического уровня (*проявлений познавательных способностей ИИ*) на уровень онтологический (*в чём реализованы познавательные способности ИИ*): «[человеческий] интеллект возникает на базе биологического субстрата, сформированного эволюцией: мозг как материальный носитель интеллектуальных функций обладает внутренней причинностью и способностью к самоорганизации. Компьютерные устройства, напротив, представляют собой артефакты технической деятельности. [...] в компьютерных системах отсутствует онтологическая основа для возникновения независимого интеллекта» [17, с. 81]. *Использование подобного 'онтологического аргумента' в пределе делает сам мысленный эксперимент 'Китайская комната' бессмыслицей.* Ведь если для опровержения потенциала какой-либо архитектуры интеллектуальной системы на роль сильного ИИ было бы достаточно сослаться на то, что вычисления или вычислительная машина не равны биологическому мозгу, такую тривиальную констатацию фактов с трудом можно назвать убедительной аргументацией [21, р. 186]. Определённые теоретические шаги и конкретное мысленное экспериментирование потому-то и необходимы Сёрлу в статье *Сознание, мозг и программы*, чтобы обосновать претензию биологического натурализма на объяснение природы интенциональности, сознания и когнитивных состояний: «[нет] никаких оснований, почему бы мы не могли передать машине способность понимать английский или китайский языки, ибо в некотором важном смысле наши тела и наши мозги суть в точности такие же самые машины. Но, с другой стороны, я вижу очень сильные основания для утверждения, что мы не смогли бы передать такие способности машине в том случае, когда функционирование этой машины определено только в терминах вычислительных процессов. [...] один аспект предлагаемого мной аргумента состоит в том, что лишь нечто такое, что обладает этими каузальными способностями и могло бы обладать интенциональностью. Быть может, другие физические и химические процессы могли бы продуцировать в точности те же эффекты» [4, с. 393].

Ниже предлагается рассмотреть идею С. Б. Куликова о том, что сёрловская аргументация не покрывает всего современного поля по созда-

нию сильного ИИ, без отсылок к критике ответа от моделирования работы мозга и биологическому натурализму, *в чистом виде*. Притом попробуем оценить предложение автора в контексте других 'комнатоведческих' дискуссий. Подобный шаг позволит лучше 'измерить' критический потенциал, заключённый в изначальной гипотезе С. Б. Куликова, а также определить типичность или нетипичность предложенного возражения Сёрлу. Для этого начнём с рассмотрения основных подходов к классификации замечаний, контраргументов и ответов в полемике о 'Китайской комнате'. И, в конечном счёте, постараемся понять: *всё ли учитывают критики Сёрла при выходе из 'Китайской комнаты'?*

Классификационные подходы в дискуссии о 'Китайской комнате'

Помимо основного способа разметки возражений сёрловским интенциям, предложенного автором 'Китайской комнаты', в обширном корпусе из критической и апологетической литературы встречаются и работы иного типа. Исследования, направленные на разработку и обоснование альтернативных способов классифицировать разнородные аргументы в пользу той или иной стороны внутри 'комнатоведческих' баталий. Среди таких альтернатив следует выделить классификационные подходы за авторством Д. Деннета и Д. Хофштадтера, Р. Дампера, а также Д. Коула. Существуют и другие модели распределения возражений против суждений Сёрла, но остановимся на заявленных трёх как наиболее гетерогенных относительно друг друга.

Д. Деннет и Д. Хофштадтер предлагают рассматривать 'Китайскую комнату' (как и всё семейство из аналогичных мысленных экспериментов, призванных «стимулировать искреннее, прочувственное интуитивное озарение») в качестве *насоса интуиции* [22, с. 20]. Подобный ракурс позволяет разложить воображённый Сёрлом опыт на составные блочные элементы (ручки или регуляторы), прокручивая каждый из которых можно получить самые разнообразные и довольно неожиданные экспериментальные вариации [14, с. 334]. Сюда будут попадать и предложенные самим изобретателем 'Китайской комнаты' реплики, вроде интериоризации комнатного содержания внутрь головы оператора-имитатора, и любые модификации мысленного эксперимента, к примеру демон Хогелэнда [14, с. 335–336]. При таком подходе допустимо раскладывать возражения против сёрловских интенций, имеющие модифицированную экспериментальную форму, через соотнесение с коррекцией комнатной процедуры в том или ином элементарном блоке (имитационный материал, степень аккуратности при имитировании, размер имитации, размер оператора, скорость работы оператора) [14, с. 334].

Р. Дампер выдвигает классификационный подход, основанный на *модальной реконструкции* 'Китайской комнаты' [23, р. 169–170]. Используя подход Р. Соренсена к логической структуре деструктивных мысленных экспериментов (направленных на опровержение, а не на подтверждение гипотетического утверждения) [23, р. 171], исследователь выделяет пять элементов в аргументе Сёрла: исходное модальное утверждение; логическое следование; обнаружение странного следствия; выявление абсурдности такого странного следствия; содержательная возможность [23, р. 171–172]. При этом из каждого следует определённый класс опро-

вержений, благодаря чему классификация выстраивается по точке приложения критики.

Д. Коул выводит классификацию иного формата: различие и распределение возражений против позиции, экспериментирования и аргументации Сёрла по степени уступчивости (т. е. согласия / частичного согласия / полного несогласия с ним) [5]. В конечном счёте так можно выделить три группы ответов аргументу 'Китайской комнаты': признание того, что оператор комнаты ничего не понимает, но понимание производится чем-то иным (это, к примеру, ответ от систем); допущение того, что комнатный индивид действительно не понимает, но всё дело в выбранном типе программы и / или 'железа', которые можно изменить, заменить или подвергнуть апгрейду для возникновения понимания (например, ответ от робота); и все иные критические подходы, утверждающие, что либо человек в комнате на самом деле понимает, либо сама конструкция эксперимента сомнительна для целей возникновения понимания, либо иные опровергающие Сёрла варианты [5].

У всех трёх описанных классификационных подходов есть как свои сильные, так и слабые стороны. Например, вариант Д. Деннета и Д. Хофштадтера позволяет не только классифицировать возражения к эксперименту Сёрла, но и придумывать новые. Тем не менее в потенциале представление 'Китайской комнаты' как суммы регуляторов предполагает наличие неудобно большого числа классов, что не позволяет использовать классификацию по её назначению: *составить карту, которая будет компактнее отображаемой территории*. Подход Р. Дампера помогает не только выдвинуть относительно небольшое (по крайней мере меньшее, чем наличная сумма ответов, критических проектов и проч. в самой дискуссии и по сравнению с предыдущим подходом) количество классов, но вместе с тем показать заполненность этих классификационных позиций [23, р. 174]. И всё же основная проблема введённой типологии состоит в том, что аргументация Сёрла изначально составлена на естественном языке. Поэтому её формализация будет обладать той или иной степенью волюнтаризма [23, р. 175]. В конце концов, предложение Д. Коула рассортировать возражения и контраргументы внутри дискуссии о 'Китайской комнате' по градации согласия / несогласия с сёрловскими интенциями помогает разметить стороны спора. Правда, сами аргументационные различия в подобном подходе стираются.

В рамках сказанного все три способа классифицировать аргументы против позиции Сёрла следует признать недостаточно эффективными для целей разметки 'комнатоведческого' ландшафта. По этой причине предложим собственную классификацию, обоснуем её полезность и обозначим место в такой схеме для стартового возражения С. Б. Куликова.

Структурный подход для разметки критических ответов против позиции Дж. Сёрла

Для того, чтобы нивелировать слабые стороны предыдущих подходов и сохранить сильные, предлагаем обратить внимание на различие теоретического аргумента и собственно мысленного эксперимента внутри 'Китайской комнаты'. Подобную демаркацию проводят и Д. Коул [5], и Дж. Морал [18, р. 215]. Под теоретическим аргументом будем прежде всего понимать предпосылки к сёрловскому экспериментированию, такие как: постулирова-

ние внутренней интенциональности, порождаемой мозгом; признание недостаточности синтаксиса для возникновения семантики; описание компьютерных программ как прежде всего синтаксических структур; ментальные или когнитивные состояния как состояния семантические присущи деятельности мозга [18, р. 219–220]. В таком случае под мысленным экспериментом 'Китайская комната' будет обозначаться основной сценарий Сёрла с не знающим китайского языка оператором внутри помещения, книгой правил, бумагой и чернилами, а также различные комнатные вариации [18, р. 216–217]. Такое вычленение двух элементов в рассуждениях американского философа отсутствует в классификационном подходе Д. Деннета и Д. Хофштадтера и смазано внутри классификации Д. Коула. Зато в предложении Р. Дампера оно заметно. Поэтому в собственном классификационном подходе предлагается *до некоторой степени* модификация дамперовской схемы.

Сконструированный подход предполагает выделение трёх укрупнённых типов ответов, возражений и критики в сторону сёрловской позиции касательно 'Китайской комнаты'. А именно предлагается выделить *аргументы входа, аргументы обработки и аргументы выхода*⁶. И соответствующие им три типа контраргументов, направленных на защиту предположений касательно сильного ИИ американского философа. По существу, в сконструированном подходе предлагается экстраполировать критикуемую Сёрлом сумму концепций (функционализм, бихевиоризм, теорию вычислительного разума, символический подход и т. д.) до масштабов всей дискуссии вокруг 'Китайской комнаты'. Имеется в виду, что все критические атаки на собственно сёрловскую позицию можно распределить на либо бьющие по предпосылкам мысленного эксперимента (того, что можно именовать тем самым теоретическим аргументом), либо направленные против интерпретации происходящего внутри 'Китайской комнаты' (практически все модификации комнаты и рассуждения об их внутренних процессах), либо обосновывающие иной исход диалога со скрытым в четырёх стенах оператором (более редкий тип контраргументации, о котором ещё будет сказано ниже). При таком раскладе, например, ответы от систем, от робота, от моделирования работы мозга и комбинированный ответ будут отнесены к аргументам обработки, а ответы от других сознаний и от нескольких обиталищ — к аргументам входа.

Подобную классификацию можно обозначить как *структурную*, ведь она предполагает сортировку по выбранной мишени из структуры аргументации Дж. Сёрла: американский философ был не прав либо в *посылках мысленного эксперимента* (аргументы входа), либо в *самом экспериментальном опыте* (аргументы обработки), либо в *выводах из посылок и проведённого мысленного эксперимента* (аргументы выхода). Разумеется, оппонент сёрловской позиции может совершать критику и предпосылок, и собственно мысленного эксперимента, и выводов одновременно. Но всё же, зачастую, он вынужден делать акцент на чём-то одном хотя бы из определённой *критической экономики*.

Например, иницируя анализ аргумента 'Китайской комнаты' с неточности, ошибочности или спорности той или иной предпосылки (аргумент входа), критик может предложить модификацию или иной взгляд на изначальный вариант экспериментирования (аргумент обработки), а после перейти

к ошибочности или спорности экспериментальных и теоретических предположительных результатов (аргумент выхода). В такой схеме очевидно, что при попытке уже 'адвоката' Сёрла отстоять взгляды своего 'подзащитного' против достаточно проработать *всего лишь* аргумент входа. Показать, что обнаруженная погрешность в сёрловских посылах несущественна, или её попросту нет, а ошибается только оппонент, или при прочих равных остальные посылки вкупе с мысленным экспериментом продолжают давать те же выводы. При удачном исходе такой защиты и логически, и риторически продолжать разбор аргументов обработки или выхода даже не требуется.

Аналогичную реконструкцию критики можно произвести, если противник Сёрла согласен с посылами (избегает аргумента входа), но критикует происходящее внутри мысленных стен 'Китайской комнаты' (использует аргумент обработки) и заодно пробует развенчать экспериментальные итоги (выводит из аргумента обработки аргумент выхода). В такой критической стратегии так же следует остановиться на ключевом для оппонента аргументе обработки, чтобы затем переходить к демонтажу аргумента выхода не потребовалось.

Как видно по двум предложенным стратегиям критики, возможным исходя из структурного подхода, наиболее действенной должна стать ещё не обозначенная критика с применением аргумента выхода. О ней скажем позднее, а пока вернёмся к оппонированию гипотезы Сёрла со стороны С. Б. Куликова. Его предложение скептически рассмотреть посылку американского философа о том, что такое сильный ИИ, подпадает внутри структурного подхода под разряд аргументов входа. Притом ещё раз заметим, что автор предлагает *исключительно и только* аргумент входа, ведь не рассматривает затем изменённую вариацию самого мысленного эксперимента (аргумент обработки) и скорректированные выводы из него (аргумент выхода): «[п]редположим, что аргументация Сёрла логически безупречна [т. е. безупречны аргументы обработки и выхода]. Но и тогда вполне возможно, что она анализирует сильный ИИ в рамках ограниченной онтологической модели [что означает применение аргумента входа]» [17, с. 79]. Классифицировав выдвинутое С. Б. Куликовым возражение, становится понятным, почему предлагаемая контраргументация всё-таки не работает: он пытается критиковать аргумент входа при помощи *контраргумента обработки*. Подобное логически и риторически выглядело бы более основательным, если контраргумент обработки дополнить контраргументом входа, а также модифицировать мысленный эксперимент под критикуемый аргумент входа. Иными словами, следует без отсылки к тривиальным суждениям или к другим входным, предвещающим экспериментирование, тезисам, попробовать ослабить аргумент входа соответствующим контраргументом; *и если того окажется недостаточно, требуется прибавить модифицированную версию эксперимента* 'Китайской комнаты'. Ниже попробуем осуществить предложенный сценарий.

'Китайская комната' между весной и зимой искусственного интеллекта

Как было сказано ранее, С. Б. Куликов предлагает аргумент входа против той дефиниции, которую даёт Сёрл применительно к сильному ИИ. Последняя признаётся исторически и концептуаль-

но ограниченной⁷ [17, с. 79]. Среди подкрепляющих подобный взгляд положений автор ссылается на следующий: «[у]поминаний работы 1943 года [У. Мак-Каллока и У. Питтса], в которой предлагалась исторически первая версия нейросети, у Сёрла не прослеживается. Зато есть ссылка на более позднюю работу Джозефа Вейценбаума, посвящённую описанию программного комплекса для имитации диалога человека и компьютера и тем самым способного генерировать новый контент» [17, с. 81]. Указанное отсутствие ссылочного аппарата по коннекционизму и нейросетевым архитектурам предлагается воспринимать как подкрепление того, что мысленный эксперимент 'Китайская комната' изначально не был рассчитан на искусственные нейросети. Представленное обоснование предлагаемого нивелировать при помощи двух контраргументов. Один из них обозначим как *стилистический*, а другой — как *исторический*.

Несмотря на то, что знание или незнание, учёт или неучёт Сёрлом в статье *Сознание, мозг и программы* не только символического подхода как объекта критики, но и подхода коннекционистского требует отдельного исследования, притом скорее биографического характера, всё же возможно снизить степень у основательности тезиса С. Б. Куликова. Например, с помощью стилистического контраргумента отсутствие ссылочной базы в сёрловском тексте можно отнести к манере письма у почившего философа. Последнюю отмечает в одной из своих публикаций российский исследователь творчества Сёрла М. Н. Белянин⁸: «[п]римечательно, что в *Речевых актах* отсутствует список литературы. Тем самым автор подчеркивает новизну предмета (что небесспорно), и новизну подхода (что несомненно). В одной из поздних книг Сёрл мимоходом отметит, что вся философская классика так и написана — с минимумом или вовсе без библиографических ссылок. Всегда стремясь следовать этому правилу, Сёрл отступит от него единственный раз — в полемически построенной работе *Открывая сознание заново*» [24]. Сотворённый собственными усилиями мыслителя образ *философа-простеца* не должен вводить в заблуждение при непосредственном анализе сёрловских текстов и аргументации.

Другой контрдовод, а именно исторический, переводит взгляд с особенностей стилистики Сёрла на приметы его времени. В последние десятилетия прошлого столетия конкурентное соотношение между символическим и коннекционистским подходами, изначально пребывавшее в состоянии относительного равновесия (по финансированию, признанию в академическом сообществе и сообществе разработчиков, и т. д.), изменилось. *Символически* прекращение равновесного состояния в пользу преобладания символического подхода и наступления «коннекционистской зимы» связывается в литературе по истории ИИ с выходом книги М. Минского и С. Пейперта *Перцептроны* [20, с. 483–484]. По каким бы причинам ни пришла коннекционистская зима, она пришлась как раз на период с 1973 по 1980 годы [25]. Поэтому ретроспективно отсутствие ссылок в статье Сёрла можно объяснить ещё и тем, что аргументация философа направлена против символического подхода как наиболее сильного противника⁹. Противника, который успел к моменту публикации *Сознание, мозг и программы* вывести из игры другого претендента на создание сильного ИИ, т. е. коннекционизм. Поэтому если сёрловский

аргумент справляется с символизмом, то и проигравший коннекционистский подход подобным способом можно одолеть. По крайней мере, такой могла быть *риторическая логика* Сёрла.

Конечно, и стилистический, и исторический контраргументы полностью не снимают поставленную проблему (учитывает ли аргумент 'Китайской комнаты' коннекционизм или нет). Тем не менее, как представляется, выдвинутые доводы всё же позволяют устранить предложенное С. Б. Куликовым обоснование. Но что же делать с ответами на позицию Сёрла, представляющими коннекционизм вообще и нейросетевые модели в частности как реальное техническое преодоление критики сильного ИИ? Возможно ли более основательным образом отринуть взятое в чистом виде допущение С. Б. Куликова об альтернативных архитектурах? Ведь помимо упомянутых ранее Чёрчлендов и Л. Д. Робертса подобного рода аргументы или их обсуждение представляют обширный пласт в 'комнатоведческой' литературе [26–30]. Попробуем в масштабах настоящей статьи предложить модифицированную версию сёрловского мысленного эксперимента, скорректированную под обновлённую предпосылку (коннекционистский подход в лице генеративных нейросетей вместо прежнего символического). Если собственная модификация 'Китайской комнаты' окажется по крайней мере столь же убедительной, как аналогичные вариации от самого Сёрла¹⁰ (интерпретированная комната или искусственный мозг из клапанов и шлангов)¹¹, будем полагать поставленную задачу выполненной. В противном случае, при котором изменённый экспериментальный сценарий не будет справляться с тестируемым потенциалом генеративных нейросетей на статус сильного ИИ, зафиксируем ограниченность аргумента 'Китайской комнаты'. Тогда предположение С. Б. Куликова подтвердится: сёрловская критика ограничена онтологически определёнными архитектурами интеллектуальных систем.

Но что следует взять за основу при переносе генеративных ИИ в контекст мысленного эксперимента Сёрла? Имеем в виду, как наиболее достоверно представить 'Китайскую комнату', работающую наподобие выбранной архитектуры? Если отринуть предложенный самим американским философом путь простого умножения количества операторов (сёрловский 'китайский спортзал') и не соглашаться с буквальным имитированием взаимодействия нейронов (к чему обращается С. Б. Куликов), то что именно необходимо вычленив из функционирования генеративных нейросетей? Предлагаем за исковое основание взять описание того, как работает одна из многих нейросетевых архитектур. Например, каким способом действуют рекуррентные модели при обработке исходных и при *генерировании* новых данных [31]: «[рекуррентные нейросети] создают и обучают для многократного последовательного применения. При каждом запуске [такая сеть] использует своё внутреннее состояние с предыдущего шага как входные данные. Благодаря этому она может помнить свои прошлые действия. При генерации текста рекуррентной нейронной сетью обычно сначала подаётся короткий фрагмент текста («промпт»), затем сеть предсказывает следующую букву (или слово) и добавляет её к промпту. Далее она создаёт следующую букву или слово, опираясь на текущее состояние сети (учитывающее весь обработанный текст) и только что сгенерированную букву или слово. Фактически сеть

использует созданный ею текст как часть входных данных. Эти сети получили название рекуррентных из-за повторного обращения к выходным данным» [32, с. 111].

Тогда успешное встраивание генеративной нейросети на основе рекуррентной архитектуры можно представить внутри экспериментального пространства 'Китайской комнаты' в том случае, если: оператор в преобразённых комнатных условиях сможет имитировать относительно длинный диалог с пользователем снаружи; *пользователь* или собеседник снаружи сможет отсылать оператора к предыдущим вопросам и ответам в диалоговом контексте; оператор сможет успешно имитировать подобного рода общение без возникновения понимания; при всём перечисленном при ведении диалога сможет порождаться новый контент; пользователь будет удовлетворён такой коммуникацией, поэтому у него не появится сомнений в языковой компетентности оператора. Как представляется, при реализации задуманного получится нивелировать некоторые значимые нападки на изначальный эксперимент Сёрла. К примеру, имеющиеся в работе П. Кугеля: 'Китайская комната' не способна запоминать свои предыдущие *когнитивные состояния* (вопросы пользователя и ответы на них) и *осмысленно* сменять их (в соответствии с логикой ведения беседы при её восприятии собеседником) [33, р. 154]. Идентичную проблематику поднимает и Д. Б. Волков¹²: «['Китайскую комнату' можно поставить в тупик, если] задать ей вопрос о фактах, доступных обеим сторонам, ответ на который нельзя было бы подготовить заранее. [...] Например, сколько вопросов было уже задано с начала беседы?» [34, с. 8].

'Китайская картотека', экспериментальный реализм и аргумент выхода

Собственный вариант мысленного эксперимента назовём 'Китайской картотекой'. Вообразим общество (нацию, империю) амбициозное, способное и компетентное для проведения мега-проектов. Наподобие представленных в литературном примере Х. Л. Борхеса [35] или в мысленном эксперименте Н. Блока [36]. Такой общественной системе не составит труда направить ресурсы на практическое воплощение философской провокации Сёрла. Но, имея сведения о дискуссиях, критике и возражениях касательно 'Китайской комнаты', инициаторы проверки практикой сёрловских идей решают поступить следующим образом: помимо чернил, бумаги и прописанных на понятном оператору языке книги правил ввода-вывода китайских символов, человеку-внутри-комнаты дают также *доски, гвозди и молоток*. Зачем? Покажем через прокручивание возможной беседы с комнатным оператором.

1. Пользователь (далее — П.) вне комнаты задаёт вопрос.

2. П.: Привет. Что ты можешь рассказать о Великой Китайской стене? (далее — вопрос-1)

3. Оператор (далее — О.) получает бумажку с вопросом, записанным китайскими иероглифами, после чего ищет в сводах с правилами по манипулированию подобными символами, что следует записать в ответном бумажном послании. И спустя некоторое время находит программную строку для ответа на вопрос-1, после чего отвечает.

4. О.: Привет. Великая Китайская стена — крупнейшее рукотворное оборонительное сооруже-

ние в истории, возведённое ещё в Древнем Китае (далее — ответ-1).

5. П. получает письмо от О., но не удовлетворяется таким ответом и почти сразу пишет новый, уточняющий, вопрос.

6. П.: Можешь рассказать больше по моему предыдущему вопросу? (далее — вопрос-2).

Именно на этом этапе беседы человеку из комнаты потребуются доски, гвозди и молоток. Лишь заранее отметим, что наш О. всегда делает по два экземпляра своих ответных посланий для П., один из которых оставляет себе.

7. О. ищет в сводах правил строчку, в которой бы присутствовали китайские символы «можешь», «рассказать», «больше», «по моему», «предыдущему вопросу». Найдя совпадающую символическую комбинацию, человек обнаруживает, что книги на доступном ему языке не сразу призывают к записи нового ответа. Наоборот, к более кропотливому действию: «если видишь перечисленные в такой или приблизительно такой последовательности символы, то сколоть одну подвесную полку. Положи в неё вопрос-1. Затем сколоть ещё три подвесные полки одна за другой, пронумеровав их для своего удобства. Во вторую сколоченную полку положи ответ-1, в третью — вопрос-2, а четвёртую пока оставь пустой. Далее найди в других сводах правил максимально соответствующий комбинации символов из вопроса-1 заголовок страницы. Затем найди, что из символической последовательности на этой странице совпадает с символами из ответа-1. В итоге то, что не совпадает с символической комбинацией из ответа-1, запиши в новой ответной последовательности, после чего дубликат положи в оставшуюся четвёртую полку, а оригинал передай во внешний мир».

8. О.: Да, конечно, могу рассказать больше. Великая Китайская стена — это гигантская сеть укреплений, проходящая через весь Северный Китай. Длина основного её участка составляет около 8850 км. Она возводилась на протяжении более 2000 лет (до эпохи династии Мин, 1644 год). В среднем высота этого сооружения составляет от 6 до 8 метров, а толщина достигает 5–7 метров.

Даже не имея феноменальной сверхпамяти, оператор в усовершенствованной комнате всё же может запоминать и ориентироваться в беседе с человеком за комнатными границами. Притом возникновение понимания касательно коммуникативного содержания для продолжения коммуникации не требуется. Достаточно, чтобы своды правил (т. е. программа на понятном оператору языке, созданная для имитации адекватного вопроса-ответного лингвистического поведения китайца) содержали не только вводные и выводные последовательности из китайских иероглифов. Следует добавить к языковым правилам расширенные инструкции, которые позволят 'Китайской комнате' стать 'Китайской картотекой'. Быть может, представить подобную картотечную вселенную, позволяющую О. 'запомнить' абсолютно все диалоги со всеми пользователями, затруднительно, но вполне допустимо представить множественные картотеки по каждой отдельной беседе.

Для придания большей реалистичности такой модификации мысленного эксперимента Сёрла можно внести дополнительные уточнения. Например, пользователи-собеседники также могут и должны будут иметь свои собственные руководства по общению с 'Китайской картотекой'. Ко-

нечно, не такие объёмные, как своды правил для оператора, но как минимум содержащие указания следующего характера: «обязательно используйте в целях продолжения общения с картотекой фразы 'предыдущий вопрос', 'предыдущий ответ', 'расскажи об этом подробнее' и др.». Также возможно домыслить происхождение тех самых сводов правил, которыми пользуется человек внутри комнаты-картотеки. Их могут составлять и даже постоянно обновлять, заменять и дополнять огромная группа из социологов, статистиков и психологов. Последние проводят регулярные опросы и интервью со всем населением воображаемого общества, внося в своды правил для оператора наиболее частотные ответы условного среднестатистического носителя китайского языка.

Трудно, но с некоторыми усилиями можно представить, что это же экстравагантное сообщество экспериментаторов, стараясь приложить сёрловские идеи к имитации генерирования заявленного выше нового контента без возникновения понимания, будет в силах составить дополнительные правила для оператора именно с этой целью. Иначе говоря, научить человека внутри комнаты-картотеки помимо 'запоминания' диалога ещё и 'улучшать' тексты, к примеру. Возможно, с помощью заранее оговорённых с пользователями ограничений по объёму. Если есть логическая и физическая возможности — а они есть (большие языковые модели на рекуррентной или трансформерной платформах тому наглядный пример) — вывести и зафиксировать в программных строках правила по улучшению вводного текста и его преобразованию в улучшенный выводной текст (по требованиям улучшения со стороны пользователя). Опять же представления о том, что такое *улучшенный текст*, можно хотя бы попытаться социологически, психологически и статистически измерить, а после перевести в своды правил для оператора; и регулярно обновлять последние вслед за культурными, языковыми и иными трансформациями общества. Но подобный творческий функционал комнаты-картотеки, надо признать, находится на границах представимости, не говоря о шестивии по лезвию реализуемости вне мысленного эксперимента.

Казалось бы, при всех прочих равных, оговорах и условностях, изначальный экспериментальный сценарий Сёрла допустимо преобразовать в предложенный здесь. Подобное расширение позволяет имитировать гораздо более сложное языковое и, на первый взгляд, *сознательное* (понимающее, запоминающее, меняющееся) поведение. Притом не приводящее к возникновению понимания и верной интерпретации синтаксических правил, даже не требующее семантики для собственного осуществления. Следовательно, выдвинутое стартовое возражение С. Б. Куликова о том, что генеративные нейросети преодолевают сёрловскую критику, можно считать опровергнутым. Но представленная экспериментальная сложность, к счастью или к сожалению, до сих пор разрушила крайне простыми вопросами. Для демонстрации последних вновь стоит обратиться к Д. Б. Волкову, а точнее к тому, что он называет *аргументом внутреннего времени*: «[п]рограмму, которая бы правильно отвечала на вопросы о самой беседе, всё равно можно помыслить. Тогда члены жюри должны задавать вопросы о внутреннем чувстве. Например, *вопрос, сколько времени прошло с момента первого вопроса?* Разговор с узником может длиться сколь угодно

долго, интервалы между вопросами могут быть любыми, поэтому программа не сможет заранее предусмотреть ответ. [...] Чтобы поставить программу в тупик, можно попросить узника сравнить между собой два интервала времени или что-нибудь подобное. Насколько я понимаю, нельзя написать инструкции так, чтобы предусмотреть правильный разумный ответ» [34, с. 8].

К аналогичным языковым входным данным можно добавить и такие вопросы: про банку 'кока-колы' (о том, что находится перед оператором, внутри комнаты?) [37]; про сверку времени (о том, который час?) [38]; а также целый ряд вопросов *субкогнитивного* характера. К ним можно отнести вопросы с применением неологизмов («какое слово кажется вам более красивым — *blutch* или *farfaletta*?»), с использованием категорий («оцените ручки как оружие»), с опорой на человеческие ощущения («ощущение, когда держишь во рту глоток 'кока-колы', больше похоже на покалывание в онемевшей ноге или на то, как холодную воду выливают на голову?») и любые иные конструкции, направленные на раскрытие физиологического, культурного, жизненного опыта говорящего [13]. Перечисленные типы вопросных позиций указывают на то, что существуют такие языковые входные данные, из которых принципиально — в рамках аргументации Сёрла, даже с её усовершенствованием — не могут быть получены адекватные сцепки символов *на выходе*. Собственно, это и есть заявленный выше аргумент выхода: при полном согласии со всеми теоретическими предпосылками американского философа (*вход*) вместе с признанием продуманности самого сценария мысленного эксперимента (*обработка*) 'Китайская комната' всё равно не будет работать (*выход*). Как минимум комнатный оператор не сможет исчерпывающим образом имитировать поведение, которое позволит признать его полноценным и понимающим носителем китайского языка.

Возможные попытки дополнительно модифицировать комнату-картотеку так, чтобы преодолеть представленные ограничения, приведут либо к ослаблению критической позиции Сёрла, либо сами по себе будут выходить далеко за пределы как физической, так и логической возможности. К примеру, можно попробовать ограничить задавание указанных типов вопросов со стороны пользователей. Но это потребует расширения пользовательского руководства до масштабов сводов правил у оператора или попросту приведёт к тому, что оператора уже не смогут признать полноценным носителем китайского языка. А дальнейшее умножение сводов правил и прочего комнатного инвентаря приведёт к сведению к минимуму *экспериментального реализма*. Например, даже если представить себе оператора и со сверхпамятью, и с невероятной ловкостью, и с небывалой быстротой¹³, попытки улучшить иные комнатные элементы попросту сделают из 'Китайской комнаты' версию *Вавилонской библиотеки*. Сущности, осмысленный поиск чего-то конкретного в которой и логически, и физически невозможен [39].

Таким образом, следует констатировать, что и в изначальной, и в модифицированной версии мысленный эксперимент Сёрла обладает фундаментальными ограничениями. А именно такими, которые — даже при устранении критики со стороны аргументов входа и обработки — приводят к невозможности нивелировать аргументы выхода.

По крайней мере, подобрать некий контраргумент такого рода представляется весьма затруднительным предприятием. Попробовать реализовать последнее следует в рамках самостоятельного исследования.

Заключение

Исследование предложенного С. Б. Куликовым возражения против позиции Сёрла (развитие исключительно вычислительных моделей и программной базы не позволит создать сильный ИИ), а также выдвинутой самим автором критики подобного возражения привело к нескольким выводам.

Первый: критиковать ответ от прогресса (т. е. появление новых архитектур, например, генеративных нейросетей на трансформерной или рекуррентной платформе) через апелляцию к биологическому натурализму и аргументацию против ответа от моделирования работы мозга нерелевантно.

Второй: для более подробного изучения силы и ограничений выдвинутого С. Б. Куликовым возражения был выбран путь контекстуализации, т. е. включения ответа от прогресса в лице генеративных нейросетей внутрь 'комнатоведческих' дискуссий. Последнее потребовало поиска и сравнения различных подходов к классификации критических ответов против позиции Сёрла.

Третий: при проведении сравнительного анализа найденных классификационных подходов сделан вывод касательно их недостаточности в контексте рассмотрения возражения С. Б. Куликова и внутри дебатов по 'Китайской комнате' в принципе. В связи с этим разработан собственный способ классифицировать ответы за и против позиции Сёрла — структурный подход. Данный подход предполагает выделение аргументов входа, обработки и выхода, а также различение соответствующих контраргументов.

Четвёртый: возражение С. Б. Куликова как аргумент входа предлагается снять при помощи двух концептуальных шагов. На первом предполагаемое неучитывание Сёрлом при проектировании мысленного эксперимента и общей аргументации против сильного ИИ ослабляется через обращение к стилистике философа и историческому контексту публикации *Сознание, мозг и программы*. На втором, заключающем шаге, ответ от прогресса в лице генеративных нейросетей нивелируется посредством тестового 'прогона' модифицированной версии 'Китайской комнаты' под названием 'Китайская картотека'. Последняя, как предполагается, способна имитировать работу генеративной рекуррентной нейросети.

Пятый: несмотря на то, что изначальное возражение С. Б. Куликова возможно снять при помощи приведённой аргументации, усложнённая версия 'Китайской комнаты' тем не менее сохраняет прежнее и редко подсвечиваемые концептуально слабые места. Все они так или иначе сводятся к тому, что комнатный оператор не сможет ответить на все возможные вопросы. Ведь последнее потребует либо возникновения у обитателя комнаты-картотеки понимания, либо нереалистичного усложнения мысленного эксперимента.

Финальный, пятый, вывод обосновывает необходимость либо отказаться от позиций Сёрла — притом не только по вопросу сильного ИИ, но и природы сознания, — либо существенным образом пересобрать сам его аргумент. Притом на бо-

лее глубинном уровне, чем это было сделано в лице 'Китайской картотеки'. Подобная реконфигурация мысленного эксперимента для реабилитации взглядов философа станет целью следующей статьи.

Примечания

¹ Разумеется, из подобной дисциплины следует исключить рассуждения и вариации по мотивам другой известной комнаты философов — 'комнаты Мэри'.

² Заранее обозначим, что в настоящей статье под 'Китайской комнатой' будет пониматься не просто одноимённый мысленный эксперимент, но аргумент. Притом в его структуру экспериментальная ситуация входит как составная, но не ключевая составляющая. Подобная интерпретация критики Сёрлом 'сильного' искусственного интеллекта укоренена в самом наименовании 'Китайской комнаты' — *The Chinese Room Argument*.

³ Дж. Морал допускает, что смешение теоретического аргумента и мысленного эксперимента — и даже смешение внимания с первого на второе — внутри 'Китайской комнаты' могло быть намеренной *макиавеллистской стратегией* со стороны Сёрла для запутывания и разобщения оппонентов [18, р. 254].

⁴ Далее будем писать «сильный ИИ» вместо «'сильный' искусственный интеллект».

⁵ Далее по тексту подход по созданию сильного ИИ, связанный с использованием данных нейрофизиологии для проектирования архитектур с параллельным вычислением и распределённой памятью, будем обозначать при помощи термина 'коннекционистский подход'. Среди продуктов последнего как раз можно выделить генеративные модели на базе трансформерной, рекуррентной и иных архитектур [40, с. 274].

⁶ Возможно, более подходящими обозначениями являются — вместо *входа* и *выхода* — ввод и вывод, но в контексте критического комментирования статьи С. Б. Куликова были выбраны именно эти наименования.

⁷ Тем не менее впоследствии автор пишет, что сёрловское мысленное экспериментирование стоит выше частных технических воплощений (сильного) ИИ, что делает его позицию в некотором смысле трансцендентальной: «утверждения Сёрла нацелены на основания [сильного] ИИ. Они затрагивают его природу в принципе, а не только касаются сугубо технических решений. И в этом смысле Сёрл в не меньшей степени 'трансценденталист', нежели многие его противники из стана антинатурализма» [17, с. 80]. Но насколько это соответствует рассуждениям самого Сёрла (по крайней мере, периода публикации *Сознание, мозг и программы*)? Представляется, что соответствие это как минимум неполное, ведь сам американский философ, по сути, предлагает *практическую (техническую)* критику, преодолевающую ограничения созданной им же 'Китайской комнаты'. Иными словами, он призывает сменить подход к созданию ИИ с вычислительного на иной, учитывающий каузальные силы, порождающие интенциональность и, следовательно, сознание внутри человеческого мозга [4, с. 399]. Пусть предлагаемый Сёрлом подход слишком радикально отличается от мейнстрима, это всё же вполне эмпирический путь к понимаю (и к созданию) сильного ИИ, а не выстраиваемая трансцендентальная преграда для последнего: «[может ли мыслить артефакт, машина, сделанная человеком?] В предположении, что возможно искусственно произвести машину с нервной системой, нейронами, обладающими аксонами и дендритами, и со всем прочим, в достаточной степени похожими на нашу нервную систему, наши нейроны и т. д., ответ на этот вопрос представляется опять же тривиально положительным. Если вы в состоянии точно продублировать причины, то вы в состоянии продублировать и следствия. И на самом деле, возможно, быть может, продублировать сознание, интенциональность и всё такое прочее, используя какие-то другие химические принципы, чем те, что

реализованы в людях. Это, как я сказал, *вопрос эмпирический*» [4, с. 393–394].

⁸ См., например, работу М. Н. Белянина по вопросам формирования идейного контекста в творчестве Сёрла для создания 'Китайской комнаты' [42].

⁹ Поэтому обратный приведённому историческому контраргументу аргумент Р. Френча (о том, что публикация *Сознание, мозг и программы* пришлась на «доконнекционистский год», следовательно, изначальная сёрловская аргументация могла учитывать только символический подход [13]) не верен полностью или частично: коннекционизм уже существовал и как теория, и как набор из практических проектов.

¹⁰ Притом ту вариацию 'Китайской комнаты', которую Сёрл предложил против коннекционизма в полемике с Чёрчлендами ('*китайский спортзал*'), вслед за устоявшейся линией в литературе [18, р. 228], не будем признавать достаточной и приемлемой. Именно поэтому необходима иная модификация мысленного экспериментирования против коннекционистского подхода как претендента на воплощение сильного ИИ.

¹¹ Разумеется, последняя инстанция признания или непризнания убедительности модифицированного мысленного эксперимента — это *читатель*. Здесь же под убедительностью будем подразумевать, справляется ли экспериментальная вариация — хотя бы при первом приближении — с предлагаемым критическим ответом 'Китайской комнаты'. Да, не все комментаторы полагают, что и перечисленные сёрловские варианты в принципе работают так, как заявлено мыслителем. Но будем стараться при собственном модифицировании предоставить такую версию, которая была бы — *при прочих равных* — сопоставима с экспериментальными модификациями из-под пера самого Сёрла.

¹² Притом автор так же, как и мы (см. в следующем разделе статьи), считает возможным преодолеть критические ответы 'Китайской комнате' *от контекстуализации общения с ней* (т. е. с помощью отправки вопросов о контексте заданного в предыдущих вопросах): «[И. В. Солнцев] предлагает спросить Комнату о содержании предыдущего вопроса. Этот вариант, по моему мнению, можно парировать. Комната теоретически может иметь все комбинации вопросов и ответов. Тогда и на этот у неё будет правильный ответ» [34, с. 8]. Правда, далее предлагается вообразить не то, что внутри комнатных сводов правил ввода и вывода есть все возможные ответы и вопросы, их бесконечно большое и постоянно растущее количество. Предложение состоит в модификации '*архитектуры*' 'Китайской комнаты' через большее её уподобление устройству рекуррентных нейросетевых моделей.

¹³ Возможно, доведённую до максимальных физических границ; или сам оператор находится в помещении с ускоренным ходом времени относительно пользователей. И то, и другое, конечно, уводит всё дальше и дальше из плоскости философских спекуляций в область *научной фантастики*.

Список источников / References

1. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / пер. с англ. Д. Краlechкина. 3-е изд., испр. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2019. 264 с. ISBN 978-5-93255-552-1.

Edmonds D. Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke: chto takoye khorosho i chto takoye plokho? / trans. from Engl. D. Kralechkin. 3rd ed., rev. Moscow, 2019. 264 p. ISBN 978-5-93255-552-1. (In Russ.).

2. Appiah K. A. Experiments in Ethics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008. 274 p. ('Гарвардское университетское издательство (Harvard University Press) внесено в реестр нежелательных организаций на территории Российской Федерации).

3. Пляскина А. С., Подьяков А. Н. Визуальные репрезентации «проблемы вагонетки» в интернет-мемах: политексту-

альный тематический анализ // Вопросы психологии. 2022. Т. 68, № 6. С. 64–79. EDN: AWINAW.

Playskina A. S., Podd'yakov A. N. Visual Representations of the "Trolley Problem" in Internet Memes: A Polytextual Thematic Analysis. *Voprosy Psikhologii*. 2022;68(6):64–79. EDN: AWINAW. (In Russ.).

4. Сёрл Дж. Р. Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: становление и развитие: антология / пер. с англ. А. Блинова. Москва: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 376–400.

Searle J. R. Minds, Brains, and Programs. *Analytic Philosophy: Formation and Development: Anthology*. Moscow, 1998. P. 376–400. (In Russ.).

5. Cole D. The Chinese Room Argument. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. 2024.

6. Shaffer M. J. A Logical Hole in the Chinese Room. *Minds and Machines*. 2009;19:229–235. <https://doi.org/10.1007/s11023-009-9151-9>.

7. Tanaka K. Minds, Programs, and Chinese Philosophers: A Chinese Perspective on the Chinese Room. *Sophia*. 2004; 43:61–72. <https://doi.org/10.1007/bf02782437>.

8. Fisher M., List C., Slavkovik M., Weiss A. Ethics and Trust: Principles, Verification and Validation (Dagstuhl Seminar 19171). *Dagstuhl Reports*. 2019;9(4):59–86. <https://doi.org/10.4230/DagRep.9.4.59>.

9. Gavalas D. From Searle's Chinese Room to the Mathematics Classroom: Technical and Cognitive Mathematics. *Studies in Philosophy and Education*. 2007;26(2):127–146. <https://doi.org/10.1007/s11217-006-9018-y>.

10. Levesque H. J. Is It Enough to Get the Behavior Right? *IJCAI 2009: Proceedings of the 21st International Joint Conference on Artificial Intelligence*. 2009. P. 1439–1444.

11. Лем С. Тайна китайской комнаты // Молох / пер. с польск. В. Язневича. Москва: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Минск: Харвест, 2006. С. 246–255.

Lem S. The Secret of the Chinese Room. *Molokh* / trans. from Polish V. Yaznevich. Moscow; Minsk, 2006. P. 246–255. (In Russ.).

12. Teşeleanu G. Books, Rooms and Searle: Short Paper. *Cyber Security, Cryptology, and Machine Learning 2025*. Cham: Springer, 2025. P. 326–336. https://doi.org/10.1007/978-3-032-10759-6_22.

13. French R. M. The Chinese Room: Just Say "No"! *Proceedings of the 22nd Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. P. 657–662.

14. Хофштадтер Д. Размышления // Глаз разума: Фантазии и размышления о самосознании и о душе / сост. Д. Хофштадтер, Д. Деннет; пер. с англ. М. Эскиной. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 331–340.

Hofstadter D. Reflections. *The Mind's. Fantasies and Reflections on Self and Soul* / comp. by D. Hofstadter, D. Dennett; trans. from Engl. M. Eskina. Samara, 2003. P. 331–340. (In Russ.).

15. Puccetti R. The Chess Room: Further Demythologizing of Strong AI. *Behavioral and Brain Sciences*. 1980;3(3):441–442. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00005938>.

16. Rapaport W. J. How Helen Keller Used Syntactic Semantics to Escape from a Chinese Room. *Minds and Machines*. 2006;16:381–436. <https://doi.org/10.1007/s11023-007-9054-6>.

17. Куликов С. Б. Всё ли учёл Дж. Сёрл при входе в 'Китайскую комнату'? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 78–83. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-1-78-83>. EDN: AFHRKU.

Kulikov S. B. Did J. Searle Take Everything into Account When Entering the Chinese Room? *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(1):78–83. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-1-78-83>. EDN: AFHRKU. (In Russ.).

18. Moulal J. The Chinese Room Argument. *John Searle* / ed. by B. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 214–260.

19. Сёрл Дж. Разум мозга — компьютерная программа? // PsychoSearch. URL: <https://psychosearch.ru/teoriya/psikhika/338-searle-john-razum-mozga-kompyuternaya-programma> (дата обращения: 08.06.2026).

Searle J. Is the Brain's Mind a Computer Program? *PsychoSearch*. URL: <https://psychosearch.ru/teoriya/psikhika/338-searle-john-razum-mozga-kompyuternaya-programma> (accessed: 08.06.2026). (In Russ.).

20. Марков С. Охота на электроовец. Большая книга искусственного интеллекта: в 2 т. Т. 1. Москва, 2024. 568 с. ISBN 978-5-600-04012-0.

Markov S. Okhota na elektroovets. *Bol'shaya kniga iskusstvennogo intellekta: in 2 vols. Vol. 1*. Moscow, 2024. 568 p. ISBN 978-5-600-04012-0. (In Russ.).

21. Roberts L. D. Searle's Extension of the Chinese Room to Connectionist Machines. *Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence*. 1990;2(2):185–187. <https://doi.org/10.1080/09528139008953722>.

22. Деннет Д. Насосы интуиции и другие инструменты мышления / пер. с англ. З. Мамедьярова, Е. Фоменко. Москва: АСТ: CORPUS, 2019. 576 с.

Dennett D. Intuition Pumps and Other Tools for Thinking / trans. from Engl. Z. Mamed'yarova, E. Fomenko. Moscow, 2019. 576 p. (In Russ.).

23. Damper R. I. The Logic of Searle's Chinese Room Argument. *Minds and Machines*. 2006;16(2):163–183. <https://doi.org/10.1007/s11023-006-9031-5>.

24. Белянин М. Н. От Остина к Сёрлу // Проза.ру. 2016. URL: <https://proza.ru/2016/11/19/805> (дата обращения: 01.07.2026).

Belyanin M. N. From Austin to Searle. *Proza.ru*. 2016. URL: <https://proza.ru/2016/11/19/805> (accessed: 01.07.2026). (In Russ.).

25. Алексеева Е. А. Противостояние символизма и коннекционизма в истории развития искусственного интеллекта // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 11 (97). <https://doi.org/10.18254/S207987840013021-2>. EDN: CPPFID.

Alekseyeva E. A. The Opposition of Symbolism and Connectionism in the History of Artificial Intelligence Development. *ISTORIYA*. 2020;11(97). <https://doi.org/10.18254/S207987840013021-2>. EDN: CPPFID. (In Russ.).

26. García-Valdecasas M. Are Large Language Models Intentional? The Limits of Referential Grounding. *Philosophy & Technology*. 2026;39(62). <https://doi.org/10.1007/s13347-026-01079-4>.

27. Borg E. LLMs, Turing Tests and Chinese Rooms: The Prospects for Meaning in Large Language Models. *Inquiry*. 2026;69(6):2807–2837. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2024.2446241>.

28. Šekrst K. Chinese Chat Room: AI Hallucinations, Epistemology and Cognition. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2024;69(1):365–381. <https://doi.org/10.2478/slgr-2024-0029>.

29. Rakover S. S. The Computer That Simulated John Searle in the Chinese Room. *New Ideas in Psychology*. 1999;17(1):55–66. [https://doi.org/10.1016/S0732-118X\(98\)00016-6](https://doi.org/10.1016/S0732-118X(98)00016-6).

30. Copeland B. J. The Curious Case of the Chinese Gym. *Synthese*. 1993;95(2):173–186. <https://doi.org/10.1007/BF01064587>.

31. Graves A. Generating Sequences with Recurrent Neural Networks. *arXiv*. 2013. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1308.0850>.

32. Тогелиус Ю. Общий искусственный интеллект / пер. с англ.; под науч. ред. А. Смирнова. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2025. 208 с. ISBN 978-5-93255-691-7.

Togelius J. Obschchiy iskusstvennyy intellekt / trans. from Engl.; sci. ed. A. Smirnov. Moscow, 2025. 208 p. ISBN 978-5-93255-691-7. (In Russ.).

33. Kugel P. The Chinese Room Is a Trick. *Behavioral and Brain Sciences*. 2004;27(1):153–154. <https://doi.org/10.1017/S0140525X04210044>. EDN: HKVFRT.

34. Волков Д. Б. Аргумент внутреннего времени // Финиковый компот. 2015. № 8. С. 6–8.
Volkov D. B. The Argument of Internal Time. *Date Palm Compote*. 2015;8:6–8. (In Russ.).
35. Борхес Х. Л., Биой Касарес А. Нынешний натурализм // Хроники Бустоса Домека / пер. с исп. Е. Лысенко. Москва: АСТ, Астрель, Neoclassic, 2011. С. 48–58.
Borges J. L., Bioy Casares A. Naturalism Today. *Chronicles of Bustos Domecq* / trans. from Spanish E. Lysenko. Moscow, 2011. P. 48–58. (In Russ.).
36. Block N. Troubles with Functionalism. Perception and Cognition / ed. by C. W. Savage. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 9. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1978. P. 261–325.
37. Васильев В. В. Кока-кола и секрет 'Китайской комнаты' // Философия сознания: классика и современность. Москва: Издатель Савин С. А., 2007. С. 86–94. EDN: VTHRZF.
Vasil'yev V. V. Koka-kola i sekret 'Kitayskoy komnaty'. *Filosofiya Soznaniya: Klassika i Sovremennost'*. Moscow, 2007. P. 86–94. EDN: VTHRZF. (In Russ.).
38. Ben-Yami H. A Note on the Chinese Room. *Synthese*. 1993;95(2):169–172. <https://doi.org/10.1007/BF01064586>.
39. Реализм против Теории Пыли, или Как изгнать Демона Второго Рода из Вавилонской библиотеки // Хабр. 2025. URL: <https://habr.com/ru/articles/912242/> (дата обращения: 01.07.2026).
Realizm protiv Teorii Pyli, ili Kak izgnat' Demona Vtorogo Roda iz Vavilonskoy biblioteki. *Habr*. 2025. URL: <https://habr.com/ru/articles/912242/> (accessed: 01.07.2026). (In Russ.).
40. Марков С. Охота на электроовец. Большая книга искусственного интеллекта: в 2 т. Т. 2. Москва, 2024. 784 с. ISBN 978-5-600-04012-0.
Markov S. Okhota na elektroovets. *Bol'shaya kniga iskusstvennogo intellekta: in 2 vols. Vol. 2*. Moscow, 2024. 784 p. ISBN 978-5-600-04012-0. (In Russ.).
41. Damper R. I. The Chinese Room Argument: Dead but Not Yet Buried. *Journal of Consciousness Studies*. 2004;5–6(11): 159–169.
42. Беянин М. Н. Джон Серл и «трудная проблема сознания» // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2011. № 4. С. 38–50. EDN: OKMLMZ.
Belyanin M. N. John Searle and the Hard Problem of Consciousness. *Lomonosov Philosophy Journal*. 2011;4:38–50. EDN: OKMLMZ. (In Russ.).

Информация об авторе:

КАЗАНЦЕВ Осип Андреевич, преподаватель кафедры «Конфликтология и национальная безопас-

ность» Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

SPIN-код: 8274-0814

AuthorID (РИНЦ): 1136782

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0312-989X>

e-mail: koznew@bk.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 10.07.2026; одобрена после рецензирования 28.07.2026; принята к публикации 08.09.2026.

Information about the author:

KAZANTSEV Osip Andreevich, Lecturer of the Conflict Science and National Security Department, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don.

SPIN-code: 8274-0814

AuthorID (RSCI): 1136782

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0312-989X>

e-mail: koznew@bk.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 10.07.2026; approved after reviewing 28.07.2026; accepted for publication 08.09.2026.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

А. Е. Миллер¹✉, Д. О. Дроздов²

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55А

² Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Россия, 644024, г. Омск, пр. К. Маркса, 15

✉ aem55@yandex.ru

В работе исследованы теоретико-методологические аспекты системообразующих элементов научно-технологического развития индустриальных регионов в условиях глобальных научно-технологических вызовов.

Методологический блок исследования — методы сравнения, синтеза, аксиоматический, идеализации, систематизации, обобщения, системного анализа и балансовый. Среди методологических подходов определены воспроизводственный, организационный, процессный и территориальный.

На основе проведенного исследования представлено теоретическое обоснование сущностных оснований научно-технологического развития индустриальных регионов, что позволило выделить и структурировать основные его компоненты. Аргументация сущности и содержания ключевых элементов научно-технологического развития дает возможность индустриальным регионам оценить текущую ситуацию относительно принимаемых решений.

Исследование воспроизводственного, организационного, процессного и территориального подходов позволило сделать вывод, что, опираясь на методологическую целенаправленность приведенных подходов, научно-технологическое развитие имеет возможность прогрессировать в контексте сложившихся условий, характерных для индустриальных регионов. Рассмотрение территориального и воспроизводственного подходов позволило выявить достоинства и недостатки каждого из них и предложить территориально-воспроизводственный подход к научно-технологическому развитию, определить его содержание и ключевые признаки.

В исследовании раскрыта динамичность научно-технологического развития, обоснованы основы, факторы и результаты развития. Обосновано, что системообразующие элементы научно-технологического развития формируют фундаментальную основу существования и динамичного функционирования региональной системы. Сферой активного применения системообразующих элементов научно-технологического развития потенциально могут быть индустриальные регионы. Систообразующие элементы дают возможность реально определить векторную направленность научно-технологического развития индустриального региона, получать мониторинговую оценку результатов в прогнозном и текущем периоде времени.

Ключевые слова: системообразующие элементы, научно-технологическое развитие, территориально-воспроизводственный подход, индустриальные регионы, региональная экономика, научно-технологическое пространство

Для цитирования: Миллер А. Е., Дроздов Д. О. Систообразующие элементы научно-технологического развития индустриальных регионов. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 121–130. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-121-130>. EDN: WSOLBM.

© Миллер А. Е., Дроздов Д. О., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

SYSTEM-FORMING ELEMENTS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT IN INDUSTRIAL REGIONS

A. E. Miller¹✉, D. O. Drozdov²

¹ Dostoevsky Omsk State University,
Mira Ave., 55A, Omsk, 644077, Russia

² Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
K. Marks Ave., 15, Omsk, 644024, Russia

✉ aem55@yandex.ru

The paper examines the theoretical and methodological aspects of the system-forming elements of scientific and technological development of industrial regions in the context of global scientific and technological challenges.

The methodological block of the research includes methods of comparison, synthesis, axiomatic, idealization, systematization, generalization, system analysis and balance. The research identifies the reproduction, organizational, process and territorial approaches among the methodological approaches.

The study of reproductive, organizational, process-based and territorial approaches concludes that relying on the methodological purposefulness of these frameworks, scientific and technological development can progress within the context of the established conditions features of industrial regions. The examination of the territorial and reproductive approaches reveal the advantages and disadvantages of each, enabling the proposal of a territorial-reproductive approach to scientific and technological development as well as the definition of its substance and key attributes.

The research elucidates the dynamism of scientific and technological development, substantiating its foundations, driving factors and outcomes. The authors argue that system-forming elements of scientific and technological development constitute the fundamental basis for the existence and dynamic functioning of a regional system. Industrial regions represent a potential sphere for the active application of these elements. System-forming elements allow reliably determining the vector orientation of an industrial region's scientific and technological development and obtaining monitoring-based assessments of results in both forecast and current timeframes.

Keywords: system-forming elements, scientific and technological development, territorial and reproductive approach, industrial regions, regional economy, scientific and technology space

For citation: Miller A. E., Drozdov D. O. System-forming elements of scientific and technological development in industrial regions. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):121–130. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-121-130>. EDN: WSOLBM. (In Russ.).

© Miller A. E., Drozdov D. O., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Очевидность непосредственной связи между экономическим состоянием индустриальных регионов и уровнем их научно-технологического развития у большинства исследователей не вызывает сомнения. На данный момент сложилось комплексное представление о целесообразности и обязательности исследования процесса влияния научно-технологического развития на достижение сбалансированного экономического состояния индустриальных регионов.

Научно-технологическое развитие представляет собой неотъемлемый составляющий компонент технико-технологической политики индустриального региона. Все составляющие научно-технологического развития не только активно взаимодействуют друг с другом, но и оказывают определяющее влияние на формирование и поддержание технико-технологического потенциала индустриального региона. В связи с этим существенно актуализируется проблематика исследования системообразующих элементов научно-технологического раз-

вития индустриального региона. По этой причине доминирующими становятся теоретические и методические исследования тех системообразующих элементов, которые имеют колоссальные возможности стимулирования экономики индустриального региона, в том числе определять процессы научно-технологического развития применительно ко всем его ключевым направлениям деятельности. Кроме того, необходимо сформировать регламентирующие процедуры, ориентированные на обеспечение достижения оптимальных темпов и формирование направлений научно-технологического развития, исходя из специфики воспроизводственных процессов, характерных для индустриального региона, в том числе определить методический инструментарий его технологического развития.

В настоящее время регионы осуществляют свою деятельность в рамках воздействия значительного количества многоаспектных и, в большинстве случаев, несистематизированных условий. При осуществлении своей деятельности регионы, как правило, ориентируются на достижение социально-эконо-

Таблица 1. Компоненты научно-технологического развития индустриальных регионов
Table 1. Components of scientific and technological development in industrial regions

№ п/п	Компоненты научно-технологического развития	Содержание компонента
1.	Основные участники	Органы государственной и региональной исполнительной власти, научные и образовательные организации
2.	Особенности коммуникаций	Коммуникации базируются на технологическом взаимодействии
3.	Существование единства интересов	Единые факторы производства или рынок потребителей
4.	Присутствие тождественности целей	Согласованность и логичность целей всех участников

Источник / Source: разработано авторами / compiled by the authors

мического развития территории, результативность которого в последнее время в значительной степени зависит от имеющейся современной технической базы и научно-технологического потенциала [1, 2]. С другой точки зрения, уровень научно-технологического развития региона должен удовлетворять требованиям технологического суверенитета страны. Таким образом, наибольшее повышенное внимание отводится тем организационно-экономическим условиям, которые формируют Национальный рейтинг регионов России, параметры которого раскрывают многогранность научно-технологического развития, а также ориентируют на раскрытие региональных научно-технологических «точек роста» в условиях ограниченности доступных ресурсов [3–5]. В результате этого приобретают значимость проблемы сущностного содержания основных компонентов научно-технологического развития индустриальных регионов (табл. 1), координация которых базируется на совокупности технологических связей, что дает возможность гарантировать достижение общих интересов, а также долгосрочных планов всех его участников.

Точки зрения экономистов расходятся в трактовании теоретических основ и фундаментальных принципов научно-технологического развития индустриальных регионов [6–9]. Появляется необходимость в дополнительных исследованиях, связанных с обоснованием сущностных оснований, демонстрирующих дополнительные обстоятельства, связанных с обеспечением сбалансированности научно-технологического развития индустриальных регионов:

1. Достижение прямой выгоды от адресного рекбинирования затрат, связанного с расширением и использованием всех видов ресурсных возможностей.

2. Существенное сокращение производственных затрат, минимизация сроков их поставок, оптимизация финансовых ресурсов региона.

3. Высокотехнологичное производство стимулирует появление нового знания, типизация которого не всегда осуществима ввиду того, что оно скоррелировано с источниками цифровой информации.

Очевидно, что для социально-экономического развития индустриального региона важная роль отводится коммуникационным отношениям участников научно-технологического развития. До того как принимать решение относительно научно-технологического развития, следует выделить и дать оценку её сформировавшимся сущностным основаниям. Для этих целей целесообразно провести оценивание состояния региональной экономики [10–12]. В случае возможности нестабильного состояния

региональной экономики необходима разработка сценарных вариантов нивелирования проблемных точек. Нестабильность региональной экономики существенно возрастает по ряду причин: несоответствие критериям конкурентоспособности; технологическая отсталость доминирующих производственных секторов; неспособность производить продукцию, отвечающую требованиям рынка и другие [13, 14].

В качестве основных существенных оснований научно-технологического развития индустриальных регионов следует считать:

— большое количество участников, ориентированных на проведение и стремящихся к выгодному взаимодействию в рамках реализации научно-технологического развития;

— сложившийся уровень научно-технологического потенциала конкретного региона;

— существование инновационной инфраструктуры и других региональных инфраструктурных образований, целеориентированных на научно-технологическое развитие;

— существование партнерских, технологических и иных коммуникаций между субъектами региональной экономики, сложившихся производственных контактов, отлаженных алгоритмов взаимодействия;

— наличие научно-технологического пространства, интегрирующего достижения науки, образования и производства;

— наличие законодательной основы, ориентированной и закрепляющей рост конструктивного диалога между всеми участниками региональной экономики.

Раскрытые существенные основания, несомненно, в действительности являются достоверными. Тем не менее значимость множественности условий и факторов в динамичном научно-технологическом развитии недопустимо преуменьшать [15–19]. Осуществление рассматриваемых существенных оснований научно-технологического развития, при объективно сложившихся для индустриального региона условий и факторов, становится реальным при наличии участников, способных в конкретной действительности предметно понимать и продвигать концепцию научно-технологического развития.

Основная часть.

Территориально-воспроизводственный подход к научно-технологическому развитию индустриальных регионов

При обосновании методологических подходов к научно-технологическому развитию индустриаль-

Рис. 1. Методологические подходы к научно-технологическому развитию индустриальных регионов
Fig. 1. Methodological approaches to the scientific and technological development of industrial regions

Источник / Source: разработано авторами / compiled by the authors

ных регионов следует определить нормативно-правовую базу^{1, 2, 3}.

При этом следует учитывать, что в научных исследованиях, безусловно, господствует убеждение о наличии научно-технологического компонента при рассмотрении сущностной стороны индустриальных регионов. Вместе с тем при попытках количественно измерить удельный вес научно-технологического компонента, диагностировании технологической структуры региональной экономики, выявлении динамики и сроков функционирования технологического потенциала, раскрытии взаимосвязей и участия территориальных образований в научно-технологическом развитии индустриальных регионов, неизменно возникают нерешенные вопросы. Единственно, для того чтобы получить ответ на возникающие вопросы, появляется настоятельная потребность при сложившейся ситуации в методологических подходах, комплексной интерпретации объектного и предметного поля исследований.

Принимая во внимание тезис, что затрагиваемая проблематика обладает первостепенным значением, необходимо методологическое обоснование научно-технологической компоненты в контексте приведения в соответствие ключевых целеориентированных направлений трансформации региональной экономики. Генерация вариантов решений, отно-

сящихся к восполнению аргументации актуальных подходов к научно-технологическому развитию, способных научно обосновывать содержательность технологического развития, базирующихся на обосновании сценариев обеспечения конкурентоспособности региональной экономики на достаточном уровне научно-технологического потенциала, имеющемся научно-технологическом пространстве, ориентированного на воспроизводство специалистов, обладающих специальными технологическими компетенциями.

Научно-исследовательский комплекс вопросов, связанных с научно-технологическим развитием индустриальных регионов, представляет собой существенно непростое исследовательское направление, поэтому решить его всесторонне благодаря одному методологическому подходу представляется невозможным. Поэтому исследуемое направление целесообразно рассматривать, опираясь на концептуальную основу процессного, организационного, воспроизводственного и территориального подходов (рис. 1).

Опираясь на методологическую целенаправленность приведенных подходов, научно-технологическое развитие имеет возможность прогрессировать в контексте сложившихся условий, характерных для индустриальных регионов (табл. 2).

¹ О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ от 28.02.2024 г. № 145. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358?ysclid=mr8psbb8vn585603216> (дата обращения: 15.06.2026).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ от 07.05.2024 г. № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542?ysclid=mr8pw509zj441961896> (дата обращения: 15.06.2026).

³ Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий: Указ от 18.06.2024 г. № 529. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755?ysclid=mr8pyuagrb285656730> (дата обращения: 15.06.2026).

Таблица 2. Использование методологических подходов к научно-технологическому развитию в контексте современных условий функционирования индустриальных регионов
Table 2. Implementing of methodological approaches to scientific and technological development in the context of current conditions for the functioning of industrial regions

Условия научно-технологического развития индустриальных регионов	Научные подходы			
	Процессный	Организационный	Воспроизводственный	Территориальный
Санкционные ограничения	*	*	+	+
Повышение требований к новым технологиям	+	+	+	+
Дезинтеграция современных технологических компетенций	*	+	+	*
Дефицит финансовых средств	*	*	+	+
Знаком «+» отмечены основные подходы Знаком «*» отмечены дополняющие подходы				

Источник / Source: разработано авторами / compiled by the authors

Согласно информации в табл. 2, можно заключить, что процессный подход отражает сложность и системность выполнения повышенных требований к разработке, продвижению и применению новых технологий мирового уровня, в рамках имеющихся сложностей условий, сложившихся в реальных условиях индустриальных регионов. Организационный подход демонстрирует осуществление организационных стремлений в части исполнения повышенных требований к привлечению специалистов, наделенных современными технологическими компетенциями. Воспроизводственный подход, прежде всего, в полной мере отражает процессы исследования и методического сопровождения всех аспектов санкционных ограничений, тормозящих развитие индустриальных регионов; обеспечивает поддержку действенности воспроизводственных циклов посредством ориентирования субъектов экономики индустриальных регионов на достижение конкурентного уровня новых технологий; способствует системному распределению специалистов, владеющих технологическими компетенциями современного уровня; создает условия финансового обеспечения всего спектра технологических инноваций, а также рационального использования финансовых средств за счет ускорения их оборачиваемости. Наличие региональной специфики, отражающей разнообразие уровней научно-технологического развития индустриальных регионов, обладание производственным потенциалом, основанном на наличии производственных мощностей, научно-образовательных кадров, инновационной инфраструктуры, способствующих ускорению освоению современных технологий, неравномерность и асинхронность развития индустриальных регионов по территориям, неизбежность перестройки к глобальным трендам требует применения территориального подхода.

Из табл. 2 также следует, что в большей мере с научно-технологическим развитием индустриальных регионов коррелируют воспроизводственный и территориальный подходы.

Суммирование позитивных аспектов индивидуально любого из подходов дает возможность утверждать, что реально их согласованные процессы позволяют выделить ассоциированную сферу научно-технологического развития благодаря наиболее полному отображению всего спектра условий и факторов, воздействующих на функционирование индустриального региона в соответствии с их

специфическими особенностями. По существу, использование территориально-воспроизводственного подхода позволяет воспринимать в форме методологического инструментария получение конкретного результата научно-технологического развития, вследствие формирования объективных условий разрешения проблем и достижения целей, значимых для экономики индустриальных регионов.

Территориально-воспроизводственный подход к научно-технологическому развитию индустриального региона позволит:

1. Конкретизировать его роль и назначение в формировании и сбалансированном развитии региональной экономики.

2. Обосновать социально-экономическую сущность региональной экономики в контексте научно-технологического развития индустриального региона.

3. Провести интегральную оценку системного результата научно-технологического развития индустриального региона.

К основополагающим признакам территориально-воспроизводственного подхода к научно-технологическому развитию индустриального региона следует отнести:

1. Целеориентированность на ресурсное обеспечение научно-технологического развития, прежде всего, гарантирование возможности эффективного сопровождения всех воспроизводственных стадий, включая обеспеченность высокими технологиями.

2. Потенциальное использование всеми участниками научно-технологического развития.

3. Нацеленность на соответствие требованиям глобальных вызовов.

4. Устранение фрагментарности и сегментированности в процессе формирования методического аппарата региональной экономики.

Содержание территориально-воспроизводственного подхода к научно-технологическому развитию индустриального региона по ключевым признакам отражено в табл. 3.

Исследованные элементы, сформулированные ключевые признаки выполняют основополагающее значение в части определения территориально-воспроизводственного подхода в качестве интегрированного в контексте исследования научно-технологического развития индустриальных регионов. Для рассматриваемого подхода присущи специфические возможности оценивания и администрирования региональных проблем, имеющих

Таблица 3. Содержание территориально-воспроизводственного подхода к научно-технологическому развитию
индустриального региона
Table 3. Essence of the territorial-reproductive approach to scientific and technological development in an industrial region

Элемент	Ключевые признаки
Вид	Программно-ориентированный, целенаправленный на научно-технологическое развитие региона
Функциональное назначение	Исследование региональной экономики в контексте научно-технологического развития
Методический инструментарий	— методы сравнения, синтеза, аксиоматический, идеализации для аргументации научного замысла и ключевой проблематики; — методы систематизации и обобщения для оценки направлений, определяющих специфику научно-технологического развития в контексте диверсификации и технологической модернизации региональной экономики; — метод системного анализа при разработке сценариев научно-технологического развития региона; — балансовый метод применен для исследования балансового равновесия между различными факторами, определяющими научно-технологическое развитие региональной экономики
Ресурсные возможности	— объединение факторов развития экономики региона; — оценивание ресурсных параметров региональной экономики; — типизация региональной экономики как объекта административного воздействия; — разработка сценариев и моделей ресурсных возможностей регионов
Достоинства	— нивелирование разрозненности и сегментированности в исследовании экономики региона; — усиление ресурсных возможностей процесса технологического обновления, включая развитие научно-технологического пространства; — взаимодействие науки, образования и производства в воспроизводственной интерпретации; — ориентация на приоритетность администрирования в области научно-технологического развития; — универсальность при реализации научно-технологического развития

Источник / Source: разработано авторами / compiled by the authors

Таблица 4. Системообразующие элементы научно-технологического развития индустриального региона
Table 4. System-forming elements of scientific and technological development in an industrial region

Наименование элемента	Сущность элемента
Объект	Совокупность региональных связей, отражающих неравенства в развитии регионов
Субъект	Участники научно-технологического развития региона
Предмет (область перспективных преобразований)	Региональные воспроизводственные процессы
Цель	Достижение равномерного и эффективного развития экономики региона
Фундаментальные принципы	Создание условий для сбалансированного и поступательного развития региональной экономики
Функции	Раскрытие направленности действия научно-технологического развития региона

Источник / Source: разработано авторами / compiled by the authors

первостепенное значение с точки зрения научно-технологического развития и достижения сбалансированного воспроизводства научно-технологического потенциала индустриальных регионов.

Ориентирами прикладной направленности достигнутых результатов следует рассматривать разработку методического подхода оценивания результативности научно-технологического развития, способного оперативно реагировать на появляющиеся мировые тенденции и глобальные вызовы в научно-технологической сфере.

Элементы научно-технологического развития индустриального региона

Системообразующие элементы научно-технологического развития формируют фундаментальную основу существования и динамичного функционирования региональной системы, интегрируя и регулируя действенность каждого его элемента. Системообразующий элемент ориентирован на выполнение ряда задач: интегрировать компоненты системы; инициировать активное функционирование элементов; поддерживать конкретную и обязательную гибкость компонентов; гарантировать автономное регулирование новой системы; содействовать совершенствованию системы.

Элементами научно-технологического развития следует считать: объект (система региональных связей), субъект (участники научно-технологического развития), предмет (сфера перспективных преобразований), цель (достижение равномерного и эффективного развития экономики региона), принципы (создание условий для сбалансированного и поступательного развития региональной экономики), функции (направленность действия научно-технологического развития) (табл. 4).

В качестве объекта научно-технологического развития индустриального региона будет выступать совокупность региональных связей, отражающих неравенства развития региональной экономики, предопределяющих координацию различных ресурсов, среди которых целесообразно выделить материальные, производственные, финансовые, кадровые, организационные, информационные, а также современные производственные технологии.

К ключевым тенденциям развития объектной составляющей научно-технологического развития в условиях современных внешних угроз и технологических вызовов необходимо отнести: технологическую модернизацию материально-технической базы субъектов реального сектора экономики; развитие научно-технологического пространства

за счет подготовки специалистов, наделенных современными профессиональными компетенциями; региональную поддержку фундаментальных исследований и технологических разработок; организацию в доминирующих отраслях региональной экономики условий развития региональных воспроизводственных процессов.

Субъектами научно-технологического развития индустриального региона выступают все его участники. Участниками научно-технологического развития, как правило, являются представители структур, выполняющих определенный набор функций, связанных с управлением социально-экономическим и научно-технологическим развитием региона. Региональные органы исполнительной власти являются субъектами научно-технологического развития, ориентированными на формирование научно-технологического потенциала региона.

Исследуя производственно-технологическую деятельность доминирующих отраслей региональной экономики с позиций системного динамического процесса, ориентированного на выпуск всего перечня товаров и услуг, субъектами научно-технологического развития индустриальных регионов будут выступать региональные органы, рынок факторов производства и реализация товаров и услуг, финансовые вложения. Предназначение субъектов научно-технологического развития индустриальных регионов заключается в: аккумуляции финансовых средств; оснащении производства предметами труда; обеспечении высокопрофессиональными кадрами; повышении оборачиваемости финансовых ресурсов, благодаря реализации высокотехнологичной продукции и другое.

Предметом научно-технологического развития индустриальных регионов являются воспроизводственные процессы, осуществляемые на региональном уровне, объединяя отдельные воспроизводственные процессы субъектов хозяйствования. Воспроизводственные процессы формируют основу интегрального развития региональной экономики, осуществляют воспроизводство товаров и услуг, создают необходимые условия. Региональное воспроизводство, с одной стороны, обусловлено пространственным ограничением отраслевых производств, связанным с территориальным разделением труда. С другой стороны, региональное воспроизводство обеспечивает решение проблемных вопросов, связанных с целостным развитием региона и достижением необходимого уровня жизни населения.

Региональный воспроизводственный процесс объединяется с помощью множества региональных воспроизводственных циклов, которые, являясь относительно самостоятельными подсистемами, обладают способностью непрерывно осуществлять возобновляемые процессы. Все воспроизводственные циклы состоят из ряда стадий, которые непрерывно меняются во времени, тем самым достигается устойчивость процесса. Региональный воспроизводственный процесс имеет своей составной частью такие взаимоувязанные циклы: воспроизводство основных фондов; воспроизводство научно-технологического потенциала; воспроизводство населения, его традиций, культуры, образования; воспроизводство домашнего хозяйства; воспроизводство природных ресурсов; воспроизводство финансового капитала, охватывающего все предшествующие циклы и выступающего в качестве стоимостного отражения воспроизводства.

Региональные воспроизводственные процессы подвержены влиянию локализации ресурсов, которые рассредоточены по территории региона, региональной специализации в системе территориального распределения труда, степени комплексности региональной воспроизводственной системы. Существующая сегодня в теории и практике специфика вариативных элементов воспроизводственного потенциала региона схема соотношений и корреляционная зависимость между собой и иные признаки регионального воспроизводственного процесса вызывают необходимость расширения и приведение в соответствие к современным требованиям технико-технологической модернизации экономики, что потребовало выполнения диагностики теоретических подходов по проблемам исследования воспроизводственного процесса и прогностических сценариев регионального воспроизводства.

К целевой направленности научно-технологического развития индустриального региона необходимо отнести планомерную и результативную деятельность по развитию территории. Это предполагает, во-первых, наличие результатов, основанных на равномерной дифференциации деловой активности в пространстве и задействовании потенциала региона с ориентацией на рост благосостояния населения; во-вторых, существование социальной справедливости, предполагающей пространственно-временное разбиение экономической деятельности, в рамках которой населению региона доступны одинаковые шансы получения желательного уровня обеспеченности.

Направленность фундаментальных принципов заключается в создании условий для сбалансированного и поступательного научно-технологического развития индустриального региона. К фундаментальным принципам научно-технологического развития индустриального региона следует отнести: системности, в части проведения политики по всем направлениям органами исполнительной власти, выражающееся в скоординированном рассмотрении взаимосвязей и взаимозависимостей применительно к консолидированным сторонам объекта исследования; самостоятельности, ориентирующие регионы на решение проблем собственными усилиями без посторонней помощи на основе системного резюмирования и многоаспектного обобщения имеющихся региональных ситуаций; субсидиарности, закладывающей основу участия органа исполнительной власти высокого уровня в деятельности более низкого уровня, вызываемого недостаточным уровнем компетенций в области регионального управления; многоаспектное построение комплексных перспективных сценариев нивелирования кризисных ситуаций, консолидация конкурентного положения каждого участника научно-технологического развития региона, формирование параметров результативности сбалансированности технологий сотрудничества; стратегические ориентиры на закрепление определенных целей научно-технологического развития индустриального региона.

Функции научно-технологического развития индустриального региона, демонстрируя ориентированность действий субъектов, раскрывают тот перечень экономических связей, который максимально точно показывает роль и назначение каждой функции. Приоритетным направлением функций научно-технологического развития индустриального региона следует считать выполнение существенных экономических связей каждым участником

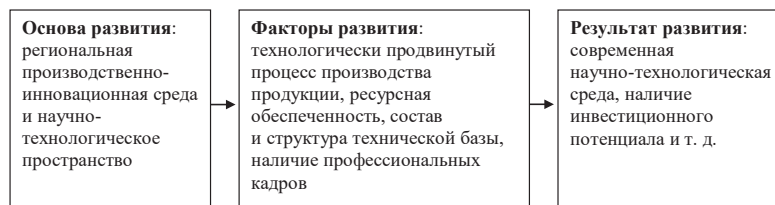

Рис. 2. Признаки научно-технологического развития индустриального региона
Fig. 2. Indicators of scientific and technological development
in an industrial region

Источник / Source: разработано авторами / compiled by the authors

научно-технологического развития. Существенные связи между участниками научно-технологического развития индустриального региона выполняются на основании системы договоров, подписанных соглашений. В исключительных случаях, основываясь на появляющейся необходимости и реальной платежеспособности, уточняются количественные показатели региональной экономики.

Научно-технологическое развитие индустриального региона по своему характеру адаптивно. В первом приближении процесс научно-технологического развития индустриального региона подтверждается определенными признаками (рис. 2).

Надо принять во внимание, что это не отрицает требования по расчету количественных и качественных показателей оценивания итоговых достижений научно-технологического развития индустриального региона. Ожидаемые пропорции относительно достигнутых результатов и истраченных ресурсов будут отражать результативность научно-технологического развития индустриального региона.

Выводы и дискуссия

Рассматривая научно-технологическое развитие индустриального региона как процесс, в результате которого наука и технологии становятся главным условием развития экономики регионов, необходимо констатировать, что в качестве результата целесообразно рассматривать формирование постоянных экономических связей для всех участников регионального воспроизводственного процесса. Предназначением экономических связей следует считать целенаправленные процессы полноты реализации функционала региональной экономики. Изложенное дает основание для дискуссии в части определения синтезированного сущностного понимания научно-технологического развития индустриального региона в виде комплекса отношений, реально формирующихся между участниками научно-технологического развития, в том числе органами региональной исполнительной власти, рыночными агентами, внутренними и внешними контрагентами, научными, образовательными, общественными организациями, и ориентированных на получение финансового результата во всех отраслях и сферах региональной экономики.

Список источников / References

1. Ужегов А. О. Индустриальный профиль регионов и возможности их высокотехнологичного развития // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2023. Т. 21, № 3. С. 118 – 128. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(3\).118-128](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(3).118-128). EDN: XTDSUQ.

Uzhegov A. O. Industrial profile of the regions and the possibilities of their high-tech development. *Herald of Omsk*

University. Series "Economics". 2023;21(3):118 – 128. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(3\).118-128](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(3).118-128). EDN: XTDSUQ. (In Russ.).

2. Рисин И. Е. Основные направления, задачи и механизм пространственного развития регионов // РЕГИОН: системы, экономика, управление. 2019. № 2 (45). С. 25 – 30.

Risin I. E. The main directions, objectives and mechanisms spatial development of regions. *REGION: Sistemy, Ekonomika, Upravleniye*. 2019;2(45):25 – 30. (In Russ.).

3. Волкова Н. Н., Романюк Э. И. Рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 50 – 72. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_2_50_72. EDN: QBNXNT.

Volkova N. N., Romanyuk E. I. Rating of scientific and technological development of the subjects of the Russian Federation // *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences* 2023;2:50 – 72. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_2_50_72. EDN: QBNXNT. (In Russ.).

4. Кузнецова О. В. Рейтинг научно-технологического развития регионов: подходы, итоги, вызовы // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 94 – 103. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-94-103>. EDN: KLRQSG.

Kuznetsova O. V. Rating of scientific and technological development in regions: Approaches, results, and challenges. *Studies on Russian Economic Development*. 2023;4(199):94 – 103. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-94-103>. EDN: KLRQSG. (In Russ.).

5. Козырь Н. С. Стратегия пространственного развития России: белые пятна в специализациях регионов // Вестник университета. 2022. № 1. С. 43 – 49. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-43-49>. EDN: BHWCRQ.

Kozyr N. S. Russian spatial development strategy: Blind spots in regional specialisations. *Vestnik Universiteta*. 2022;1:43 – 49. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-43-49>. EDN: BHWCRQ. (In Russ.).

6. Максименко Д. Д. Актуальные факторы размещения высокотехнологичных производств в России // Региональные исследования. 2023. № 4 (82). С. 29 – 40. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-4-3>. EDN: DLLAFD.

Maksimenko D. D. Actual factors of high-tech production location in Russia. *Regional Research*. 2023;4(82):29 – 40. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-4-3>. EDN: DLLAFD. (In Russ.).

7. Бывшев В. И., Писарев И. В., Пантелеева И. А. Современные научно-теоретические представления о региональной научно-технологической и инновационной политике: обзор исследований // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2024. Т. 22, № 4. С. 94 – 104. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22\(4\).94-104](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22(4).94-104). EDN: EAJOSI.

Byvshv V. I., Pisarev I. V., Panteleeva I. A. Modern scientific and theoretical concepts of regional scientific, technological and innovation policy: research overview. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. 2024;22(4):94 – 104. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22\(4\).94-104](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22(4).94-104). EDN: EAJOSI. (In Russ.).

8. Семёнов Е. В. Государственная научно-технологическая политика в современной России: замысел и реализации // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1, № 1. С. 51–71. <https://doi.org/10.19181/smtpt.2019.1.1.1>. EDN: GETAMM.
- Semenov E. V. Public science and technology policy in modern Russia: idea and implementation. *Science Management: Theory and Practice*. 2019;1(1):51–71. <https://doi.org/10.19181/smtpt.2019.1.1.1>. EDN: GETAMM. (In Russ.).
9. Акбердина В. В. Мультифункциональная роль индустриально развитых регионов в экономике страны // Journal of new economy. 2020. № 3. С. 48–72. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2020-21-3-3>. EDN: DKBD OE.
- Akberdina V. V. Multifunctional role of industrially developed regions in the Russian economy. *Journal of New Economy*. 2020;3:48–72. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2020-21-3-3>. EDN: DKBD OE. (In Russ.).
10. Беляков Г. П., Багдасарян Н. А. Научно-технологическое развитие региона как объект стратегического планирования // Фундаментальные исследования. 2021. № 12. С. 60–67. <https://doi.org/10.17513/fr.43154>. EDN: SSNBXP.
- Belyakov G. P., Bagdasaryan N. A. Scientific and technological development of the region as an object of strategic planning. *Fundamental Research*. 2021;12:60–67. <https://doi.org/10.17513/fr.43154>. EDN: SSNBXP. (In Russ.).
11. Коровин Г. Б. Сравнительная оценка цифровизации индустриальных регионов РФ // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 1. С. 60–74. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-5>. EDN: TZKGJT.
- Korovin G. B. Comparative Assessment of Digitalisation in Russian Industrial Regions. *Ekonomika Regiona / Economy of Regions*. 2023;19(1):60–74. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-5>. EDN: TZKGJT. (In Russ.).
12. Filippopoulos N., Fotopoulos G. Innovation in economically developed and lagging European regions: A configurational analysis. *Research Policy*. 2022;51(2):104424. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104424>. EDN: ZQQMKY.
13. Cowell M. Dealing with Deindustrialization: Adaptive Resilience in American Midwestern Regions. London: Routledge, 2014. 131 p.
14. Crafts N., Klein A. A long-run perspective on the spatial concentration of manufacturing industries in the United States. *School of Economics Discussion Papers*. 2017. No. 1715.
15. Корзоватых Ж. М. Системообразующие элементы цифровой экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 10-3. С. 322–327. <https://doi.org/10.17513/vaael.3051>. EDN: YIGTPU.
- Korzovatykh Zh. M. System-forming elements of the digital economy. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2023;10-3:322–327. <https://doi.org/10.17513/vaael.3051>. EDN: YIGTPU. (In Russ.).
16. Гартвич Р. Е. Мониторинг региональной экономики: сводный индикатор экономической активности Омской области // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2024. Т. 22, № 4. С. 105–114. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22\(4\).105-114](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22(4).105-114). EDN: EZONHQ.
- Gartvich R. E. Monitoring regional economy: A composite indicator of economic activity in the Omsk region. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. 2024;22(4):105–114. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22\(4\).105-114](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22(4).105-114). EDN: EZONHQ. (In Russ.).
17. Яшин С. Н., Захарова Ю. В. Анализ региональных диспропорций в инновационном развитии и пути их преодоления // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 8. С. 2135–2146. <https://doi.org/10.18334/ep.12.8.115130>. EDN: EDLESJ.
- Yashin S. N., Zakharova Yu. V. Analysis of regional disparities in innovative development and ways to overcome them. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(8):2135–2146. <https://doi.org/10.18334/ep.12.8.115130>. EDN: EDLESJ. (In Russ.).
18. Артемова О. В. Направления и механизмы реализации пространственного развития индустриальных регионов // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 50–61. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-11006>. EDN: ACZISP.
- Artemova O. V. Directions and mechanisms for implementing the spatial development of industrial regions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;10(444):50–61. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-11006>. EDN: ACZISP. (In Russ.).
19. Doussard M., Shrock G. Uneven decline: linking historical patterns and processes of industrial restructuring to future growth trajectories. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2015;8(2):149–165. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsv003>.
- Вклад авторов:**
- А. Е. Миллер.** Анализ литературы; выявление значимости и особенностей системообразующих элементов научно-технологического развития индустриальных регионов; исследование методологических подходов к научно-технологическому развитию индустриальных регионов, включая их классификационные характеристики и отличительные аспекты; обоснование признаков научно-технологического развития индустриального региона.
- Д. О. Дроздов.** Целевая установка, принципиальная основа, методология исследования; исследование основных элементов территориально-воспроизводственного подхода, включая функциональное назначение, методический инструментарий, ресурсные возможности, вид и достоинства; обоснование системообразующих элементов научно-технологического развития индустриального региона.
- Authors' contribution:**
- Alexander E. Miller.** Literature analysis; identification of the significance and characteristics of the system and forming elements of the scientific and technological development of industrial regions; research of methodological approaches to the scientific and technological development of industrial regions, including their classification characteristics and distinctive aspects; substantiation of the features of the scientific and technological development of an industrial region.
- Danila O. Drozdov.** Target setting, fundamental basis, research methodology; research of the main elements of the territorial and reproductive approach, including its functional purpose, methodological tools, resource capabilities, type and advantages; substantiation of the system and forming elements of the scientific and technological development of an industrial region.
- Информация об авторах:**
- МИЛЛЕР Александр Емельянович**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и финансы» Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск. SPIN-код: 7023-6349
AuthorID (РИНЦ): 383531
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5917-8634>
AuthorID (SCOPUS): 56712204000
ResearcherID: R-2948-2016
e-mail: aem55@yandex.ru
- ДРОЗДОВ Данила Олегович**, младший научный сотрудник лаборатории методов исследования проблем развития регионов Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, г. Омск. SPIN-код: 5373-6900
AuthorID (РИНЦ): 1209357

AuthorID (SCOPUS): 58599993800
e-mail: d.drozdov1997@yandex.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи авторы не использовали генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 17.08.2026; принята к публикации 28.08.2026.

Information about the authors:

MILLER Alexander Emelianovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Economics and Finance Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

SPIN-code: 7023-6349

AuthorID (RSCI): 383531

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5917-8634>

AuthorID (SCOPUS): 56712204000

ResearcherID: R-2948-2016

e-mail: aem55@yandex.ru

DROZDOV Danila Olegovich, Junior Researcher of the Research Methods for Regional Development Problems Laboratory, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk.

SPIN-code: 5373-6900

AuthorID (RSCI): 1209357

AuthorID (SCOPUS): 58599993800

e-mail: d.drozdov1997@yandex.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript. The authors did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 24.06.2026; approved after reviewing 17.08.2026; accepted for publication 28.08.2026.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УНИВЕРСИТЕТАХ И НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В КОНТЕКСТЕ РАЗРАБОТКИ ПРОФИЛЕЙ НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Е. А. Степашкина^{1,2}✉, Е. И. Александрова¹

¹ Президентская платформа «Россия — страна возможностей»,
Россия, 109004, г. Москва, ул. Станиславского, 21, стр. 3

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

✉ stepashkina.ea@yandex.ru

В статье рассматривается дифференциация управленческих профилей в системе высшего образования и научных организациях. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью управленческих кадров в условиях трансформации системы высшего образования России и расширения зон ответственности руководителей.

Цель статьи — выявить функциональные направления управленческой деятельности, обладающие наибольшей спецификой с точки зрения необходимых компетенций, и обосновать целесообразность разработки для них самостоятельных профилей надпрофессиональных компетенций. Исследование проведено в формате фокус-групп с участием 15 экспертов: руководителей Министерства науки и высшего образования РФ, ректоров, проректоров, директоров научных организаций и их заместителей. В результате обсуждения сформирован итоговый перечень из десяти направлений управленческой деятельности — от учебной и научной работы до обеспечения безопасности и управления персоналом. Также были определены поведенческие индикаторы эффективности руководителей и ключевые деловые качества, значимые для каждой функциональной специализации. Отдельно представлены общие для всех направлений поведенческие характеристики успешных руководителей и признаки высокопотенциальных кандидатов для включения в управленческий кадровый резерв.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ оценки, отбора и развития руководящих кадров в научно-образовательной сфере, а также при формировании требований к кадровому резерву университетов и научных организаций.

Ключевые слова: управленческие кадры, профиль компетенций, надпрофессиональные компетенции, высшее образование, функциональные направления деятельности, фокус-группа

Для цитирования: Степашкина Е. А., Александрова Е. И. Ключевые направления управленческой деятельности в университетах и научных организациях в контексте разработки профилей надпрофессиональных компетенций. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 3. С. 131–138. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-131-138>. EDN: LEEOP1.

© Степашкина Е. А., Александрова Е. И., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

KEY AREAS OF MANAGEMENT ACTIVITIES IN UNIVERSITIES AND SCIENTIFIC ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF DEVELOPING PROFILES OF SOFT SKILLS

E. A. Stepashkina^{1,2}✉, E. I. Aleksandrova¹

¹ Presidential Platform “Russia – Land of Opportunities”,
Stanislavskogo St., 21, bld. 3, Moscow, 109004, Russia

² Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
Polytechnicheskaya St., 29, Saint Petersburg, 195251, Russia

✉ stepashkina.ea@yandex.ru

The article examines the differentiation of management profiles in higher education and scientific organizations. The relevance of the research is determined by the growing role of management personnel in the context of the transformation of Russia’s higher education system and the expansion of managers’ areas of responsibility.

The aim is to identify functional areas of management activity most distinct in terms of required competencies and to substantiate the feasibility of developing independent soft-skills profiles for them. The research is conducted in a focus group format involving 15 experts: senior officials of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, university rectors, vice-rectors, directors of research organizations, and their deputies. The discussion resulted in a final list of ten areas of managerial activity, ranging from academic affairs and research to security management and human resources. The authors also identify behavioral performance indicators for leaders and key professional competencies significant for each functional specialization. Additionally, the article outlines general behavioral features of successful managers across all domains and criteria for identifying high-potential candidates for inclusion in the managerial personnel reserve.

The research results can be applied to the development of assessment, selection and leadership development programs in the scientific and educational sector, as well as to formulating qualification requirements for the talent pools of universities and research institutions.

Keywords: management personnel, competency profile, soft skills, higher education, functional areas of activity, focus group

For citation: Stepashkina E. A., Aleksandrova E. I. Key areas of management activities in universities and scientific organizations in the context of developing profiles of soft skills. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):131–138. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-131-138>. EDN: LEEOP1. (In Russ.).

© Stepashkina E. A., Aleksandrova E. I., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Такие влияющие на систему высшего образования в России факторы, как фокус на социальное развитие и экономический суверенитет Российской Федерации в перспективе 2030–2036 гг.¹, рост конкуренции между университетами, а также запуск пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования², привлекают все больше внимания к вопросу эффективности управленческих кадров в системе высшего образования.

Подходы к управлению университетами перестают быть лишь административной функцией и становятся стратегическим ресурсом в условиях конкуренции и снижения государственного финансирования. Современный университет должен сочетать образовательную, исследовательскую, инновационную и предпринимательскую деятельность, что требует системного управления. Для реализации этих задач требуется менеджмент с особыми компетенциями³. Возможность образовательных

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г., № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения 06.04.2026).

² О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г., № 343. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49210> (дата обращения 06.04.2026).

³ Ермолаева С. Г. Университетские менеджеры как вузовская общность // XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л. Н. Когана и современность: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2023. С. 237–242. ISBN 978-5-7996-3722-4. EDN: VLRWTN.

организаций отвечать на современные вызовы, внедрять инновации, определять эффективные подходы к организации работы в значительной степени определяется качеством управленческих кадров, способных обеспечивать руководство сложными многоуровневыми процессами, связанными с исследовательской, образовательной, инновационной и административной деятельностью [1]. Высшие учебные заведения с точки зрения их управления могут рассматриваться наравне с крупными корпорациями и бизнес-организациями, руководители которых, согласно исследованиям, должны обладать не узкопрофильными знаниями, а способностью создавать ценность через взаимодействие с командой и заинтересованными сторонами. В связи с этим успешным руководителям особенно важно уметь принимать решения в условиях неопределенности, проявлять готовность брать на себя ответственность, уметь удерживать в фокусе внимания долгосрочную перспективу, работать с мотивацией сотрудников, а также обладать развитыми когнитивными способностями [2].

В российской научной практике вопрос о деловых качествах успешных управленцев в системе высшего образования поднимался не раз. В поле зрения исследователей, как правило, попадают компетенции, необходимые ректорам высших учебных заведений [3–6] или компетенции, необходимые для зачисления в управленческий кадровый резерв [7, 8]. При разработке моделей компетенций в вузовской практике нередко выделяют единый перечень компетенций, важный для профессиональной успешности без учёта отличий в специфике деятельности между различными уровнями позиций или функциональными направлениями [9, 10]. Вместе с тем деятельность персонала образовательных организаций носит полиролевой характер и предполагает сочетание различных функциональных задач [10].

Это указывает на тот факт, что для разных позиций и функциональных направлений деятельности в сфере высшего образования должны разрабатываться и применяться профили компетенций, которые будут учитывать специфику деятельности сотрудников разного уровня.

Некоторые университеты учитывают разные категории персонала при разработке моделей компетенций, выделяя следующие: специалист, научно-педагогический работник, заведующий кафедрой, руководитель подразделения, директор института, ректор (проректор) [11, с. 672]. Другой способ учесть и описать различия в требованиях к деловым качествам персонала разных категорий — это выделение уровней, например, исполнительский уровень и несколько управленческих [12, с. 382]. В свою очередь управленческие уровни могут быть разделены на основные субъекты управленческой стратегической деятельности вуза (ректор, проректоры, руководители институтов), руководители среднего звена (заведующие кафедрами, деканы и руководители научно-исследовательских лабораторий), исполнительское звено (заместители деканов и заместители руководителей подразделений, обеспечивающих поддержку управления и координацию деятельности) [13, с. 116–117]. Такие подходы учитывают уровень позиций, но не покрывают функциональные различия должностей, особенно для руководителей высшего звена, которые в рамках своей управленческой деятельности решают принципиально разные задачи.

Большинство исследований фокусируются на первом лице высшего учебного заведения или рассматривают проректоров как совокупность руководительской группы, что не позволяет выявлять и анализировать их отличительные особенности в зависимости от спектра выполняемых задач [14]. Однако опыт некоторых отраслевых университетов указывает на то, что проректорский корпус в среднем состоит из шести человек и покрывает функционал по учебной, научной, административно-хозяйственной и воспитательной работе, что обуславливает необходимость чёткого выделения профилей для обеспечения адресного управления каждым направлением. Тем не менее изменения в сфере высшего образования, диверсификация источников прибыли вуза, цифровизация и повышение требований мониторинга эффективности деятельности университетов расширяют зоны ответственности проректоров, а дифференциация профилей их деятельности становится инструментом адаптации университета к современным вызовам, позволяющим целенаправленно развивать каждое из ключевых направлений [15].

Цель исследования

С учетом актуальности проблемы и степени ее изученности в рамках совместного проекта Президентской платформы «Россия — страна возможностей» и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, направленного на совершенствование системы оценки и развития управленческого кадрового резерва, в ноябре 2023 г. было проведено исследование по выявлению ключевых деловых качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности руководителей высших учебных заведений и научных организаций по различным направлениям деятельности.

Цель исследования — рассмотреть существующие направления деятельности и выделить те, которые обладают наибольшей уникальностью с точки зрения необходимых управленческих качеств и компетенций; обосновать возможность (или ограниченность) объединения профилей для научной и образовательной сфер; выявить ключевые поведенческие конструкты, необходимые для успешности в должности.

Исследование проводилось в рамках качественной методологии: систематизирующее экспертное интервью в формате фокус-группы [16]. Такой дизайн позволяет глубоко анализировать управленческие практики и получать согласованные профессиональные оценки. Метод фокус-групп широко используется в научных и HR-исследованиях, поскольку обеспечивает доступ к «глубинному» профессиональному знанию и позволяет фиксировать динамику групповой экспертной оценки.

Основная часть

В исследовании приняли участие руководители Министерства науки и высшего образования РФ, а также руководители (ректоры, директора, проректоры, заместители директоров) крупных научных организаций и образовательных организаций высшего образования. Указанный подход позволил выявить не только наиболее отличающиеся функциональные направления управленческой деятельности в сфере высшего образования и науки, но и описать элементы поведения, которые отличают эффективных руководителей в тех или иных

Таблица 1. Описание выборки
Table 1. Sample description

Пол	
Женщины	27 %
Мужчины	73 %
Принадлежность к организации	
Министерство науки и высшего образования	20 %
Научная организация	14 %
Образовательная организация	66 %

Источник / Source: разработано авторами / compiled by the authors

направлениях: научной работе, учебной деятельности, административно-финансовом обеспечении, проектной деятельности, структурных изменениях, международной деятельности, работе с молодежной политикой и т. д.

Формирование выборки осуществлялось по принципу целенаправленного отбора экспертов, обладающих:

- значительным управленческим опытом в образовательных и научных организациях;

- опытом руководства отдельными направлениями деятельности (научная работа, учебная деятельность, административно-финансовые подразделения, проектная деятельность, международная работа и т. д.);

- пониманием требований к кадровому резерву в научно-образовательной сфере.

В исследовании участвовали 15 представителей из научных и образовательных организаций, а также руководители Министерства науки и высшего образования. Состав выборки обеспечил разнообразие профессионального опыта, что позволило проанализировать основные направления управленческой деятельности руководителей (табл. 1).

Фокус-группы проводились модератором, помогающим интервьюером и ассистентом, отвечающим за фиксацию основных идей. Каждая фокус-группа была построена вокруг заранее подготовленного гайда, включавшего следующие ключевые блоки:

- выделение, обсуждение и описание ключевых направлений деятельности руководителей в рамках научной деятельности и работы в сфере высшего образования;

- создание портрета успешного и эффективно-го руководителя, формулировка основных индикаторов, демонстрирующих эффективность работы, а также индикаторов, указывающих на неспособность руководителя хорошо справляться со своими задачами;

- выделение основных характеристик, отличающих резервистов указанных направлений, обладающих высоким потенциалом, и тех, которые входят в эту группу формально и, с большой вероятностью, не обладают свойствами и умениями, необходимыми для успешной работы в сфере науки и образования, особенно на руководящих должностях.

Также на фокус-группах обсуждался вопрос о том, корректно ли выделять одинаковые направления деятельности для сферы научной деятельности и области высшего образования. Другим важным пунктом стал вопрос о возможности объединить какие-либо направления, как имеющие схожие зоны ответственности и управленческие задачи.

В рамках фокус-групп первым этапом были выделены ключевые направления деятельности в рамках научных и образовательных организаций, которые могут быть разграничены с точки зрения наиболее важных навыков, необходимых для успешной работы. Эксперты получили задачу на основании своего профессионального опыта назвать и обрисовать эти направления, а затем сопоставить их и объединить те, ключевые навыки которых по большей части совпадают. Эксперты, по просьбе интервьюеров, старались при выделении направлений учитывать

Таблица 2. Первоначальный перечень ключевых направлений управленческой деятельности
Table 2. Initial list of key management areas

Направления управленческой деятельности в образовательных организациях	Направления управленческой деятельности в научных организациях
Проректор по учебной работе	Заместитель директора по научной работе
Проректор по научной работе	Заместитель директора по инновационной работе
Проректор по воспитательной работе и социальной работе	Заместитель директора по научно-организационной деятельности
Проректор по международной деятельности	Заместитель директора по проектной деятельности
Проректор по молодежной политике	Заместитель директора по молодежной научной политике
Проректор по инновационному развитию	Заместитель директора по общим вопросам
Проректор по экономическим и финансовым вопросам	Заместитель директора по образовательной деятельности (аспирантура, дополнительное профессиональное образование, магистратура, докторантура, ординатура)
Проректор по цифровизации	Заместитель директора по административно-хозяйственной и финансовой деятельности
Проректор по проектной деятельности	Заместитель директора по стратегическому развитию
Проректор по административно-хозяйственной деятельности	Заместитель директора по информационным технологиям и безопасности
Проректор по ФАИП (если вуз проводит постоянное крупномасштабное строительство)	Заместитель директора по международному сотрудничеству

Источник / Source: разработано авторами / compiled by the authors

не только профессиональную специфику, но и необходимые в каждом случае надпрофессиональные компетенции. Таким образом, первоначально экспертами были определены направления, представленные в табл. 2.

После выделения указанных направлений было проведено обсуждение по двум ключевым вопросам:

1. Можно ли объединить направления для научных и образовательных организаций с точки зрения ключевых компетенций?

2. Какие из выделенных направлений могут быть объединены между собой с точки зрения ключевых компетенций?

Экспертам было предложено оценить схожесть функциональных направлений и выделить те, которые имеют между собой наибольшее сходство и наиболее существенную разницу с точки зрения надпрофессиональных компетенций. В ходе обсуждения участники высказывали идею о том, что с точки зрения профилей компетенций ряд направлений имеют высокую степень схожести и в рамках настоящего исследования их целесообразно объединить, а часть направлений существенно отличаются.

Таким образом, было принято решение о возможности объединения направлений для организаций обоих типов, но с небольшими отличиями, о которых будет сказано ниже. После объединения части направлений их перечень был сокращен. В результате был сформирован финальный список, представляющий основные типы управленческих задач в научных и образовательных организациях:

- 1) направление по учебной работе;
- 2) направление по научной работе и инновациям;
- 3) направление по административно-хозяйственной, финансовой деятельности и Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП);
- 4) направление по проектной деятельности и цифровизации;
- 5) направление по воспитательной и социальной работе, молодежной политике;
- 6) направление по международной деятельности (представители научных организаций подчеркнули, что в этой сфере международной политикой занимается в первую очередь глава научной организации, а не отдельный человек);
- 7) направление по структурным изменениям и стратегическому развитию;
- 8) направление по обеспечению безопасности;
- 9) направление по управлению персоналом и организационному развитию;
- 10) направление по научно-организационной работе (для научных организаций).

Отметим, что направление научно-организационной работы было отдельно выделено экспертами научных организаций, подчеркивая необходимость сочетания глубоких предметных знаний с развитыми управленческими компетенциями. Представители образовательных организаций подчеркнули, что схожая специфика применима и к руководителям кафедр, факультетов и научно-образовательных центров. Дискуссия показала существование разных точек зрения на необходимость выделения этого профиля для дальнейшего формирования перечня ключевых компетенций. Однако он был сохранен для будущей исследовательской работы.

Еще одним направлением, относительно которого не возникло полного согласия у экспертов,

стала кадровая политика. По описанию некоторых экспертов такой человек должен уметь формировать коллектив, привлекать действительно ценных сотрудников, поддерживать мотивацию, обеспечивать взаимодействие подразделений. Однако часть экспертов сошлась на том, что такой деятельностью в том или ином виде обязан заниматься руководитель любого направления, то есть выделять кадровую работу как отдельную единицу необязательно. Вместе с тем было принято решение оставить данное направление в перечне для последующей работы.

Важно уточнить, что на данном этапе работы мы не ставим перед собой задачи сформировать профиль компетенций для каждого выделенного направления, а лишь выделяем ключевые, по которым целесообразно заниматься профилированием компетенций.

В ходе фокус-групп эксперты выделили ряд поведенческих индикаторов, характерных для эффективных руководителей в научной и образовательной сферах. Обобщенные результаты о ключевых деловых качествах, относящихся как к надпрофессиональным компетенциям, так и профессиональным навыкам, приведены в табл. 3.

Отдельно эксперты выделили характеристики, отличающие перспективных кандидатов на управленческие позиции: ясное понимание своих карьерных целей и готовность к конкретным действиям; погруженность в научную или образовательную деятельность; наличие профессиональных связей и способность выстраивать взаимодействие; лояльность к организации; способность разделять ценности организации; ориентация на развитие; умение воспринимать обратную связь; внимательность и ответственность без избыточной самопрезентации.

Интересным результатом стало схожее мнение разных экспертов о том, что чрезмерная активность в самопрезентации без подтверждающих компетенций скорее указывает на низкий потенциал кандидата. Высокие коммуникативные навыки не всегда коррелируют с реальным потенциалом, а иногда даже маскируют недостаточный профессиональный уровень. Экспертные оценки подтверждают эту гипотезу, что согласуется с исследованиями, указывающими на риски дисфункциональной самопрезентации и несоответствия между производимым впечатлением и реальным управленческим потенциалом кандидата [17].

Вне зависимости от направления деятельности выделен ряд поведенческих характеристик, которые формируют общее ядро сложного управленческого профиля руководителей научно-образовательной сферы. Особое внимание в экспертных оценках по всем направлениям деятельности было уделено следующим поведенческим характеристикам успешных руководителей:

- способность сочетать стратегическое мышление с операционной дисциплиной;
- умение работать в высокострессовых, политических и административно сложных контекстах;
- готовность к изменениям и способность инициировать их;
- развитые навыки формирования команды и наставничества;
- высокая личная ответственность и самодисциплина;
- способность представлять организацию в профессиональных и общественных кругах.

Таблица 3. Ключевые деловые качества и профессиональные навыки по направлениям деятельности
Table 3. Key business qualities and professional skills by activity area

Профиль / направление	Ключевые деловые качества и профессиональные навыки
Учебная работа	— знают стандарты, направления подготовки, разные формы обучения и их особенности, содержание программ; обладают навыками методической разработки, умеют обеспечивать академическую мобильность; — сильные коммуникативные навыки, гибкость, адаптивность; — навыки решения проблем, нестандартных ситуаций; — стрессоустойчивость, умение выдерживать высокую нагрузку
Научная работа и инновации	— глубокие предметные знания, умение поставить задачи в этой сфере, создать запрос на научную разработку; — сильные организационные навыки, отбор специалистов и создание команд, понимание сильных сторон сотрудников, умение мотивировать; навык быстрого поиска кадров под задачу; — сильные коммуникативные навыки, особенно для взаимодействия как с научными сотрудниками, так и с широким кругом людей, заказчиками, целевой аудиторией; умение объяснять сложные концепции понятным языком; — готовность и умение быстро находить ресурсы для нестандартных, нетиповых задач
Административно-хозяйственная деятельность, экономические и финансовые вопросы, ФАИП	— глубокие знания финансовых, бюджетных процессов, правовой базы; умение соотносить квалификационные требования и зарплатные ожидания; — навыки планирования высокого уровня, четкой постановки задач, делегирования, контроля процессов; — развитые навыки коммуникации, умение работать с разными коллективами; — навыки анализа, интерпретации данных; — умение жестко отстаивать позицию в сложной среде в сочетании с гибкостью и умением договариваться
Проектная деятельность, цифровизация	— системное мышление; — навыки планирования, постановки задач, контроля; — глубокое знание теоретической базы
Воспитательная и социальная работа, молодежная политика	— развитая этика; — глубокое знание правовой базы; — лояльность к государственным ценностям и умение их транслировать; — патриотизм, лояльность к ценностям образовательной организации
Международная деятельность	— данный профиль, по мнению экспертов, в целом входит в предыдущий и выделяется в случае крупной организации, работающей с большим числом иностранных студентов
Структурные изменения и развитие	— глубокое понимание отрасли; — развитые навыки анализа, критического мышления; — умение выделить проблемы и точки роста, оценить необходимость и возможность изменений; — навык масштабного планирования, выстраивание долгосрочной стратегии; — междисциплинарность; — готовность отстаивать непопулярные решения
Обеспечение безопасности и поддержание правопорядка	— глубокое знание теоретической базы, богатый опыт, обладание необходимыми связями и умение их актуализировать; — навыки жесткого стиля управления, умение отстаивать непопулярную позицию, принимать решения и придерживаться их
Научно-организационная работа (специфическое направление для научных организаций)	— глубокие знания в предметной области, как теоретические, так и практические: правовая база, необходимые связи в разных кругах, обширный опыт; — высокая коммуникативность, гибкость, умение ориентироваться в нестандартных ситуациях и справляться с форс-мажором; — навыки кадровой работы, умение правильно формировать коллектив под задачу, контролировать процессы в коллективе; — четкое делегирование с высоким уровнем контроля

Источник / Source: разработано авторами / compiled by the authors

Указанные характеристики во многом перекликаются с теорией трансформационного лидерства, которая акцентирует необходимость мотивации сотрудников и развитие их потенциала и адаптивного лидерства, описывающего работу с изменениями в сложных контекстах [18, 19].

Интересными и практически значимыми результатами исследования стали выявленные экспертами характеристики претендентов на руководящие должности с высоким потенциалом. Эксперты обратили внимание на сочетание личностных и по-

веденческих индикаторов, выражающих зрелость, устойчивость и осознанность профессиональной мотивации.

Выводы и дискуссия

Результаты исследования позволили систематизировать представления экспертов о ключевых функциональных направлениях деятельности руководителей научных и образовательных организаций. На основе анализа данных фокус-групп был сформирован перечень направлений управленче-

ской деятельности, отражающий реальную структуру задач в научно-образовательной сфере. Эти различия подчеркивают необходимость создания дифференцированных профилей компетенций, а не универсальных моделей.

Исследование также позволило описать поведенческие индикаторы успешных руководителей и признаки высокопотенциальных резервистов, что имеет непосредственную практическую значимость для систем оценки, отбора и развития кадров. Полученные данные могут быть использованы при формировании кадрового резерва, проектировании программ обучения и разработке инструментов дистанционной диагностики компетенций.

Проведенное исследование способствует уточнению требований к руководителям научных и образовательных организаций и создает основу для дальнейших эмпирических и прикладных работ в области оценки и развития управленческих кадров.

Список источников / References

1. Rosser J. The role of the university President in realizing the multicultural university. *American Behavioral Scientist*. 1990;34(2):223–231. <https://doi.org/10.1177/0002764290034002010>. EDN: JKKOTR.
2. Комиссаров А. Г. Методология оценки компетенций и отбор высших управленческих кадров // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 1. С. 63–85. <https://doi.org/10.55959/msu0130-0105-6-58-1-4>. EDN: KDTCWJ.
3. Komissarov A. G. Competencies' assessment methodology and senior managerial personnel selection. *Lomonosov Economics Journal*. 2023;1:63–85. <https://doi.org/10.55959/msu0130-0105-6-58-1-4>. EDN: KDTCWJ. (In Russ.).
4. Резник С. Д. Карьера ректора: какой ей быть? // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 5. С. 7–14.
5. Reznik S. D. Rectors career: What is it? *University Management: Practice and Analysis*. 2009;5:7–14. (In Russ.).
6. Резник С. Д., Фомин Г. Б. Организация деятельности ректора высшего учебного заведения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1. С. 279–283. EDN: PHJJKZ.
7. Reznik S. D., Fomin G. B. Organisation of the university rector's activity. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2013;1:279–283. EDN: PHJJKZ. (In Russ.).
8. Галажинский Э. В. Востребованные компетенции руководителей университетов: мировые тренды vs российские процессы в образовании // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 2. С. 6–8. <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.013>. EDN: YRORQL.
9. Galazhuinsky E. V. Vostrebovannyye kompetentsii rukovoditeley universitetov: mirovyye trendy vs rossiyskiye protsessy v obrazovanii. *University Management: Practice and Analysis*. 2017;21(2):6–8. <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.013>. EDN: YRORQL. (In Russ.).
10. Жданов П. А., Тростянская И. Б., Барсуков А. А. [и др.]. Портрет современного ректора: необходимые компетенции на глобальном научно-образовательном рынке // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 129–158. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-129-158>. EDN: QLXVSW.
11. Zhdanov P. A., Trostunskaya I. B., Barsukov A. A. [et al.]. The modern rector: competencies required in the global academic marketplace. *Educational Studies Moscow*. 2019;2:129–158. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-129-158>. EDN: QLXVSW. (In Russ.).
12. Кальмай О. М., Юдина Е. С., Шерина О. А. [и др.]. Кадровый резерв как фактор повышения конкурентоспособности современного университета // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 101 (1). С. 98–108. EDN: VQWPJL.
13. Kalmay O. M., Yudina E. S., Sherina O. A. [et al.]. Talent pool as a factor of the competitiveness enhancement of the modern university. *University Management: Practice and Analysis*. 2016;101(1):98–108. EDN: VQWPJL. (In Russ.).
14. Волкова А. В., Кузьминов М. М., Митрякова О. Л. [и др.]. Формирование резерва руководящих кадров образовательных и научных организаций // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 5. С. 9–24. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-5-9-24>. EDN: JTIHOS.
15. Volkova A. V., Kuzminov M. M., Mitryakova O. L. [et al.]. Formation of leaders' reserve for educational and academic organizations. *Higher Education in Russia*. 2022;31(5):9–24. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-5-9-24>. EDN: JTIHOS. (In Russ.).
16. Попова Е. А., Ибрагимова М. Х. Оценка персонала как необходимый элемент систем стратегического управления университетом // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 2. С. 52–63. <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.02>. EDN: YRORTD.
17. Popova E. A., Ibragimova M. Kh. Personnel evaluation as an essential element of university strategic management. *University Management: Practice and Analysis*. 2017;21(2):52–63. <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.02>. EDN: YRORTD. (In Russ.).
18. Грудзинский А. О., Захарова Л. Г., Саралиева З. М. Технология разработки модели базовых компетенций сотрудников университета в условиях реализации программы повышения конкурентоспособности // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 1. С. 24–32. EDN: SCPMHF.
19. Grudzinskiy A. O., Zakharova L. G., Saraliev Z. M. Technology of fundamental functional competences model development for the university personnel in the context of improving competitiveness. *University Management: Practice and Analysis*. 2014;1:24–32. EDN: SCPMHF. (In Russ.).
20. Тетраз В. А. Разработка модели компетенций персонала университета: теория и практика // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32, № 4. С. 669–675. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-4-669-675>. EDN: KSNVIK.
21. Tetraz V. A. Development of a competence model for university staff: theory and practice. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2022;32(4):669–675. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-4-669-675>. EDN: KSNVIK. (In Russ.).
22. Комарова В. В., Милая А. В., Леженина А. А. Формирование модели корпоративных компетенций университета как механизма эффективного управления персоналом // Лидерство и менеджмент. 2024. Т. 11, № 1. С. 373–390. <https://doi.org/10.18334/lim.11.1.120227>. EDN: JVHUUH.
23. Komarova V. V., Milaya A. V., Lezhenina A. A. The university's corporate competence model as a mechanism for effective personnel management. *Leadership and Management*. 2024;11(1):373–390. <https://doi.org/10.18334/lim.11.1.120227>. EDN: JVHUUH. (In Russ.).
24. Белкин В. Е. Сравнительный анализ методов оценки компетенций менеджмента российских вузов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2025. № 1 (43). С. 114–123. <https://doi.org/10.24412/2312-6647-2025-143-114-123>. EDN: FCVPST.
25. Belkin V. E. Comparative analysis of methods for assessing management competencies of Russian universities. *Lomonosov Economics Journal*. 2025;1(43):114–123. <https://doi.org/10.24412/2312-6647-2025-143-114-123>. EDN: FCVPST. (In Russ.).
26. Ломоносов А. В. Портрет профильного проректора по воспитанию в высшей школе // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 2 (106). С. 28–32. <https://doi.org/10.24158.spp.2023.2.3>. EDN: JQEMWI.

Lomonosov A. V. Portrait of a field-oriented HEI Vice-Rector for education. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2023;2:28 – 32. <https://doi.org/10.24158.spp.2023.2.3>. EDN: JQEMWI. (In Russ.).

15. Александрова Н. А. Кадровый резерв университетского комплекса: методика анализа потребности в управленческих кадрах // *Human Progress*. 2024. Т. 10, № 2. С. 9. <https://doi.org/10.34709/IM.1102.9>. EDN: JFKBLO.

Aleksandrova N. A. Talent pool management of the university complex: methodology for analyzing the need for management personnel. *Human Progress*. 2024;10(2):9. <https://doi.org/10.34709/IM.1102.9>. EDN: JFKBLO. (In Russ.).

16. Kitzinger J. Qualitative research. Introducing focus groups. *BMJ: British Medical Journal: International Edition*. 1995;311:299 – 302. <https://doi.org/10.1136/bmj.311.7000.299>. EDN: CBTHYB.

17. Hogan R., Hogan J. Assessing leadership: A view from the dark side. *International Journal of Selection and Assessment*. 2001;9:40 – 51. <https://doi.org/10.1111/1468-2389.00162>.

18. Heifetz R. A. Leadership without easy answers. Harvard University Press, 1994. 348 p. ISBN 0-674-51858-6. (Гарвардское университетское издательство (Harvard University Press) внесено в реестр нежелательных организаций на территории Российской Федерации).

19. Bass B. M. Does the transactional-transformational leadership paradigm transcend organizational and national boundaries? *American Psychologist*. 1997;52(2):130 – 139. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.52.2.130>. EDN: HEZMGF.

Вклад авторов:

Е. А. Степашкина. Теоретическое обоснование темы исследования, подбор респондентов для участия в фокус-группах, разработка гайда интервью, анализ результатов фокус-групп, написание текста статьи.

Е. И. Александрова. Теоретическое обоснование темы исследования, разработка гайда интервью, проведение фокус-групп, обработка и анализ результатов фокус-групп, редактирование текста статьи.

Authors' contribution:

Ekaterina A. Stepashkina. Theoretical substantiation of the research topic, selection of respondents for the focus groups, development of the interview guide, analysis of the focus group results, writing the article text.

Ekaterina I. Aleksandrova. Theoretical substantiation of the research topic, development of the interview guide, conducting the focus groups, processing and analysis of the focus group results, editing the article text.

Информация об авторах:

СТЕПАШКИНА Екатерина Алексеевна, руководитель отдела аналитики и разработки диагностических инструментов департамента оценки и методологии, Президентская платформа «Россия — страна возможностей», г. Москва; старший преподаватель Института промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 2354-4259

AuthorID (РИНЦ): 1291563

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4340-3753>

e-mail: stepashkina.ea@yandex.ru

АЛЕКСАНДРОВА Екатерина Ильинична, главный специалист направления разработки диагностических инструментов департамента оценки и методологии, Президентская платформа «Россия — страна возможностей», г. Москва.

SPIN-код: 9937-7580

AuthorID (РИНЦ): 822762

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7067-5087>

ResearcherID: K-5964-2015

e-mail: e.aleksandrova@rsv.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи авторы не использовали генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 20.08.2026; принята к публикации 09.09.2026.

Information about the authors:

STEPASHKINA Ekaterina Alekseevna, Head of the Analytics and Development of Diagnostic Instruments Department, Assessment and Methodology Department, Presidential Platform "Russia — Land of Opportunities", Moscow; Senior Lecturer, Institute of Industrial Management, Economics, and Trade, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg.

SPIN-code: 2354-4259

AuthorID (RSCI): 1291563

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4340-3753>

e-mail: stepashkina.ea@yandex.ru

ALEKSANDROVA Ekaterina Ilyinichna, Chief Specialist of the Analytics and Development of Diagnostic Instruments Department, Assessment and Methodology Department, Presidential Platform "Russia — Land of Opportunities", Moscow.

SPIN-code: 9937-7580

AuthorID (RSCI): 822762

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7067-5087>

ResearcherID: K-5964-2015

e-mail: e.aleksandrova@rsv.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript. The authors did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 20.08.2026; accepted for publication 09.09.2026.

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Серия Общество. История. Современность

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя и редакции: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 424;
тел. (3812) 65-32-08; e-mail: onv@omgtu.ru

Адрес типографии: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 333;
тел. (3812) 65-32-08.

ISSN 2542-0488 (Print), ISSN 2541-7983 (Online). Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 3. С. 1–138.

Подписной индекс в каталоге Пресса России E80638